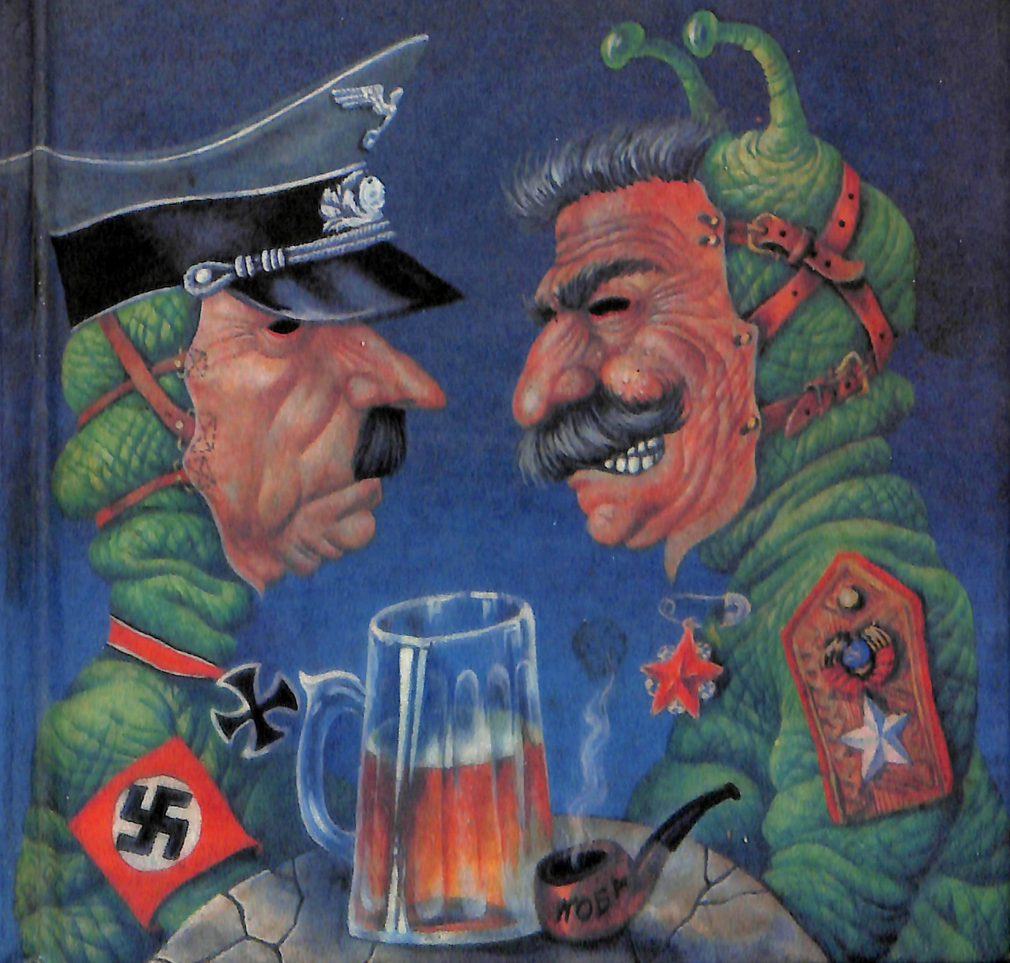

МЛЕЧНЫЙ
ПУТЬ

Кур БУЛЫЧЕВ ВСТРЕЧА ТИРАНОВ

ФАНТАСТИКА
СЕРИЯ
МЛЕЧНЫЙ
ПУТЬ

Кур БУЛЫЧЕВ ВСТРЕЧА ТИРАНОВ

ФАНТАСТИКА
СЕРИЯ
МЛЕЧНЫЙ
ПУТЬ

Кир БУЛЫЧЕВ

ВСТРЕЧА ТИРАНОВ

Минск
Арт Дизайн
1992

ББК 84 (0) 6

Б

Серия основана в 1992 году

Художник Н. Байрачный

Булычев Кир

Встреча тиранов. — Мн.: Арт Дизайн, 1992. — 432 с. — (Сер. фантаст. «Млечный Путь»).

В авторский сборник исторической фантастики Кира Булычева вошли фантастический детектив «Смерть этажом ниже», повесть «Похищение чародея» и рассказы, часть из которых в свое время не увидели свет по цензурным соображениям и публикуются впервые. В них наряду с вымышленными персонажами действуют реальные исторические личности — Сталин, Гитлер, Брежнев и др. Необыкновенные приключения и необычайные ситуации, в которых оказываются герои, помогают лучше понять коллизии сегодняшнего дня.

Б 4702010201

ББК 84.4Г

ISBN 5-85369-001-9

© Булычев К., 1992

**© Оформление и разработка
серии — Арт Дизайн, 1992**

ОТ АВТОРА

Время от времени меня спрашивали, какое влияние оказывает моя профессиональная деятельность историка на мою не менее профессиональную деятельность писателя-фантаста. Я с возмущением (все менее выраженным с возрастом) отрицал любую связь между этими занятиями. Аргументы мои заключались в следующем: история – это наука, у нее строгие правила. То, что за последние десятилетия репутация истории была сильно подмочена в нашей стране и многие даже решили, что история не наука вовсе, а средство убедить народ черт знает в чем, не означает крушения истории. Это лишь крушение одной идеологии. На самом деле у истории, как у любой науки, есть свой метод, свои правила, свои теоретические и, главное, свои законы. Просто они порой не очевидны, потому что история имеет дело с таким количеством факторов и случайностей, что законы ее для непосвященного порой не видны, как днище долго плававшего судна, покрытое водорослями и ракушками.

Если я историк, то в работах своих обязан придерживаться правил и требований своей науки, соблюдать ее законы и главный из них – извлекать из прошлого правду, часто скрытую обстоятельствами и людьми, для которых правда невыгодна. Эти люди не знают, что правда истории в конце концов всегда открывается.

Когда я прекращаю заниматься историческими изысканиями и принимаюсь за фантастику, я мгновенно перехожу в иной мир – мир заведомой неправды. Фантастика, фантазия, фантазирование – это при-

думывание. Хотя, как ни парадоксально, — придумывание правды. Ведь настоящая фантастика пишется не для упражнения ума в силе выдумки, а для того, чтобы увидеть истинный смысл вещей и явлений, сокрытый в пространстве или времени. Для того, чтобы ответить на вопросы, мучающие моего современника, — «Что с нами происходит? Куда мы идем? Что с нами будет?» — мы вовсе не ищем ответа на вопросы: «А что мы изобретем? А сколько ног у марсианина?» Оставим эти вопросы и ответы американцам, которые сыты и уверены в завтрашнем дне. Мы ничего не знаем и пытаемся заглянуть за горизонт.

Даже когда фантастика обращается в прошлое, когда герой усаживается в машину времени, она все равно не может оторваться от насущных проблем. Ты должен узнать себя в рыцаре XII века, отождествить себя с этой персоной, и тогда тебе будет интересен роман. Когда Марк Твен писал «Янки при дворе короля Артура», он, может быть, искренне хотел развлечь своих читателей. Но никакого развлечения не получилось — получилось такое гнусное, такое трагическое исследование изменности человеческой натуры, что я, помню, мальчишкой чуть не ревел над последними, безнадежными страницами повести.

Впрочем, я, пожалуй, излишне категоричен. Бывают исключения, и они нередки. Фантастика несет в себе и должна нести развлекательную функцию. Как гигантская область литературы, она многолика и не может вечно ходить с насупленным лицом. Вспомним булгаковского «Ивана Васильевича», который, впрочем, тоже не без намека молодцам! И так уж тесно связан с действительностью — теснее некуда! Прошлое дает фантасту возможность выполнять и просветительскую функцию, примером чему может послужить «Плутония» Обручева.

И рассуждая о фантастике, обращенной в прошлое, я как-то вдруг понял — ведь это же род исторической литературы! Нет, не научной, а художественной. И это правило можно распространить на фантастику в целом.

Давайте разберемся, что же такое фантастический роман. Я думаю, что это — произведение художественной литературы, повествующее о реальном, современном нам человеческом характере в вымышленной обстановке. Цель его — с помощью гиперболы, зачастую выражающейся именно в антураже, создать впечатление достоверности этого характера. Иначе читателю будет неинтересно.

Что же такое исторический роман? Это абсолютно то же самое.

«Как же так?!» — возмутились здесь вы. Ничего себе — наш современник Лже-Нерон в романе Фейхтвангера или Петр Первый в романе Алексея Толстого! Ничего себе — вымышленная обстановка в «Саламбо» Флобера или в том же «Петре»! Автор же потратил столько сил для воспроизведения точного антуража!

Ничего подобного! Тут уж я как историк могу заявить: антураж у Флобера домыслен, изобретен и талантливо воссоздан. Антураж в «Петре Первом» — в значительной части — вымысел Алексея Толстого. Речь, которой пользуются персонажи, лексика, грамматика ее — все это модернизация. Именно поэтому названные романы и стали столь популярны.

Существуют романы, написанные скрупулезными ревнителями старины, старающимися с помощью словарей и Житий святых заставить князей говорить так, как они говорили на самом деле. Кто помнит эти романы? Они же обречены на провал в силу того, что слишком историчны. И даже если автор ухлопает все свои силы на то, чтобы построить литературное произведение адекватно эпохе и заставить героя думать, говорить и вести себя «как положено», он этого не сможет сделать. Бытовые и психологические детали столетней давности уже невозстановимы. Двухсотлетней — вдесятеро. И так далее — с каждым веком на порядок.

Итак, исторические романисты пишут фантастику. Но фантастику, обращенную в прошлое. С той же целью, с какой фантаст обращается в будущее или уносится воображением на другую планету: рас-

сказать читателю о нем самом и о его проблемах. Не в узком, будничном смысле — литература сильна обобщением.

Размышляя о связи истории и фантастики, я понял, что раньше вел себя лицемерно, словно опасался за историческую науку, которой от рук фантастов грозило бесчестие. На самом деле я всегда, с первых фантастических рассказов, был историком в фантастике. И к истории подходил в фантастических произведениях как фантаст — всегда искал альтернативу прошедшему в интересах современности. То есть, отправляя героев в прошлое, я искал в нем проблемы наших дней и даже завтрашние проблемы.

Для того, чтобы не быть голословным, я решил собрать книгу собственной фантастики, которую можно назвать исторической. Более того, я ограничился в книге историей нашего Отечества, а не Земли вообще, о чем я, как обнаружилось при внимательном рассмотрении, писал десятки раз, сам того не замечая.

Я располагаю рассказы и повести не в порядке их написания, а строя приблизительное соответствие земной хронологии.

Поэтому первым номером в программе оказалась повесть «Похищение чародея», обращенная формально в средневековье, в трудный, критический, почти смертельный период в истории Руси. Но, как нетрудно убедиться, прочтя повесть, именно такой, трагический фон и нужен был мне для того, чтобы вести речь о нас с вами. Актуальность моего средневековья была подтверждена сразу же, как только я по просьбе комсомольского издательства предложил ее несколько лет назад для авторского сборника, зная, вернее, чувствуя заранее, что повесть там не примут, хотя бы потому, что одним из погибших героев в повести стал еврейский мальчик. Но любопытно было, что за мотив для отказа придумает заведующий редакцией. Ведь не скажешь же: мы про евреев не печатаем! Ответ редакции, поступивший с рукописью, был очарователен: «Ввиду того, что английский писатель Герберт Уэллс написал повесть «Машина времени»,

мы считаем тему путешествий во времени закрытой и, к сожалению, принять повесть на эту тему не можем».

Остальные рассказы и повести, включенные в настоящий сборник, в той или иной мере отсылают читателя к историческим событиям разных эпох и, как вы увидите, трактуют их иначе, чем принято. Но они касаются не только прошлого, но и настоящего, и даже будущего — давайте уж рассматривать историю как двусторонний процесс, центральная точка которого перемещается во времени вместе с нами. К тому времени, когда вы закончите читать это краткое предисловие к книге, момент начала чтения уже станет историей. А завтрашний день станет историей послезавтра. История — процесс, соединяющий два конца цивилизации. Об одном, начальном, мы с вами читали, хотя не знаем, каким он был на самом деле. До второго — не дай Бог дожить!

Доказательство тому, с какой скоростью несетя история и происходят ныне исторические перемены, — содержание включенной сюда повести «Смерть этажом ниже». Написана она совсем недавно, лет пять назад. В то время, вроде бы вчера, высшей инстанцией после Бога был ЦК КПСС. Иного верховного судьи в нашей стране я не знал. И вы тоже не знали. Так что для меня естественным было, что в поисках правды и гласности герой стремится к товарищу Горбачеву, как властелину Партии. Вы бы тоже туда стремились. А сегодня читаешь об этом с улыбкой.

Но я ничего не менял. За исключением адреса, по которому идут жалобы, ничего особенно в нашем государстве не изменилось. И когда я издал эту повесть в небольшом кооперативе, чуть ли не треть тиража, как мне сказали, купили книголюбы Уфы — ситуация в их городе не лучше, чем в фантастической повести.

И последнее: три рассказа в этой книге — «Единая воля советского народа», «Встреча тиранов под Ровно» и «О страхе» — были написаны много лет назад, но пролежали до последнего времени в письменном сто-

ле. У нас их напечатать вряд ли было возможно. За последний год первый из них под названием «Встреча под Ровно» был опубликован в библиотечке «Огонька», два других еще ждут встречи с читателем.

Освобождение заключенных в ящиках письменного стола рукописей — тоже часть фантастической истории нашего государства.

КИР БУЛЫЧЕВ

ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

1

Дом понравился Анне еще издали. Она устало шла пыльной тропинкой вдоль заборов, сквозь дырявую тень коренастых лип, мимо серебристого от старости колодезного сруба — от сильного порыва ветра цепь звякнула по мятому боку ведра, — куры суетливо уступали дорогу, сетуя на человеческую наглость, петух же отошел строевым шагом, сохраняя достоинство. Бабушки, сидевшие в ряд на завалинке, одинаково поздоровались с Анной и долго смотрели вслед. Улица была широкой, разъезженная грузовиками дорога вилась посреди нее, как речка по долине, поросшей подорожником и мягкой короткой травой.

Дом был крепким, под железной, когда-то красной крышей. Он стоял отдельно от деревни, по ту сторону почти пересохшего ручья.

Анна остановилась на мостике через ручей — два бревна, на них набиты поперек доски. Рядом был брод — широкая мелкая лужа. Дорога пересекала лужу и упиралась в распахнутые двери серого бревенчатого пустого сарая. От мостика тянулась тропа, пробежала мимо дома и петляла по зеленому склону холма, к плоской вершине, укрытой плотной шапкой темных деревьев.

Тетя Магда описала дорогу точно, да и сама Анна шаг за шагом узнавала деревню, где пятилетней девочкой двадцать лет назад провела лето. К ней возвращалось забытое ощущение покоя, гармонирующее со ржаным полем, лопухами и пышным облаком над рощей, звоном цепи в колодце и силуэтом лошади на зеленом откосе.

Забор покосился, несколько планок выпало, сквозь щели проросла крапива. Смородиновые кусты перед фасадом в три окна, обрамленных некогда голубыми наличниками и прикрытых ставнями, разрослись и одичали. Дом был одинок, он скучал без людей.

Анна отодвинула ржавый засов калитки и поднялась на крыльцо. Потом оглянулась на деревню. Деревня тянулась вдоль реки, и лес, отделявший ее от железнодорожного разъезда, отступал от реки широкой дугой, освобождая место полям. Зато с другого берега он подходил к самой воде. Оттуда тянуло прохладным ветром, и видно было, как он перебегает Вятлу, тысячью крошечных лапок взрывая зеркало реки и раскачивая широкую полосу прибрежного тростника. Рев мотора вырвался из-за угла дома, и низко сидящая кормой лодка распилила хвостом пены буколические следы ветра. В лодке сидел белобородый дед в дождевике и синей шляпе. Словно почувствовав взгляд Анны, он обернулся, и, хотя лицо его с такого расстояния казалось лишь бурым пятном, Анне показалось, будто старик осуждает ее появление в пустом доме, которому положено одиноко доживать свой век.

Пустое человеческое жилище всегда печально. Бочка для воды у порога рассохлась, из нее почему-то торчали забытые грабли, у собачьей конуры с провалившейся крышей лежал на ржавой цепочке полуистлевший ошейник.

Анна долго возилась с ключом, и, когда дужка сердито выскочила из пузатого тела замка, входная дверь поддалась туго, словно кто-то придерживал ее изнутри. В сенях царила нежилая затхлость, луч солнца, проникнув в окошко под потолком, пронзил темный воздух, и в луче замельтешили вспугнутые пылинки.

Анна отворила дверь в теплую половину. Дверь была обита рыжей клеенкой, внизу было прикрытое фанерой отверстие, чтобы кошка могла выйти, когда ей вздумается. Анна вспомнила, как сидела на корточках, завидуя черной теткиной кошке, которой разрешалось гулять даже ночью. Воспоминание звякнуло, как колокольчик, быстро прижатый ладонью. На подоконнике в молочной

бутылке стоял букет бумажных цветов. Из-под продавленного дивана выскочила мышь-полевка.

Отогнув гвозди, Анна растворила в комнате окна, запахнула ставни, потом перешла на кухню, отделенную от жилой комнаты перегородкой, не доходившей до потолка, и раскрыла окно там. При свете запустение стало более очевидным и грустным. В черной пасти русской печи Анна нашла таз, в углу под темными образами — тряпку. Для начала следовало вымыть полы.

Натаскав из речки воды — одичавшие яблони в саду разрослись так, что приходилось продирааться сквозь ветки, — и вымыв полы, Анна поставила в бутылку букет ромашек, а бумажные цветы отнесла к божнице. Она совсем не устала — эта простая работа несла в себе приятное удовлетворение, а свежий запах мокрых полов сразу изгнал из дома сладковатый запах пыли.

Одну из привезенных с собой простынь Анна постелила на стол в большой комнате и разложила там книги, бумагу и туалетные принадлежности.

Теперь можно было и отдохнуть. То есть сходить за молоком в деревню, заодно навестить деда Геннадия и его жену Дарью.

Анна нашла на кухне целую кринку, вышла из дома, заперла по городской привычке дверь, постояла у калитки и пошла не вниз, к деревне, а к роще на вершине, потому что с тем местом была связана какая-то жуткая детская тайна, забытая двадцать лет назад.

Тропинка вилась среди редких кустов, у которых розовела земляника, и неожиданно Анна оказалась на вершине холма, в тени деревьев, разросшихся на старом, заброшенном кладбище. Серые плиты и каменные кресты утонули в земле, заросли орешником, и в углублениях между ними буйно цвели ландыши. Одна из плит почему-то стояла торчком, и Анна предположила, что здесь был похоронен колдун, который потом ожил и выкарабкался наружу.

Вдруг Анне показалось, что за ней кто-то следит. Внутри рощи было очень тихо — ветер не смел хозяйничать здесь, и древний кладбищенский страх вдруг овладел Анной и заставил, не оборачиваясь, быстро пойти вперед...

— Ты, конечно, прости, Аннушка,— сказал белобородый дед в дождевике и синей шляпе,— если я тебя испугал.

— Здравствуйте, дедушка Геннадий,— сказала Анна. Вряд ли кто-нибудь еще в деревне мог сразу признать ее.

Они стояли у каменной церкви с обвалившимся куполом. Большая стрекоза спланировала на край кринки, которую Анна прижимала к груди, и заглянула внутрь.

— За молоком собралась?— спросил дед Геннадий.

— К вам.

— Молочка дадим. А я за лошадью пришел, сюда забрела. Откуда-то у нее стремление к покою. Клеопатрой ее зовут, городская, с ипподрома выбракованная.

— Тетя Магда вам писала?

— Она мне пишет. Ко всем праздникам. Я в Прудники ездил, возвращаюсь, а ты на крыльце стоишь. Выросла... В аспирантуру, значит, собираешься?

— Тетя и об этом написала?

Гнедая кобыла стояла по другую сторону церкви, грелась на солнце. Она вежливо коснулась губами протянутой ладони. Ее блестящая шкура пахла потом и солнцем.

— Обрати внимание,— сказал дед Геннадий,— храм семнадцатого века, воздвигнутый при Алексее Михайловиче, а фундамент значительно старше. Понимаешь? Сюда реставратор из Ленинграда приезжал. Васильев, Терентий Иванович, не знакома?

— Нет.

— Может, будут реставрировать. Или раскопки начнут. Тут на холме город стоял в средневековые времена. Земля буквально полна исторических тайн.

Дед торжественно вздохнул. Надвинул шляпу на глаза, хлопнул Клепу по шее, и та сразу пошла вперед. Анна поняла, что реставратор Васильев внес в душу Геннадия благородное смятение, открыв перед ним манящие глубины веков.

Впереди шла Клеопатра, затем, жестикулируя, дед — дождевик его колыхался, как покрывало привидения. Он говорил не оборачиваясь, иногда его голос пропадал, заглохнув в кустах. Речь шла об опустении рек и лесов, о

том, что население этих мест смешанное, потому что сюда все кому не лень ходили, о том, что каждой деревне нужен музей... темы были многочисленны и неожиданны.

Они спустились с пологой, противоположной от реки стороны холма и пошли вдоль ржаного поля, по краю которого росли васильки. Анна отставала, собирая цветы, потом догоняла деда и улавливала новую тему — о том, что над Миорами летающая тарелка два дня висела, а на Луне возможна жизнь в подлунных вулканах... У ручья дед обернулся.

— Может, у нас поживешь? Чего одной в доме? Мы с Дарьей одни, беседовать будем.

— Мне и дома хорошо. Спасибо.

— Я и не надеялся,— легко согласился дед.

В доме деда Геннадия пришлось задержаться. Бабушка Дарья вскипятила чай, достала конфеты, а дед вынул из сапожной коробки и разложил на столе свой «музей», который он начал собирать после встречи с реставратором Васильевым. В «музее» были: фотографии разной формы и возраста, несколько открыток с видами Полоцка и курорта Монте-Карло, покрытая патиной львиная голова с кольцом в носу — ручка от двери, подкова, кремневый наконечник копья, бутылочка от старинных духов и что-то еще. Коллекция была случайная, сорочья; бабушка Дарья отозвала Анну на кухню поговорить о родственниках, потом шепнула: «Ты не смейся, пускай балуется. А то пить начнет». Бабушка Дарья прожила с Геннадием полвека и все боялась, что он запыет.

3

Сумерки были наполнены звуками, возникающими от тишины и прозрачности воздуха. Голоса от колодца, женский смех, воркование телевизора, далекий гудок грузовика и даже перестук колес поезда в неимоверной залесной дали — все это было нужно для того, чтобы Анна могла как можно глубже осознать необъятность небес, блеск отражения луны в черной реке, непроницаемое молчание леса, всплеск вечерней рыбы и комариный звон.

Анна поднялась к дому и не спеша, улыбаясь при вос-

поминании о дедушкиной болтовне, открыла на этот раз покоренный замок. Держа его в одной руке, а кринку с парным молоком в другой, она вошла в темные сени, сделала шаг и неожиданно налетела на что-то твердое и тяжелое. Кринка выпала и грохнулась о пол, замок больно ударил по ноге. Анна вскрикнула, обхватила руками лодыжку, и тут же из-за перегородки, отделявшей сени от холодной горницы, резкий мужской голос спросил:

— Ты что, Кин?

С чердака откликнулся другой, низкий:

— Я наверху.

Несмотря на жуткую боль, Анна замерла. Ее на мгновение посетила дикая мысль — она ошиблась домом. Но по эту сторону ручья только один дом. И она сама только что отперла его.

Часто заскрипели ступеньки узкой лестницы, ведущей на чердак. Скрипнула дверь.

Два фонаря вспыхнули одновременно. Анна зажмурилась.

Когда она открыла глаза, щурясь, увидела в сенях двух мужчин, посредине — большой желтый чемодан, облитый молоком. Молочная лужа растекалась по полу, в ней рыжими корабликами покачивались черепки кринки.

Один был молод, едва ли старше Анны, в строгом синем костюме, галстук-бабочке, с вьющимися черными волосами и гусарским наглым взглядом. Второй, спустившийся с чердака, был постарше, массивней, плотней, лицо его было скуластым, темнокожим, на нем светлыми точками горели небольшие глаза. Одет он был в черный свитер и потертые джинсы.

Морщась от боли, Анна выпрямилась и спросила первой:

— Вы через окно влезли?

Мужчины держали в руках небольшие яркие фонарики.

— Что вы здесь делаете? — спросил скуластый бандит.

— Я живу здесь. Временно. — И, как бы желая сразить их наповал, Анна добавила: — Вот видите, я и пол вымыла.

— Пол?— спросил скуластый и посмотрел на лужу молока.

Анна была так зла, да и нога болела, что забыла об испуге.

— Если вам негде переночевать,— сказала она,— перейдите через ручей, в крайний дом. Там комната пустая.

— Почему это мы должны уходить?— спросил молодой.

— Вы что, хотите, чтобы я ушла?

— Разумеется. Вам здесь нечего делать.

— Но ведь это дом моей тетки, Магды Иванкевич.

— Это черт знает что,— сказал молодой.— Никакой тетки здесь быть не должно.

— Правильно!— воскликнула Анна, все более преисполняясь праведным гневом.— Тетки быть здесь не должно. Вас тоже.

— Мне кажется,— заявил скуластый бандит,— что нам надо поговорить. Не соблаговолите ли пройти в комнату?

Анна обратила внимание, что речь его была чуть старомодной, точно он получил образование в дореволюционной гимназии.

Не дожидаясь ответа, бандит толкнул дверь в горницу. Там было уютно. Диван был застелен, на столе лежали книги, частично английские, что сразу убеждало: в комнате обитает интеллигентный человек — то есть Анна Иванкевич.

Видно, эта мысль пришла в голову и бандиту, потому что его следующие слова относились не к Анне, к спутнику.

— Жюль,— сказал он,— кто-то прошляпил.

Жюль подошел к столу, поднял английскую книжку, пошевелил губами, разбирая название, и заметил:

— Не читал.

Видно, хотел показать свою образованность. Возможно, он торговал иконами с иностранцами, занимался контрабандой и не остановится ни перед чем, чтобы избавиться от свидетеля.

— Хорошо,— сказал скуластый бандит.— Не будем ссориться. Вы полагали, что дом пуст, и решили в нем пожить. Так?

— Совершенно верно. Я знала, что он пуст.

— Но вы не знали, что хозяйка этого дома сдала нам его на две недели. И получилось недоразумение.

— Недоразумение,— подтвердила Анна.— Я и есть хозяйка.

Гусар уселся на диван и принялся быстро листать книжку.

Вдали забрехала собака. В полуоткрытое окно влетел крупный мотылек и полетел к фонарику. Анна, хромая, подошла к столу и зажгла керосиновую лампу.

— Магда Федоровна Иванкевич,— сказал скуластый бандит учительским голосом,— сдала нам этот дом на две недели.

— Когда вы видели тетю?— спросила Анна.

— Вчера,— ответил молодой человек, не отрываясь от книги.— В Минске.

Вранье, поняла Анна. Вчера утром она проводила тетку в Крым. Полжизни прожив в деревне, тетка полагала, что деревня — не место для отдыха. Экзотическая толкотня на ялтинской набережной куда более по душе ее романтической белорусской натуре... Они здесь не случайно. Их привела сюда продуманная цель. Но что им делать в этом доме? Чем серьезнее намерения у бандитов, тем безжалостнее они к своим жертвам — цель оправдывает средства. Как бы вырваться отсюда и добежать до деда?

— Пожалуй,— сказал задумчиво большой бандит, дотронувшись пальцем до кончика носа,— вы нам не поверили.

— Поверила,— сказала Анна, сжимаясь под его холодным взглядом. Чем себя и выдала окончательно. И теперь ей оставалось только бежать. Тем более что молодой человек отложил книгу, легко поднялся с дивана и оказался у нее за спиной. Или сейчас, или никогда. И Анна быстро сказала:

— Мне надо выйти. На улицу.

— Зачем?— спросил большой бандит.

Анна бросилась к полуоткрытому окну, нырнула в него головой вперед, навстречу ночной прохладе, душистому аромату лугов и запаху горького дыма от лесного костра. Правда, эту симфонию она не успела оценить, потому что гусар втащил ее за ноги обратно в комнату.

Анна стукнулась подбородком о подоконник, чуть не вышибла зубы и повисла — руками за подоконник, ноги на весу.

— Отпусти,— простонала Анна. Ей было очень больно.

В голосе был такой заряд ненависти и унижения, что скуластый бандит сказал:

— Отпусти ее, Жюль.

Выпрямившись, Анна сказала гусару:

— Этого я вам никогда не прощу.

— Вы рисковали. Там под окном крапива.

— Смородина,— сказала Анна.

— Вы чего не кричали?— деловито спросил скуластый бандит.— Тут далеко слышно.

— Я еще закричу,— сказала Анна, стараясь не заплакать.

— Сударыня,— сказал большой бандит.— Успокойтесь. Мы не причиним вам зла.

— Тогда убирайтесь!— крикнула Анна визгливым голосом.— Убирайтесь немедленно из моего дома!— Она схватилась за челюсть и добавила сквозь зубы:— Теперь у меня рот не будет открываться.

Громоздкий бандит поглядел поверх ее головы и сказал:

— Жюль, погляди, нельзя ли снять боль?

Анна поняла, что убивать ее не будут, а Жюль осторожно и твердо взял ее за подбородок сухими тонкими пальцами и сказал, глядя в глаза своими синими гусарскими глазами:

— Неужели мы производим такое впечатление?

— Производите,— сказала Анна упрямо.— И вам придется вытереть пол в сенях.

— Это мы сделаем,— сказал Кин, старший бандит, подходя к окну.— И наверно, придется перенести решение на завтра. Сегодня все взволнованы и даже раздражены. Встанем пораньше...

— Вы все-таки намерены здесь ночевать?— сказала Анна.

— А куда же мы денемся?

Деваться в такое время было некуда.

— Тогда будете спать в холодной комнате. Только простынь у меня для вас нет.

— Обойдемся,— сказал Жюль.— Я возьму книжку с собой. Очень интересно. Завтра верну.

— Где половая тряпка?— спросил Кин.

— Я сейчас дам,— сказала Анна и прошла на кухню. Кин следом. Принимая тряпку, он спросил:

— Может, вас устроит денежная компенсация?

— Чтобы я уехала из своего дома?

— Скажем, тысяча рублей?

— Ого, я столько получаю за полгода работы.

— Значит, согласны?

— Послушайте, в деревне есть другие дома. В них живут одинокие бабушки. Это вам обойдется дешевле.

— К сожалению,— сказал Кин,— нас устраивает этот дом.

— Неужели под ним клад?

— Клад? Вряд ли. А две тысячи?

— За эти деньги вы можете купить здесь три дома. Не швыряйтесь деньгами. Или они государственные?

— Ирония неуместна,— строго сказал Кин, словно Анна училась у него в классе.— Деньги государственные.

— Слушайте,— сказала Анна.— Мойте пол и идите спать.

4

Анне не спалось. За стеной тихо переговаривались незванные гости. В конце концов Анна не выдержала и выглянула в сени. Один из фонариков лежал на полке — матовый шарик свечей на сто. Импортная вещь, подумала Анна. Очень удобно в туристических походах. Чемоданов прибавилось. Их было уже три. Может, бандиты уже вселили подруг?

И в этот момент посреди прихожей с легким стуком возник блестящий металлический ящик, примерно метр на метр. Тут же послышался голос гусара:

— Приехали.

Дверь в холодную комнату дрогнула и стала открываться. Анна мгновенно нырнула к себе.

Это было похоже на мистику, и ей, естественно, не нравилось. Вещи так просто из ничего не возникают,

разве что в фантастических романах, которые Анна не терпела. Но читала, потому что они дефицитны.

Бандиты еще долго передвигали что-то в прихожей, бормотали и утомонились часа в три. Тогда и Анна заснула.

Проснувшись она не так, как мечтала в последние недели. То есть: слышны отдаленные крики петухов, мычание стада, бредущего мимо окон, птицы гомонят в ветвях деревьев, солнечные зайчики скачут по занавеске. Анна представила, как сбежит к речке и окунется в холодную, прозрачную воду. Сосны взмахивают ветвями, глядя, как она плывет, распуская серебряных мальков.

За стеной зазвучали голоса, и сразу вспомнилась глупая вчерашняя история, расстроилась раньше, чем услышала пение петухов, мычание стада и веселый шорох листвы. Для того чтобы сбежать к речке и окунуться в весело бегущую воду, Анне нужно было пройти через сени, где обосновались непрошенные соседи. И купаться расхотелось. Следовало поступать иначе — распахнуть дверь и хозяйским голосом спросить: «Вы еще здесь? Сколько это будет продолжаться! Я пошла за милицией!» Но ничего подобного Анна не сделала, потому что была не причесана и не умыта. Тихо, стесняясь, что ее услышат, Анна пробралась на кухню, налила холодной воды из ведра в таз и совершила скромный туалет. Причесываясь, она поглядела в кухонное окно. Убежать? Глупо. А они будут бежать за мной по улице? Лучше подожду, пока зайдет дед Геннадий.

Находиться на кухне до бесконечности Анна не могла. Поэтому она разожгла плиту, поставила чайник и, подтянутая, строгая, вышла в сени.

Там стояло шесть ящиков и чемоданов, один из них был открыт, и гусар Жюль в нем копался. При скрипе двери он захлопнул чемодан и буркнул: «Доброе утро». Его реакция подсказала Анне, что неприязнь взаимна, и это ее даже обрадовало.

— Доброе утро,— согласилась Анна.— Вы еще здесь?

Кин вошел с улицы. Мокрые волосы приклеились ко лбу.

— Отличная вода,— сообщил он.— Давно так хорошо не купался. Вы намерены купаться?

С чего это у него хорошее настроение?— встревожилась Анна.

— Нет,— сказала она.— Лучше я за молоком схожу.

— Сходите, Аня,— сказал Кин миролюбиво.

Такого Анна не ожидала.

— Вы собрались уезжать?— спросила она недоверчиво.

— Нет,— сказал Кин.— Мы остаемся.

— Вы не бойтесь, что я позову на помощь?

— Вы этого не сделаете,— улыбнулся Кин.

— Еще как сделаю!— возмутилась Анна. И пошла к выходу.

— Посуду возьмите,— сказал ей вслед гусар.— У вас деньги есть?

— Не нужны мне деньги.— Анна хлопнула дверью, вышла на крыльцо. Посуда ей была не нужна. Она шла не за молоком.

По реке вспыхивали блески солнца, в низине у ручья зацепился клочок тумана.

Дверь сзади хлопнула, вышел Кин с кастрюлей и письмом.

— Аня,— сказал он отеческим голосом,— письмо вам.

— От кого?— спросила Анна, покорно принимая кастрюлю.

— От вашей тети,— сказал Кин.— Она просила передать...

— Почему вы не показали его вчера?

— Мы его получили сегодня,— сказал Кин.

— Сегодня? Где же ваш вертолет?

— Ваша тетюшка,— не обратил внимания на иронию Кин,— отдыхающая в Крыму, просила передать вам большой привет.

Анна прижала кастрюлю к боку и развернула записку.

«Аннушка! — было написано там.— Кин Владимирович и Жюль обо всем со мной договорились. Ты их не обижай. Я им очень обязана. Пускай поживут в доме. А ты, если хочешь, у деда Геннадия. Он не откажется. Мы с Милёной доехали хорошо. Прутиков встретил. Погода теплая. Магда».

Кин стоял, чуть склонив голову, и наблюдал за Анной.

— Чепуха,— сказала она.— Это вы сами написали.

— И про Миленку мы написали? И про Прутикова?

— Сколько вы ей заплатили?

— Сколько она попросила.

Тетя была корыстолюбива, а если они перед ее носом помахали тысячу рублей... тогда держись! Но как же они это сделали?

— Сегодня утром?— переспросила Анна.

— Да. Мы телеграфировали нашему другу в Крым вчера ночью. На рассвете прибыло сюда самолетом.

Письмо было настоящим, но Анна, конечно, не поверила, что все было сделано именно так.

— У вас и рация своя есть?— спросила Анна.

— Вам помочь перенести вещи?— спросил Кин.

— Не надейтесь,— сказала она.— Я не сдамся. Мне плевать, сколько еще писем вы притащите от моей тетушки. Если вы попытаете меня убить или вытащить силой, я буду сопротивляться.

— Ну зачем так,— скорбно сказал Кин.— Наша работа, к сожалению, не терпит отлагательства. Мы просим вас освободить этот дом, а вы ведете себя, как ребенок.

— Потому что я оскорблена,— сказала Анна.— И упряма.

— Никто не хотел вас оскорблять. Для нас встреча с вами была неприятной неожиданностью. Специфика нашей работы такова, что нам нежелательно привлекать к себе внимание,— сказал Кин. Глаза у него были печальными.

— Вы уже привлекли,— сказала Анна.— Мое внимание. Вам ничего не остается, как рассказать мне, чем вы намерены заниматься.

— Но может, вы уедете? Поверьте, так всем будет лучше.

— Нет,— сказала Анна.— Подумайте, а я пошла купаться. И не вздумайте выкидывать мои вещи или запирайте дверь.

Вода оказалась в меру прохладной, и, если бы не постоянно кипящее в Анне раздражение, она бы наслаждалась. Доплыв до середины реки, она увидела, как далеко отнесло ее вниз по течению, повернула обратно и потратила минут пятнадцать, чтобы выплыть к тому месту, где оставила полотенце и книгу.

Выбравшись на траву, сбежавшую прямо к воде, Анна улеглась на полотенце, чтобы позагорать. Как назло, ничего хорошего из этого не вышло — несколько нахальных слепней налетели как истребители, и Анна расстроилась еще более.

— Простите,— сказал Кин, присаживаясь рядом на траву.

— Я вас не звала,— буркнула Анна.

— Мы посоветовались,— сказал Кин,— и решили вам кое-что рассказать.

— Только не врать,— сказала Анна.

— Нет смысла. Вы все равно не поверите.— Кин с размаху шлепнул себя по шее.

— Слепни,— сказала Анна.— Здесь, видно, коровы па-сутся.

Она села и накрыла плечи полотенцем.

— Мы должны начать сегодня,— сказал Кин.— Каждая минута стоит бешеных средств.

— Так не тратьте их понапрасну.

— Меня утешает лишь то, что вы неглупы. И отзывы о вас в институте положительные. Правда, вы строптивы...

— Вы и в институте успели?

— А что делать? Вы — неучтенный фактор. Наша вина. Так вот, мы живем не здесь.

— Можно догадаться. На Марсе? В Америке?

— Мы живем в будущем.

— Как трогательно. А в чемоданах — машина времени?

— Не иронизируйте. Это — ретрансляционный пункт. Нас сейчас интересует не двадцатый век, а тринадцатый. Но, чтобы попасть туда, мы должны сделать оставку здесь.

— Я всегда думала, что путешественники во времени — народ скрытный.

— Попробуйте поделиться тайной с друзьями. Кто вам поверит?

Кин отмахнулся от слепня. Пышное облако напозло на солнце, и сразу стало прохладно.

— А почему я должна вам верить?— спросила Анна.

— Я скажу, что нам нужно в тринадцатом веке. Это, конечно, невероятно, но заставит вас задуматься...

Анне вдруг захотелось поверить. Порой в невероятное верить легче, чем в обыкновенные объяснения.

— И в каком вы живете веке?

— Логичный вопрос. В двадцать седьмом. Я продолжу? В тринадцатом веке на этом холме стоял небольшой город Замошье. Лоскуток в пестром одеяле России. К востоку лежали земли Полоцкого княжества, с запада и юга жили литовцы, летты, самогиты, ятвяги и другие племена и народы. Некоторые существуют и поныне, другие давно исчезли. А еще дальше, к западу начинались владения немецкого ордена меченосцев.

— Вы археологи?

— Нет. Мы должны спасти человека. А вы нам мешаете.

— Неправда. Спасайте. И учтите, что я вам пока не верю. И зачем забираться в средневековье? Кого спасать? Он тоже путешественник?

— Нет, он гений.

— А вы откуда знаете?

— Наша специальность — искать гениев.

— А как его звали?

— Его имя — Роман. Боярин Роман.

— Никогда не слышала.

— Он рано погиб. Так говорят летописи.

— Может, летописцы все придумали?

— Летописцы многого не понимали. И не могли придумать.

— Что, например?

— Например, то, что он использовал порох при защите города. Что у него была типография... Это был универсальный гений, который обогнал свое время.

— Если он погиб, как вы его спасете?

— Мы возьмем его к себе.

— И вы хотите, чтобы он не погиб, а продолжал работать и изобрел еще и микроскоп? А разве можно вмешиваться в прошлое?

— Мы не будем вмешиваться. И не будем менять его судьбу.

— Так что же?

— Мы возьмем его к себе в момент смерти. Это не окажет влияния на ход исторических событий.

— Не могу поверить. Да и зачем это вам?

— Самое ценное на свете — мозг человека. Гении так редки, моя дорогая Анна...

— Но он же жил тысячу лет назад! Сегодня любой первоклассник может изобрести порох.

— Заблуждение. Человеческий мозг развит одинаково уже тридцать тысяч лет. Меняется лишь уровень образования. Сегодня изобретение пороха не может быть уделом гения. Сегодняшний гений должен изобрести...

— Машину времени?

— Скажем, машину времени... Но это не значит, что его мозг совершенней, чем мозг изобретателя колеса или пороха.

— А зачем вам изобретатель пороха?

— Чтобы он изобрел что-то новое.

5

Облака, высокие, темные с изнанки, освободили солнце, и оно снова осветило берег. Но цвет его изменился — стал тревожным и белым. И тут же хлынул дождь, хлестнул по тростнику, по траве. Анна подхватила книгу и, закрывая голову полотенцем, бросилась к яблоням. Кин в два прыжка догнал ее, и они прижались спинами к корявому стволу. Капли щелкали по листьям.

— А если он не захочет?— спросила Анна.

Кин вдруг засмеялся.

— Вы мне почти поверили,— сказал он.

— А не надо было верить?— ее треугольное, сходящееся к ямке на крепком остром подбородке лицо покраснело, отчего волосы казались еще светлее.

— Это замечательно, что вы поверили. Мало кто может похвастаться таким непредвзятым восприятием.

— Такая я, видно, дура.

— Наоборот.

— Ладно, спасибо. Вы все-таки лучше скажите, зачем вам лезть за гением в тринадцатый век? Что, поближе не оказалось?

— Во-первых, гениев мало. Очень мало. Во-вторых, не каждого мы можем взять к себе. Он должен быть не стар, потому что с возрастом усложняется проблема адаптации, и, главное, он должен погибнуть случайно или тра-

гически... без следа. На похоронах Леонардо да Винчи присутствовало много людей.

— И все-таки — тринадцатый век!

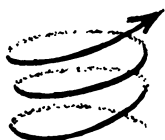
Дождь иссякал, капли все реже били по листьям.

— Вы не представляете, что такое перемещение во времени...

— Совершенно не представляю.

— Я постараюсь примитивно объяснить. Время — объективная физическая реальность, оно находится в постоянном поступательном движении. Движение это, как движение некоторых иных физических процессов, осуществляется по спирали.

Кин опустил на корточки, подобрал сухой сучок и нарисовал на влажной земле спираль времени.

В БУДУЩЕЕ

ИЗ ПРОШЛОГО

— Мы с вами — частички, плывущие в спиральном потоке, и ничто в мире не в силах замедлить или ускорить это движение. Но существует другая возможность — двигаться прямо, вне потока, как бы пересекая виток за витком.

Кин, не вставая, нарисовал стрелку рядом со спиралью.

В БУДУЩЕЕ

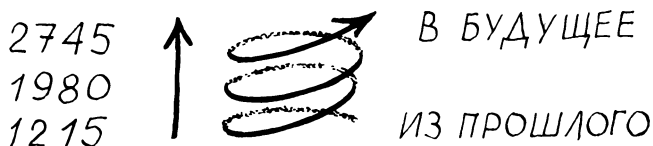
ИЗ ПРОШЛОГО

Затем он поднял голову, взглянул на Анну, чтобы убедиться, поняла ли она. Анна кивнула.

Кин выпрямился и задел ветку яблони — на него посыпались брызги. Он тряхнул головой и продолжал:

— Трудность в том, что из любого конкретного момента в потоке времени вы можете попасть только в соответст-

вующий момент предыдущего временного витка. А продолжительность витка более семисот лет. Очутившись в предыдущем или последующем витке, мы тут же вновь попадаем в поток времени и начинаем двигаться вместе с ним. Допустим, что приблизительно двадцатому июля 2745 года соответствует двадцатое июля 1980 года. Или берем следующий виток, двадцатое июля 1215 года, или следующий виток, двадцатое июля 540 года. Погляди-те.— Кин дополнил рисунок датами:

— Теперь вы понимаете, почему мы не можем откладывать нашу работу?—спросил он.

Анна не ответила.

— Мы несколько лет готовились к переходу в 1215 год, давно ждали, когда момент смерти боярина Романа совпадет с моментом на нашем витке времени. Город Замошье падет через три дня в 1215 году. И через три дня погибнет неизвестный гений тринадцатого века. Если мы не сделаем все в три дня, обо всей операции надо будет забыть. Навсегда. А тут вы...

— Я же не знала, что вам помешаю.

— Никто вас не винит.

— А почему нельзя прямо в тринадцатый век?

— К сожалению, нельзя пересечь сразу два витка времени. На это не хватит всей энергии Земли. Мы должны остановиться и сделать промежуточный пункт здесь, в двадцатом веке.

— Пошли домой,— сказала Анна.— Дождь кончился.

Она посмотрела на спираль времени, нарисованную на влажной бурой земле. Рисунок был прост и обыден. Но он был нарисован человеком, который еще не родился.

Они пошли к дому. Облака уползли за лес. Парило.

— Значит, нас разделяет семьсот лет,— сказала Анна.

— Примерно.— Кин отвел ветку яблони, чтобы Анне не надо было наклоняться.— Это хорошо, потому что такая

пропасть времени делает нашу с вами связь эфемерной. Даже если бы вы захотели узнать, когда умрете, а это естественный вопрос, я бы ответить на него не смог. Слишком давно.

— Вам задавали такие вопросы?

— Мы не должны говорить об этом. Но такие случаи уже были и не нарушали эксперимента. Временная система стабильна и инерционна. Это же море, поглощающее смерти...

— Я жила давно...— подумала Анна вслух.— Для вас я ископаемое. Ископаемое, которое жило давно. Мамонт.

— В определенной степени, да.— Кин не хотел щадить ее чувств.— Для меня вы умерли семьсот лет назад.

— Вы в этом уверены?

— Уверен. Хотя и не видел вашей могилы.

— Спасибо за прямоту... Я была вчера на кладбище. Там, на холме. Я могу оценить величину этой пропасти.

— Мы хотим пересечь ее.

— И забрать оттуда человека? А если он будет несчастен?

— Он гениален. Гений адаптабелен. У нас есть опыт.

— Вы категоричны.

— К сожалению, я всегда сомневаюсь. Категоричен Жюль. Может, потому что молод. И не историк, а в первую очередь физик-временщик.

— Вы историк?

— У нас нет строгого деления на специальности. Мы умеем многое.

— Хотя в общем вы не изменились.

— Антропологический тип человека остался прежним. Мы далеко не все красивы и не все умны.

— Во мне просыпаются вопросы,— сказала Анна, остановившись у крыльца.

Кин вынул грабли из бочки и приставил к стене.

— Разумеется,— сказал он.— Обитаемости миров, о социальном устройстве, о войнах и мире... Я не отвечаю вам, Анна. Я ничего не могу вам ответить. Хотя, надеюсь, сам факт моего прилета сюда уже оптимистичен. И то, что мы можем заниматься таким странным делом, как поиски древних мудрецов...

— Это ничего не доказывает. Может, вы занимаетесь поисками мозгов не от хорошей жизни.

— При плохой жизни не хватает энергии и времени для таких занятий. А что касается нехватки гениев...

В калитке возник дед Геннадий с кринкой в руке.

— Здравствуй,— сказал он, будто не замечая Кина, который стоял к нему спиной,— ты что за молоком не пришла?

— Познакомьтесь,— сказала Анна.— Это мои знакомые приехали.

Кин медленно обернулся.

6

Лицо Кина удивительным образом изменилось. Оно вытянулось, обвисло, собралось в морщины и сразу постарело лет на двадцать.

— Геннадий... простите, запаматовал.

— Просто Геннадий, дед Геннадий. Какими судьбами! А я вот вчера еще Анне говорил: реставратор Васильев, человек известный, обещал мне, что не оставит без внимания наши места по причине исторического интереса. Но не ожидал, что так скоро.

— Ага,— тихо сказала Анна.— Разумеется. Васильев. Известный реставратор из Ленинграда.

И в этом, если вдуматься, не было ничего странного: конечно, они бывали здесь раньше, вынюхивали, искали место для своей машины. Серьезные люди, большие ставки. А вот недооценили дедушкиной страсти к истории.

— И надолго?— спросил дед Геннадий.— Сейчас ко мне пойдем, чаю попьем, а? Как семья, как сотрудники? А я ведь небольшой музей уже собрал, некоторые предметы, имеющие научный интерес.

— Обязательно,— улыбнулся Кин очаровательной гримасой уставшего от постоянной реставрации, от поисков и находок великого человека.— Но мы ненадолго, проездом Аню навестили.

— Навестили,— эхом откликнулась Анна.

— Правильно,— согласился дед, влюбленно глядя на своего кумира,— я сейчас мой музей сюда принесу. Вместе посмотрим и выслушаем ваши советы.

Кин вдруг обратил на Анну умоляющий взгляд: спасите!

— Не бесплатно,— сказала Анна одними губами, от-
вернувшись от зоркого деда.— Мы погодя зайдем,— ска-
зала она.— Вместе зайдем, не надо музей сюда нести,
можно помять что-нибудь, сломать...

— Я осторожно,— сказал дед.— Вы, конечно, понима-
ете, что мой музей пока не очень велик. Я некоторые
кандидатуры на местах оставляю. Отмечаю и оставляю.
Мы с вами должны на холм сходить, там удивительной
формы крест нашел, весь буквально кружевной резьбы,
принадлежал купцу второй гильдии Сумарокову, супру-
га и чада его сильно скорбели в стихах.

Анна поняла, что и она бессильна перед напористым
дедом. Спасение пришло неожиданно. В сенях скрипну-
ло, дверь отворилась. Обнаружился Жюль в кожанке.
Лицо изуродовано половецкими усами.

— Терентий Иванович,— сказал он шоферским голо-
сом.— Через пятнадцать минут едем. Нас ждать не бу-
дут.— Он снисходительно кивнул деду Геннадию, и дед
оробел, потому что от Жюля исходили уверенность и
небрежность занятого человека.

— Да, конечно,— согласился Кин.— Пятнадцать ми-
нут.

— Успеем,— сказал дед быстро.— Успеем. Поглядим. А
машина пускай ко мне подъедет. Где она?

— Там,— туманно взмахнул рукой Жюль.

— Ясно. Значит, ждем.— И дед с отчаянным вдохнове-
нием потащил к калитке реставратора Васильева, со-
мнительного человека, которому Анна имела неосто-
рожность почти поверить.

«Интересно, как вы теперь выпутаетесь!» Анна смотре-
ла им вслед. Две фигурки — маленькая, в шляпе, дожде-
вике, и высокая, в джинсах и черном свитере,— спешили
под откос. Дед размахивал руками, и Анна представила,
с какой страстью он излагает исторические сведения,
коими начинен сверх меры.

Она обернулась к крыльцу. Жюль держал в руке длин-
ные усы.

— Я убежден, что все провалится,— сообщил он.— Вто-
рая накладка за два дня. Я разнесу группу подготовки.
По нашим сведениям, дед Геннадий должен был на две
недели уехать к сыну.

— Могли у меня спросить.

— Кин вел себя как мальчишка. Не заметить старика. Не успеть принять мер! Теряет хватку. Он вам рассказывал?

— Частично, мой отдаленный потомок.

— Исключено,— сказал Жюль.— Я тщательно подбирал предков.

— Что же будет дальше?

— Будем выручать,— сказал Жюль и нырнул в дверь.

Анна присела на порог, отпила из кринки — молоко было парное, душистое. Появился Жюль.

— Не забудьте приклеить усы,— сказала Анна.

— Останетесь здесь,— сказал Жюль.— Никого не пускать.

— Слушаюсь, мой генерал. Молока хотите?

— Некогда,— сказал Жюль.

Анне было видно, как он остановился перед калиткой, раскрыл ладонь — на ней лежал крошечный компьютер — и пальцем левой руки начал нажимать на кнопки.

Склон холма и лес, на фоне которых стоял Жюль, заходились и начали расплываться, их словно заволакивало дымом. Дым сгущался, принимая форму куба. Вдруг Анна увидела, что перед калиткой на улице возникло объемное изображение газика. Анна отставила кринку. Газик казался настоящим, бока его поблескивали, а к радиатору приклеился березовый листок.

— Убедительно,— сказала Анна, направляясь к калитке.— А зачем вам эта голография? Деда этим не проведешь.

Жюль отворил дверцу и влез в кабину.

— Так это не голография?— тупо спросила Анна.

— И не гипноз,— сказал Жюль.

Вспомнив о чем-то, он высунулся из машины, провел рукой вдоль борта. Появились белые буквы «Экспедиционная».

— Вот так,— сказал Жюль и достал ключи из кармана. Включил зажигание. Машина заурчала и заглохла.

— А, чтоб тебя,— проворчал шофер.— Придется толкать.

— Я вам не помощница,— сказала Анна.— У вас колеса земли не касаются.

— А я что говорил,— согласился Жюль.

Машина чуть осела, покачнулась и на этот раз завелась. Набирая скорость, газик покатился по зеленому откосу к броду.

Анна вышла из калитки. На земле были видны рубчатые следы шин.

— Очевидно, они из будущего,— сказала Анна сама себе.— Пойду приготовлю обед.

Лжереставраторы вернулись только через час. Пришли пешком с реки. Анна уже сварила лапшу с мясными консервами.

Она услышала их голоса в прихожей. Через минуту Кин заглянул на кухню, потянул носом и сказал:

— Прекрасно, что сообразила. Я смертельно проголодался.

— Кстати,— сказала Анна.— Моих продуктов надолго не хватит. Или привозите из будущего, или доставайте где хотите.

— Жюль,— сказал Кин,— будь любезен, занеси сюда продукты.

Явился мрачный Жюль, водрузил на стол объемистую сумку.

— Мы их приобрели на станции,— сказал Кин.— Дед полагает, что мы уехали.

— А если он придет ко мне в гости!

— Будем готовы и к этому. К сожалению, он преклоняется перед эрудицией реставратора Васильева.

— Ты сам виноват,— сказал Жюль.

— Ничего, когда Аня уйдет, она запрет дом снаружи. И никто не догадается, что мы остались здесь.

— Не уйду,— сказала Анна.— Жюль, вымой тарелки, они на полке. Я в состоянии вас шантажировать.

— Вы на это не способны,— сказал Кин отнюдь не убежденно.

— Любой человек способен. Если соблазн велик. Вы меня поманили приключением. Может, именно об этом я мечтала всю жизнь. Если вам нужно посоветоваться со старшими товарищами, валяйте. Вы и так мне слишком много рассказали.

— Это немыслимо,— возмутился Кин.

— Вы плохой психолог.

— Я предупреждал,— сказал Жюль.

Обед прошел в молчании. Все трое мрачно ели лапшу, запивали молоком и не смотрели друг на друга, словно перессорившиеся наследники в доме богатой бабушки.

Анна мучилась раскаянием. Она понимала, что и в самом деле ведет себя глупо. Сама ведь не выносишь, когда невежды суют нос в твою работу, и, если в тебе есть хоть капля благородства, ты сейчас встанешь и уйдешь... Впрочем, нет, не сейчас. Чуть попозже, часов в шесть, ближе к поезду. Надо незаметно ускользнуть из дома, не признавая открыто своего поражения... И всю жизнь мучиться, что отказалась от уникального шанса?

Кин отложил ложку, молча поднялся из-за стола, вышел в сени, что-то там уронил. Жюль поморщился. Наступила пауза.

Кин вернулся со стопкой желтоватых листков. Положил их на стол возле Анны. Потом взял тарелку и отправился на кухню за новой порцией лапши.

— Что это? — спросила Анна.

— Кое-какие документы. Вы ничего в них не поймете

— Зачем тогда они мне?

— Чем черт не шутит. Раз уж вы остаетесь...

Анна чуть было не созналась, что уже решила уехать. Но нечаянно ее взгляд встретился со злыми глазами гусара. Жюль не скрывал своей неприязни.

— Спасибо, — сказала Анна небрежно. — Я почитаю.

7

Гости занимались своими железками. Было душно. Собиралась гроза. Анна расположилась на диване, поджала ноги. Желтые листочки были невелики, и текст напечатан убористо, четко, чуть выпуклыми буквами.

Сначала латинское название.

**Bertholdi Chronicon Lyvoniae, pag.29,
Monumenta Lyvoniae, VIII, Rigae, 1292.**

... Рыцарь Фридрих и пробст Иоганн подали мнение: необходимо, сказали они, сделать приступ и, взявши город Замош, жестоко наказать жителей для примера другим. Ранее при взятии крепостей оставляли гражданам жизнь и свободу, и оттого у остальных нет должного страха.

Порешим же: кто из наших первым взойдет на стену, того превознесем почестями, дадим ему лучших лошадей и знатнейшего пленника. Вероломного князя, врага христианской церкви, мы вознесем выше всех на самом высоком дереве. И казним жестоко его слугу, исчадие ада, породителя огня.

И русы выкатили из ворот раскаленные колеса, которые разбрасывали по сторонам обжигающий огонь, чтобы зажечь осадную башню от пламени. Между тем ландмейстер Готфрид фон Гольм, неся стяг в руке, первым взобрался на вал, а за ним последовал Вильгельм Оге, и, увидев это, остальные ратники и братья спешили взойти на стену первыми, одни поднимали друг друга на руки, а другие бились у ворот...

Рядом с этим текстом Анна прочла небрежно, наискось от руки приписанное: «Перевод с первой публикации. Рукопись Бертольда Рижского найдена в отрывках, в конволюте XIV в., в Мадридской биб-ке. Запись отн. к лету 1215. Горский ошибочно идентифицировал Замошье с Изборском. См. В.И. 121990, стр. 36. Без сомнения, единственное упоминание о Замошье в орденских источниках. Генрих Латв. молчит. Псковский летописец под 1215 краток: «Того же лета убиша многих немцы в Литве и Замошье, а город взявша». Татищев, за ним Соловьев сочли Замошье литовской волостью. Янин выражал сомнение в 80-х гг.».

На другом листе было что-то непонятное:

Дорога дорог

Abmajorem Deu gloriam. Во имя Гермия Трижды Величайшего. Если хочешь добывать Меркурий из Луны, сделай наперед крепкую воду из купороса и селитры, взявши их поровну, сольвируй Луну обыкновенным способом, дай осесть в простой воде, вымой известь в чистых водах, высуши, опусти в сосуд плоскодонный, поставь в печь кальцинироваться в умеренную теплоту, какая потребна для Сатурна, чтобы расплавиться, и по прошествии трех недель Луна взойдет, и Меркурий будет разлучен с Землею.

Тем же быстрым почерком сбоку было написано: «За

полвека до Альберта и Бэкона». Что же сделали через полвека Альберт и Бэкон, Anne осталось неизвестно.

Зря она тратит время. Наугад Анна вытянула из пачки еще один листок.

Из отчета западнодвинского отряда

Городище под названием Замощье расположено в 0,4 км к северо-западу от дер. Полуденки (Миорский район) на высоком и крутом (до 20 м) холме на левом берегу р.Вятла (левый приток Западной Двины). Площадка в плане неправильной овальной формы, ориентирована по линии север — юг с небольшим отклонением к востоку. Длина площадки 136 м, ширина в северной половине 90 м, в южной — 85 м. Раскопом в 340 кв. м вскрыт культурный слой черного, местами темно-серого цвета мощностью 3,2 м ближе к центру и 0,3 м у края. Насыщенность культурного слоя находками довольно значительная. Обнаружено много фрагментов лепных сосудов около 90% слабопрофилированных и баночных форм, характерных для днепро-двинской культуры, и штрихованная керамика (около 10%), а также несколько обломков керамики XII в. Предварительно выявлены три нижних горизонта: ранний этап днепро-двинской культуры, поздний этап той же культуры и горизонт третьей четверти I тысячелетия нашей эры (культура типа верхнего слоя банцеровского городища).

В конце XII — начале XIII в. здесь возводится каменный одностолпный храм и ряд жилых сооружений, которые погибли в результате пожара. Исследования фундамента храма, на котором в XIII в. была построена кладбищенская церковь, будут продолжены в следующем сезоне. Раскопки затруднены вследствие нарушения верхних слоев кладбищем XVI — XVIII вв.

(«Археологические открытия 1989 г.», стр.221)

Отчет был понятен. Копали — то есть будут копать — на холме. Анна положила листки на стол. Ей хотелось снова подняться на холм. В сенях был один Жюль.

— Хотите взглянуть на машину времени? — спросил он.

— Вы на ней приехали?

— Нет, установка нужна только на вводе. Она бы здесь не поместилась.

Жюль провел Анну в холодную комнату. Рядом с кроватью стоял металлический ящик. Над ним висел черный шар. Еще там было два пульта. Один стоял на стуле, второй — на кровати. В углу — тонкая высокая рама.

— И это все? — спросила Анна.

— Почти. — Жюль был доволен эффектом. — Вам хочется, чтобы установка была на что-то похожа? Люди не изобретательны. Во всех демонах и ведьмах угадывается все тот же человек. А вот кенгуру европейская фантазия придумать не смогла.

— А спать вы здесь будете? — спросила Анна.

— Да, — ответил невинно Жюль. — Чтобы вы не забрались сюда ночью и не отправились в прошлое или будущее. А то ищи вас потом в татарском гареме.

— Придется разыскивать, — сказала Анна. — Хуже будет, если увлекусь своим прадедушкой.

— Банальный парадокс, — сказал Жюль. — Витки времени так велики, что эффект нивелируется.

— А где Кин?

— На холме.

— Не боится деда?

— Больше он не попадетсЯ.

— Я тоже пойду погляжу. Заодно спрошу кое о чем.

Анна поднималась по тропинке, стараясь понять, где стояла крепостная стена. Вершина холма почти плоская, к лесу и ручью идут пологие склоны, лишь над рекой берег обрывается круто. Значит, стена пройдет по обрыву над рекой, а потом примерно на той же высоте вокруг холма.

Еще вчера город был абстракцией, потонувшей в бездне времени. А теперь? Если я, размышляла Анна, давно умершая для Кина с Жюлем, все-таки весьма жива, даже малость вспотела от липкой предгрозовой жары, то, значит, и гениальный Роман тоже сейчас жив. Он умрет через два дня и об этом пока не подозревает.

Анна увидела неглубокую лощину, огибавшую холм. Настолько неглубокую, что если бы Анна не искала следов города, то и не догадалась бы, что это остатки рва. Анна нашла во рву рваный валенок и консервную банку,

увернулась от осы и решила подняться на кладбище, в тень, потому что через полчаса из этого пекла должна созреть настоящая гроза.

В редкой тени крайних деревьев было лишь чуть прохладней, чем в поле. Стоило Анне остановиться, как из кустов вылетели отряды комариных камикадзе. В кустах зашуршало.

— Это вы, Кин?

Кин вылез из чащи. На груди у него висела фотокамера, недорогая, современная.

— Ах, какие вы осторожные!— сказала Анна, глядя на камеру.

— Стараемся. Прочли документы?

— Не все. Кто такой Гермий Трижды Величайший?

— Покровитель алхимии. Этот отчет об опыте — липа. Его написал наш Роман.

— А чего там интересного?

— Этого метода выделения ртути тогда еще не знали. Он описывает довольно сложную химическую реакцию.

Налетел порыв ветра. Гроза предупреждала о своем приближении.

— С чего начнем?— спросила Анна.

— Поглядим на город. Просто поглядим.

— Вы знаете Романа в лицо?

— Конечно, нет. Но он строил машины и делал порох.

Кин вошел в полумрак церкви. Анна за ним. В куполе была дыра, и сквозь нее Анна увидела клоч лиловой тучи. В церкви пахло пыльным подвалом, на стене сохранились фрески. Святые старцы равнодушно смотрели на людей. Ниже колен фрески были стерты. Казалось, будто старцы стоят в облаках.

Первые капли ударили по крыше. Они падали сквозь отверстие в куполе и выбивали на полу фонтанчик пыли. Анна выглянула наружу. Листва и камни казались естественно светлыми.

— Справа, где двойной дуб, были княжеские хоромы. От них ничего не сохранилось,— сказал Кин.

Дождь рухнул с яростью, словно злился оттого, что люди не попались ему в чистом поле.

— Это были необычные княжества,— сказал Кин.— Форпосты России, управляющиеся демографическими

излишками княжеских семей. Народ-то здесь был большей частью не русский. Вот и приходилось лавировать, искать союзников, избегать врагов. И главного врага — немецкий орден меченосцев. Их центр был в Риге, а замки — по всей Прибалтике.

Из зарослей вышла Клеопатра и уверенно зашагала к церкви, видно, надеясь укрыться. Увидев людей, она понурилась.

— Отойдем,— сказала Анна.— У нас целая церковь на двоих.

— Правильно,— согласился Кин.— Она догадается?

Лошадь догадалась. Кин и Анна сели на камень в дальнем углу, а Клепа вежливо остановилась у входа, подрагивая кожей, чтобы стряхнуть воду. Посреди церкви, куда теперь лился из дырявого купола неширокий водопад, темное пятно воды превратилось в лужу, которая, как чернильная клякса, выпускала щупальца. Один ручеек добрался до ног Анны.

— А вам не страшно?— спросила она.— Разговаривать с ископаемой женщиной?

— Опять? Впрочем, нет, не страшно. Я привык.

— А кто из гениев живет у вас?

— Вы их не знаете. Это неизвестные гении.

— Мертвые души?

— Милая моя, подумайте трезво. Гений — понятие статистическое. В истории человечества они появляются регулярно, хотя и редко. Но еще двести лет назад средняя продолжительность жизни была не более тридцати лет даже в самых развитых странах. Большинство детей умирало в младенчестве. Умирили и будущие гении. Эпидемии опустошали целые континенты — умирали и гении. Общественный строй обрекал людей, имевших несчастье родиться с рабским ошейником, на такое существование, что гений не мог проявить себя... В войнах, в эпидемиях, в массовых казнях, в темницах гении погибали чаще, чем обыкновенные люди. Они отличались от обыкновенных людей, а это было опасно. Гении становились еретиками, бунтовщиками... Гений — очень хрупкое создание природы. Его надо беречь и лелеять. Но никто этим не занимался. Даже признанный гений не был застрахован от ранней смерти. Привычно гово-

рить о гениальности Пушкина. На поведение Дантеса это соображение никоим образом не влияло.

— Я знаю,— сказала Анна.— Даже друзья Пушкина Карамзины осуждали его. Многие считали, что Дантес был прав.

Клепа подошла поближе, потому что подул ветер и стрелы дождя полетели в раскрытую дверь. Клепа нервно шевелила ноздрями. Гроыхнул гром, потом еще. Анна увидела, как проем купола высветился молнией. Кин тоже посмотрел наверх.

— Но почему вы тогда не выкрадываете гениев в младенчестве?

— А как догадаться, что младенец гениален? Он ведь должен проявить себя. И проявить так, чтобы мы могли отважиться на экспедицию в прошлое, а такая экспедиция требует столько энергии, сколько сегодня вырабатывают все электростанции Земли за год. А это не так уж мало. Даже для нас.

Лошадь, прядая ушами, переступала с ноги на ногу. Молнии врезались в траву прямо у входа. Церковь была надежна и тверда.

— Нет,— пробормотал Кин,— мы многого не можем.

— Значит, получается заколдованный круг. Гений должен быть безвестен. И в то же время уже успеть что-то сделать.

— Бывали сомнительные случаи. Когда мы почти уверены, что в прошлом жил великий ум и можно бы его достать, но... есть сомнения. А иногда мы знаем наверняка, но виток не соответствует. И ничего не поделаешь.

— Тогда вы обращаетесь в будущее?

— Нет. У нас нет связи со следующим витком.

— Там что-нибудь случится?

— Не знаю, там барьер. Искусственный барьер.

— Наверное, кто-то что-то натворил.

— Может быть. Не знаю.

8

Анна вдруг расстроилась. Кажется, какое тебе дело до того, что случится через тысячу лет? И ведь ей никогда не узнать, что там произошло...

Ветер стих, дождь утихомирился, лил спокойно, выполняя свой долг, помогая сельскому хозяйству.

— А в наше время,— спросила Анна,— есть кандидатуры?

— Разумеется,— сказал Кин. Видно, не подумав, что делает, он провел в воздухе рукой, и ручеек, совсем было добравшийся до ног Анны, остановился, словно натолкнувшись на стеклянную запруду.— Двадцатый век, милая Аня, такой же убийца, как и прочие века. Если хотите, я вам зачитаю несколько коротких справок. По некоторым из них мы не решились принимать мер...

«А по некоторым?»— хотела спросить Анна. Но промолчала. Вернее всего, он не ответит. И будет прав.

— Это только сухие справки. Разумеется, в переводе на ваш язык...

— По-моему, вы изъясняетесь на языке двадцатого века. А... большая разница?

— Нет, не настолько, чтобы совсем не понять. Но много новых слов. И язык лаконичнее. Мы живем быстрее. Но когда попадаем в прошлое, мы свой язык забываем. Так удобнее. Хотите услышать о гениях, которых нет?

— Хочу.

Кин коротко вздохнул и заговорил, глядя себе под ноги. Голос его изменился, стал суше. Кин читал текст, невидимый его слушательнице. Дождь моросил в тон голосу.

— «Дело 12-а-56. Маун Маун Ко. Родился 18 мая 1889 года в деревне Швезандаун севернее города Пегу в Бирме. В возрасте 6 лет поступил в монастырскую школу, где удивлял монахов умением заучивать главы из Типитаки. К десяти годам знал наизусть весь закон Хинаяны, и его, как ребенка, отмеченного кармой, возили в Мандалай, где с ним разговаривал сам татанабайн и подарил ему зонт и горшок для подаяний. В Мандалае ему попалась книга о христианстве, и путем сравнения религиозных систем, а также разговоров с учеными-мусульманами мальчик создал философскую систему, в которой применил начала диалектики, близкой к гегелевской. Был наказан заточением в келье. В 1901 году бежал из монастыря и добрался до Рангуна, надеясь убедить в своей правоте английского епископа Эндрю Джонсона. К еписко-

пу мальчика не пустили, но несколько дней он прожил в доме миссионера Г.Стоунуэлла, который был удивлен тем, что подошедший к нему на улице бирманский оборвыш читает наизусть Евангелие на английском языке. Миссионер демонстрировал мальчика своим друзьям и оставил в дневнике запись о том, что Маун Маун Ко свободно излагает свои мысли на нескольких языках. Попытки Маун Маун Ко изложить миссионеру свою теорию не увенчались успехом, миссионер решил, что мальчик пересказывает крамольную книгу. На четвертый день, несмотря на то, что мальчика в доме миссионера кормили, Маун Маун Ко убежал. Его труп, в крайней степени истощения, с колотыми ранами в груди, был найден портовым полицейским А.Банерджи 6 января 1902 года у склада № 16. Причина смерти неизвестна».

Кин замолчал. Словно его выключили. Потом посмотрел на Анну. Дождь все накрапывал. Лошадь стояла у двери.

— Тут мы были уверены, — сказал Кин. — Но опоздали.

— Почему же никто его не понял?

— Удивительно, как он добрался до того миссионера, — сказал Кин. — Прочесть еще?

— Да.

— «Дело 23-0в-76. Кособурд Мордко Лейбович. Родился 23 октября 1900 года в г. Липовец Киевской губернии. Научился говорить и петь в 8 месяцев. 4 января 1904 года тетя Шейна подарила ему скрипку, оставшуюся от мужа. К этому времени в памяти ребенка жили все мелодии, услышанные дома и в Киеве, куда его два раза возили родители. Один раз мальчик выступал с концертом в доме предводителя дворянства камер-юнкера Павла Михайловича Гудим-Левковича. После этого концерта, на котором Мордко исполнил, в частности, пьесу собственного сочинения, уездный врач д-р Колядко подарил мальчику три рубля. Летом 1905 года аптекарь С.Я. Сойфертис, списавшись со знакомыми в Петербурге, продал свое дело, ибо, по его словам, бог на старости лет сподобил его увидеть чудо и поручил о нем заботу. На вокзал их провожали все соседи. Скрипку нес Сойфертис, а мальчик — баул с игрушками, сладостями в дорогу и нотной бумагой, на которой сам записал первую часть

концерта для скрипки. На углу Винницкой и Николаевской улиц провожавшие встретились с шествием черносотенцев. Произошло нечаянное столкновение, провожавшие испугались за мальчика и хотели его спрятать. Тете Шейне удалось унести его в соседний двор, но он вырвался и с криком «Моя скрипка!» выбежал на улицу. Мальчик был убит ударом сапога бывшего податного инспектора Никифора Быкова. Смерть была мгновенной». Еще? — спросил Кин.

Не дождавшись ответа, он продолжал:

— «Дело 22-5-а-4. Алихманова Салима. Родилась в 1905 году в г. Хиве. За красоту и белизну лица была в 1917 году взята в гарем Алим-хана Кутайсы — приближенного лица последнего хана Хивинского. В 1918 году родила мертвого ребенка. Будучи еще неграмотной, пришла к выводу о бесконечности Вселенной и множественности миров. Самостоятельно научилась читать, писать и считать, изобрела таблицу логарифмов. Интуитивно использовала способность предвидения некоторых событий. В частности, предсказала землетрясение 1920 года, объяснив его напряжениями в земной коре. Этим предсказанием вызвала недовольство духовенства Хивы, и лишь любовь мужа спасла Салиму от наказания. Страшно стремилась к знаниям. Увидев в доме случайно попавшую туда ташкентскую газету, научилась читать по-русски. В августе 1924 года убежала из дома, переплыла Амударью и поступила в школу в Турткуле. Способности девушки обратили на себя внимание русской учительницы Галины Красновой, которая занималась с ней алгеброй. За несколько недель Салима освоила курс семилетней школы. Было решено, что после октябрьских праздников Галина отвезет девушку в Ташкент, чтобы показать специалистам. Во время демонстрации 7 ноября в Турткуле Салима шла в группе женщин, снявших паранджу, и была опознана родственниками Алим-хана. Ночью была похищена из школы и заключена в Хиве 18 ноября 1924 года».

— Хватит, — сказала Галина. — Большое спасибо. Хватит.

На дворе стемнело. Небольшой квадрат окошка, выходящего из холодной комнаты в сад, был густо-синим, и в нем умудрилась поместиться полная луна. Тесную, загроможденную приборами комнату наполняло тихое жужжание, казавшееся Анне голосом времени — физически ощутимой нитью, по которой бежали минуты.

Жюль настраивал установку, изредка выходя на связь со своим временем, для чего служил круглый голубой экран, на котором дрожали узоры желтых и белых точек, а Кин готовил съемочную аппаратуру.

Висевший над головой Жюля черный шар размером с большой надувной мяч стал медленно вращаться.

— Сейчас, Аня, вы получите возможность заглянуть в тринадцатый век, — сказал Кин.

Ее охватило щекотное детское чувство ожидания. Как в театре: вот-вот раздвинется занавес, и начнется действо.

Замельтешил желтыми и белыми огоньками круглый экран связи. Жюль склонился к нему и начал быстро водить перед ним пальцами, точно разговаривал с глухим. Огни на экране замерли.

Жужжание времени заполнило весь дом, такое громкое, что Анне казалось: сейчас услышит вся деревня. И тут в шаре поплыли какие-то цветные пятна, было такое впечатление, как будто смотришь на речку сквозь круглый иллюминатор парохода.

Кин скрипнул табуретом. Руки его были в черных перчатках почти по локоть. Он коснулся кромки ящика, над которым висел шар, и пальцы его погрузились в твердый металл.

— Поехали, — сказал Кин.

Цветные пятна побежали быстрее, они смешивались у края иллюминатора и уплывали. Послышался резкий щелчок. И тотчас же как будто кто-то провел рукой по запотевшему стеклу иллюминатора, и мир в шаре обрел четкие формы и границы. Это было зеленое поле, окруженное берегами.

Шаром управлял Кин. Руки в черных перчатках были

спрятаны в столе, он сидел выпрямившись, напряженно, как за рулем.

Изображение в шаре резко пошло в сторону, березы накренились, как в модном кинофильме. Анна на миг зажмурилась. Роща пропала, показался крутой склон холма с деревянным тыном наверху, широкая разбитая дорога и, наконец, нечто знакомое — речка Вятла. За ней густой еловый лес.

И тут же Анна увидела, что на месте ее дома стоит иной — его скорее можно было назвать хижиной — приземистой, подслеповатой, под соломенной крышей. Зато ручей был шире, над ним склонились ивы, дорога пересекала его по деревянному мосту, возле которого толпились всадники.

— Я стабилизируюсь, — сказал Жюль.

— Это тринадцатый век? — спросила Анна.

— Двенадцатое июня.

— Вы уверены?

— У нас нет альтернативы.

— А там, у ручья, люди.

— Божьи дворяне, — сказал Кин.

— Они видят наш шар?

— Нет. Они нас не видят.

— А в домах кто живет?

— Сейчас никто. Люди ушли на стены. Город осажден.

Кин развернул шар, и Анна увидела за ручьем, там, где должна начинаться деревня, а теперь была опушка леса, шалаши и шатры. Между ними горели костры, ходили люди.

— Кто это? Враги? — спросила Анна.

— Да, это меченосцы, орден святой Марии, божьи дворяне.

— Это они возьмут город?

— В ночь на послезавтра. Жюль, ты готов?

— Можно начинать.

Шар поднялся и полетел к ручью. Слева Анна заметила высокое деревянное сооружение, стоявшее в пологой ложбине на полдороге между откосом холма и ручьем, где она бродила всего два часа назад. Сооружение напоминало ей геодезический знак — деревянную шкалу, какие порой встречаются в поле.

— Видели?— спросила Анна.

— Осадная башня,— сказал Кин.

Шар спустился к лагерю рыцарей.

Там обедали. Поэтому их было не видно. Шикарные рыцари, вроде тех, что сражаются на турнирах и снимаются в фильмах, сидели в своих шатрах и не знали, что к ним пожаловали посетители из будущего. Народ же, уплетавший какую-то снедь на свежем воздухе, никаких кинематографических эмоций не вызывал. Это были плохо одетые люди, в суконных или кожаных рубахах и портах, некоторые из них босые. Они были похожи на бедных крестьян.

— Посмотрите, а вот и рыцарь,— сказал Кин, бросив шар к одному из шатров. На грязной поношенной холщевой ткани шатра были нашиты красные матерчатые мечи. Из шатра вышел человек, одетый в грубый свитер до колен. Вязаный капюшон плотно облегал голову, оставляя открытым овал лица, и спадал на плечи. Ноги были в вязаных чулках. Свитер был перепоясан черным ремнем, на котором висел длинный прямой меч в кожаных ножнах.

— Жарко ему, наверно,— сказала Анна и уже поняла, что рыцарь не в свитере — это кольчуга, мелкая кольчуга. Рыцарь поднял руку в кольчужной перчатке, и от костра поднялся бородатый мужик в кожаной куртке, короткой юбке и лаптях, примотанных ремнями к икрам ног. Он не спеша затрусил к коновязи и принялся отвязывать лошадь.

— Пошли в город?— спросил Жюль.

— Пошли,— сказал Кин.— Аня разочарована. Рыцари должны быть в перьях, в сверкающих латах...

— Не знаю,— сказала Анна.— Все здесь не так.

— Если бы пришли лет на двести попозже, вы бы все увидели. Расцвет рыцарства впереди.

Шар поднимался по склону, пролетел неподалеку от осадной башни, возле которой возились люди в полукруглых шлемах и кожаных куртках.

— В отряде, по моим подсчетам,— сказал Кин,— около десятка божьих братьев, пятидесяти слуг и сотни четырех немецких ратников.

— Четыреста двадцать. А там, за сосняком,— сказал

Жюль, — союзный отряд. По-моему, летты. Около ста пятидесяти.

— Десять братьев? — спросила Анна.

— Божий брат — это полноправный рыцарь, редкая птица. У каждого свой отряд.

Шар взмыл вверх, перелетел через широкий неглубокий ров, в котором не было воды. Дорога здесь заканчивалась у рва, и мост через ров был разобран. Но, видно, его не успели унести — несколько бревен лежало у вала. На валу, поросшем травой, возвышалась стена из поставленных частоколом бревен. Две невысокие башни с площадками наверху возвышались по обе стороны сбитых железными полосами закрытых ворот. На них стояли люди.

Шар поднялся и завис. Потом медленно двинулся вдоль стены. И Анна могла вблизи разглядеть людей, которые жили в ее краях семьсот лет назад.

10

На башенной площадке тоже все было неправильно.

Там должны были стоять суровые воины в высоких русских шлемах, их красные щиты должны были грозно блистать на солнце. А на самом деле публика на башнях Замощья вела себя, как на стадионе. Люди совершенно не желали понять всей серьезности положения, в котором оказались. Они переговаривались, смеялись, размахивали руками, разглядывали осадную башню. Круглолицая молодая женщина с младенцем на руках болтала с простоволосой старухой, потом развязала тесемку на груди своего свободного, в складках, серого платья с вышивкой по вороту и принялась кормить грудью младенца. Еще один ребенок, лет семи, сидел на плече у монаха в черном клобуке и колотил старика по голове деревянным мечом. Рядом с монахом стоял коренастый мужчина в меховой куртке, надетой на голое тело, с длинными, по плечи, волосами, перехваченными тесьмой. Он с увлечением жевал ломоть серого хлеба.

Вдруг в толпе произошло движение.словно людей подталкивали сзади обладатели билетов на занятые в первом ряду места. Толпа нехотя раздалась.

Появились два воина, первые настоящие воины, которых увидела Анна. Они, правда, разительно не соответствовали привычному облику дружинников из учебника. На них были черные плащи, скрывавшие тускло блестящие кольчуги, и высокие красные колпаки, отороченные бурым мехом. Воины были смуглые, черноглазые, с длинными висячими усами. В руках держали короткие копья.

— Это кто такие?— прошептала Анна, словно боясь, что они ее услышат.

— Половцы,— сказал Жюль.— Или берендеи.

— Нет,— возразил Кин.— Я думаю, что ятвяги.

— Сами не знаете,— сказала Анна.— Кстати, Берендей — лицо не историческое, это сказочный царь.

— Берендей — народ,— сказал Жюль строго.— Это проходят в школе.

Спор тут же заглох, потому что ятвяги освободили место для знатных зрителей. А знатные зрители представляли особый интерес.

Сначала к перилам вышла пожилая дама царственного вида в синем платье, белом платке. Щеки ее были нарумянены, брови подведены. Рядом с ней появился мужчина средних лет, с умным, жестким, тонкогубым, длинным лицом. Он был богато одет. На зеленый кафтан накинут короткий синий плащ-корзно с золотой каймой и пряжкой из золота на левом плече в виде львиной морды. На голове невысокая меховая шапка. Анна решила, что это и есть князь. Между ними проскользнул странный мальчик. Он положил подбородок на перила. На правом глазу у мальчика было бельмо и на одной из рук, вцепившихся в брус, не хватало двух пальцев.

Затем появились еще двое. Они вошли одновременно и остановились за спинами царственной дамы и князя. Мужчина был сравнительно молод, лет тридцати, огненно-рыж и очень хорош собой. Белое, усыпанное веснушками лицо, украшали яркие зеленые глаза. Под простым красным плащом виднелась кольчуга. Анне очень захотелось, чтобы красавца звали Романом, о чем она тут же сообщила Кину, тот лишь хмыкнул и сказал что-то о последствиях эмоционального подхода к истории. Рядом с зеленоглазым красавцем стояла девушка, кого-то

напомнившая Анне. Девушка была высока... тонка — все в ней было тонкое, готическое. Выпуклый чистый лоб пересекала бирюзовая повязка, украшенная золотым обручем, такой же бирюзовый платок плотно облегал голову и спускался на шею. Тонкими пальцами она придерживала свободный широкий плащ, будто ей было зябко. Рыжий красавец говорил ей что-то, но девушка не отвечала, она смотрела на поле перед крепостью.

— Где-то я ее видела, — произнесла Анна. — Но где? Не помню.

— Не знаю, — сказал Кин.

— В зеркале. Она чертовски похожа на вас, — сказал Жюль.

— Спасибо. Вы мне льстите.

Еще один человек втиснулся в эту группу. Он был одет, как и смуглые воины, пожалуй, чуть побогаче. На груди его была приколотая большая серебряная брошь.

— Ну как, Жюль, мы сегодня их услышим? — спросил Кин.

— Что я могу поделать? Это же всегда так бывает!

Анна подумала, что самый факт технических неполадок как-то роднит ее с далеким будущим. Но говорить об этом потомкам не стоит.

Вдруг мальчишка у барьера замахал руками, царственная дама беззвучно ахнула, рыжий красавец нахмурился. Снаружи что-то произошло.

11

Кин развернул шар.

Из леса, с дальней от реки стороны, вышло мирное стадо коров, которых гнали к городу три пастуха в серых портах и длинных, до колен, рубахах. Видимо, они не знали о том, что рыцари уже рядом. Их заметили одновременно с крепостной стены и от ручья. Услышав крики с городских стен и увидев рыцарей, пастухи засуетились, стали подгонять коров, которые никак не могли взять в толк, куда и почему им нужно торопиться. Стадо сбилось в кучу, пастухи бестолково стегали несчастную скотину кнутами.

В рыцарском стане царила суматоха, божьим дворьянам очень хотелось перехватить стадо. Но лошади меченосцев были расседланы, и потому к ручью побежали пехотинцы, размахивая мечами и топориками. Звуча не было, но Анна представила себе, какой гомон стоит над склонами холма. Кин повернул шар к стене города. Народ на башнях раздался в стороны, уступив место лучникам. Рыжего красавца не было видно, длиннолицый князь был мрачен.

Лучники стреляли по бегущим от ручья и от осадной башни ратникам, но большинство стрел не долетало до цели, хотя одна из них попала в корову. Та вырвалась из стада и понеслась, подпрыгивая, по лугу. Оперенная стрела покачивалась у нее в загривке, словно бандерилья у быка во время корриды.

Тем временем немцы добежали до пастухов. Все произошло так быстро, что Анна чуть было не попросила Кина прокрутить сцену еще раз. Один из пастухов упал на землю и замер. Второй повис на дюжеи ратнике, но другой немец крутился вокруг них, размахивая топором, видимо боясь угодить по товарищу. Третий пастух бежал к воротам, и за ним гнались человек десять. Он добежал до рва, спрыгнул вниз. Немцы — за ним. Анна видела, как в отчаянии — только тут до нее докатилось отчаяние, управлявшее пастухом, — маленькая фигурка карабкалась, распластавшись по отлогому склону рва, чтобы выбраться к стене, а ратники уже дотягивались до него.

Один из преследователей рухнул на дно. Это не оставило остальных. Стрелы впивались в траву, отскакивали от кольчуг, еще один ратник опустился на колени, прижимая ладонь к раненой руке. Передний кнехт наконец догнал пастуха и, не дотянувшись, ударил его по ноге. Боль — Анна ощутила ее так, словно ударили ее, — заставила пастуха прыгнуть вперед и на четвереньках заковылять к стене. Яркая красная кровь хлестала из раны, оставляя след, по которому, словно волки, карабкались преследователи.

— Откройте ворота! — закричала Анна.

Жюль вздрогнул.

Еще один немец упал, пытаясь вырвать из груди стре-

лу, и, как будто послушавшись Анну, ворота начали очень медленно растворяться наружу. Но пастуху уже было все равно, потому что он снова упал у ворот и настигший его ратник всадил ему в спину боевой топор и тут же сам упал рядом, потому что по крайней мере пять стрел прошли его, приколов к земле, как жука.

В раскрывшихся воротах возникла мгновенная толкучка — легкие всадники в черных штанах, стеганых куртках и красных колпаках, с саблями в руках, мешая друг другу, спешили наружу.

— Ну вот,— сказала Анна,— могли бы на две минуты раньше выскочить. Стадо-то они вернут, а пастухов убили.

Пастух лежал на груди в луже быстро темнеющей крови, и лошади перескакивали через него. Вслед за ятвягами уже медленнее выехали еще несколько воинов, в кольчугах со стальными пластинами на груди и конических железных шлемах со стальными полосами впереди, прикрывающими нос. Анна сразу угадала в одном из всадников рыжего красавца.

— Смотрите,— сказала она.— Если он сейчас погибнет...

Кин бросил шар вниз, ближе к всадникам.

Когда из ворот выскочили ятвяги, Анна почему-то решила, что русские уже победили: не могла отделаться от неосознанной убежденности в том, что смотрит кино. А в кино после ряда драматических или даже трагических событий появляются Наши — в тачанках, верхом или даже на танках. После этого враг, зализывая раны, откатывается в свою берлогу.

Стадо к этому времени отделилось от стен. Тератники, которые не стали гнаться за пастухом, умело направляли его к ручью, оглядываясь на крепость, знали, что русские отдавать коров так просто не захотят. Навстречу им к ручью спускались рыцари.

Ятвяги, словно не видя опасности, закрутились вокруг запутанных коров, рубясь с загонщиками, и, когда на них напали тяжело вооруженные рыцари, сразу легко и как-то весело откатились обратно к крепости, навстречу дружинникам.

Немцы стали преследовать их, и Анна поняла, что стадо потеряно.

Но рыжий воин и дружинники рассудили иначе. Захватывая мчащихся навстречу ятвягов, как магнит захватывает металлические опилки, они скатились к рыцарскому отряду и слились с меченосцами в густую, плотную массу.

— Если бы стада не было, — заметил вдруг Кин, возвращая Анну в полумрак комнаты, — рыцарям надо было его придумать.

К этому времени Анна потеряла смысл боя, его логику — словно ее внимания хватило лишь на отдельные его фрагменты, на блеск меча, открытый от боли рот всадника, раздутые ноздри коня... Рыжий красавец поднимал меч двумя руками, словно рубил дрова, и Анне были видны искры от удара о треугольный белый с красным крестом щит могучего рыцаря в белом плаще. Откуда-то сбоку в поле зрения Анны ворвался конец копья, которое ударило рыжего в бок, и он начал медленно, не выпуская меча, валиться наземь.

— Ой! — Анна привстала: еще мгновение — и рыжий погибнет.

Что-то черное мелькнуло рядом, и удар рыцаря пришелся по черному кафтану ятвяга, закрывшего собой витязя, который, склонившись к высокой луке седла, уже скакал к крепости.

— Все, — сказал Жюль, — проверка аппаратуры. Перерыв.

— Ладно, — сказал Кин. — А мы пока пойдем, что видели.

Шар начал тускнеть. Кин выпростал руки. Устало, словно он сам сражался на берегу ручья, снял перчатки и швырнул на постель.

Последнее, что показал шар, — закрывающиеся ворота и возле них убитый пастух и его убийца, лежащие рядом, мирно, словно решили отдохнуть на зеленом косогоре.

12

В комнате было душно. Квадрат окошка почернел. Анна поднялась с табурета.

— И никто не придет к ним на помощь? — спросила она.

— Русским князьям не до маленького Замощья. Русь

раздроблена, каждый сам за себя. Даже полоцкий князь, которому формально подчиняется эта земля, слишком занят своими проблемами...

Кин открыл сбоку шара шестигранное отверстие и засунул руку в мерцающее зеленую чрево.

— Это был странный мир,— сказал он.— Неустойчивый, но по-своему гармоничный. Здесь жили литовцы, летты, самогиты, эсты, русские, литва, ливы, ятвяги, семигалы... некоторые давно исчезли, другие живут здесь и поныне. Русские князья по Даугаве — Западной Двине собирали дань с окрестных племен, воевали с ними, часто рождались с литовцами и ливами... И неизвестно, как бы сложилась дальше судьба Прибалтики, если бы здесь, в устье Даугавы, не высадились немецкие миссионеры, за которыми пришли рыцари. В 1201 году энергичный епископ Альберт основал город Ригу, возник орден святой Марии, или меченосцев, который планомерно покорял племена и народы, крестил язычников — кто не хотел креститься, погибал, кто соглашался — становился рабом. Все очень просто...

— А русские города?

— А русские города — Кукернойс, Герсике, Замошье, потом Юрьев — один за другим были взяты немцами. Они не смогли объединиться... Лишь литовцы устояли. Именно в эти годы они создали единое государство. А через несколько лет на Руси появились монголы. Раздробленность для нее оказалась роковой.

Кин извлек из шара горсть шариков, размером с грецкие орехи.

— Пошли в большую комнату,— сказал он.— Мы здесь мешаем Жюлю. К тому же воздуха на троих не хватает.

В большой комнате было прохладно и просторно. Анна задернула выцветшие занавески. Кин включил свою лампу. Горсть шариков раскатилась по скатерти.

— Вот и наши подозреваемые,— сказал Кин. Он поднял первый шарик, чуть сдавил его пальцами, шарик щелкнул и развернулся в плоскую упругую пластину — портрет пожилой дамы с набеленным лицом и черными бровями.

— Кто же она?— спросил Кин, кладя портрет на стол.

— Княгиня,— быстро сказала Анна.

— Не спешите,— улыбнулся Кин.— Нет ничего опаснее в истории, чем очевидные ходы.

Кин отложил портрет в сторону и взял следующий шарик.

Шарик превратился в изображение длиннолицего человека с поджатыми капризными губами и очень умными, усталыми глазами под высоким, с залысинами лбом.

— Я бы сказала, что это князь,— ответила Анна вопрошительному взгляду Кина.

— Почему же?

— Он пришел первым, он стоит рядом с княгиней, он роскошно одет. И вид у него гордый...

— Все вторично, субъективно.

Следующим оказался портрет тонкой девушки в синем плаще.

— Можно предложить?— спросила Анна.

— Разумеется. Возьмите. Я догадался.

Кин протянул Анне рыжего красавца, и та положила его рядом с готической девушкой.

— Получается?— спросила она.

— Что получается?

— Наш Роман был в западных землях. Оттуда он вывез жену.

— Значит, вы все-таки убеждены, что нам нужен этот отважный воин, которого чуть было не убили в стычке?

— А почему ученому не быть воином?

— Разумно. Но ничего не доказывает.

Кин отвел ладонью портреты и положил на освободившееся место изображение одноглазого мальчика. И тут же Анна поняла, что это не мальчик, а взрослый человек.

— Это карлик?

— Карлик.

— А что он тут делает? Тоже родственник?

— А если шут?

— Он слишком просто одет для этого. И злой.

— Шут не должен был веселиться. Само уродство было достаточным основанием для смеха.

— Хорошо, не спорю,— сказала Анна.— Но мы все равно ничего не знаем.

— К сожалению, пока вы правы, Анна.

Анна снова подвинула к себе портрет своего любим-

ца — огненные кудри, соколиный взор, плечи — косая сажень, меховая шапка стиснута в нервном сильном кулаке...

— Конечно, соблазнительный вариант,— сказал Кин.

— Вам не нравится, что он красив? Леонардо да Винчи тоже занимался спортом, а Александр Невский вообще с коня не слезал.

Портреты лежали в ряд, совсем живые, и трудно было поверить, что все они умерли много сотен лет тому назад. Хотя, думала Анна, я ведь тоже умерла много сотен лет назад...

— Может быть,— согласился Кин и выбрал из стопки два портрета: князя в синем плаще и рыжего красавца.

— Коллеги,— заглянул в большую комнату Жюль.— Продолжение следует. У нас еще полчаса. А там кто-то приехал.

13

Шар был включен и глядел на рыцарский лагерь в тринадцатом веке. Вечерело. На фоне светлого неба лес почернел, а закатные лучи солнца, нависшего над крепостной стеной, высвечивали на этом темном занавесе процессию, выползающую на берег.

Впереди ехали верхами несколько рыцарей в белых и красных плащах, два монаха в черных, подоткнутых за пояс рясах, за ними восемь усталых носильщиков несли крытые носилки. Затем показались пехотинцы и, наконец, странное сооружение: шестерка быков тащила деревянную платформу, на которой было укреплено нечто вроде столовой ложки для великана.

— Что это?— спросила Анна.

— Катапульта,— сказал Кин.

— А кто в носилках?

В полутьме было видно, как Жюль пожал плечами.

Носильщики с облегчением опустили свою ношу на пригорке, и вокруг сразу замельтешили люди.

Крепкие пальцы схватились изнутри за края полога, резко раздвинули его, и на землю выскочил грузный пожилой мужчина в сиреновой рясе и в маленькой черной шапочке. На груди у него блестел большой серебряный

крест. Коротко постриженная черная борода окаймляла краснощекое круглое лицо. Рыцари окружили этого мужчину и повели к шатру.

— Подозреваю,— сказал Кин,— что к нам пожаловал его преосвященство епископ Риги Альберт. Большая честь.

— Это начальник меченосцев?— спросила Анна.

— Формально — нет. На самом деле — правитель немецкой Прибалтики. Значит, к штурму Замошья орден относится серьезно.

Епископ задержался на склоне, приставил ладонь лопаткой к глазам и оглядел город. Рыцари объясняли что-то владыке. Носильщики уселись на траву.

Ратники перехватили быков и погнали платформу с катапультой к мосту, через ручей. Из шатра, у которого остановился епископ, вышел хозяин, рыцарь, чуть не убивший рыжего красавца. За ним один из приближенных епископа в черной сутане. Ратники подвели коня.

— Стяг не забудьте, брат Фридрих,— сказал монах.

— Брат Теодор возьмет,— сказал рыцарь.

Ратник помог рыцарю взобраться в седло с высокой передней лукой. Левая рука рыцаря двигалась неловко, словно протез. На правой перчатка была кольчужная, на левой железная.

— Погодите!— крикнула Анна.— Он же разговаривает! Кин улыбнулся.

— Он по-русски разговаривает?

— Нет, по-немецки. Мы же не слышим. Тут иной принцип. Знаете, что бывают глухонемые, которые могут по губам угадать, что говорит человек?

— Знаю.

— Наша приставка читает движение губ. И переводит.

У моста через ручей к рыцарю присоединился второй, молодой божий дворянин, в красном плаще, с длинным, раздвоенным на конце вымпелом, прикрепленным к древку копья. Вымпел был белым, на нем изображение двух красных башен с воротами.

Рыцари поднялись по склону к городу, придержали коней у рва. Молодой меченосец поднял оправленный в серебро рог.

Крепость молчала. Анна сказала:

— Не люблю многосерийные постановки, всегда время тянут.

— Сделайте пока нам кофе,— сказал Жюль.— Пожалуйста.

Анна не успела ответить, как ворота приоткрылись, выпустив из крепости двух всадников. Впереди ехал князь в синем плаще с золотой каймой. За ним ятвяг в черной одежде и красном колпаке. В щели ворот были видны стражники. Рыцарь Фридрих, приветствуя князя, поднял руку в кольчужной перчатке. Князь потянул за узды, конь поднял голову и стал мелко перебирать ногами. Шар метнулся вниз — Кин хотел услышать, о чем пойдет речь.

— Ландмейстер Фридрих фон Кокенгаузен приветствует тебя,— сказал рыцарь.

— На каком языке они говорят?— тихо спросила Анна.

Жюль взглянул на табло, по которому побежали искры.

— Латынь,— сказал он.

— Здравствуй, рыцарь,— ответил князь.

Черный ятвяг легонько задел своего коня нагайкой между ушей, и тот закрутился на месте, взрывая копытами зеленую траву. Рука молодого трубача опустилась на прямую рукоять мяча.

— Его преосвященство епископ Рижский и ливонский Альберт шлет отеческое благословение князю Замошья и выражает печаль. Плохие советники нарушили мир между ним и его сюзереном. Епископ сам изволил прибыть сюда, чтобы передать свое отеческое послание. Соблаговоли принять,— сказал рыцарь.

Молодой рыцарь Теодор протянул свернутую трубкой грамоту, к ленте которой была прикреплена большая сургучная печать. Фридрих фон Кокенгаузен принял грамоту и протянул русскому.

— Я передам,— сказал русский.— Что еще?

— Все в письме,— сказал рыцарь.

Ятвяг крутился на своем коне, словно дразнил рыцарей, но те стояли неподвижно, игнорируя легкого, злого всадника.

Анна поняла, что человек в синем плаще — не князь города. Иначе кому он передаст грамоту?

— Я слышал, что ты живешь здесь, — сказал ландмейстер.

— Третий год, — сказал русский.

— Мне жаль, что обстоятельства сделали нас врагами.

— Нет разума в войне, — сказал русский.

— Мне недостает бесед с вами, мой друг, — сказал рыцарь.

— Спасибо, — ответил русский. — Это было давно. Мне некогда сейчас думать об этом. Я должен защищать наш город. Князь — мой брат. Как твоя рука?

— Спасибо, ты чародей, мой друг.

Маленькая группа людей разделилась — русские повернули к воротам, раскрывшимся навстречу, немцы поскакали вниз, к ручью.

14

Шар пролетел сквозь крепостную стену, и Анна впервые увидела город Замошье изнутри.

За воротами оказалась небольшая пыльная площадь, на которой толпился народ. Заборы и слепые стены тесно стоявших домов стискивали ее со всех сторон. Узкая улица тянулась к белокаменному забору. Первое мгновение Анне показалось, что люди ждут послов, но на самом деле возвращение всадников прошло незамеченным. Часовые еще запирали ворота громадными засовами, а ятвяг, подняв нагайку, бросил коня вперед, к забору, за ним, задумавшись, следовал человек в синем плаще.

У стен домов и в щели между городским валом и строениями были втиснуты временные жилища беженцев, скрывшихся из соседних деревень и посадов в городе на время осады. Рогожки — примитивные навесы — свисали с палок. Под ними ползали ребятишки, варилась пища, спали, ели, разговаривали люди. И от этого дополнительного скопления людей улица, которой скакали послы, казалась длиннее, чем была на самом деле. Она завершилась другой площадью, отделенной от задней стены крепости большим двухэтажным теремом, который соединялся с собором галереей. Собор еще не успели достроить — рядом в пыли и на зелени подорожника лежали белые плиты. Дальняя стена собора была еще в

лесах, а на куполе, держась за веревку, колотил молотком кровельщик, прилаживая свинцовый лист. И вроде ему дела не было до боев, штурмов, осад.

У длинной коновязи был колодец, из которого два мужика таскали бадьей воду и переливали ее в бочки, стоявшие рядом.

Послы оставили коней у коновязи.

На высоком крыльце терема стояли два ятвяга, дремал под навесом мальчишка в серой рубахе. Уже смеркалось, и длинные сиреневые тени застелили почти всю площадь.

Послы быстро поднялись по лестнице на крыльцо и скрылись в низкой двери терема. Шар пролетел за ними темным коридором. Анна увидела в темноте, изредка разрываемой мерцанием лучины или вечерним светом из открытой двери перед залом, куда вошли послы, сидящих в ряд монахов в высоких кукелях с белыми крестами, в черных рясах. Лишь лица желтели под лампадами — над ними был киот с темными ликами византийских икон.

Рыжий красавец в белой рубахе, вышитой по вороту красным узором, сидел за длинным столом. В углу, на лавке устроился, свесив не достающие до земли короткие кривые ноги, шут.

Ятвяг остановился у двери. Посол прошел прямо к столу, остановился рядом с князем.

— Чего он звал? — спросил князь. — Чего хотел?

— Скорбит, — усмехнулся посол. — Просит верности.

Он бросил на стол грамоту епископа. Рыжий сорвал тесьму, и грамота нехотя развернулась. Шут вскочил с лавки, вперевалку поспешил к столу. Шевеля толстыми губами, принялся разбирать текст. Рыжий взглянул на него, поднялся из-за стола.

— Не отдам я им город, — сказал он. — Будем держаться, пока Миндаугас с литвой подоспеет.

— Ты не будешь читать, Вячеслав?

— Пошли на стену, — сказал рыжий. — А ты, Акиплеша, скажешь боярыне, как вернемся, ужинать будем.

— Они Магду требуют, — сказал шут, прижав пальцем строчку в грамоте.

— Вольно им, — ответил рыжий и пошел к двери.

— Все, сеанс окончен,— сказал Жюль.— Как насчет кофе?

— Ну вот,— сказал Кин.— Главное сделано. Мы узнали, кто князь, а кто Роман.

— Князя звали Вячеслав?— спросила Анна.

— Да, князь Вячко. Он раньше правил в Кокернойсе. Он — сын полоцкого князя Бориса Романовича. Кокернойсе захватили рыцари. После гибели города он ушел в леса со своими союзниками — ятвягами и ливами. А вновь появился уже в 1223 году, когда русские князья, отвоевав у меченосцев, отдали ему город Юрьев. К Юрьеву подступило все орденское войско. Вячко сопротивлялся несколько месяцев. Потом город пал, и князя убили.

— И вы думаете, что это тот самый Вячко?

— Да. И все становится на свои места. Ведь на этом холме было неукрепленное поселение. Лишь в начале XIII века его обнесли стеной и построили каменный собор. А в 1215 году город погибает. Существовал он так недолго, что даже в летописях о нем почти нет упоминаний. Зачем его укрепили? Да потому, что с потерей крепости на Двине полоцкому князю нужны новые пограничные форпосты. И он посылает сюда Вячко. Рыцари его знают. Он их старый враг. И конечно, его новая крепость становится центром сопротивления ордену. И бельмом на глазу...

Рыжий князь вышел из комнаты. Роман за ним. Шут, ухмыляясь, все еще читал грамоту.

Шар взмыл над вечерним городом. Видны были костры на улице — их жгли беженцы. Отсветы костров падали красными бликами на мезиво людей, сбившихся под защитой стен.

Напоследок шар поднялся еще выше.

Темным силуэтом виднелась на склоне осадная башня. Покачивались факелы — там устанавливали катапульту. Белые, освещенные внутри шатры меченосцев на том берегу ручья казались призрачными — 12 июля 1215 года заканчивалось. Известно было, что городом Замощье правит отважный и непримиримый князь Вячко. И есть у него боярин Роман, человек с серьезным, узкогубым капризным лицом — чародей и алхимик, который через сутки погибнет и очнется в далеком будущем.

Все случилось без свидетелей из будущего, в темноте, когда Кин, Анна, Жюль, а главное, господа епископ Альберт и ландмейстер Фридрих спокойно спали. И это было очень обидно, потому что время, если уж ты попал в течение витка, необратимо. И никто никогда не увидит вновь, каким же образом это произошло.

...Первой проснулась Анна, наскоро умылась и постучала к мужчинам.

— Лежебоки,— сказала она,— проспите решающий штурм.

— Встаем,— ответил Кин.— Уже встали.

— Я забегу пока к деду Геннадию,— благородно пожертвовала собой Анна.— Отвлеку его. Но чтобы к моему возвращению князь Вячко был на боевом коне!

А когда Анна вернулась с молоком, творогом, свежим хлебом, гордая своим подвижничеством, в доме царило разочарование.

— Посмотри,— сказал Жюль.

Шар был включен и направлен на склон. Там лениво догорала осадная башня — сюрреалистическое сооружение из громадных черных головешек. От катапульты осталась лишь ложка, нелепо уткнувшаяся в траву рукоятью. Вокруг стояли рыцари и орденские ратники. С мостика через ручей на пожарище глядела орденская знать, окружившая епископа.

От ворот крепости до башни пролегли черные широкие полосы. В ручье,— а это Анна увидела не сразу,— лежали большие, в два человеческих роста колеса, тоже черные, обгорелые, и сначала Анне показалось, что это части осадной башни, хотя тут же она поняла свою ошибку — у башни не могло быть таких больших колес.

— Они ночью все это сожгли!— сказала Анна.— И правильно сделали. Чего же расстраиваться?

— Жаль, что не увидели.

Кин быстро провел шар вниз, к ручью, близко пролетев над остовом башни, и затормозил над головами рыцарей.

— Спасибо за подарок,— медленно сказал епископ Альберт.— Вы не могли придумать ничего лучше в ночь моего приезда.

— Я еще в прошлом году советовал вам дать убежище чародею,— сказал ландмейстер,— когда он бежал из Смоленска.

— Мы посылали ему гонца,— сказал один из приближенных епископа.— Он не ответил. Он укрылся здесь.

— Он предпочел служить дьяволу,— задумчиво сказал епископ.— И небо нашей рукой покарает его.

— Воистину!— сказал высокий худой рыцарь.

— Правильно,— согласился Фридрих фон Кокенгаузен.— Но мы не в храме, а на войне. Нам нужны союзники, а не слова.

— Дьявол нам не союзник,— сказал епископ.— Не забывайте об этом, брат Фридрих. Даже если он могуч.

— Я помню, святой отец.

— Город должен быть жестоко наказан,— сказал епископ громко, так, чтобы его слышали столпившиеся в стороне кнехты. И продолжал тише:— В любой момент может прийти отряд из Полоцка, и это нам не нужно. В Смоленске тоже смотрят с тревогой на наше усиление...

— Сюда идут литовцы,— добавил худой рыцарь.

— Если крепость не сдастся до заката, мы не оставим в ней ни одной живой души,— сказал епископ.

— И мессира Романа?

— В первую очередь. Лишь то знание может существовать, которое освящено божьей благодатью.

— Но если он умеет делать золото?

— Мы найдем золото без чернокнижников,— сказал епископ.— Брат Фридрих и брат Готфрид, следуйте за мной.

16

Внутри шатер был обставлен скромно. На полу поверх рогож лежал ковер, стояли складные, без спинок, ножки крест-накрест, стулья, на деревянном возвышении, свернутые на день, лежали шкуры, высокий светильник с оплывшими свечами поблескивал медью возле высокого сундука, обтянутого железными полосами. На сундуке лежали два пергаментных свитка.

Епископ знаком велел рыцарям садиться. Фридрих фон Кокенгаузен отстегнул пояс с мечом и положил его

на пол у ног. Брат Готфрид установил меч между ног и оперся руками в перчатках о его рукоять. Откуда-то выскользнул служка в черной сутане. Он вынес высокий арабский кувшин и три серебряные чарки. Брат Готфрид принял чарку, епископ и Фридрих отказались.

— Ты говоришь, брат Фридрих,— сказал епископ,— что мессир Роман и в самом деле посвящен в секреты магии?

— Я уверен в этом,— сказал брат Фридрих.

— Если мы не убьем его завтра,— сказал брат Готфрид,— он с помощью дьявола может придумать нашу гибель.

— Я помню главное,— сказал Фридрих.— Я всегда помню о благе ордена. А мессир Роман близок к открытию тайны золота.

— Золото дьявола,— сказал мрачно Готфрид фон Гольм.

— Мессир Роман любит власть и славу,— сказал Фридрих.— Что может дать ему князь Вест?

— Почему он оказался здесь?— спросил епископ.

— Он — дальний родственник князя,— сказал Фридрих.— Он был рожден от наложницы князя Бориса Полоцкого.

— И хотел бы стать князем?

— Не здесь,— сказал брат Фридрих.— Не в этой деревне.

— Хорошо, что он сжег башню,— сказала Анна.— Иначе бы они не стали об этом говорить.

— Что случилось в Смоленске?— спросил епископ, перебирая в крепких пальцах янтарные четки с большим золотым крестом.

— Тамошний владыка — византиец. Человек недалекий. Он решил, что дела мессира Романа от дьявола. И поднял чернь...

— Ну прямо, как наши братья,— улынулся вдруг епископ Альберт. Взглянул на Готфрида. Но тот не заметил иронии.

— И кудесника пригрозил князь Вест?

— Он живет здесь уже третий год. Он затаился. Он напуган. Ему некуда идти. В Киеве его ждет та же судьба, что и в Смоленске. На западе он вызвал опасное возмущение короля Филиппа и гнев святой церкви. Я

думаю, что он многое успел сделать. Свидетельство тому — гибель нашей башни.

— Воистину порой затмевается рассудок сильных мира сего,— сказал епископ.— Сила наша в том, что мы можем направить на благо заблуждения чародеев, если мы тверды в своей вере.

— Я полагаю, что вы правы,— сказал брат Фридрих.

— Сохрани нас господь,— сказал тихо брат Готфрид.— Дьявол вездесущ. Я своими руками откручу ему голову.

— Не нам его бояться,— сказал епископ. Не поднимаясь со стула, он протянул руку и взял с сундука желтоватый лист, лежавший под свитками.— Посмотрите, это прислали мне из Замошья неделю назад. Что вы скажете, брат Фридрих?

Рыцарь Готфрид перекрестился, когда епископ протянул лист Фридриху.

— Это написано не от руки,— сказал Фридрих.— И в этом нет чародейства.

— Вы убеждены?

— Мессир Роман вырезает буквы на дереве, а потом прикладывает к доске лист. Это подобно печати. Одной печатью вы можете закрепить сто грамот.

— Великое дело, если обращено на благо церкви,— сказал епископ.— Божье слово можно распространять дешево. Но какая угроза в лапах дьявола!

— Так,— согласился брат Фридрих.— Роман нужен нам.

— Я же повторяю,— сказал брат Готфрид, поднимаясь,— что он должен быть уничтожен вместе со всеми в этом городе.

Его собеседники ничего не ответили. Епископ чуть прикрыл глаза.

— На все божья воля,— сказал он наконец.

Оба рыцаря поднялись и направились к выходу из шатра.

— Кстати,— догнал их вопрос епископа,— чем может для нас обернуться история с польской княжной?

— Спросите брата Готфрида,— сказал Фридрих фон Кокенгаузен.— Это случилось неподалеку от замка Гольм, а летты, которые напали на охрану княжны, по слухам, выполняли его приказ.

— Это только слухи,— сказал Готфрид.— Только слухи. Сейчас же княжна и ее тетка томятся в плену князя Веста. Если мы освободим их, получим за них выкуп от князя Смоленского.

— Вы тоже так думаете, брат Фридрих?— спросил епископ.

— Ни в коем случае,— ответил Фридрих.— Не секрет, что князь Вячко отбил княжну у леттов. Нам не нужен выкуп.

— Я согласен с вами,— сказал епископ.— Позаботьтесь о девице. Как только она попадет к нам, мы тут же отправим ее под охраной в Смоленск. Как спасители. И никаких выкупов.

— Мои люди рисковали,— сказал Готфрид.

— Мы и так не сомневались, что это — ваших рук дело, брат мой. Некоторые орденские рыцари полагают, что они всесильны. И это ошибка. Вы хотите, чтобы через месяц смоленская рать стояла под стенами Риги?

17

— Разумеется, Жюль,— сказал Кин,— начинай готовить аппаратуру к переходу. И сообщи домой, что мы готовы. Объект опознан.

Кин вытащил из шара шарик. Пошел к двери.

— Я с вами?— сказала Анна, о которой забыли.

— Пожалуйста,— ответил Кин равнодушно. Он быстро вышел в большую комнату. Там было слишком светло. Мухи крутились над вазочкой с конфетами. В открытое окно вливался ветерок, колыхал занавеску. Анна подошла к окну и выглянула, почти готовая к тому, чтобы увидеть у ручья шатры меченосцев. Но там играли в футбол мальчишки, а далеко у кромки леса, откуда вчера вышло несчастное стадо, пыхтел маленький трактор.

— Вы фотографировали епископа?— спросила Анна, глядя на то, как пальцы Кина превращают шарик в пластинку.

— Нет, это первый в Европе типографский оттиск.

Он склонился над столом, читая текст.

— Читайте вслух,— попросила Анна.

— Варварская латынь,— сказал Кин.— Алхимический текст. Спокойнее было напечатать что-нибудь божествен-

ное. Зачем дразнить собак?.. «Чтобы сделать эликсир мудрецов, возьми, мой брат, философической ртути и накаливай, пока она не превратится в зеленого льва... после этого накаливай сильнее, и она станет львом красным.»

Трактор остановился, из него выпрыгнул тракторист и начал копать в моторе. Низко пролетел маленький самолетик.

«Кипяти красного льва на песчаной бане в кислом виноградном спирте, выпари получившееся, и ртуть превратится в камедь, которую можно резать ножом. Положи это в замазанную глиной реторту и очисти...»

— Опять ртуть — мать металлов,— сказала Анна.

— Нет,— сказал Кин,— это другое. «...Кимврийские тени покроют твою реторту темным покрывалом, и ты найдешь внутри нее истинного дракона, который пожирает свой хвост...» Нет, это не ртуть,— повторил Кин.— Скорее, это превращение свинца. Зеленый лев — окисел свинца, красный лев — сурик... камедь — уксусно-свинцовая соль... Да, пожалуй, так.

— Вы сами могли бы работать алхимиком,— сказала Анна.

— Да, мне пришлось прочесть немало абракадабры. Но в ней порой сверкали такие находки! Правда, эмпирические...

— Вы сейчас пойдете туда?

— Вечером. Я там должен быть как можно меньше.

— Но если вас узнают, решат, что вы шпион.

— Сейчас в крепости много людей из ближайших селений, скрывшихся там. Есть и другие варианты.

Кин оставил пластинку на столе и вернулся в прихожую, где стоял сундук с одеждой. Он вытащил оттуда сапоги, серую рубаху с тонкой вышивкой у ворота, потом спросил у Жюля:

— Ну и что? Когда дадут энергию?

— После семнадцати.

18

— Знаете,— сказал Кин вечером, когда подготовка к переходу закончилась.— Давай взглянем на город еще раз, время есть. Если узнаем, где он скрывает свою лабораторию, сможем упростить версию.

Шар завис над скопищем соломенных крыш.

— Ну-с,— сказал Кин,— где скрывается наш алхимик?

— Надо начинать с терема,— сказал Жюль.

— С терема? А почему бы не с терема?— Кин повел шар над улицей к центру города, к собору. Улица была оживлена, в лавках — все наружу, так малы, что вдвоем не развернешься,— торговали одеждой, железным и глиняным товаром, люди смотрели, но не покупали. Народ толпился лишь у низенькой двери, из которой рыжий мужик выносил ковриги хлеба. Видно, голода в городе не было — осада началась недавно. Несколько ратников волокли к городской стене большой медный котел, за ним шел дед в высоком шлеме, сгорбившись под вязанкой дров. Всадник на вороном жеребце взмахнул нагайкой, пробиваясь сквозь толпу, из-под брюха коня ловко выскочил карлик — княжеский шут, ощерился и прижался к забору, погрозил беспалым кулаком наезднику и тут же втиснулся в лавку, набитую горшками и мисками.

Кин быстро проскочил шаром по верхним комнатам терема — словно всех вымело метлой — лишь какие-то приживалки, сонные служки, служанка с лоханью, старуха с клюкой... запустение, тишь...

— Эвакуировались они, что ли?— просил Жюль, оторвавшись на мгновение от своего пульта, который сдержанно подмигивал, урчал, жужжал, словно Жюль вел космический корабль.

— Вы к звездам летаете?— спросила Анна.

— Странно,— не обратил внимания на вопрос Кин.

В небольшой угловой комнате, выглядевшей так, словно сюда в спешке кидали вещи — сундуки и коробка транзитных пассажиров, удалось, наконец, отыскать знакомых. Пожилая дама сидела на невысоком деревянном стуле с высокой прямой спинкой, накрыв ноги медвежьей шкурой. Готическая красавица в закрытом, опущенном беличьим мехом, малиновом платье с серебряными ткаными цветами стояла у небольшого окошка, глядя на церковь.

Пожилая дама говорила что-то, и Жюль провел пальцами над пультом, настраивая звук. Кин спросил:

— Какой язык?

— Старопольский,— сказал Жюль.

— Горе, горе, за грехи наши наказание,— говорила, смежив веки, пожилая дама.— Горе, горе...

— Перестаньте, тетя,— отозвалась от окна девушка.

Накрашенное лицо пожилой женщины было неподвижно.

— Говорил же твой отец — подождем до осени. Как же так, как же так меня, старую, в мыслях покалечило. Оставил меня господь своей мудростью... И где наша дружина и верные слуги... тошно, тошно...

— Могло быть хуже,— девушка дотронулась длинными пальцами до стоявшей рядом расписной прялки, задумчиво потянула за клок шерсти.— Могло быть хуже...

— Ты о чем думаешь?— спросила старуха, не открывая глаз.— Смутил он тебя, рыжий черт. Грех у тебя на уме.

— Он князь, он храбрый витязь,— сказала девушка.— Да и нет греха в моих мыслях.

— Грешишь, грешишь... Даст бог, доберусь до Смоленска, умолю брата, чтобы наказал разбойников. Сколько лет я дома не была...

— Скоро служба кончится?— спросила девушка.— У русских такие длинные службы.

— Наш обряд византийский, торжественный,— сказала старуха.— Я вот сменила веру, а порой мучаюсь. А ты выйдешь за князя, перейдешь в настоящую веру, мои грехи замаливать...

— Ах, пустой разговор, тетя. Вы, русские, очень легковерные. Ну кто нас спасать будет, если все думают, что мы у леттов. Возьмут нас меченосцы, город сожгут...

— Не приведи, господь, не приведи господь! Страшен будет гнев короля Лешко.

— Нам-то будет все равно.

— Кто эта Магда?— спросила Анна.— Все о ней говорят.

— Вернее всего, родственница, может, и дочь польского короля Лешко Белого. И ехала в Смоленск... Давайте поглядим, не в церкви ли князь?

Перед раскрытыми дверями собора сидели увечные и нищие.

Шар проник сквозь стену собора, и Анне показалось, что она ощущает запах свечей и ладана. Шла служба. Сумеречный свет проникал за спиной священника в рас-

шитой золотом ризе. Его увеличенная тень покачивалась, застилая фрески — суровых чернобородых старцев, глядевших со стен на людей, наполнивших небольшой собор сплошной массой тел.

Роман стоял рядом с князем впереди, они были почти одного роста. Губы чародея чуть шевелились.

— Ворота слабые,— тихо говорил он князю.— Ворота не выдержат. Знаешь?

Князь поморщился:

— На улицах биться будем, в лес уйдем.

— Не уйти. У них на каждого твоего дружинника пять человек. Кольчужных. Ты же знаешь, зачем говоришь.

— Потому, что тогда лучше бы и не начинать. Подумай еще чего. Огнем их сожги.

— Не могу. Припас кончился.

— Ты купи.

— Негде. Мне сера нужна. За ней ехать далеко надо.

— Тогда колдуй. Ты чародей.

— Колдовством не поможешь. Не чародей я.

— Если не чародей, чего тебя в Смоленске жгли?

— Завидовали. Попы завидовали. И монахи. Думали, я золото делаю...

Они замолчали, прислушиваясь к священнику. Князь перекрестился, потом бросил взгляд на соседа.

— А что звезды говорят? Выстоим, пока литва придет?

— Боюсь, не дождемся. Орден с приступом тянуть не будет.

— Выстоим,— сказал князь.— Должны выстоять. А ты думай. Тебя первого вздернут. Или надеешься на старую дружбу?

— Нет у меня с ними дружбы.

— Значит, вздернут. И еще скажу. Ты на польскую княжну глаз не пяль. Не по тебе товар.

— Я княжеского рода, брат.

— А она королевской крови.

— Я свое место знаю, брат,— сказал Роман.

— Хитришь. Да бог с тобой. Только не вздумай бежать. И чародейство не поможет. Ятвягов за тобой пошлю.

— Не грози,— сказал Роман.— Мне идти пора.

— Ты куда? Поп не кончил.

— Акиплешу на торг посылал. Ждет он меня. Работать надо.

— Ну иди, только незаметно.

Роман повернулся и стал осторожно проталкиваться назад. Князь поглядел вслед. Он улыбнулся, но улыбка была недоброй.

Кин вывел шар из собора к паперти, где, дожидаясь конца службы, дрожали под сумрачным мокрым небом калеки и нищие. Роман быстро вышел из приоткрытой двери. Посмотрел через площадь. Там ковылял, прижимая к груди глиняную миску и розовый обожженный горшок, шут.

— Тебя за смертью посылать,— сказал Роман, сбегая на площадь.

— Не бей меня, дяденька,— заверещал шут, скалясь. Зашевелились нищие, глядя на него.— Гости позакрывали лавки, врага ждут, придет немец, снова торговать начнут. Что гостю? Мы на виселицу, а он — веселиться.

Роман прошел через площадь. Шут за ним, прихрамывая, горбясь. Они миновали колодец, коновязь, завернули в узкий, двоим не разойтись, закоулок. В конце его, у вала, в заборе была низкая калитка. Роман ударил три раза кулаком. Открылось потайное окошко, медленно растворилась низкая дверь. Там стоял стражник в короткой кольчуге и кожаной шапке. Он отступил в сторону, пропуская Романа. Тесный двор, заросший травой, несколько каменных глыб, окружавших выжженное углубление в земле... Роман по деревянным мосткам пересек двор, поднялся на крыльцо невысокого приземистого бревенчатого дома на каменном фундаменте. Кольцо двери было вставлено в медную морду льва. Где-то Анна такую ручку видела? Да, в коробке-музее деда Геннадия.

В горнице Роман сбросил плащ на руки подбежавшему красивому чернобровому отроку.

— Ты чего ждешь?— спросил он шута.

Шут поставил на пол миску, взялся за скобу в полу, потянул на себя крышку люка — обнаружился ход в подвал. Роман спустился первым. За ним шут и чернобровый отрок.

Обширный подпол освещался из окошек под самым потолком. На полках стояли горящие плошки с жиром.

Огоньки отражались от стеклянных реторт, банок мутного, грубого стекла, от глиняных мисок, медных сосудов, соединенных металлическими и стеклянными трубками. Горел огонь в низкой с большим зевом печи, возле нее стоял обнаженный по пояс жилистый мужчина в кожаном фартуке. Он обернулся к вошедшим.

— Остужай понемногу,— сказал Роман, заглянув в печь.

Шут заглянул в печь из-под локтя чародея и сказал:

— Давно пора студить.

— Знаем,— сказал мужчина. У него были длинные висячие усы, черные, близко посаженные глаза. Редкие волосы падали на лоб, и он все время отводил их за уши.

— Скоро орден на приступ пойдет,— сказал Роман.

— Остудить не успеем,— ответил тот.— А жалко.

— Студи,— сказал Роман,— неизвестно, как судьба повернется. А у меня нет сил в который раз все собирать и строить.

— А ты, дяденька, епископу в ноги поклонись,— сказал шут.— Обещай судьбу узнать, золота достать. Он и пожалеет.

— Глупости и скудоумие,— сказал Роман.

— По-моему, что скудоумие, что многоумие — все нелепица,— сказал шут. Подошел к длинному в подпалинах и пятнах столу, налил из одной склянки в другую — пошел едкий дым. Роман отмахнулся, морщась. Жилистый мужик отступил к печи.

— Ты чего,— возмутился Роман.— Отравить нас хочешь?

— А может, так и надо? Ты девицу полюбил, а тебе не положено, я склянку вылил, а мне не положено, князь епископу перечит, а ему не положено. Вот бы нас всех и отправить на тот свет.

— Молчи, дурак,— сказал Роман устало,— лучше бы приворотного зелья накапал, чем бездельничать.

— Нет,— воскликнул шут, подбегая к столу, запрокидывая голову, чтобы ближе поглядеть на Романа.— Не пойму тебя, дяденька, и умный ты у нас, и способный, и славный на всю Европу — на что тебе княжна? Наше дело ясное — город беречь, золото добывать, место знать.

— Молчи, смерд,— сказал Роман.— Мое место среди королей и князей. И по роду, и по власти. И по уму!

Отрок глядел на Романа влюбленными глазами неофита.

— Сделанное, передуманное не могу бросить. Во мне великие тайны хранятся — недосказанные, неоконченные.— Роман широким жестом обвел подвал.

— Значит, так,— сказал шут, подпрыгнув, посмеиваясь, размахивая склянкой, бесстыжий и наглый,— значит, ты от девицы отказываешься, дяденька, ради этих банок-склянок? Будем дома сидеть, банки беречь. Пока ландмейстер с мечом не придет.

— Но как все сохранить,— прошептал Роман, уперев кулак в стол.— Скажи, как спасти? Как отсрочку получить?

— Не выйдет, дяденька. Один осел хотел из двух кормушек жрать, как эллины говорили, да с голоду помер.

Роман достал с полки склянку.

— Ты все помнишь?

— Если девице дать выпить три капли, на край света пойдет. Дай, сам отопью. Романа полюблю, ноги ему целовать буду, замуж за него пойду...

Отрок хихикнул и тут же смешался под взглядом Романа.

— Хватит, бесовское отродье!— разозлился чародей.— Забыл, что я тебя из гнилой ямы выкупил?

— Помню, дяденька,— сказал шут.— Ой как помню!

— Все-таки он похож на обезьяну,— сказала Анна.— На злую обезьяну. В нем есть что-то предательское.

— Боярин,— сказал жилистый мужчина.— А что с огненным горшком делать?

— Это сейчас не нужно, Мажей,— сказал Роман.

— Ты сказал, что и меня пошлешь,— сказал Мажей.— Божии дворяне весь мой род вырезали. Не могу забыть. Ты обещал.

— Господи!— Роман сел на лавку, ударился локтями о стол, схватил голову руками.— Пустяки это все, суета сует!

— Господин,— сказал Мажей с тупой настойчивостью,— ты обещал мне. Я пойду и убью епископа.

— Неужели не понимаешь,— почти кричал Роман,—

ничем мы город не спасем! Не испугаются они, не отступят, их вдесятеро больше, за ними сила, орден, Европа, Магдебург, папа... Конрад Мазовецкий им войско даст, датский король ждет не дождется. Вы же темные, вам кажется, что весь мир вокруг нашего городка сомкнулся! Я и башню жечь не хотел... Вячко меня прижал. Лучше смириться, ордену кровь не нужна, орден бы князю город оставил... Неужели вам крови мало!

— Ты заговорил иначе, боярин,— сказал Мажей.— Я с тобой всегда был, потому что верил. Может, других городов не видал — наши литовские городки по лесам раскиданы, но пока орден на нашей земле, мне не жить. Мы орден не звали.

— Бороться тоже надо с умом,— стукнул кулаком по столу Роман.— Сегодня ночью они на приступ пойдут. Возьмут город, могут нас пощадить. Если мы поднимем руку на Альберта — они всех нас вырежут. И детей, и баб, и тебя, шут, и меня...

— Я убью епископа,— сказал Мажей.

— А я, дяденька,— сказал шут,— с тобой не согласен. Волки добрые, а овец кушают.

— Молчи, раб!— озлился Роман.— Я тебя десятый год кормлю и спасаю от бед. Если бы не я, тебя уж трижды повесили.

— Правильно, дяденька,— вдруг рассмеялся шут.— Зато я иногда глупость скажу, умные не догадаются. Рабом я был, рабом умру, зато совесть мучить не будет.

— Чем болтать, иди к княжне,— сказал Роман жестко.— Дашь ей приворотного зелья. Так, чтобы старуха не заметила.

— И это гений,— вздохнула Анна.

— А что?— спросил Кин.

— Верить в приворотное зелье...

— Почему же нет? И в двадцатом веке верят.

— Иду,— сказал шут,— только ты к немцам не убеги.

— Убью. Ты давно это заслужил.

— Ёбнешь, да не сегодня. Сегодня я еще нужен. Только зря ты епископа бережешь. Он тебе спасибо не скажет.

Шут подхватил склянку и ловко вскарабкался вверх. Мажей вернулся к печи, помешивал там кочергой, молчал. Роман прошелся по комнате.

— Нет,— сказал он сам себе,— нет. Все не так...
Отрок присел у стены на корточки. Роман вернулся к столу.

— Может, пойти за шутом?— спросила Анна.

— Мне сейчас важнее Роман,— сказал Кин.

— Поди сюда, Глузд,— сказал Роман, не оборачиваясь.

Отрок легко поднялся, сделал шаг. И тут же обернулся.

Роман резко поднял голову, посмотрел туда же.

Вскочил из-за стола. Мажея в комнате не было.

Роман одним скачком бросился за печку. Там оказалась низкая, массивная дверь. Она была приоткрыта.

— Глузд, ты чего смотрел? Мажей сбежал!

— Куда сбежал?— не понял отрок.

— Он же с горшком сбежал. Он же епископа убить хочет!

Роман толкнул дверь, заглянул внутрь, хлопнул себя по боку, где висел короткий меч, выхватил его из ножен и скрылся в темноте.

Отрок остался снаружи, заглянул в ход, и Анне показалось, что его спина растет, заполняет экран. Стало темно — шар пронзил отрока, пронесся в темноте, и темнота казалась бесконечной, как кажется бесконечным железнодорожный туннель, а потом наступил сиреневый дождливый вечер. Они были метрах в ста от крепостного вала в низине, заросшей кустарником. Между низиной и крепостью медленно ехали верхом два немецких ратника, поглядывая на городскую стену. На угловой башне покачивались шлемы стражников.

Вдруг в откосе низины образовалась черная дыра — откинулась в сторону дверь, забранная снаружи дерном. В проеме стоял Роман. Он внимательно огляделся. Дождь усилился и мутной сеткой скрывал его лицо. Никого не увидев, Роман отступил в черный проем, потянув на себя дверь. Перед глазами был поросший кустами откос. И никаких следов двери.

Кин вернул шар в подвал, на мгновение обогнав Романа.

Отрок, так и стоявший в дверях подземного хода, отлетел в сторону — Роман отшвырнул его, метнулся к

столу. Отрок подошел, остановился сзади. Роман рванул к себе лист пергамента и быстро принялся писать.

— Стучат,— сказал Кин.— Анна, слышишь?

В дверь стучали.

Анна сделала усилие, чтобы вернуться в двадцатый век.

— Закрой дверь,— быстрым шепотом сказал Кин.— И хоть умри, чтобы никто сюда не вошел. Мы не можем прервать работу. Через полчаса я уйду в прошлое.

— Есть, капитан,— сказала Анна также шепотом.

От двери она оглянулась. Кин следил за шаром. Жюль следил за приборами. Они надеялись на Анну.

За дверью стоял дед Геннадий. Этого Анна и боялась.

— Ты чего запираешься?— сказал он.— По телевизору французский фильм показывают из средневековой жизни. Я за тобой.

— Ой, у меня голова болит!— сказала Анна.— Совершенно не могу из дома выйти. Легла уже.

— Как легла?— удивился Геннадий.— Воздух у нас свежий, с воздуха и болит. Хочешь, горчишники поставлю?

— Да я же не простужена. У меня голова болит, устала.

— А может, по рюмочке?— спросил дед Геннадий.

Анне надо было не пускать деда в сени, где на полу сохранялись следы трудовой деятельности Жюля.

— Нет, спасибо, не хочется.

— Ну, тогда я пошел,— сказал дед, не делая ни шагу.— А то французский фильм начинается. Эти не возвращались? Реставраторы?

— Нет. Они же на станцию уехали.

— А газика-то сначала не было, а потом взялся. Удивительное дело. Здесь разве газик проедет?

— Они с холма приехали.

— Я и говорю, что не проедет. Но люди приятные, образованные. Изучают наше прошлое.

— Я пойду лягу, можно?

— Иди, конечно, разве я держу, а то фильм начинается. Если захочешь, приходи, я смотреть буду.

Наконец дед ушел. Анна не стала дожидаться, пока он скроется за калиткой,— бросилась обратно в холодную горницу.

За время ее отсутствия сцена в шаре изменилась.

Он вернулся на верхний этаж терема — в угловой комнате была лишь польская княжна Магда. Анна не сразу увидела, что на полу, скрестив ноги, сидит шут.

— Я слышала шум,— сказала Магда.— Начался приступ?

— А что им делать? Пришли к обеду, значит, ложку подавай. А если блюдо пустое, а они голодные...

— Ты где научился польскому языку, дурак?

— Мотало шапку по волнам,— ухмыльнулся шут.— То здесь, то там.

— Это правда, что твой хозяин сжег орденскую башню?

— Он и десять башен сжечь может. Был бы огонь.

— Он чародей?

— И что вам, бабам, в чародеях? Где щекочет — туда пальчики тянете. Обожжетесь.

— Везде огонь,— сказала княжна. Она вдруг подошла к шуту, села рядом с ним на ковер. И Анна поняла, что княжна очень молода, ей лет восемнадцать.— Я в Смоленск ехать не хотела,— сказала она.— У меня дома котенок остался.

— Черный?— спросил шут.

— Серый, такой пушистый. И ласковый. А потом нас летты захватили. Пана Тадеуша убили. Зачем они на нас напали?

— Боярин говорит, что их немцы послали.

— Мой отец письмо епископу писал. Мы же не в диких местах живем. А в Смоленске стены крепкие?

— Смоленск никто не тронет. Смоленск — великий город,— сказал шут.— Нас с боярином Романом оттуда так гнали, что мы даже бумаги забрать не успели. И печатный станок наш сожгли.

— Какой станок?

— Чтобы молитвы печатать.

— Боярин Роман с дьяволом знается?

— Куда ему! Если бы дьявол за него был, разве бы он допустил, чтобы монахи нас в Смоленске пожгли?

— Дьявол хитрый,— сказала княжна.

— Не без этого,— сказал шут.— Люб тебе наш боярин?

— Нельзя так говорить. Я в Смоленск еду, там меня

замуж отдадут. За княжьего сына, Изяслава Владимировича.

— Если доедешь,— сказал шут.

— Не говори так! Мой отец рыцарям друг. Он им землю дал.

— А ночью кто разберется?

— Князь Вячко их в город не пустит. Он красивый.

— Ребенок ты, ну, прямо ребенок,— шут поднялся и подошел к столу.— Это квас у тебя?

— Мне тоже дай напиток,— сказала, легко поднимаясь с ковра, девушка.

Шут вдруг резко обернулся, взглянул на дверь:

— Пить, говоришь, хочешь?

— А ну-ка,— сказал Кин и метнул шар к двери, пронзил ее, и в узком коридоре Анна увидела прижавшегося в угол Романа.

— Он ее любит,— сказала Анна.

— Этого еще нам не хватало,— сказал Жюль.

— А тетка ее ругала за склонность к князю, помните?

— Помню,— сказал Кин, возвращая шар в комнату. Как раз в тот момент, когда шут ловко, фокусником плеснул из склянки в кубок приворотное зелье. Протянул девушке.

— Спасибо. Ты не уходи, Акиплеша. Мне страшно одной.

— Все,— сказал Кин.— Пора собираться.

19

— Как вы думаете,— сказала Анна, пока Кин подбирал с кровати рубаху и сапоги,— тот литовец убьет епископа?

— Нет,— сказал Кин.— Епископ умрет лет через пятнадцать. Жюль, проверь, чтобы ничего не оставалось в сенях.

— А вы не вернетесь?— вдруг Анна поняла, что представление заканчивается. Последнее действие — похищение чародея. И занавес. Зрители покидают зал. Актеры заранее собрали реквизит и переезжают в другой городок.

— Если все обойдется,— сказал Кин сухо,— то не вер-

нусь Жюль перебросит нас домой. Дед Геннадий приходил?

Анна кивнула.

— Сварить кофе?

— Только себе и Жюлю, — сказал Кин. — Перед переброской лучше не есть. Я завтра утром позавтракаю. Дома...

— Все-таки этот шут мне неприятен, — сказала Анна. — Девушка ничего не подозревает...

— Он его раб, — сказал Кин. — Роман его спас от смерти. Но приворотного зелья не существует. Это уже доказано наукой.

— Не знаю, — сказала Анна. — Вы же сами говорите, что Роман — универсальный гений. Может, придумал.

— Я буду переодеваться, — сказал Кин. — И боюсь вам помешать. Вы хотели сделать кофе.

— Конечно, — сказала Анна.

Она разожгла плиту — хорошо, что взяла с собой молотого кофе, — и вдруг страшно рассердилась. И поняла почему. Ее присутствие терпели, как присутствие деда Геннадия, и забыли о ней в первый же удобный момент. А чего ты ждала, голубушка? Что тебя пригласят на экскурсию в будущее? Чепуха, ты просто ни о чем не думала, а решила, что бесплатное развлечение будет длиться вечно... Кин за перегородкой чем-то загремел. Интересно, а он берет с собой оружие?

— Ну как? — спросил Кин.

Анна обернулась. В дверях кухни стоял обросший короткой бородой мужчина из тринадцатого века, зажиточный, крепкий, меч сбоку, кольчуга под накидкой, на шее странный обруч — в виде серебряной змеи. Был этот мужик пониже ростом, чем Кин, пошире его в плечах, длинные пегие волосы собраны тесемкой.

— Я бы вас никогда не узнала, — сказала Анна.

— Спасибо, — сказал Кин.

— А почему змея?

— Это уж. Я литовский воин, из охраны Романа.

— Но они же друг друга знают.

— Сейчас темно. Я не буду соваться на передний план.

— А я кофе сварила, — сказала Анна.

— Кофе? Налейте Жюлю.

Жюль уже собрал один из пультов, закрыл чемодан и вынес в прихожую. Сам вернулся к пульту связи.

— Жюль,— сказала Анна,— выпей кофе.

— Спасибо, девочка,— сказал Жюль,— поставь на столик.

Анна поставила чашку под выключенный шар. Если не нужна, лучше не навязываться. В прихожей ее догнал голос Жюля.

— Мне будет жаль, если я тебя больше не увижу,— сказал он.— Такая у нас работа.

— Такая работа,— улыбнулась Анна, оборачиваясь к нему. Она была ему благодарна за живые слова.

На кухне Кин стоял, прихлебывал кофе.

— Вам же нельзя!— не удержалась Анна.

— Конечно, лучше не пить. Только вот вам не осталось.

— Ничего, я себе еще сварю.

— Правильно,— сказал Кин.

20

Выход в прошлое чуть было не сорвался. Они все стояли в прихожей, над чемоданами и ящиками. И снова раздался стук в дверь.

— Кто?— спросила Анна.

— У тебя все в порядке?— спросил дед Геннадий.

— А что?

— Голоса слышу,— сказал дед.

Кин метнулся на кухню. Жюль закрылся в задней комнате. Анна медлила с засовом.

— У меня радио,— сказала она.— Радио я слушала. Я уже спать легла.

— Спать легла, а свет не тушишь,— проворчал дед.— Я тебе анальгин принес.

— Зачем мне анальгин?

— От головной боли, известное дело. Раз жаловалась.

Пришлось открыть. На улице дул сырой ветер. Яркая луна освещала шляпу деда, лицо под ней казалось черным. Дед постарался заглянуть за спину Анны, но в прихожей было темно. Пачка таблеток была теплой, нагрелась от ладони деда.

— Беспокоюсь я за тебя,— сказал он.— Вообще-то у нас

места тихие, разбойников, понятно, нет, нечем им интересоваться, но какое-то к тебе есть опасное притяжение.

— Я не боюсь. Спасибо за лекарство. Спокойной ночи.

Анна быстро захлопнула дверь, решив, что, если дед обидится, у нее будет достаточно времени с ним поладить. Дед еще постоял на крыльце, повздыхал, потом заскрипели ступеньки. Кин подошел к окну в прихожей — дед медленно брел по тропинке.

— Спасибо, Анна, не знаю, что бы мы без тебя делали, — сказал Кин.

— Не лицемерьте. Он приходит именно потому, что я здесь. Не было бы меня, он бы и не заподозрил.

— Ты права, — сказал Кин.

Он прошел, мягко ступая по половицам, в холодную комнату, включил шар и повел его из горницы польской княжны, сейчас темной, наружу, через залитую дождем площадь, мимо коновязи, где переминались мокрые кони, мимо колодца, в закоулок, к дому Романа. За забором во дворе шар опустился к земле и замер. Кин выпростал руки из столика, перешел в другой угол комнаты, где стояла тонкая металлическая рама — под ней металлическая платформочка, похожая на напольные весы. Воздух в раме чуть колебался.

— Давай напряжение, — сказал Кин.

— Одну минуту, — сказал Жюль. — Дай я уберу вещи, а то потом будет некогда отвлекаться.

Сзади Анны зашуршало, щелкнуло. Она обернулась и увидела, как исчез один чемодан — с лишней одеждой, потом второй, с пультом. Прихожая опустела.

Кин вступил в раму. Жюль подвинул табурет поближе к шару, натянул на левую руку черную перчатку.

— Начинается ювелирная работа, — сказал он.

Кин бросил на Анну, как ей показалось, удивленный взгляд, словно не понимал, с кем разговаривает Жюль.

— Не отвлекайся, — сказал он.

Шар показывал темный двор. Под небольшим навесом у каютки съежился, видно дремал, стражник, похожий на Кина.

— Чуть ближе к сараю, — сказал Кин.

— Не ушибись, — сказал Жюль, — желаю счастья.

Кин поднял руку. Раздалось громкое жужжание, словно в комнату влетел пчелиный рой. И Кин исчез.

Кин вышел из тени сарая — на дворе стояла темень, угадывались лишь силуэты предметов. Слабый свет выбивался из щели двери в сарай. Кин скользнул туда, чуть приоткрыл дверь — лучина освещала низкое помещение, на низких нарах играли в кости два стражника. Кин пошел к воротам. Стражник у ворот дремал под навесом, кое-как защищавшим от дождя.

Кин был уже возле стражника, когда трижды ударили в дверь — по ту сторону забора стоял Роман, у его ног сгорбленной собачонкой — шут Акиплеша.

Стражник вздохнул, поежился во сне. Кин быстро шагнул к воротам, выглянул, узнав Романа, отодвинул засов.

— Ни черта не видно, — проворчал Роман.

— Я до двери провожу, — сказал Кин. — За мной идите.

— В такую темень можно уйти, — сказал Роман. — По крайне мере, часть добра мы бы вынесли.

— А дальше что? — спросил шут. — Будешь, дяденька, по лесу посуду носить, медведей кормить?

— Не спеши, в грязь попаду, — сказал Роман Кину. Он шел по деревянным мосткам, держась за край его плаща.

Анна вдруг хмыкнула.

— Ты чего? — спросил Жюль.

— Знал бы Роман, что коллегу за полу держит.

— Лучше, чтобы не знал, — серьезно ответил Жюль.

— Ты зачем подсматривал, дяденька? — спросил шут. —

Не поверил, что дам любезной зелье?

— Она придет ко мне?

— Кого поумней меня спроси!

Заскрипели ступеньки крыльца.

Дверь, отворившись, обозначила силуэты людей. Кин сразу отступил в сторону. Донесся голос шута:

— Что-то этого ратника не помню.

— Они все одинаковые, — сказал Роман.

В приотворенную дверь видно было, как шут откинул люк в подвал. Заглянул внутрь. Выпрямился.

— Мажей не возвращался, — сказал он.

Голос его вдруг дрогнул. Анна подумала, что и шуты устает быть шутами.

— Лучше будет, если он не вернется,— сказал Роман.
— Разум покидает тебя, боярин,— сказал шут жестко.— Мажей верно служил тебе много лет.

— Город не выстоит, даже если вся литва придет на помощь.

— Если погибнет епископ, будет справедливо.

— И рыцари отомстят нам жестоко. Мы погибнем.

— Мы выиграем день. Придет литва.

— Я думаю о самом главном. Я на пороге тайны. Еще день, неделя, месяц — и секрет философского камня у меня в руках. Я стану велик... князья государств и церкви будут у моих ног... Никто не посмеет отобрать у меня Магдалену.

— Дурак,— сказал спокойно шут,— умный, а дурак, хуже меня. Епископ...

— А что, епископу золото не нужно? Власть не нужна? Епископ будет беречь меня как золотую птицу.

— Но в клетке, дяденька.

— Условия будут мои.

— Птичка в клетке велела хозяину щи подавать?

— Будут подавать. Как миленькие.

— Рыцари прихлопнут тебя, не станут разбираться...

— Епископ знает, что я здесь. Не даст меня в обиду.

— И ты его поэтому бережешь?

— Любой ценой. Не ради меня — ради великой тайны.

— Ой, боярин...

— Ты не веришь?

— Нет.

Роман вдруг выхватил нож.

— Я убью тебя!

— Нельзя!— крикнул шут. С неожиданной ловкостью он перепрыгнул через открытый люк в подвал, перед слабо освещенным зевом которого остановился Роман. Ухмылка не исчезла с его лица. Он бросился наружу. Кин еле успел отшатнуться.

На крыльце шут нахохлился, голова ушла в широкие плечи.

— Дождик,— сказал он,— дождик какой... До конца света дождик... Жизни нет, один дождик.

Заскрипели ступеньки. Шут спустился во двор...

Кин стоял посреди верхней горницы. Роман спустился в подвал, но люк оставил открытым.

Кин осторожно заглянул вовнутрь. Шар, повиснув над ним, глядел туда же.

Роман стоял у стола, постукивая концами пальцев по его краю. Вдруг он вздрогнул. Он увидел, что у потухшей печи, мокрый, замерзший, стоит отрок.

— Ты что же молчишь?— спросил Роман.

— Я не догнал его,— сказал отрок.

— А я и не ждал, что ты его догонишь. А там ты был?

— Был,— сказал отрок.

— Что сказали?

— Сказали, в час после полуночи.

— Ты грейся, грейся,— сказал Роман.— Потом поможешь мне.

— Бьет меня дрожь,— сказал отрок.— Орден нас примет?

— Ты не бойся. Меня везде знают. Меня в Венеции знают. И в Магдебурге, и в Майнце знают... меня убить нельзя...

В этот момент все и случилось.

Шар висел над самой головой Кина. Поэтому не было видно, кто нанес Кину удар сзади. На мгновение изображение исчезло, затем возникло удивленное лицо Кина.

Он попытался обернуться и тут же, потеряв равновесие, рухнул в люк, медленно сполз в подвал по ступеням лестницы.

— Стой! Он же разобьется!

Сверху мелькнул аркан — за секунду шут успел достать и метнуть его так, что веревка охватила плечи Кина в полуметре от пола подвала и остановила падение. Затем безжизненное тело опустилось на пол, и, подняв шар, Жюль увидел над люком шута с арканом в одной руке, с дубиной — в другой.

Роман и отрок отшатнулись от люка, замерли.

Роман первым сообразил, в чем дело.

— Кто?— спросил он.

— Он мне с самого начала не показался — нет у нас такого в стражниках. У меня знаешь, какая память на лица. Подслушивал. Думаю, епископский лазутчик.

Глаза Кина были закрыты.

— Ты его не убил? — спросил Роман.
— У нас, литовцев, головы железные, — сказал шут.
— Что же делать? — сказала Анна. — Они его убьют. Ну сделай что-нибудь, Жюль, миленький! Вытащи его обратно.

— Без его помощи не могу.

— Так придумай.

— Да погоди ты! — огрызнулся Жюль. — Ты думаешь, он на прогулку пошел? Выпутается. Обязательно выпутается. Ничего...

— Надо с ним поговорить, — сказал Роман.

— Только возьми у него... это.

Шут нагнулся, выхватил у Кина меч, арканом стянул руки.

В этот момент в люке показалось лицо другого стражника.

— А, Йовайла, — сказал шут. — Ты этого земляка не знаешь?

— Нет, — сказал тот быстро. — За воротами князь.

— Этого еще не хватало, — сказал Роман. — Акиплеша, убери, быстро, быстро, ну! Глузд, помоги ему!

Они оттащили Кина в сторону, в тень, Роман насыпал сверху ворох тряпья... Сцена была зловещей — тени метались по стенам, сплетались, будто дрались между собой.

Князь быстро спускался вниз, ступени прогибались, за ним — в двух шагах — ятвяг, в черной куртке и красном колпаке.

Князь был в кольчуге, короткий плащ промок, прилип к спине, рыжие волосы взъерошились. Князь был зол.

— Орден на приступ собрался, лестницы волокут... Как держаться, ворота слабые, людей мало. Ты чего здесь таишься?

— Какая от меня польза на стене? Я здесь нужнее.

— Ты думай. Нам бы до завтра продержаться. Роман, почему на башнях огненной воды нет?

— Кончилась, княже.

— Чтобы была! Не отстоим город — первым помрешь.

— Князь, я твоего рода, не говори так. Я все делаю...

— Не знаю, никому не верю. Как плохо — никого нет. Где Владимир Полоцкий? Где Владимир Смоленский,

где Мстислав Удалой? Владимир Псковский? Где рати? Где вся Русь?

— Я приду на стену, брат,— примирительно сказал Роман.

— Тут у тебя столько зелья заготовлено.

— Это чтобы золото делать.

— Мне сейчас золото не нужно — ты мне самородок дашь, я его на голову епископу брошу. Ты мне огонь дай, огонь!

— Я приду на стену, брат.

Кин пошевелился под тряпьем, видно, застонал, потому что князь метнулся к куче тряпья, разгреб ее. Кин был без сознания.

— Кто? Почему литовца связал?

— Чужой человек,— сказал Роман.— В доме у меня был. Не знаю — может, орденский лазутчик.

— Убей его,— князь вытащил меч.

Анна прижала ладони к глазам.

— Нет,— услышала она голос Романа.— Я его допросить должен. Иди, князь, я приду. Сделаем огонь — придем.

— Ятвяг,— сказал князь.— Останешься здесь.

— Лишнее, князь,— сказал Роман.

— Сейчас я никому не верю. Понял? Тебе не верю тоже.— Князь отпустил рукоять меча.— Нам бы до завтра продержаться.

Князь, не оборачиваясь, быстро поднялся по лестнице. Остановился, взглянув в подвал сверху. И ему видны были темные тени, неровно освещенные желтым светом лица, блеск реторт и трубок. Князь перекрестился, потолок над головами чародея и его помощников заколебался, вздрогнул от быстрых тяжелых шагов уходившего князя Вячко.

— Вся литовская рать не спасет его,— тихо сказал Роман.

Он сделал шаг к Кину, посмотрел внимательно на его лицо.

Ятвяг за его спиной тоже смотрел на Кина холодно и бесстрастно — для него смерть и жизнь были лишь моментами в бесконечном чередовании бытия и небытия.

— Дай чего-нибудь ятвягу, опои его,— сказал Роман.

— Он заговорил по-латыни,— заметил Жюль.

— Не все ли равно!— воскликнула Анна.

Ятвяг отступил на шаг, он был настороже.

— Не будет он пить,— сказал шут.— Он верный пес.

Кин открыл глаза. Помотал головой, поморщился от боли.

— Ничего,— сказал Жюль.— Мы не с такими справлялись.

— Пистолет бы ему.

— Он не имеет права никому причинить вреда.

— Даже если это грозит ему смертью?

— Мы готовы к этому,— сказал Жюль.

— Ты кто?— спросил Роман, склоняясь к Кину.

Кин молчал, глядел на Романа.

— Он не понимает по-немецки,— сообщил шут.

— Без тебя, дурак, вижу, наверно, притворяется.

— Так убей его, и дело с концом,— сказал шут.

— А вдруг его прислал епископ?

— Другого пришлет,— сказал шут.— С языком.

— Подлец,— сказала Анна сквозь зубы.

— Спроси его по-литовски,— сказал Роман.

— Ты что здесь делаешь?— спросил шут.

— Я пришел из Тракая,— сказал Кин.— Я своих уви-дел.

— Врешь,— сказал шут.

— Что он говорит?

— Врет,— сказал шут.— Убить его надо, и дело с концом.

Кин постарался приподняться.

Ятвяг кошачьим, мягким движением выхватил саблю.

— Погодите,— сказал Кин.— Мессир Роман, у меня к вам важное дело.

— Он знает латынь?— вырвалось у Романа.

— Боярин,— сказал отрок.— Время истекает.

— Время?— повторил ятвяг.— Князь ждет. Идите на башню.

— Сейчас,— сказал Роман.— Ты говоришь, что знаешь меня?

— Я принес вести из Бремена,— сказал Кин.— Я не могу сказать сейчас. Я скажу наедине. Развяжите меня.

— Нет,— сказал Роман.— Даже если ты не врешь, ты останешься здесь. Я не верю тебе.

— Время истекает,— сказал отрок.

— О чем он все время говорит?— спросил шут.

— Он должен встретиться с одним человеком.

Ятвяг положил на левую ладонь лезвие сабли, словно любуясь ее тусклым блеском.

— Князь сказал,— повторил он,— пора идти.

— С тобой пойдет Акиплеша,— сказал Роман.— Он все знает.

— Князь сказал,— повторил ятвяг, и в словах была угроза.

Анна увидела, что Роман сделал какой-то знак отроку и тот, чуть заметно кивнув, двинулся вдоль стены в полутьме. Кин лежал с открытыми глазами. Внимательно следил за людьми в подвале. Чуть пошевелил плечами.

— Он снимет веревки,— прошептал Жюль, будто боялся, что его услышат,— главное — снять веревки.

Ятвяг тоже внимательно следил за тем, что происходит вокруг, словно предчувствуя неладное.

— Цезарь,— сказал шут,— не бери греха на душу.

— Ты никогда не станешь великим человеком,— ответил Роман, делая шаг к столу, чтобы отвлечь внимание ятвяга,— наше время не терпит добрых. Ставка слишком велика. Ставка — жизнь и великая магия. Ты!— крикнул он неожиданно ятвягу. И замахнулся кулаком. Ятвяг непроизвольно вскинул саблю.

И в этот момент блеснул нож — коротко, смутно, отразившись в ретортах. И ятвяг сразу выпустил саблю, бессмысленно и безнадежно стараясь увидеть источник боли, достать закинутыми за спину руками вонзившийся в спину нож... и, сдвинув тяжелый стол, упал на бок. Реторта с темной жидкостью вздрогнула, и Роман метнулся к столу и подхватил ее.

— Как я испугался...— сказал он.

Шут смотрел на ятвяга.

— Плохо вышло,— сказал шут.— Ой как плохо вышло...

— Скажем князю, что он ушел. Вытащи его наверх — и за сарай. Никто ночью не найдет.

— Кровь,— сказал шут.— И это есть знание?

— Ради которого я отдам свою жизнь, а твою — подавно, — сказал Роман. — Тащи, он легкий.

Шут стоял недвижно.

— Слушай, — сказал Роман. — Я виноват, я тебя всю жизнь другому учил... я тебя учил, что жизнь можно сделать хорошей... но нельзя не бороться. За науку бороться надо, за счастье... Иди, мой раб. У нас уже нет выхода. И грех останется на мне.

Шут нагнулся и взял ятвяга за плечи. Голова упала назад — рот приоткрылся в гримасе.

Шут поволок его к лестнице. Отрок подхватил ноги убитого.

— Я больше не могу, — сказала Анна. — Это ужасно.

— Это не конец, — сказал Жюль. Он приблизил шар к лицу Кина, и тот, словно угадав, что его видят, улыбнулся краем губ.

— Вот видишь, — сказал Жюль. — Он справится.

В голосе Жюля не было уверенности.

— А нельзя вызвать помощь? — спросила Анна.

— Нет, — коротко ответил Жюль.

Шут с отроком втащили труп наверх. Роман окликнул отрока:

— Глузд! Вернись.

Отрок сбежал по лестнице вниз.

— Мне не дотащить, — сверху показалось лицо шута.

— Дотащи до выхода, позовешь Йовайлу. Спрячете — тут же иди на стену. Скажешь, что я — следом.

Отрок стоял посреди комнаты. Он был бледен.

— Устал, мой мальчик? Тяжела школа чародея?

— Я послушен, учитель, — сказал юноша.

— Тогда иди. Помни, что должен завязать ему глаза.

Отрок открыл потайную дверь и исчез за ней.

Роман поглядел на большие песочные часы, стоявшие на полке у печи. Песок уже весь высыпался. Он пожал плечами, перевернул часы и смотрел, как песок сыплется тонкой струйкой.

— Второй час полуночи, — сказал Кин. — Скоро начнет светать. Ночи короткие.

— Да? — Роман словно вспомнил, что не один в подвале. — Ты для меня загадка, литовец. Или не литовец? Лив? Эст?

— Разве это важно, чародей?— спросил Кин.— Я ученик Бертольда фон Гоца. Ты слышал это имя?

— Я слышал это имя,— сказал Роман.— Но ты забыл, что Бертольд уже два года как умер.

— Это пустой слух.

Дверь качнулась, отворилась, и из подземного хода появился отрок, ведя за руку высокого человека в монашеском одеянии, с капюшоном, надвинутым на лоб, и с темной повязкой на глазах.

— Можете снять повязку,— сказал Роман.— У нас мало времени.

Монах снял повязку и передал отроку.

— Я подчинился условиям,— сказал он.— Я тоже риску жизнью.

Анна узнала ландмейстера Фридриха фон Кокенгаузена. Рыцарь прошел к столу и сел, положив на стол железную руку.

— Как рука?— спросил Роман.

— Я благодарен тебе,— сказал Фридрих.— Я могу держать ею щит.— Он повернул рычажок на тыльной стороне железной ладони. Пальцы сжались, словно охватили копьё.— Спасибо. Епископ выбрал меня, потому что мы с тобой давнишние друзья,— сказал Фридрих.— И ты доверяешь мне. Расскажи, почему ты хотел нас видеть?

— Вы нашли литовца, который украл у меня огненную смесь?

— Да,— коротко сказал Фридрих.— В горшке твое зелье?

— Оно может разорвать на куски сто человек,— сказал Роман.

Жюль опять повернул шар, и Анна увидела, как Кин медленно движет рукой, освобождая ее.

— А это кто?— рыцарь вдруг резко обернулся к Кину.

— Я тебя хотел спросить,— сказал Роман.— Он сказал, что он ученик Бертольда фон Гоца.

— Это ложь,— сказал рыцарь.— Я был у Бертольда перед его смертью. Нас, людей, причастных к великой тайне магии и превращения элементов, так мало на свете. Я знаю его учеников... Он лжет. Кстати, сейчас он освободит руку.

— Черт!— выругался Жюль.— Как он заметил?

Роман с отроком тут же бросились к Кину.

— Ты прав, брат,— сказал он Фридриху.— Спасибо тебе.

Кин был неподвижен.

— Это первый человек, который развязал узел моего шута.

— И поэтому его надо убить,— сказал рыцарь.

Роман подхватил из-под стола толстую веревку и на-дежно скрутил руки Кина.

— Погоди,— сказал Роман.— Он говорит по-латыни не хуже нас с тобой и знает Бертольда. Скоро вернется мой шут и допросит его. Он допросит его как надо, огнем.

— Как хочешь,— сказал рыцарь.— Я слышал, что ты близок к открытию тайны золота.

— Да,— сказал Роман.— Я близок. Но это долгая работа. Это будет не сегодня. Я беспокоюсь за судьбу этого деяния.

— Только ли деяния?

— И меня. И моих помощников.

— Чем мы тебе можем быть полезны?

— Ты знаешь чем — ты мой старый знакомый. Ты потерял руку, когда в твоём замке взорвалась реторта, хоть и говоришь, что это случилось в битве с сарацинами.

— Допустим,— сказал рыцарь.

— Мне главное — сохранить все это. Чтобы работать дальше.

— Похвально. Но если наши пойдут завтра на штурм, как я могу обещать тебе безопасность?

— И не только мне, брат,— сказал Роман.— Ты знаешь, что у нас живет польская княжна?

Шар опять приблизился к Кину. Губы Кина шевельнулись:

— Плохо дело. Думай, Жюль...

Жюль кивнул, словно Кин мог увидеть его. И обернулся к Анне — может, искал сочувствия?

— Если ты уйдешь, я не справлюсь с машиной? — спросила Анна.

— Нет, моя девочка,— сказал Жюль тихо.— Тебе не вытянуть нас.

Роман и рыцарь подняли глаза.

— Кто-то идет,— сказал Роман отроку.— Задержи его. Я вернусь.

Рыцарь тяжело поднялся из-за стола и опустил капюшон.

— Завязать глаза?— спросил Фридрих.

Роман махнул рукой.

— Я выйду с тобой. Скорей.

Потайная дверь закрылась за рыцарем и Романом.

Шут спустился по лестнице.

— Где хозяин?— спросил он.

— Не знаю,— сказал отрок.

— Убежал к орденским братьям? Нет, он один не убежит. Ему все это нужно... это его золото... Это его власть и слава.

22

Жюль снова увеличил лицо Кина. Кин смотрел на шута.

Анна дернула Жюля за рукав:

— Я похожа на Магду. Ты сам говорил, что я похожа на Магду.

— Какую еще Магду?— в гусарских глазах Жюля была тоска.

— Польскую княжну, Магдалену.

— Ну и что?

— Я пойду туда. Вместо нее.

— Не говори глупостей. Тебя узнают. Мне еще не хватало твоей смерти. К тому же куда мы княжну денем?

— Слушай спокойно. У нас с тобой нет другого выхода. Время движется к рассвету. Кин связан и бессилен.

— Замолчи. И без твоих идей тошно.

— Все очень просто. Ты можешь меня посадить в любом месте?

— Да.

— Тогда высади меня в спальне княжны. Это единственный выход. Сообрази, наконец. Если я не проберусь к Кину в ближайшие минуты, он погибнет. Я уж не говорю, что провалится все ваше дело. Кин может погибнуть. И мне это не все равно!

— Ты хочешь сказать, что мне все равно? Ты думаешь, Кин первый? Ты думаешь, никто из нас не погибал?..

В окошко под потолком тянуло влажным холодом — погода в двадцатом веке тоже начала портиться. Брехали собаки. Анна вдруг почувствовала себя вдвое старше Жюль.

— Вопрос не в праве! Веди шар! Будь мужчиной, Жюль! Вы меня уже посвятили в ваши дела...

— Нарушение прошлого может достичь критической точки.

— О чем ты говоришь! Кин лежит связанный.

Жюль несколько секунд сидел неподвижно. Затем резко обернулся, оценивающе посмотрел на Анну.

— Может получиться так, что я не смогу за тобой наблюдать.

— Не теряй времени. Веди шар в терем. Мне же надо переодеться.

— Погоди, может быть...

— Поехали, Жюль, миленький!

Анну охватило жуткое нетерпение — будто ей предстоял прыжок с парашютом, и должно быть страшно, но опасение опоздать с прыжком оказывается сильнее страха.

Шар покинул дом Романа и пронесся над крышей. Краем глаза Анна увидела огоньки на стенах, далекое зарево. Впереди был терем.

Шар вошел в терем, потом завис в коридоре, медленно пополз вдоль темных стен. Анна подошла к раме, шагнула было нетерпеливо в нее, потом опомнилась, начала, путаясь в рукавах, стаскивать кофту...

— Все чисто,— сказал Жюль.— Можно...

— Погоди!— крикнула Анна.— Я же не могу там оставлять одежду!

Княжна спала на низком сундуке с жестким подголовником, накрывшись одеялом из шкур. Одинокая плешка горела на столе. По черной слюде окна стекали мутные капли дождя.

Шар быстро обежал комнату, заглянул в углы, оставившись перед задней, закрытой дверью...

— Учти, что там спит ее тетка,— сказал Жюль. Потом другим голосом — изгнав сомнения, приняв решение.—

Ладно. Теперь слушай внимательно. Момент переноса не терпит ошибок.

Жюль поднялся, достал из пульта плоскую облатку в сантиметр диаметром, прижал ее под левым ухом Анны. Облатка была прохладной. Она тихо щелкнула и присосалась к коже.

— Чтобы вернуться, ты должна замкнуть поле. Для этого дотронешься пальцем до этой... присоски. И я тебя вытяну. Будешь там приземляться — чуть подогни ноги, чтобы не было удара.

Польская княжна повернулась во сне, шевельнулись ее губы. Рука упала вниз — согнутые пальцы коснулись пола.

Анна быстро шагнула в раму. И тут же закружилась голова и началось падение — падение в глубь времени, бесконечное и страшное, потому что не за что было уцепиться, некому даже крикнуть, чтобы остановили, удержали, спасли, вернули, и не было голоса, не было верха и низа — была смерть или преддверие ее, в котором крутилась мысль — зачем же ей не сказали? Не предупредили? Зачем ее предали, бросили, оставили — ведь она никому плохого не сделала? Она еще так молода, она не успела пожить... Жалость к себе охватила слезной немощью, болью в сердце, а падение продолжалось — и вдруг прервалось, подхватило внутренности, словно в остановившемся лифте, и Анна поняла, что может открыть глаза...

И твердый пол ударил по ступням.

Анна проглотила слюну.

Только небольшая плошка с плавающим в ней фитилем горела на столе. Рядом стоял стул с прямой высокой деревянной спинкой. Запах плохо выделанных шкур, печного дыма, горелого масла, пота и мускуса ударил плотно в ноздри, уши услышали неровное тяжелое дыхание... Анна поняла, что она в тринадцатом веке.

Сколько прошло времени? Она падала туда час?... Нет, это казалось ей, конечно, казалось, ведь Кин проскочил в прошлое почти мгновенно — ступил в раму и оказался во дворе Романа. А вдруг машина испортилась, и потому ее путешествие было в самом деле длинным?... Нет, на

низком сундуке спит польская княжна, рука чуть касается пола.

— Раз-два-три-четыре-пять, — считала про себя Анна, чтобы мысли вернулись на место. Жюль сейчас видит ее в шаре. Где же шар? Должен быть чуть повыше, перед лицом, и Анна посмотрела туда, где должен быть шар, и улыбнулась Жюлю — ему сейчас хуже всех. Он один. Ах ты, гусар из двадцать седьмого века, тебе, наверно, влетит за то, что послушался ископаемую девчонку.

Теперь надо действовать. И очень быстро. В любой момент может начаться штурм города — Анна поглядела в небольшое забранное слюдой окошко, и ей показалось, что в черноте ночи она угадывает появление первой рассветной синевы.

Платье Магдалены лежало на табурете рядом с сундуком, невысокие сапожки без каблуков валялись рядом.

Анна шагнула к постели. И замерла, прислушиваясь. Терем был полон ночными звуками — скрипом половиц, шуршанием мышей на чердаке, отдаленным звоном оружия, окриком часового у крыльца, шепотом шаркающих шагов... Княжна забормотала во сне. Было душно. В тринадцатом веке не любили открывать окон.

Платье княжны громко зашуршало. Выше талии оно скреплялось тесемками. Тесемки путались, одна оборвалась. Теперь очень важно — платок. Его нужно завязать так, чтобы скрыть волосы. Где шапочка — плоская с золотым обручем? Анна взяла со стола плоску и посветила под стол, в угол горницы — шапочка лежала на сундуке. Сейчас бы зеркало — как плохо уходить в прошлое в такой спешке! Средневековый наряд нам должен быть к лицу, подумала Анна, но как жаль, что придется черпать информацию об этом из чужих глаз. Конечно, у княжны где-то есть зеркальце на длинной ручке, как в сказках, но некогда шарить по чужим сундучкам. Анна расшнуровала кед — примерила княжий сапожок. Сапожок застрял в щиколотке — ни туда, ни сюда. За перегородкой кто-то заворочался. Женский голос спросил по-русски:

— Ты чего, Магда? Не спишь.

Анна замерла, ответила не сразу.

— Сплю,— сказала она тихо.

— Спи, спи,— это был голос тетки.— Может дать чего? Тетка тяжело вздохнула.

Анна отказалась от мысли погулять в сапожках. Ничего, платье длинное. Как жаль, что дамы в то время не носили вуаль... Впрочем, наша трагедия проходит при искусственном освещении. Анна осмотрелась в последний раз — может, забыла чего-нибудь? Потом непроизвольно подняла руку княжны и положила на грудь, чтобы не затекала. Подумала, что сейчас Жюль, наверное, обругал ее последними словами — ну что за ненужный риск! А Анна ощущала странное единство с девушкой, которая и не подозревает, что ее платье позаимствовано другой, которая будет жить через много сот лет...

— Ничего,— прошептала она, старательно шевеля губами, чтобы Жюль видел,— она крепко спит.

Анна прошла к двери — сильно заскрипело в соседней комнате, и голос окончательно проснувшейся тетки сообщил:

— Я к тебе пойду, девочка, не спится мне, тревожно...

Анна потянула к себе дверь. Дверь не поддавалась. Удалили по полу голые ступни — как все слышно в этом доме! — тетка уронила что-то на пол. Шлеп-шлеп-шлеп — ее шаги. Проклятое кольцо в львиной пасти... Анна повернула кольцо и потянула на себя. Сзади тоже отворилась дверь, но Анна не стала оглядываться, нагнувшись, чтобы не расшибить голову, скользнула в темный коридор. Замерла в темноте. За дверью бубнил голос тетки.

23

Первый человек, который попался Анне, был стражник у входа в терем. Он стоял у перил крыльца, глядя на зарево, охватившее полнеба, прислушиваясь к далекому шуму на стенах.

Стражник оглянулся. Это был пожилой мужчина, кольчуга его была распорота на груди и кое-как стянута кожаным ремешком.

— Что горит? — спросила Анна, не давая стражнику возможности поразмыслить, почему польская княжна

разгуливает по ночам. Впрочем, стражнику не было до этого дела — ощущение неминуемой угрозы овладело всеми горожанами.

— Стога горят — на болоте.

Дождь почти перестал — зарево освещало крыши, но переулки за площадью скрывались в темноте. Отсюда, с крыльца, все выглядело иначе, чем в шаре, настолько, что Анну одолело сомнение — куда идти. Может, потому, что холодный ветер, несущий влагу, звуки и дыхание города, менял перспективу и уничтожал отстраненность, телевизионную условность изображения в шаре.

— Погоди, боярышня, — сказал стражник, только сейчас сообразив, что полька собирается в город. — Время неладное гулять.

— Я вернусь, — сказала Анна.

Ее тень, тонкая, неверная, длинная, бежала перед ней по мокрой земле площади.

— Если на стене будешь, — крикнул вслед ратник, — погляди, это стога горят или что?!

— Погляжу.

Анна миновала колодец, площадь сузилась — собор казался розовым. От улицы должен отходить проулок — к дому Романа. Анна ткнулась в темноту — остановилась. Она перестала быть наблюдателем и стала частью этого мира.

— Ууу, — загудело спереди, словно какой-то страшный зверь надвигался из темноты. Анна метнулась в сторону, ударилась спиной о забор. Гудение спереди усиливалось, и Анна, не в силах более таиться, бросилась обратно к терему — там был стражник.

Из темноты возник страшный оборванный человек. Одну руку он прижимал к глазу, и между пальцев лилась кровь, во второй была суковатая дубина, которой он размахивал, угрожающе воя, — однообразно, словно пел. Анна побежала к терему, скользя по грязи и почему-то боясь крикнуть, боясь привлечь к себе внимание. Пьяные, неверные, угрожающие шаги человека с дубиной приближались, к ним примешался мерный грохот, топот, крики, но Анне некогда было остановиться — спрятаться. Куда-то пропал, как в кошмаре, стражник у

крыльца — крыльцо было черным и пустым. И терем был черен и пуст.

Рычание преследователя вдруг поднялось в крик — визг — вопль — и оборвалось. Ветром подхватило, чуть не сбило Анну с ног — мимо пролетели черными тенями с огненными бликами на лицах всадники Апокалипсиса — ятвяги, окружившие князя Вячко, передние с факелами, от которых брызгами летели искры.

Анна обернулась — неясной тенью, почти не различишь в темноте, лежал преследователь... Терем сразу ожил — словно с облегчением осветился факелами. Выбежали стражники. Князь соскочил с коня. Ятвяги не спешили, крутились у крыльца.

— Кто там был? — спросил князь.

— Пьяный, которым овладели злые духи, — ответил ятвяг.

— Не хватало еще, чтобы по городу бегали убийцы. Ты и ты. Зовите боярина Романа. Если не пойдет, ведите силой.

— Приведем.

Анна из тени у забора была видна усмешка ятвяга.

Ятвяги одинаково хлестнули коней, пронеслись совсем близко от Анны и пропали. Значит, там и есть нужный ей закоулок. Она слышала, как топот копыт прервался, раздался резкий высокий голос, который ударился о заборы, покатился обратно к улице, и Анна представила себе, как запершиеся в домах горожане прислушиваются к звукам с улиц, наступает последняя ночь...

Князь Вячко вошел в терем. Ятвяги соскакивали с седел, вели поить коней.

Анна колебалась — войти в переулок? А вдруг сейчас промчатся обратно ятвяги с Романом? Но Роман мог не вернуться из подземного хода. А если он решит убить Кина?

Пауза затягивалась, и Анна физически ощущала, как сквозь нее сочится минутами время.

Нет, ждать больше нельзя. Она сделала шаг к углу, заглянула в короткой проулок. Ворота были распахнуты. Один из ятвягов стоял снаружи, у ворот, держал коней, второго не было видно.

И тут же в воротах блеснуло пожаром. Шел стражник Романа с факелом. Роман быстро шагал следом. Он спешил, ятвяги вскочили на коней и ехали чуть сзади, слов-

но стерегли пленника. Роман был так бледен, что Анна показалось, что лицо его фосфоресцирует. Анна отпрянула за угол — человек с факелом прошел рядом. И тут же — глаза Романа — близко, узнающие...

— Магда! Ты ко мне?

— Да,— сказала Анна, прижимаясь к стене.

— Дождлся,— сказал Роман,— пришла, голубица.

— Торопись, боярин,— сказал ятвяг.— Князь гневается.

— Йовайло, проводи княжну до моего дома. Она будет ждать меня там. И если хоть один волос упадет с ее головы, тебе не жить... Дождись меня, Магдалена.

Ятвяг дотронулся рукоятью нагайки до спины ученого.

— Мы устали ждать,— сказал он.

Свет факела упал на труп сумасшедшего.

— Магда, я вернусь,— сказал Роман.— Ты дождешься?

— Да,— сказала Анна.— Дождусь.

— Слава богу,— сказал Роман. Уходя к терему, он обернулся, чтобы убедиться, что стражник подчинился его приказу.

Стражник, не оборачиваясь, шел по переулку. Он крикнул:

— Ворота не закрывайте, меня обратно послали.— И добавил что-то по-литовски.

Ворота, готовые уже закрыться, застыли — оттуда выглянуло лицо другого стражника.

Нет худа без добра, подумала Анна. Не надо придумывать, как войти в дом. Он был готов увидеть Магду. И увидел.

24

Литовец проводил Анну до дверей. Два других стражника смотрели на нее равнодушно. В эту ночь их было трудно удивить.

Заскрипели доски дорожки, стражник поднялся к двери, толкнул ее и крикнул внутрь.

Анна ждала. Зарево немного уменьшилось, зато в противоположной стороне небо начало светлеть, хотя в городе было еще совсем темно.

Изнутри донеслись быстрые шаги, и на порог выбежал, ковыляя, шут. Он остановился в двери, вглядываясь.

— Пани Магда?— он не верил своим глазам.

— Пан Роман сказал мне ждать его.

— Не может быть,— сказал шут.— Ты должна спать. Ты не должна была сюда приходить. Ни в коем случае! Пока ты в тереме, он не убежит, неужели не понимаешь? Ну, почему ты не спишь? Ты же выпила зелье? Ах, теперь ты в его руках...

Анна подумала, что о зелье ей, как польской княжне, знать не положено. Но выразить интерес нужно.

— Какое зелье?— спросила она.

— Проходи, княжна,— сказал шут.— Не слушай дурака. Иди, сыро на улице стоять...

Он протянул слишком большую для его роста руку, и Анна послушно взяла его за сухие пальцы и пошла в горницу.

Люк в подвал был закрыт. До Кина всего несколько шагов.

— Иди сюда,— сказал шут, открывая дверь во внутренние покои. Но Анна остановилась в первой комнате.

— Я подожду здесь,— сказала она.

— Как хочешь,— шут был удручен.— И зачем ты пришла...— повторил он.— Кто разбудил тебя?

— Я пришла сама,— сказала Анна.

— Неужели я ошибся... это же было зелье, от которого сама не проснешься...

«Он дал ей снотворного? Ах ты, интриган!» — чуть не вырывалось у Анны. Вместо этого она улыбнулась и спросила:

— А где же твой хозяин занимается чародейством? Здесь? Или в задней комнате?

Она прошла по комнате, стуча пятками.

— Разве это так важно?— спросил шут.— Это уже не важно. Ты говоришь по-русски. Но странно. Говор твой чужой.

— Ты забыл, что я воспитана в Кракове?

— Воспитана? Чужое слово,— сказал шут.— Ты говоришь странные слова.

Люк изнутри откинулся.

Шут резко обернулся. Голова отрока появилась в люке.

— Ты чего, Глузд?

— Тот, литвин, бьется... боюсь я его. Погляди, Акиплеша.

— Прирежь его, — спокойно ответил шут.

— Нет! — вырвалось у Анны. — Как можно! — Она сделала шаг к открытому люку. — Как ты смеешь! — она почти кричала — только бы Кин понял, что она рядом.

Шут ловко встал между люком и Анной.

— Тебе туда нельзя, княжна, — сказал он. — Не велено.

— Эй! — раздался снизу зычный голос Кина. — Развяжи меня, скоморох. Веди к князю. Я слово знаю!

— Знакомый голос, — сказала Магда. — Кто у тебя там?

— Не твое дело, госпожа.

— Раб! — возмутилась княжна. — Смерд! Как ты смеешь перечить! — Анна не боялась сказать какое-нибудь слово, которого в тринадцатом веке не существовало. Она иностранка и не имела иного образования, кроме домашнего.

И в ее голосе загремели такие княжеские интонации, что шут опешил, а отрок буквально оторопел.

— С дороги! — повелительно сказала Анна. — Посмотрим, что скажет господин Роман, когда узнает о твоём своеволии.

И шут сразу сник. Словно ему стало все равно — увидит Магда пленника или нет...

Анна отстранила отрока и величественно спустилась вниз, в знакомое ей (но не польской княжне) скопление реторт, горшков, тиглей и других примитивных, но впечатляющих сосудов зари химической науки. Сильно воняло серой и кислотой. Кин сидел, прислонившись к стене. Анна подмигнула ему, а Кин, видя, что отрок с шутком задержались наверху, нахмурился и проворчал сквозь зубы.

— Еще чего не хватало!

— Так вот ты где! — возмущенно проговорила княжна, глядя на Кина. — Почему ты связан? Что они с тобой сделали?

— Госпожа, — сообразил Кин, — я плохого не делал. Я пришел к господину Роману от вас, но меня никто не стал слушать.

Анна обернулась. Отрок стоял у лестницы, шут на ступеньках. Они внимательно слушали.

— Do you speak English?¹,— спросила Анна.
 — Yes, a little²,— сказал Кин.
 — Нам нужно их убедить,— продолжала Анна по-английски.
 — Молодец,— ответил Кин.— Я тебе помогу.
 — Развяжи его,— приказала Анна отроку.— Разве ты не видишь, что он мой слуга?
 Отрок был послушен.
 — Сейчас, госпожа,— сказал он.— Сейчас, но господин...
 — Господин сделает все, что я велю.
 Отрок оглянулся на шута. Тот спустился в подвал, сел за стол.
 — Делай,— мрачно сказал он.— Делай, господин делает все, что она скажет.
 — Где твой возлюбленный?— спросил Кин по-английски.
 — Не смейтесь. Роман с князем. Они обсуждают вопросы обороны.
 Кин поднялся, растирая кисти рук.
 — Я пошел! Мне надо быть с ним. А тебе лучше вернуться.
 — Нет, я останусь. Роман просил меня остаться. Я могу помочь вам, когда вы вернетесь.
 — В случае опасности помнишь, что делать?
 — Разумеется,— сказала Анна по-русски.— Иди к Роману, береги его.— Затем она обернулась к отроку:— Проводи моего слугу до выхода. Чтобы его не задержали стражники.
 Отрок обернулся к шуту. Тот кивнул. Отрок побежал по лестнице за Кином. Шут сказал:
 — Thy will releaseth him from the Fetters³.
 Анна опешила.
 — Вы понимаете этот язык?— спросила она глупо.
 — Я бывал в разных краях, княжна,— сказал шут,— с

¹ Вы говорите по-английски? (англ.)

² Да, немного.

³ Ты освободишь его от оков. (староангл.)

моим господином. Мы, рабы, редко показываем свои знания...

Надеюсь, подумала Анна, что язык двадцатого века так изменился, что он не все понял.

25

— Здесь вы добываете золото?— спросила Анна. Печь совсем прогорела, лишь под пеплом тлели красные угольки.

— Мой господин,— сказал шут,— делает угодное богу.

— Верю, верю,— сказала Анна.— А правда, что он избрал книгопечатание?

— Не ведаю такого слова, госпожа,— сказал шут. Он подошел к тлеющим углям и, наклонившись, стал греть у них свои слишком массивные для хилого тельца руки.

— Ты помогаешь господину?

— Когда он позволяет мне. А зачем тебе и твоему человеку мой господин?— спросил карлик.

— Я не поняла тебя.

— Вы говорили на языке, похожем на язык саксов. Твой человек побежал за моим господином.

— Ты боишься за него?

— Я боюсь страха моего господина. И его любви к тебе. Он забывает о других. Это приведет к смерти.

— Чьей смерти?

— Сегодня смерть ждет всех. Когда хватаешься за одно, забываешь о главном.

— Что же главное?— Анна хотела прибавить: раб или дурак, но поняла, что не хочет больше играть в эту игру.

— Главное?— шут повернулся к ней — единственный его глаз был смертельно печален.— Ты чужая. Ты можешь не понять.

— Я постараюсь.

— Сейчас божьи дворяне пойдут на приступ. И пошадя никому не будет. Но если я догадался верно, если боярин Роман ходил наружу, чтобы договориться с божьими дворянами, как спастись и спасти все это... главное пропадает.

— Но ведь остается наука, остается его великое открытие.

— Ты, княжна, из знатных. Ты никогда не голодала, и тебя никогда не пороли, не жгли, не рубили, не измывались... тебе ничего не грозит. Тебя никто не тронет — ни здесь, ни в тереме. А вот все люди, что спят или не спят, тревожатся, стонут, едят, плачут на улицах, — их убьют. А это неважно моему господину. И это неважно тебе — их мука до вас не долетит.

Карлик, освещенный красным светом углей, был страшен.

Вот такими были первые проповедники средневековой справедливости, такие шли на костры в Лангедоке и сражались среди богомилов в Болгарии. Люди, которые поняли, что все достойны жизни... и были бессильны.

— Ты не прав, шут. Я стараюсь понимать. И пришла сюда, потому что думала о другом человеке.

— Этот человек — боярин Роман?

— Нет.

— Все равно — это один человек, такой же, как ты. Но не такой, как я и как смерд Замошья. Даже сейчас в твоих добрых глазах и в твоих добрых речах нет правды. Тебе неизвестно, есть ли у меня имя. Потому что имя мне — Мириад и я сгину безымянно со всеми, кому суждено сгинуť этой ночью.

— Как тебя зовут?

— Акиплеша — это тоже кличка. Я забыл свое имя. Но я не раб! Я сделаю то, чего не хочет сделать Роман!

— Но что ты можешь сделать?

— Я уйду подземным ходом, я найду в лесу литвинов, я скажу им: не спите, вставайте, спасите детей Христовых!

— Ты не успеешь, Акиплеша, — сказала Анна.

— Тогда я разрушу все это... все!

— Но это жизнь твоего господина, это его дело.

— Он околдовал тебя, княжна! Кому нужно его дело, мое дело, твое дело, коль скоро изойдут кровью отроки и младенцы, жены и мужи? Но я не могу разрушать...

Шут вскарабкался на стул, ноги на весу, уронил голову на руки, словно заснул. Анна молчала, смотрела на широкую кривую спину шута. Не поднимая головы, глухо он спросил:

— Кто ты, княжна? Ты не та, за кого выдаешь себя.

— Разве это так важно, Акиплеша?

— Рассвет близко. Я знаю людей. Дураки наблюдательные. Мой господин нас предаст, и я не могу остановить это.

— Скажи, Акиплеша, твой господин и в самом деле такой великий чародей? Выше королей церкви и королей светских?

— Слава его будет велика,— сказал шут.— И короли придут к нему на поклон. Иначе бы я не связал с ним мою жизнь.

— А что ты мог сделать?

— Я мог убежать. Я мог уйти к другому хозяину.

— Ты так в самом деле думал?

— Не раз. Но кому нужен хромой урод? Кому я докажу, что во мне такое же сердце, такая же голова, как у знатного?

— Роман это знает?

— Роман это знает. Господь одарил его умом и талантом.

— А тебя?

— Роман знает мне цену.

— И все?

— А что еще? Что еще нужно рабу и уроду?

— Ты ненавидишь его? Ты ревнуешь меня к нему?

Шут откинулся от стола, расхохотался, изуродовав лицо одноглазой гримасой.

— Тебя? К нему? У меня один глаз, этого хватает, чтобы понять, что княжна Магда спокойно спит в тереме. Ты даже не смогла натянуть ее сапожки — у тебя они другие, иноземные, ты не очень осторожна. И голос тебя выдает. И слова. Но не бойся. Роман не догадается. Он видит лишь свою любовь, он ею любит, — ты птица в небе, сладость несказанная, — потому ты и нужна ему. Власть над Божьим миром он хочет раскинуть и на птах и на княжну. Он примет тебя за Магду, оттого что хочется ему принять тебя за Магду, тетенька! Он умный, а в приворотное зелье верит.

— А ты вместо приворотного сделал сонное?

— А ты чего хотела? Я не хотел, чтобы она бежала сюда. И потому сразу тебе изумился. Зелье-то испробо-

ванное. Я с ним два раза из оков уходил. Даже из замка Крак.

— Как ты попал туда?

— Известно как — за ворожбу. За глупость.

— Мне странно, что ты раб,— сказала Анна.

— Иногда мне тоже... Господь каждому определил место. Может, так и надо... так и надо.

— Ты опасный раб. Ты не дурак, а притворщик. Ты не тот, за кого себя выдаешь.

— Нет, я дурак. Но без нас, дураков, умники передохнут от своего ума и от скуки... вот и они идут...

Роман спустился по лестнице первым.

— Вы почему здесь?— спросил он.— Почему не провел госпожу в покои...— он дотронулся до плеча Анны.

Кин и отрок спустились следом. Кин поклонился Магде. Роман кинул на него взгляд и спросил.

— Он правда с тобой, княжна?

— Он всегда со мной,— сказала Анна твердо.— Я послала его к тебе, чтобы он берег тебя. И он будет беречь тебя.

— Я счастлив,— сказал Роман.— И все обойдется. Мы сделаем, как нам нужно. Орден уже подступил к стенам.

— Уже?— шут помрачнел.— Уже приступ?

— Они в ста шагах, и они идут к воротам. Литвы все нет...

— А почему ты пришел сюда?— спросил шут.— У нас с тобой нет здесь огня и мечей. Наше место на стенах... Со всеми.

— Глупо молвишь,— сказал Роман, снова подходя к Анне и беря в ладонь ее пальцы. Ладонь Романа была влажной и горячей.

— Города будут погибать, люди будут умирать, но великое знание остается навсегда. Забудь о мелочах, и не по чину тебе об этом думать,— закончил Роман сухо, будто вспомнив, что шут ему не товарищ, а тля, которая должна помнить свое место...

Шут, взглянув на Анну, ответил:

— Я свое место знаю, дяденька.

Далекий шум донесся до подвала — нашел путь сквозь заборы, стены и оконца крик многих людей, слившийся в угрожающий рев, ответом которому были разрознен-

ные крики и стон внутри города. Тут же откликнулся колокол на столбах на площади — уныло и часто, будто дрожа, он взывал к милости божьей.

Все замерли, слушая этот шум, Роман быстро подошел к сундуку в углу комнаты, проверил на нем замок.

— Помоги!— сказал он шуту и нажал на сундук, заталкивая его в глубь подвала.

— Мы убежим?— спросил отрок.

— Нет,— сказал Роман.

— Ты будешь биться?— спросил шут.

— Да, да,— сказал Роман.— Не твое дело... Пойди погляди, как на стенах. Может, твой меч пригодится там?

— Не пойду,— сказал шут.

— Не убегу я, не бойся.

— Я другого боюсь,— сказал шут.

— Чего же? Говори.

— Измены боюсь.

— Дурак и умрешь по-дурацки,— сказал Роман, берясь а рукоять ножа.

— Убьешь меня?— шут был удивлен.

— Если раб неверен,— сказал Роман,— его убивают.

— Не смейте!— воскликнула Анна.— Как вам не стыдно!

— Стыд...— шут начал карабкаться по лестнице.

— Ты куда?— спросил Роман.

— Посмотрю, что снаружи,— сказал шут.— Погляжу, держат ли ворота...

Он исчез, и Роман тут же обернулся к Кину, передумал, посмотрел на отрока.

— Иди за ним,— сказал он.— Смотри...

— Чего?— не понял отрок.

— Чтобы он ни к кому из княжских людей не подошел... К князю не подошел... а впрочем, оставайся. Он не успеет.

Роман был деловит, сух и холоден. Он кинул взгляд на песочные часы. Потом оглядел тех, кто оставался в подвале.

— Княжна Магда,— сказал он.— Душа моя, поднимись наверх. Иди в задние покои. И не выходи оттуда. Ни под каким видом. И ты,— сказал он Кину,— смотри, чтобы не вышла.

— Роман,— сказала Анна,— мой человек останется с тобой. Я ему верю больше, чем другим людям.

— Правильно,— Роман улыбнулся, удивительна была эта добрая, радостная улыбка.— Спасибо. С тобой пойдет Глузд.

— Иди,— сказал Кин.— Боярин прав. Иди, княжна, туда, где безопасно. Больше тебе здесь делать нечего.

Анна поднялась по лестнице первой. Сзади топал отрок. Отрок устал, лицо его осунулось, он был напуган. Шум штурма царил над городом, и, когда голова Анны поднялась над полом, он сразу оглушил, проникнув в окна верхней горницы... И еще Анна успела увидеть, как метнулся к выходу шут,— оказывается, он никуда не уходил. Он подслушивал. Может, это и к лучшему. Конечно, пора дотронуться до присоски под ухом...

Анна остановилась. Отрок обогнал ее. Шут стоял за притолокой — в темноте. Отрок обернулся и проследил за взглядом Анны. И увидел движение у двери.

Может, он просто испугался. Наверное, он не догадался, что там Акиплеша. Потому что он вдруг молча, как волк, настигающий жертву, кинулся в угол, выставив перед собой нож,— и был он слеп и неудержим. Анна лишь успела беззвучно ахнуть...

Отрок ударился в стену, потому что шут ловко отскочил в сторону. И отрок упал. Безмолвно упал и замер. Шут вытер тонкое лезвие стилета и сказал Анне, словно извиняясь:

— Он мне не чета... я у сарацинов научился.

— Я не могу больше,— сказала Анна.— Я больше не могу...

— Наш век жестокий,— сказал шут.— Наверно, не было еще такого жестокого века. И я жесток, потому что живу здесь... Но я не подл. Понимаешь, я не подл! Я защищаюсь, но не предаю...

Его слова заполняли голубую рассветную комнату и смешивались с шумом битвы...

Он подошел к открытому люку и остановился так, чтобы изнутри его было трудно увидеть...

— Будет ли лучшее время?— спросил он сам у себя, глядя вниз.— Будет ли доброе время или всадники смерти уже скачут по нашей земле?

— Будет, — сказала Анна. — Обязательно должно быть. И ты его увидишь.

Шут не ответил. Анна почувствовала, как напряглись его плечи. Она сделала шаг вперед, заглянув вниз, в подвал. Роман стоял у потайной двери, прислушиваясь. Кин сзади.

— Отойди, — отмахнулся от него Роман.

Кин послушно отошел на несколько шагов.

В дверь кто-то ударил два раза. Потом еще три раза.

— Я так и знал! — прошептал шут. — Я так и знал... Надо было бежать к князю!

Роман отодвинул засов, и тяжелая дверь отворилась.

В дверях стоял рыцарь Фридрих. Кольчуга прикрыта серым плащом, меч обнажен.

Роман отошел в сторону.

Рыцарь Фридрих спросил:

— Все в порядке?

— Да, — сказал Роман. — Скорее. Как там у ворот?

— Скоро падут, — сказал Фридрих. — Скоро...

Он шагнул обратно в темный проход и крикнул что-то по-немецки.

Вдруг шут взвизгнул, как раненое животное, и прыгнул вниз — без лестницы, с двухметровой высоты, и следующим прыжком он был уже у двери, стараясь дотянуться до засова.

Роман первым сообразил, в чем дело, и начал вытаскивать меч, и Анне показалось, что он делает это замедленно, — и шут тоже замедленно оборачивается, так и не успев закрыть дверь, и в руке у него блестит стилет...

— Кин! — отчаянно крикнула Анна. — Не тот! Гений — не тот! Гений — Акиплеша!

Кин обернулся к ней. Глаза сошлись в щелочки. Голос его был тих, но страшен — и не подчиниться нельзя:

— Уходи немедленно.

Анна не могла уйти. Главное сейчас было объяснить Кину...

— Нажми присоску! Ты все погубишь!

И Анна, не понимая даже, что делает, но не в силах ослушаться, поднесла палец к шее...

И в этот момент ее охватила дурнота, и все провалилось, все исчезло, лишь бесконечная бездна времени при-

няла ее и понесла через темноту, сквозь нелепые и непонятные видения: лава коней неслась на нее сквозь огонь, рвущийся из башен деревянного города, а порочное лицо вельможи с мушкой на щеке, в громоздком напудренном парике покачивалось перед глазами...

Анна стояла в маленькой холодной комнате теткинго дома. Она схватилась за голову, жмурясь от света, и Жюль, склонившийся над пультом, крикнул ей, не оборачиваясь:

— Шаг в сторону! Выйди из поля!

Анна послушно шагнула — голова кружилась, она увидела перед глазами шар — как окно в подвал.

Маленький, слишком маленький в шаре шут боролся с Романом, и рука его, зажатая в тиске Романовой руки, дергалась, сжимая стилет. Роман старался свободной рукой достать свой меч и кричал что-то, но Анна не слышала слов.

— Не тот!— сказала она, продолжая спор с Кином.

Шут извернулся, и Анна увидела, как стилет исчез в боку боярина Романа и тот начал оседать, не отпуская шута. В подвал влезали один за другим немецкие ратники. Рыцарь Фридрих поднял свой меч. И мелькнул тенью Кин.

И в тот же момент из шара исчезли двое: Кин и шут.

Меч рыцаря Фридриха разрубил воздух. И, отбросив меч, рыцарь опустился на колени над телом Романа, сделав знак ратникам, чтобы они бежали наверх. Ратники один за другим начали подниматься по лестнице — шустро и ловко...

Шар погас.

— Все,— сказал Жюль.

— Они где?— спросила Анна.

— Они прошли сквозь нас. Они уже там, дома... Ты не представляешь, как я устал.

— Я тоже устала,— сказала Анна.— Но все хорошо кончилось?

— Спасибо,— сказал Жюль.— Без тебя бы не вылезти.

— Не стоит благодарности,— сказала Анна.

Ей было очень грустно.

— Ты уверен, что это был шут Акиплеша?

— Ты же видела,— сказал Жюль. Он поднял пульт и положил его в открытый чемодан.

— Они добрались до места? Ты уверен?
— Разумеется,— сказал Жюль.— Что с ними может случиться?

26

Анна проснулась, когда солнце уже склонялось к закату. В комнате было жарко, над забытой чашкой со сладким кофе кружились осы. В комнате стоял дед Геннадий.

— Прости,— сказал он.— Я уж стучал, стучал, дверь открыта, а ты не отзываешься. У нас в деревне не то что в городе — у нас проще. Дверь открыта, я и зашел.

— Ничего,— сказала Анна, опуская ноги с дивана. Она заснула одетой. Зашуршала ткань.

Анна бросила взгляд на себя — еще бы, она же так и осталась в платье польской княжны Магдалены, родственницы короля Лешко Белого, родом из стольного города Кракова.

— Это в Москве так носят?— спросил дед Геннадий.

Анне показалось, что он посмеивается над ней. Она уже все вспомнила и, встав, выглянула в прихожую. Там было пусто и чисто. Дверь в холодную горницу распахнута настежь. Там тоже все пусто. И кровать застелена.

Дед Геннадий шел за Анной в двух шагах.

— Уехали, значит!— сказал он.

— Уехали,— сказала Анна.

— А я тебе на память принес,— сказал дед.— Из музея.

Он вытащил из глубокого кармана плаща медную голову льва с кольцом в пасти.

— Я еще достану, ты не беспокойся.

— Спасибо, дедушка,— сказала Анна.— Они в самом деле были из будущего?

— Кто? Реставраторы? Были бы люди хорошие.

Анна вернулась в большую комнату. За открытым окном виден был крутой холм. У ручья паслась гнедая кобыла Клеопатра.

— Грехи наши тяжкие,— сказал дед.— Спешим, суетимся, путешествуем бог знает куда. Да, я тебе молочка принес. Парного. Будешь пить?

ДРУГАЯ ПОЛЯНА

Морис Иванович Долинин — младший научный сотрудник на кафедре, которую я имею честь возглавлять. Это приятный молодой человек, к тридцати пяти годам несколько располневший от сидячего образа жизни, голубоглазый и румяный, любимец наших аспиранток и гардеробщиц. К его положительным качествам относится, в частности, преданность изучаемому им Александру Сергеевичу Пушкину. Еще в средней школе Морис поставил себе целью выучить наизусть все написанное великим поэтом, и следует признать, что в этом он преуспел, хоть и путает порой порядок абзацев «Истории Петра Великого». Кандидатскую диссертацию, уже готовую к защите, он писал по истории написания «Маленьких трагедий», казалось бы, давно изученных вдоль и поперек. Однако Морису удалось сделать несколько небольших открытий и совершенно по-новому связать образ Скупого рыцаря с жившим в XVI веке в Аугсбурге бароном Конрадом Цу Хиденем.

Следует сказать также, что Морис, будучи влюбчив, до сих пор не женат. Причину этого я усматриваю в душевной травме, нанесенной ему на первом курсе университета очаровательными коготками Инессы Редькиной, ныне в третьем браке Водовозовой. Мое знание прошлого Мориса объясняется просто: я преподавал на его курсе и был осведомлен о драмах и трагикомедиях студенческой среды.

Последние семь лет мы работали рядом, Морис был со мной откровенен, делился не только научными планами, но и событиями личной жизни. Его откровенность и вовлекла меня в переживания, равных которым мне переносить не приходилось.

— Уж не влюбились ли вы, голубчик?— спросил я как-то Мориса, обратив внимание на то, что он три дня кряду приходит на работу в новых, чрезмерно ярких галстуках и сверкающих ботинках.

— Нет, что вы! Этого со мной не случается!— ответил он с таким скорбным негодованием, что я уверился в своей правоте.

Я полагал, что вскоре он сам во всем покается. В драматический момент размолвки или, наоборот, когда счастье переполнит его и хлестнет через край.

Дело было летом, я как раз собирался в отпуск, мы заседали на кафедре по какому-то пустяшному вопросу, хотя следовало бы поехать всем на речку купаться. Я попросил Мориса набросать проспект статьи, которую он намеревался предложить в сборник. Морис долго мусолил ручку, смотрел в потолок и вообще думал не о проспекте. В конце концов он взял себя в руки и изобразил несколько строчек. После чего вновь ушел в сладкие мысли. Получив набросок проспекта, я обнаружил там несколько раз повторяющееся на полях имя Наташа, а также курносый профиль, выполненный немастерской рукой.

После заседания я не удержался и спросил Мориса:

— Вы намерены посвятить свою статью Наташе? Мы напишем просто: «Наташе посвящается» или более официально?

— Я вас не понимаю!— взвился Морис, словно я собирался похитить эту Наташу.

Я показал ему злосчастный проспект. И он на меня смертельно обиделся, на два дня.

Затем в его отношениях с Наташей наступил какой-то кризис. Он потерял аппетит и перестал чистить ботинки. Без сомнения, он был глубоко травмирован каким-то пустяковым словом или подозрением.

Я спросил его:

— Вы чем-то расстроены?

— Вам не понять,— сказал Морис с таким видом, словно в мои времена отношения с возлюбленными бывали только безоблачными.

— Разумеется,— согласился я.— А все-таки?

— Мы расстались,— сказал он.— И навсегда.

Вдруг его прорвало.

— Я так больше не могу!— прошептал он трагическим шепотом, который был слышен в соседних коридорах.— Я этого не перенесу.

Я не ручаюсь за точную форму его монолога, но суть его заключалась в том, что в сердце моего коллеги вкралось подозрение, любят ли его или — о, непереносимая альтернатива!— не любят.

Основанием к подобным мыслям послужило увлечение Наташи сбором шампиньонов. Вы бы послушали, как Морис произносил слово «шампиньон»— оно звучало, словно имя презренного выроodka из захудалого французского графского рода. По словам Наташи, шампиньоны можно собирать в Москве, где они благополучно произрастают в некоторых скверах, парках и на бульварах. Только надо знать места. У Наташи был излюбленный парк, где-то неподалеку от метро «Сокол». Она делила это месторождение с несколькими местными алкашами, которые выползали на заветную площадку с рассветом, набирали, сколько нужно, чтобы отнести на рынок и продать. А позже приходила Наташа, которой тоже хватало грибов, особенно если погода благоприятствовала. Почему-то Мориса Наташа в свои походы брать отказывалась, чем вызвала в нем дурацкое подозрение, что она там бывает не одна, а может, вообще на поляну не ходит, покупая специально, чтобы ввести его в заблуждение, корзиночку шампиньонов на рынке. Как только Морис свои подозрения высказал вслух, Наташа обиделась. А там, слово за слово — и разрыв.

— Вы неправы,— сказал я Морису, когда он завершил свою сбивчивую исповедь.

— Конечно. Но все-таки...

— Вам надо пойти и извиниться.

— Разумеется. Но тем не менее...

— Кстати, когда я в начале тридцатых годов ухаживал за Машенькой, однажды увидел ее на улице с дюжим рабфаковцем. Две недели мы не разговаривали. Потом выяснилось, что рабфаковец — ее двоюродный брат Коля, милейший человек, мы до сих пор дружим домами.

Он уже открыл рот, чтобы ответить мне: «При чем тут Коля», но сдержался, махнул рукой и ушел.

Я был глубоко убежден, что конфликт изживет себя дня через два. Ничего подобного. Дни проходили, а Морис был так же мрачен и одинок. Нелепо, разумеется, разрушать собственное счастье из-за корзинки с шампиньонами, но люди гибли и по более ничтожным причинам.

Через неделю, утром, когда часов в девять я, позавтракав, направлялся к письменному столу, в кабинете вдруг зазвонил телефон. Что-то кольнуло меня в сердце — бывает же, самый обыкновенный звонок покажется каким-то особенно тревожным...

— Я вас слушаю.

— Здравствуйте. Это я, Морис. Случилось нечто невероятное. Мне нужно вас срочно увидеть.

— Вы где?

— Недалеко от метро «Сокол». Я могу быть у вас через полчаса...

Голос Мориса срывался, словно он только что пробежал три километра и не успел восстановить дыхание.

— Я вас жду.

Повесив трубку, я сразу вспомнил, что тот злополучный шампиньонный сквер расположен по соседству с метро «Сокол», и тут же мне представилось, что Морис решил выследить неверную и неудачно встретился со счастливым соперником.

Я почти угадал.

Морис ворвался ко мне через двадцать минут. Он был встрепан, взволнован, удручен, но, к счастью, невредим.

Он тут же начал говорить, мечась по кабинету и угрожая всяким вещам.

— Да,— гремел он.— Я виноват. Я не выдержал. Я следил за ней. Я решил раз и навсегда положить конец сомнениям.

Значит, так и есть — передо мной замороженный сыщик.

Он смотрел на меня с вызовом, ожидая немедленного осуждения. Ну что ж, я пойду тебе навстречу.

— Никогда не поверю,— сказал я менторским голосом,— чтобы вы могли опуститься до безжалостной слежки за женщиной, которую вы любите и хотя бы потому должны уважать.

— Да!— обрадовался Морис.— Я вас понимаю. То же самое я сам себе говорил. Я проклинал себя, но по вече-

рам дежурил у ее подъезда, а по утрам ждал, не выйдет ли она из дома с пустой корзинкой. Мне стыдно, но и Отелло стыдился, подняв руку на Дездемону.

Сравнение было рискованным, но моей улыбки Морис не заметил. Он сделал трагический жест, свалил со стола стопку бумаг и продолжал монолог, сидя на корточках и собирая листы с пола.

— Я не прошу снисхождения и не за тем к вам пришел. Но сегодня утром, в семь часов десять минут, она вышла из дому с корзинкой и пошла к тому скверу. На краю парка, за фонтаном, есть поляна. Почти открытая. Только кое-где большие деревья. Там как раз какое-то строительство начинается — столбы врыли, будут огораживать. Не самое лучшее место для грибов. Вы меня понимаете?

— Пока что ничего непонятного вы сказать не успели.

— Вот до этой поляны я ее и проводил. Только я не приближался. Представляете, если бы она обернулась!

— Не дай Бог,— сказал я.

— Так вот, она вышла на поляну и начала по ней бродить. Ходит, нагибается, что-то подбирает, а я стою за большим деревом и жду.

— Чего? Самое время выйти из укрытия, обратиться к ней и сказать, что виноваты, раскаиваетесь и больше никогда не будете.

— Я хотел так сделать. Но меня удерживал стыд... и подозрения.

— Какие еще подозрения?

— А вдруг она, набрав грибов, пойдет к нему на свидание? Или он сейчас выйдет...

— Убедительно,— сказал я.— Вижу перед собой настоящего рыцаря и джентльмена.

— Ах, оставьте,— ответил Морис.— Сейчас все это уже неважно. Важно то, что, пока я смотрел на Наташу, она исчезла. Представляете? Только что была посреди поляны и вдруг исчезла. Я глазам своим не поверил. Что вы на это скажете?

— Пока ничего.

— Я обошел всю поляну, выскочил на улицу — пусто. Вернулся в парк, заглядывал в кусты, чуть ли не под скамейки. Нигде ее нет. Вернулся на поляну и остановился примерно там, где видел Наташу в последний раз.

И вдруг слышу ее голос: «Морис, что ты тут делаешь?» Она стоит совсем рядом, в трех шагах, с корзиной в руке.

— И в корзинке грибы?

— Почти полная.

— Ну и что дальше?

— Я сказал ей: «Тебя жду». «Чего не позвал?— отвечает она.— Смотри, сколько я набрала». «А где же ты была?»— спрашиваю. «Здесь». «Как здесь? Я уже полчаса здесь стою, а тебя не было». «А где я еще могла грибы собирать? Не на мостовой же!»

Морис замолк.

— В конце концов она обиделась на вас и ушла,— предположил я.

Я вспомнил, что обещал к обеду закончить статью, а рассказ Мориса явно затягивался.

— Ушла,— согласился Морис.— Но не в этом дело.

— В чем же?

— Понимаете, я подумал: здесь какая-то тайна. То Наташа была, то ее не было. Как будто в дырку провалилась. И в таком я был состоянии духа, что мне захотелось эту дырку найти.

— Похвально. В Москве много дырок, в которых выдаются шампиньоны.

— Я дошел до той точки, где исчезла и появилась Наташа. А там такая небольшая низинка...

«Господи,— подумал я,— его ничем не остановишь. Неужели и я, когда бывал влюблен, становился столь же зануден и велеречив?»

— Ничего я там не обнаружил — лишь трава была утоптана. И я медленно пошел дальше, глядя по сторонам,— и тут я увидел шампиньон!

— Вот и отлично,— сказал я и посмотрел на часы, что не произвело на рассказчика никакого впечатления.

— И вообще на той поляне оказалось много шампиньонов. Я даже удивился, что раньше их не заметил. А пока я там бродил, пришел к решению, что нельзя с таким недоверием относиться к Наташе. Нет, подумал я, надо попросить у нее прощения...

Пауза. На минуту, не меньше. Я терпеливо ждал. Сейчас должен появиться таинственный разлучник, либо

должна возвратиться Наташа, подбежать сзади, ласково закрыть ему глаза ладонями и спросить: «Угадай, кто?»

— И в этот момент,— продолжал он наконец,— я понял, что на поляне нет столбов для забора. Только ямы.

— Какие еще ямы?

— Ямы для столбов. Ямы для столбов, понимаете, были, а сами столбы лежали на земле. Вот, подумал я, и галлюцинации начинаются. Тогда я ушел из парка. И пошел к остановке двенадцатого троллейбуса.

«Кажется, рассказ подходит к концу»,— с облегчением подумал я.

— Но там не было остановки двенадцатого троллейбуса, потому что там была остановка автобуса «Б», хотя такого автобуса в Москве нет. Я был в смятении и даже не удивился, а подошел к стоявшей там женщине и спросил: «А где останавливается двенадцатый троллейбус?» А она ответила, что не знает. «Как так?»— спросил я.— Ведь я только полчаса назад на нем сюда приехал. Вы, наверное, нездешняя?» Она возмущенно на меня поглядела — и ни слова в ответ. Ладно, думаю, схожу с ума. Лучше, чтобы об этом никто пока не знал. И как ни в чем не бывало спросил: «Как доехать до метро «Аэропорт»? «До метро «Аэровокзал»? Садитесь на автобус, сойдете через шесть остановок». Вы что-нибудь понимаете?

— Понимаю,— сказал я.— Сейчас вы мне расскажете, как проснулись и решили поведать свой сон любимому учителю.

— Ни в коем случае!— воскликнул Морис.— Это был не сон.

И в доказательство своей правоты он основательно грохнул кулаком по письменному столу. Я поймал на лету телефон. В литературе зафиксированы различные формы любовного помешательства. У многих народов любовная одержимость считалась вполне допустимым и никак не позорным заболеванием.

— Так слушайте дальше! Когда автобус подошел к метро «Аэропорт» и я увидел над входом выложенную золотыми буквами надпись «Аэровокзал», я понял, что не ошибся в своем диагнозе. Я спятил. Я старался глубоко дышать и думать о посторонних вещах. Спустился вниз, подошел к контролю, нашел в кармане пятак и опустил

его в автомат, но он застрял в щели. Дежурная спросила у меня, в чем дело? Покажите мне ваш пятак. Я показываю, а она говорит: «Он же желтый! Пятаки должны быть белые, а он желтый». И показывает мне тонкий пятак из белого металла. И смотрит на меня так, словно я этот пятак сам изготовил. Я покорно поднялся на улицу. И знаете, чем больше я глядел вокруг, тем более меня поражало несовпадение деталей. Именно деталей. В целом все было нормально, но детали никуда не годились. Человек читает газету, а заголовок у нее не в левом углу, а в правом, дом напротив не желтый, а зеленый, трамвай не красный, а голубой — и так далее...

Я молчал. Морис казался нормальным. Даже следы волнения, столь очевидные в начале его рассказа, исчезли. Он даже забыл о своей возлюбленной. Это не Меджнун, это просто очень удивленный человек.

— И тогда я допустил в качестве рабочей гипотезы, что попал в параллельный мир. Вы читали о параллельных мирах?

— Не читаю фантастики, — ответил я, излишней категоричностью выдавая себя с головой, ибо как бы мог я узнать о параллельных мирах, не читая этой самой фантастики.

— Ну все равно знаете, — сказал Морис. — И эта версия полностью оправдывала Наташу. Она, как и другие грибники, бродила по поляне, ступала в эту низинку, которая каким-то образом оказалась местом перехода из мира в мир, попадала туда и как ни в чем не бывало продолжала свою охоту. А может быть, грибники знают о свойствах этого места и пользуются им сознательно, не придавая тому большого значения...

Тут он замолчал, подумал и добавил:

— А может, кто-нибудь из них остался в параллельном мире. Если он алкаш, то и не заметил разницы.

— Ну да, вернулся домой и встретил самого себя, — заметил я. Но Морис меня не слушал.

— Так вот, осознав, что произошло со мной, я пришел к неожиданному выводу: если в параллельном мире есть отличия от нашего, то они могут распространяться и в прошлое. Я же ученый. Куда мне следует направиться?

— К памятнику Пушкину, — пошутил я.

— Вы почти угадали. Только, разумеется, не к памятнику, он мне не даст нужной информации, а в Пушкинский музей. Я остановил такси и велел ехать на Кропоткинскую. Я продолжал размышлять. А вдруг Пушкин избежал дуэли в 1837 году? И прожил еще десять, двадцать, тридцать лет, создал неизвестные нам гениальные произведения? Все более волнуясь от предстоящей встречи с великим поэтом, я спросил таксиста, в каком году умер Пушкин. «Не помню,— сказал таксист,— давно, больше ста лет назад.» Шофер был пожилым флегматичным толстяком, его совершенно не интересовала поэзия. Но в его словах звучала надежда. Больше ста лет — это семидесятые годы прошлого века. Такси еще не успело остановиться у музея, как я выскочил из машины и сунул шоферу два рубля. К моему счастью, он, не глядя, сунул их в карман. Я подбежал к двери в Пушкинский музей, и вы не представляете!— Морис обиженно посмотрел на меня.— О ужас!— произнес он тоном страдающего Вертера.— Это был не Пушкинский музей! Я стоял, как громом пораженный. Тут дверь открылась и из дверей вышел старик. «Простите,— бросился я к нему.— Где же Пушкинский музей?» А он отвечает: «По-моему, в Москве такого нет. Только в Кишиневе». «Так почему же?» «Вы правы,— ответил старик,— этот замечательный поэт заслуживает того, чтобы в Москве был музей его имени. Его ранняя смерть не дала полностью раскрыться его могучему дарованию...» «Ранняя смерть!— кричу я.— Ранняя смерть! В каком году умер Пушкин?» «Он погиб на дуэли в Кишиневе в начале двадцатых годов прошлого века»,— отвечает мне старик и уходит. У меня руки опустились, и я понял: больше мне там делать нечего. Скорее домой! У нас он прожил почти сорок лет. Ведь если я по какой-то глупейшей случайности останусь там, то я никогда никому не докажу, что Пушкин написал «Маленькие трагедии» и «Евгения Онегина»!

— А может, стоило вам остаться,— возразил я.— Вы бы заявили, что открыли их на чердаке, и вам бы цены не было.

— А потом бы меня разоблачили как мистификатора,— серьезно сказал Морис.— Кстати, мое приключение чуть было не закончилось трагически.

— Почему?

— У меня оставалось пять рублей. Я поймал такси, вернулся к парку, протянул шоферу пятерку и, думая совсем о другом, попросил у него сдачи.

— Ты чего мне суешь?— спросил шофер.

— Деньги,— говорю я,— три рубля сдачи, пожалуйста. А сам уж открыл дверцу, чтобы выйти.

— Где же это ты раздобыл такие деньги?— спросил шофер зловеще.

И тут только до меня дошел весь ужас моего положения. Еще секунда, и я навсегда — пленник мира, где не знают зрелого Пушкина! Я стрелой вылетел из машины и бросился к поляне, слыша, как сзади топочет шофер. Я первым успел к ложбине и стоило мне пробежать ее, как вокруг послышались голоса,— рабочие сколачивали забор. А ведь секунду до того на поляне никого не было.

— Стой!— закричал шофер, пролетая вслед за мной в наш мир. И крепко вцепился в меня обеими руками.

Но я уже был в безопасности. Я спокойно обернулся и спросил:

— В чем дело, товарищ водитель?

— А в том дело,— он потрясал моей пятеркой, как плеткой,— что мне фальшивые деньги не нужны.

— Фальшивые? Минуточку. Пошли к людям, разберемся.

И говорил я так уверенно, что он послушно отправился за мной к плотникам, которые с интересом наблюдали за нами: ни с того ни с сего на поляне возникают два незнакомых человека и вступают в конфликт.

Я взял у шофера пятерку, протянул ее рабочим и спросил:

— Скажите мне, пожалуйста, что это такое?

— Деньги,— сказал один из них.— А чего?

— А то,— закричал шофер,— что таких денег не бывает!

— А какие же бывают?

Тут шофер вытащил из кармана целую кучу денег. Очень похожих на наши, только других цветов. Пятерка, например, там розовая, а три рубля —желтые.

Плотники смотрели на шофера, буквально выпучив глаза. Один из них достал пятерку и показал шоферу.

— А у меня тоже не деньги?— спросил он с некоторой угрозой в голосе.

— Да гони ты его отсюда,— сказал второй плотник.— Может, шпион какой-нибудь или спекулянт-валютчик.

— Какой я шпион!— возмутился шофер.— Вон моя машина стоит, из третьего парка.

И показал, где должна была бы стоять его машина. Сами понимаете, что никакой машины там не было.

— Ой,— сказал шофер,— утнали!

И попытался броситься к тротуару напрямик. Мне стоило немалых усилий перехватить его так, чтобы провести сквозь ложбинку. И он благополучно исчез.

— А плотники?

— Что плотники? Говорят мне: «Ты куда шпиона дел?» «Сбежал он»,— отвечаю. Вот и все. И я поспешил к вам.

Я набил трубку, раскурил. Три дня не курил, проявлял силу воли.

— Спасибо,— сказал я,— за увлекательный рассказ.

— Вы мне не верите? Вы полагаете, что я обманул вас?

— Нет, вам никогда такого не придумать.

— Тогда я пошел.

— Куда?

— К Наташе. Я ей все расскажу. У меня такое облегчение! Вы не представляете... Жалко, что его убили молодым. Представляете себе целый мир, не знающий зрелого Пушкина!

— Все на свете компенсируется,— сказал я.— Не было Пушкина, был кто-то другой.

— Конечно,— сказал Морис, продвигаясь к двери. Он уже предвкушал, как ворвется к Наташе и начнет плести любовную чепуху.

— Да,— повторил я,— должна быть компенсация... Кстати, Морис, а тот дом, в который вы приехали, я имею в виду Пушкинский музей, в нем что?

— Тоже музей.

— Какой же?

— Музей Лермонтова,— сказал Морис.— Ну, я пошел.

— Лермонтова? А разве нельзя допустить...

— Чего же допускать,— снисходительно улыбнулся мой молодой коллега.— Там написано: «Музей М.Ю.Лермонтова. 1814 — 1879».

— Что?— воскликнул я.— И вы даже не заглянули внутрь?

— Я — пушкинист,— ответил Морис с идиотским чувством превосходства. «Я пушкинист, и этим все сказано».

— Вы не пушкинист!— завопил я.— Вы лошадь в шорах!

— Почему в шорах?— удивился Морис.

— Вы же сами только что выражали сочувствие миру, лишенному «Евгения Онегина». Неужели вы не поняли, что обратное также действительно? Сорок лет творил русский гений — Лермонтов! Вы можете себе представить...

Но этот уют остался на своих бетонных позициях.

— С точки зрения литературоведения,— заявил он,— масштабы гения Пушкина и Лермонтова несопоставимы. С таким же успехом мы могли бы...

— Остановись, безумный,— прорычал я.— Я тебя выгнать с работы! Ты недостоем звания ученого! Единственное возможное спасение для тебя — отвести меня немедленно в тот мир! Немедленно!

— Понимаете,— начал мямлить он,— я собирался поехать к Наташе...

— С Наташей я поговорю сам. И не сомневаюсь, что она немедленно откажется общаться со столь ничтожным субъектом. А ну vedi!

Наверно, я был страшен. Морис скис и покорно ждал, пока я мечусь по кабинету в поисках золотых записок, которые я рассчитывал обменять в том мире на полное собрание сочинений Михаила Юрьевича.

Когда мы выскочили из машины у парка, было уже около двенадцати. Морис подавленно молчал. Видно, до него дошел весь ужас его преступления перед мировой литературой. Поляна уже была обнесена забором, и плотники прибавляли к нему последние планки. Не без труда нам удалось проникнуть на территорию строительства.

— Где?— спросил я Мориса.

Он стоял в полной растерянности. По несчастливому стечению обстоятельств строители успели свалить на поляну несколько грузовиков с бетонными плитами. Рядом с ними, срезая дерн, трудился бульдозер.

— Где-то...— сказал Морис,— где-то, очевидно...

Он прошелся за бульдозером, неуверенно остановился в одном месте, потом вернулся к плитам.

— Нет,— сказал он,— не представляю... Тут ложбинка была.

— Чем помочь?— спросил бульдозерист, обернувшись к нам.

— Тут ложбинка была,— сказал я тупо.

— Была, да сплыла,— сказал бульдозерист.— А будет кафе-закусочная на двести мест. Потеряли чего?

— Да,— сказал я.— А скажите, у вас ничего здесь не проваливалось?

— Еще чего не хватало,— засмеялся бульдозерист.— Если бы моя машина провалилась, большой бы шум произошел.

Ничего мы, конечно, не нашли.

Надо добавить, что через два месяца Морис женился на Наташе.

Морису я безусловно верю. Все, что он рассказал, имело место. Но прежней теплоты в наших отношениях нет.

О СТРАХЕ

Перед Курским вокзалом с лотка продавали горячие пирожки с мясом. Мягкие и жирные. По десять копеек. Раньше их продавали везде, но, видно, с увеличением дефицита мясных продуктов, при косной политике цен, когда нельзя волюнтаристски увеличить цену на пирожок вдвое, столовые предпочитают сократить производство пирожков.

Я смотрел на короткую очередь к лотку и представлял, как эти пирожки медленно вращаются, плавают в кипящем масле, и мне хотелось пирожка до боли под ложечкой. И я был горд собой, когда сдержался и вошел в стеклянную дверь, отогнав соблазнительное видение. Мне категорически нельзя есть жирное тесто. Еще пять лет назад у меня был животик, а теперь некоторые называют мой животик брюхом. Я слышал, как моя бывшая возлюбленная Ляля Ермошина говорила об этом подруге в коридоре. Они курили и не заметили, что я подошел совсем близко. А когда увидели меня, то засмеялись. Как будто были внутренне рады, что я случайно подслушал их слова.

Сентябрь. Вокзал переполнен народом. Такое впечатление, что вся страна сорвалась с мест, с детьми, бабками, тюками, чемоданами, ящиками... Бесконечные ряды сидений на втором этаже были вплотную заполнены людьми. Если кто засыпал, то склонял голову на плечо соседу. Не больше. Некоторые транзитники проводят на вокзале по нескольку дней, отстаивая безнадежно длинные очереди к кассам, толпясь в переполненном буфете, торча часами у киосков «Союзпечати», и, если билет наконец добыт, но до отхода поезда остались еще часы, а то и дни, бросаются на милость экскурсоводов и отправляются в автобусах поглядеть на Москву при электриче-

ском освещении. Даже громадный, высокий новый зал вокзала не может рассеять российский железнодорожный запах, который, как мне кажется, живет в полосе отчуждения с середины прошлого века, так как в нем смешиваются не только ароматы современные — дух электрических искр и разогретой пластмассы, но и такие давно умершие в иных местах запахи, как вонь онуч, скисшего молока, избы, которую топят по-черному. И все это смешивается с извечными признаками дороги — смеси воздуха из плохо промытых, пропитанных хлоркой уборных, бурого угля и просмоленных шпал. Никуда нам не деться от этой симфонии запахов. Я подозреваю, что даже на космодромах, когда космические путешествия станут обычным делом, возникнет и приживется этот обонятельный комплекс.

Внизу, где потолок нависает над подземным залом, где покорные хвосты пассажиров маятся у камер хранения, за рядом столов, где молодые люди с острыми глазками торгуют старыми журналами и книжками, что никто не покупает за пределами вокзала, на стене висели телефоны-автоматы. Перед каждым по три-четыре человека, внимательно слушающих, что может сообщить родным или знакомым тот, кто уже дождался своей очереди. Я был четвертым к крайнему автомату.

Я полез в карман и конечно же обнаружил, что двухкопеечной монеты нет. Даже гривенника нет. Я достал три копейки и голосом человека, который умеет просить (а я не выношу просить), обратился к человеку, стоящему передо мной.

— Простите,— сказал я.— Вы мне не разменяете три копейки?

Человек, видно, глубоко задумался. Он вздрогнул, будто не мог сообразить, что мне от него надо. Он обернулся, сделав одновременно быстрый шаг назад. Я впервые увидел его глаза. Сначала глаза. Глаза были очень светлые с черным провалом в центре зрачка и черной же каемкой вокруг. Они мгновенно обшарили мое лицо, а я в эти секунды смог разглядеть человека получше. Лицо его было таким узким и длинным, словно в младенчестве его держали между двух досок. Мне в голову сразу пришла дурацкая аналогия с ногами знатных китайцев, кото-

рые туго пеленали, чтобы ступни были миниатюрными. Нос этого человека от такого сплющивания выдался далеко вперед, но еще больше вылезли верхние зубы. Я бы сказал, что лицо производило неприятное впечатление. На человеке был старомодный плащ, застегнутый на все пуговицы.

— Какие три копейки? — спросил он, словно я потребовал от него кошелек.

— Ну вот, — я чувствовал себя неловко, но отступить было поздно. — Видите, — я показал ему трехкопеечную монету. — Мне надо разменять. А как назло срочный звонок. Понимаете? Может, по копейке?

— Нет, — быстро ответил человек. — Я сам достал. С трудом.

— Не беспокойтесь, — мне хотелось как-то утешить человека, который явно находился под гнетом страха. — Я найду. Извините. Только, если кто-то подойдет, скажите, что я за вами.

Человек быстро кивнул.

Я пошел по залу к столам с журналами, и мне казалось, что он смотрит мне вслед.

Молодые люди, которые торговали журналами, разменять монету не смогли. Или не хотели. Им надоело, что в течение дня сотни людей подходят к ним с подобной же просьбой. Наверное, если бы я купил прошлогодний номер «Науки и жизни», они отыскали бы две копейки. Но тратить рубль только из-за того, чтобы эти бесчестные люди снабдили меня монетой, я не мог.

После неудачной попытки у аптечного киоска я остановился и еще раз обшарил свои карманы. Оттуда мне был виден испуганный узколицый человек. Как раз подходила его очередь.

Вдруг я нашел монетку. В верхнем кармане пиджака. Как она могла туда попасть, ума не приложу.

Я вернулся к автоматам. За узколицым человеком стояла девушка с сумкой через плечо.

— Я здесь стоял, — сообщил я ей.

— А мне никто не сказал, — заявила девушка агрессивно.

Меня смущает агрессивность в нашей молодежи. Как будто эти хорошо одетые, сытые подростки заранее го-

товы огрызнуться и даже ждут предлога, чтобы тебя укусить.

— Подтвердите, товарищ, — сказал я узколицему человеку, который уже взялся за телефонную трубку.

— Да, — сказал тот, — это так. Гражданин занимал очередь. Я подтверждаю.

Девушка отвернулась, ничего не ответив. Могла бы и попросить прощения за грубость тона. Хотя, впрочем, она же этого тона не ощущала.

Узколицый человек позвонил в справочную. Я не мог не слышать, о чем он говорит. Но я стоял слишком близко к нему, опасаясь, что по окончании его разговора нахальная девушка может оттеснить меня.

— Девушка, — сказал узколицый человек, дождавшись ответа, — я хотел бы выяснить у вас телефон одного лица.... Да, эти данные мне известны. Мик Анатолий Евгеньевич. Год рождения тысяча девятьсот первый... Нет, адреса не знаю. Но ведь фамилия редкая!..

Он ждал, пока девушка найдет нужную строчку в своей справочной книге, прикрывая ладонью трубку. Даже в полутьме этого угла мне было видно, что ногти у него грязные. — Не значит ли? Ну конечно, он мог уехать... ну конечно, он мог умереть... давно, еще до войны. Нет, не вешайте трубку! Пожалуйста, проверьте тогда: Мик Иосиф Анатольевич или Мик Наталья Анатольевна. Год рождения? Соответственно тридцать первый и тридцать третий. Я подожду.

Девушка перешла к другому автомату, где уже кончали говорить.

Узколицый человек снова зажал трубку ладонью и поглядел на меня загнуто и виновато.

— Сейчас, — сказал он. — Она скоро.

Я постарался вежливо улыбнуться. Ситуация выглядела банально. Человек приехал в Москву. Вернее всего, его поезд уходит завтра, в гостиницу он не устроился, ночевать на вокзале не хочет. Вот и принялся искать давно забытых родственников.

— Нет? — услышал я голос узколицего. — Вы уверены? Вы хорошо посмотрели?.. Да, да, простите за беспокойство.

Он повесил трубку.

— Я так и думал,— сказал он мне.

— Ну ничего,— ответил я.— Они в самом деле могли уехать.

— Куда?— спросил он, как будто я должен был дать ему ответ.

— Столько лет прошло,— сказал я.

— Вы откуда знаете?— глаза его сразу стали почти белыми от вспыхнувшего недоверия ко мне.

— Я ничего не знаю,— ответил я мирно. Я вообще мирный человек. Я согласен с теми, кто утверждает, что толстые люди более добры и великодушны, чем худые. Хотя, конечно, не мешало бы и похудеть.

— Я был вынужден слышать ваш разговор. И вы сами сказали, что видели своих родственников еще до войны. Маленьким мальчиком.

— Кто мальчик?

— Простите,— сказал я, чувствуя, что есть опасность снова потерять очередь — высокий мужчина в японской голубой куртке стал проталкиваться к телефону, и я, чтобы не упустить очередь, схватил трубку.

Далеко этот человек не ушел.

Я увидел его через пять минут в очереди за мороженым.

Я завистлив. Увидев, как он стоит за мороженым, я сразу захотел мороженого. Отказав себе в пирожках, я тем самым совершил определенное насилие над собственным организмом. Мороженое было паллиативом. Я мог себе его позволить после того, как не позволил пирожка. И тогда я пошел на маленькую хитрость. Я прямо направился к узколицему человеку и протянул ему двадцать копеек.

— Возьмите мне тоже,— сказал я улыбаясь, словно мы были хорошо и давно знакомы.

— Что?— Он растерялся от такой наглости с моей стороны, но отказаться не смог. К счастью, в очереди, которая выстроилась сзади, никто не заметил его мгновенного колебания.

Человек держал мои двадцать копеек осторожно, двумя пальцами, словно это были заразные деньги. В другой руке у него была десятка. Он взял четыре порции моро-

женого, а потом протянул продавщице мои двадцать копеек и сказал:— И еще одну.

Братъ он мое мороженое не стал, предоставив это мне, а сам свободной рукой принял стопку мятых бумажек и монеток и не глядя сунул в карман плаща.

— Спасибо,— сказал я, ожидая, пока он управится с деньгами.— Помочь вам?

— В чем?

— Давайте я подержу мороженое.

Слова мои звучали глупо. Любой человек может удерживать в руке четыре пачки мороженого.

Мне следовало как-то уладить этот конфузливый момент, чтобы человек не подумал, что я к нему пристаю, что мне от него что-то нужно.

— Поймите меня правильно,— сказал я и почувствовал, что краснею.— Но вы оказали мне любезность и мне хотелось отплатить вам тем же. Если вам мое вмешательство неприятно, то простите ради Бога, и я уйду.

Он ничего не отвечал и пошел медленно прочь. Я шел рядом и не мог остановиться.

— Получилось так,— продолжал я,— что мне пришлось застрять на вокзале. Я здесь уже второй день. Я страшно истосковался по нормальному человеческому общению. Мой поезд уходит только вечером. Я уже дважды ездил на экскурсию по памятным местам, я изучил все вывески и объявления, узнаю в лицо всех милиционеров на вокзале. Я просто не представляю, как переживу еще четыре часа. Если не верите, то посмотрите, вот мой билет.

Я полез в карман за билетом, но тот человек сказал:

— Не надо. Зачем?

— Я сам из Мелитополя,— сказал я.— Я технолог, был в Ленинграде у моей тети. Знаете, из старых петербургских дев. А теперь вот болеет. Возраст.

Так разговаривая (вернее, разговаривал я, а узколицый человек лишь кивал в знак того, что слышит), мы поднялись по эскалатору наверх. За стеклянной стеной начало смеркаться. У дверей толпились автобусы.

— Извините,— сказал я, останавливаясь наверху.— Я пойду. Еще раз тысячу извинений.

Он ничего не ответил, и я пошел к кассам, но тут же человек меня окликнул.

— Подождите, гражданин,— сказал он.— Вы едете в Мелитополь?

— Да,— сказал я, возвращаясь.— Сегодня вечером.

— Вы там живете?

— Разумеется.

— Мой отец жил в Мелитополе,— сказал узколицый человек.

— Не может быть!

Мороженое, которое он держал обеими руками, размягчилось, и мне было видно, как его пальцы продавливали углубления в брикетах. Но он этого не замечал.

— Я хотел бы поехать в Мелитополь,— сказал человек.

— Приезжайте,— сказал я.— Я могу вам оставить адрес. Я живу один, в трехкомнатной квартире. Моя жена покинула меня, вот и остался я один.

Наверное, я показался ему человеком с недержанием речи. И чтобы отвлечься от мелитопольской темы, я сказал:

— Ваше мороженое вот-вот потечет.

— Да, конечно,— согласился он, думая о чем-то другом.

— Вы отнесите его,— посоветовал я.

— А вы уйдете?— я понял, насколько одинок и не уверен в себе этот человек.— Вы, пожалуйста, не уходите. Если, конечно, можете.

— Разумеется,— сказал я,— конечно я буду с вами.

Мы с ним пошли через зал. Его семья ждала его в дальнем конце зала, за закрытым киоском. Двое детей сидели по обе стороны женщины средних лет с таким же узким лицом, как у моего нового знакомого, и с еще более длинным носом. Я даже вообразил сначала, что это его сестра. Но оказалось, что жена. При виде нас женщина почему-то прижала к груди черную матерчатую сумку, а дети, один совсем маленький, другой лет семи, замерли, будто крольчата при виде волка.

Женщина была коротко подстрижена, почти под скобку, и лишь на концах волосы были завиты. И платье, и пальто с большими серыми пуговицами были очень неправильными, именно неправильными. Я бы даже не

сказал, что они немодны или старомодны. Они принадлежали к другому миру.

— Маша!— сказал быстро мой спутник.— Не волнуйся, все в порядке. Этот гражданин из Мелитополя, мы с ним покупали мороженое.

С этими словами он положил ей на руки полурастаявшие пачки, и женщина инстинктивно вытянула вперед руки, чтобы капли сливок не падали на пальто.

— Моя жена,— сказал узколицый человек.— Мария Павловна.

Женщина как-то сразу обмякла, видно, она боялась тут сидеть одна, с детьми. Дальше на длинной скамье дремал казах с электрогитарой, затем сидела парочка голубков лет пятидесяти. На нас никто не смотрел.

Женщина оглянулась, куда деть мороженое.

— Дай сюда,— сказал семилетний мальчик.— Я подержу.

— Только не накапай на штанишки, Ося,— сказала женщина.

— А мне?— спросила малышка, она сидела на лавке поджав ноги, покрытая серым одеялом, на котором можно было угадать изображения белки с орехом.

— Сейчас, Наташенька, сейчас,— сказала женщина. Она быстрым, кошачьим движением извлекла из сумки носовой платок, вытерла руки и, поднявшись, протянула мне ладонь.

— Мик, Мария Павловна,— сказала она.— Очень приятно с вами познакомиться.

— Мы тут проездом,— быстро сказал узколицый.— Да вот застряли.

Он вдруг засмеялся, показав, как далеко вперед торчат его длинные зубы.

— И очень хотим уехать,— сказала его жена.

— Простите,— я не хотел ничем пугать этих странных людей.— Но мы с вами так и не познакомились. Меня зовут Лавин, Сергей Сергеевич Лавин.

Я протянул ему руку.

Он с секунду колебался, будто не знал, сказать ли настоящее имя или утаить. Потом решил.

— Мик,— сказал он.— Анатолий Евгеньевич.

Мне было знакомо это имя. Я его слышал, когда Анатолий Евгеньевич говорил по телефону. Но я не стал

ничего говорить. Рука у него была холодной и влажной, и мне показалось, что я ощущаю, как быстро и мелко бьется его пульс.

— Подвиньтесь, дети,— сказала жена Мика.— Дайте товарищу сесть.

— Спасибо, я постою.

Дети покорно поднялись. Одеяло упало на пол. Дети стояли рядышком. Они так и не ели мороженое, которое текло между пальцев Оси и капало на пол.

— Ешьте, дети, а то будет поздно,— сказал я.— Видите, я уже доедаю.

— Почему поздно?— спросил мальчик.

— А то придется лизать с пола.

Дети удивились, а родители вежливо засмеялись.

— Вы оставайтесь здесь и не волнуйтесь,— сказал Мик жене.— Нам с Сергей Сергеевичем надо поговорить.

— Не уходи, папа,— сказал мальчик.

— Мы будем стоять здесь, где вам нас видно.

Он взял меня за руку и повел к стеклянной стене. Воздух за ней был синим. Очередь на такси казалась черной.

— Они очень нервничают,— сказал Мик.— Я в отчаянии. Моя жена страдает от гипертонической болезни. Мы с утра здесь сидим.

— У вас никого нет в городе? Я слышал, что вы звонили, но вам сказали...

— Это уже не играет роли. Но вы мне показались достойным доверия человеком. Я решил — мы поедем в Мелитополь. Как вы думаете, можно ли будет купить билет?

— Я достал его с трудом,— честно признался я.— Много желающих.

— Впрочем, мы можем уехать и в другой город. Но приехать на место, где никто тебя не знает и ты никого не знаешь...

— Честно говоря, Анатолий Евгеньевич,— сказал я,— мне все это непонятно.

Мальчик Ося подошел к нам и протянул отцу газету.

— Мама сказала, чтобы ты почитал,— заявил мальчик.— Тут написано про космонавтов. А кто такие космонавты?

Мик перехватил мой удивленный взгляд.

— Я тебе потом расскажу, сынок,— сказал он.

Я погладил мальчика по головке.

— Космонавты,— сказал я,— осваивают космос. Они летают туда на космических кораблях. Разве тебе папа раньше не говорил?

— Мы жили уединенно,— сказал Мик.— Ося, возвращайся к маме.

К счастью, Ося не был похож на родителей. У него было обыкновенное круглое лицо и нормальный нос. Может, его мама согрешила с другим? Впрочем, какое мне дело?

— А почему ты мне не говорил про космонавтов?— спросил мальчик.— Их никогда раньше не было.

— А кто же был, Ося?— спросил я, улыбаясь.

— Раньше были челюскинцы, но я их не видел,— сказал мальчик серьезно.— А теперь есть Чкалов. Чкалов космонавт или нет?

— А что ты знаешь о Чкалове?

— Ося, немедленно назад!— Мик буквально шипел, словно кипящий чайник,— я испугался, что он ударит мальчика.

— А Чкалов скоро полетит в Америку. Я знаю,— сказал мальчик.

Прическа, понял я. Такой прически сегодня просто никто не сможет сделать. Даже в отдаленном районном центре. Парикмахеры забыли, как стричь «под бокс», а Мик пострижен «под бокс».

— Твое имя Иосиф, мальчик?— спросил я.

Мальчик не уходил. Ему было интереснее со мной, чем с мамой.

— Мария!— крикнул пронзительно Мик, и я понял, что он всегда в жизни кричит, зовет на помощь Марию, если не знает, что делать.

— Мария, возьми мальчика.

— А меня называли в честь дяди Сталина,— сказал мальчик.— А почему нет портрета дяди Сталина?

— Дядя Сталин,— сказал я,— давным-давно умер.

И тут испугался мальчик. Мне даже стало неловко, что я так испугал мальчика.

Мать уже спешила к нам через зал. Она резко схватила мальчика за руку и потащила от нас, она не спраши-

вала, она обо всем догадалась. Мальчик не оборачивался. Он плакал и что-то говорил матери.

— М-да,— сказал я, чтобы как-то разрядить молчание.— Наверное, мне лучше уйти. Вы нервничаете.

— Да,— согласился Мик.— Хотя, впрочем, зачем вам теперь уходить? Вы же догадались, да?

— Я теряюсь в догадках,— сказал я.— У меня создается впечатление, что вы много лет где-то прятались, что вас не было... Я не знаю, как это объяснить...

— Давайте выйдем наружу, покурим. Вы курите?

Мы вышли из вокзала. Сквозь освещенную стеклянную стену я видел сидевших кучкой жену и детей Мика. Девочка спала, положив голову на колени матери. Мальчик сидел, подобрав коленки. Коленки были голыми. На мальчике были короткие штанишки, что теперь редко увидишь.

Мик достал из кармана смятую пачку папирос «Норд». Предложил мне. Я предпочел «Мальборо». Мы закурили.

— Мы не прятались,— сказал Мик, оглядываясь на старуху, стоявшую неподалеку с букетом астр.— Нас просто не было.

Горящие буквы новостей бежали по крыше дома на другой стороне Садового кольца. «...Высадка на Марсе ожидается в ближайшие часы». У нас плохо с мясом, подумал я, но мы добрались до Марса. Этого я, разумеется, не сказал вслух.

— Мы живем в прошлом. Вернее, жили в прошлом до вчерашнего дня. И вот, простите, бежали. Скажите и не поймите меня ложно: в самом ли деле портретов Сталина нет в вашем времени?

— Как-то я видел один на ветровом стекле машины. Она была с грузинским номером,— сказал я.— Он для нас — далекая история.

— А вы знаете, что по его вине погибло много людей? Об этом вам известно?

— Известно,— сказал я.— Давно известно.

— И что вы сделали?

— Мы сделали единственное, что можно было сделать, чтобы не отказываться от собственной истории,— сказал я.— Мы предпочли забыть. И о нем, и о тех, кто погиб. Наверное, я не совсем точен. Наверное, правильное ска-

зять, что мы отдаем должное тем, кто погиб безвинно. Но стараемся не обобщать.

— Может, это выход. Трусливый, но выход. Я не хочу вас обидеть. Я специально выбрал это время, чтобы быть уверенным, что никого из них уже не будет в живых.

Я промолчал.

— Еще вчера, — сказал Мик, глубоко затягиваясь. Табак в папиресе был плохой, он потрескивал, будто Мик раздувал печку. — Еще вчера мы жили в 1938 году. Вы не верите?

— Не знаю, — сказал я. — Если вы мне объясните, то я постараюсь поверить.

— Я работал в институте. Вам название ничего не скажет. Нас было несколько экспериментаторов. И должен сказать, что во многом мы даже обогнали время. Это звучит наивно?

— Нет, всегда есть ученые, которые обгоняют время.

— Во главе института стоял гениальный ученый. Крупинский. Вы слышали о нем?

— Простите, нет.

— Он работал у Резерфорда. Эйнштейн звал его к себе. Но он остался. С нами, с его учениками. А времена становились все хуже. И к власти в институте пришли... мерзавцы.

Он потушил папиросу и сразу достал новую.

— И потом взяли одного из нас и он исчез. И было ясно, что очередь за другими. Многие из нас бывали за границей. И потом, мы не могли быть осторожными. В самые тяжелые времена наверх вылезает осторожная, но наглая серость. Она везде. Она в биологии, она в генетике, даже в истории. Вы знаете, что генетика фактически под запретом?

— Я слышал, что так было.

— Слава Богу, я не зря приехал сюда. Хоть генетика... И мы стали работать. Крупинский сказал нам, что если мы не можем уехать, не можем спрятаться, то мы не имеем права бесславно и незаметно умирать. Наука нам этого не простит. Наш долг остаться в живых. И есть одна возможность: уйти в будущее. Пока теоретическая. Но если нам очень хочется жить, то мы сделаем это. Практически. И знаете, никто не донес. Мы все работали

вечерами, даже ночами, а днем делали вид, что прославляем и так далее. И все было готово.

— А в каком институте, если не секрет?

— Ну какой теперь может быть секрет. Институт экспериментальной физики имени Морозова. Слышали?

Я кивнул.

— Все было готово. Позавчера. И знаете, почему мы особенно спешили? Три дня назад взяли Кацмана. Аркашу Кацмана. Совсем по другому делу. Там что-то с его родственником. Но мы знали, что его будут допрашивать и, когда начнут сильно допрашивать, он расскажет. Знаете, когда пишут про гражданскую войну, там всегда есть герои, которых белогвардейцы пытаются целыми неделями, но те молчат. На самом деле так не бывает. Они ведь профессионалы. Они умеют пытаться. Сознаются все. И мы знали, что, даже если Аркашу не будут спрашивать об институте, что было маловероятно, он все равно все расскажет, чтобы купить жизнь. Он очень хороший человек, Аркаша. Но мы были правы. Я дежурил в институте, и в срок никто не пришел, даже Крупинский. Я думал, что Крупинского не посмеют тронуть. Я позвонил ему домой, а незнакомый мужской голос спросил, кто его просит. И я сразу понял. По интонации. Знаете, они почему-то привозят людей с Украины, с таким мягким южным акцентом. Я не знал, сколько у меня времени. Я позвонил домой. Я сказал Марии, чтобы она взяла детей и больше ничего. Правда, она догадалась взять свои кольца. Иначе бы я забыл. Зато здесь я продал сегодня одно кольцо — знаете, мне за него дали двадцать рублей. Такой черненький человек. Иначе и по телефону не позвонишь. Она догадалась и больше не спрашивала. Хорошо, что мы рядом живем. А знаете, что я делал, когда уже включил машину? Я позвонил к себе домой. И там подошел к телефону человек с таким же мягким акцентом. Мои успели уйти буквально за считанные минуты. И мне кажется, что, когда машина уже работала, они ворвались в лабораторию. Но может быть, мне показалось.

— Трудно поверить, — сказал я.

— Ах, это так просто... — теперь, когда он все мне рассказал, он чувствовал себя иначе, страх отпустил его. Я стал его сообщником. Почти родным ему человеком. Не-

важно, что произойдет с нами потом, но сейчас мы были сообщниками в бегстве из прошлого. Он извлек из внутреннего кармана пиджака черный кожаный бумажник и из него — паспорт в серой мягкой обложке. Мне было любопытно поглядеть на его паспорт. В паспорте значилось, что мой собеседник — Мик Анатолий Евгеньевич, год рождения — 1901. И фотография была правильная. Узкое лицо. Светлые глаза. Конечно, можно сделать все — и паспорт, и фотографию. Но ради чего? Чтобы удивить меня? И я поверил этому человеку.

— Что же теперь делать? — спросил я.

— Не представляю. Мы выбрались из машины ранним утром. На наше счастье, здание института сохранилось. Только все там иначе. Это было на рассвете. Никого не было. Мы вышли...

— Вы не боялись, что кто-нибудь пойдет вслед за вами?

— У нас все было обговорено. У нас была сделана очень маленькая мина замедленного действия. Она должна была разрушить только пульт управления. Через тридцать секунд после того, как уйдет в будущее последний. Но я был единственным... нет, они не догадаются. И я думаю, что они не поверят. Ну как можно поверить? Куда проще предположить, что это заговор шпионов.

Он ухмыльнулся и показал длинные зубы. Потом достал третью папиросу.

— Вы много курите, — сказал я.

— Нервничаю, — он робко улыбнулся.

— Ну и что дальше?

— Дальше? Дальше я рассудил... я уже ночью придумал, что если никого, кроме меня, не будет, я сначала поеду на вокзал. И знаете — я оказался прав. Здесь так же много людей, как полвека назад. И такая же неразбериха.

Он поглядел сквозь стеклянную стену в зал. Мария Павловна сидела прямо и смотрела перед собой. Она ждала. Ей было страшно, куда страшнее, чем ее мужу. Дети спали.

— Ей страшно, — сказал Мик. — Она не знает, чем это кончится. Но я теперь надеюсь, что мы уедем в тихий город, ведь теперь не арестовывают, не убивают?

— Нет, — твердо сказал я. — Теперь этого не бывает.

— Все кошмары кончаются,— сказал Мик.— Я всегда знал, что тот кошмар тоже кончится. По крайней мере, я спокоен за детей. Они будут учиться... я тоже могу преподавать физику в школе. Я не так уж отстал от школьного уровня.

— Разумеется,— сказал я.

— Мы возьмем билеты в Мелитополь и потеряемся... знаете, может даже мы сойдем на какой-нибудь станции, и я скажу, что потерял документы. Что мне за это будет?

— Не знаю,— сказал я.— Наверное, выдадут новые. Только трудно будет проверить...

— До встречи с вами я был в каком-то шоке,— сказал Мик.— Я вам очень признателен. От вас исходит какое-то спокойствие, уверенность в себе. Я позвонил в справочное... а, вы слышали? Я позвонил и думал спросить, не дожил ли кто-нибудь из нас... глупая мысль.

— Нелепая мысль,— сказал я.— Получается, что вас двое. А этого быть не может.

— А вы где будете ночевать? На вокзале?

— Нет,— сказал я.— У меня здесь живет знакомая. Одна из моих тетушек. У нее отдельная квартира.

— Счастливцев.

— И у меня есть к вам предложение. Детям плохо на вокзале. И жене вашей нехорошо. Я думаю, что у тетушки мы поместимся. Мы скажем ей, что вы мои мелитопольские родственники.

— Вы с ума сошли. Это же такое неудобство...

— Если вам не накладно,— сказал я,— то вы утром ей заплатите. Немного. Она на пенсии, и лишние пять рублей ей не помешают.

— Разумеется, у меня значительно больше денег. И у Маши остались еще кольца. Это было бы великолепно...

— Вот и решили,— сказал я.— Собирайте свою гвардию, а я пойду ловить машину.

— Такси?

— Такси вряд ли,— сказал я.— Поглядите, какая очередь. Это часа на полтора как минимум. Я думаю, что отыщу левака. Частника.

— А это можно?

— У нас многое можно,— улыбнулся я.

— Так я пошел?

— Давайте. Встречаемся здесь.

Я поглядел ему вслед. Он бежал через зал к своей жене. Он был счастлив — длинные зубы наружу в дикой улыбке. Он махал руками и, нагнувшись к жене, начал ей быстро, возбужденно говорить...

Когда они выползли всем семейством к выходу, голубой рафик уже стоял неподалеку. Шофер выглянул из окошка.

— Поторапливайтесь, — сказал он. — Тут фараоны не дремлют.

— Он согласился, — сказала я. — Он еще одну семью взял, их отвезет к площади Маяковского, а потом нас дальше, на Ленинский.

— Мы на этой машине поедem? — спросил Ося. — Я такой не знаю.

— Привыкнешь, — сказал Мик. — Ты еще не такие машины увидишь.

Сначала в машину Мария Павловна внесла спящую девочку. Потом забрались Мик и мальчик. Я последним.

Я поздоровался со средних лет четой, сидевшей на заднем сидении. Мария Павловна уложила девочку на сидение.

— Все в норме? — спросил шофер.

Машина ехала по Садовому кольцу, и Мик не отрываясь глядел по сторонам. Ему все нравилось. И яркое освещение, и движение на улицах. И даже рекламы. Мальчик все время спрашивал: «А это что? А это какая машина?» Мать пыталась его оборвать, но я сказал:

— Пускай спрашивает.

Перед площадью Маяковского машина свернула в переулок.

Мы сидели с Миком на переднем сидении, и поэтому, когда я наклонился к нему и начал тихо говорить ему на ухо, его жена ничего не слышала.

— Мик, — сказал я, — только не надо шуметь и устраивать истерику. Сейчас мы приедем в одно место и вы тихо выйдете из машины. Там нас ждут.

— Кто? — прошептал он, тоже стараясь, чтобы жена не услышала. — Кто может ждать... здесь?

— Мик, — сказал я, — вы ведь думаете только о себе. Мы

вынуждены думать о более серьезных вещах. Путешествия во времени невозможны. Успешное путешествие во времени может нарушить, как говорил поэт, «связь времен». Вы исчезли в прошлом, образовав там опасную лакуну. От вашего отсутствия нарушается баланс сил в природе. Вы же физик, вы должны были это предусмотреть.

— И ждать, пока нас убьют и отправят куда-то наших детей?

— Ваши товарищи не избегли этой участи. Поймите, Мик, я не имею ничего против вас и вашей семьи. Я искренне вам сочувствую и надеюсь, что обвинение против вас будет снято. Известно множество случаев, когда людей отпускали на свободу.

— В каком году умер академик Крупинский?— спросил вдруг Мик в полный голос.

— Не знаю,— сказал я. Хотя знал, что в 1938 году.

Мария Павловна почувствовала что-то в его голосе.

— Что случилось?— спросила она. И когда ей никто не ответил, сказала очень тихо:— Я так и знала.

Машина въехала во двор Управления, железные ворота закрылись за ней. Не замедляя хода, она нырнула в знакомые мне ворота и резко затормозила во внутреннем зале. Два наших товарища уже ждали. Один из них открыл дверь.

Два других наших товарища, которые сидели на заднем сидении, спрятали оружие, и женщина средних лет, я ее знал только в лицо, сказала:

— Выходите спокойно, товарищи.

Они вышли совершенно спокойно. Я хотел взять девочку из рук Марии Павловны, чтобы помочь той. Но Мик оттолкнул меня. Я не обиделся. Я понимал, что с его точки зрения я кажусь коварным человеком, заманившим его в ловушку.

— Куда нас денут?— спросил он визгливым голосом. Я подумал, что с облегчением забуду это длинное сплюснутое лицо и эти длинные желтые зубы.

— Назад,— сказал один из наших товарищей.

— Но ведь этого нельзя делать,— сказала Мария Павловна.— Они там нас ждут.

Товарищ пожал плечами.

В низкую железную дверь вошел Степан Лукьянович. Он быстро взглянул на беглецов, потом пожал мне руку и поблагодарил за работу.

— У меня были данные,— сказал я.— Остальное лишь опыт и наблюдательность.

— Скажите,— Мик так и не выпускал из рук девочки.— А вы знали? Давно?

— Это третий случай,— вежливо ответил Степан Лукьянович.— Все три нам удалось пресечь.

Он немного лукавил, мой шеф. Второй из этих случаев кончился трагически. Тот человек, который попался, имел при себе яд. Но эти наверняка яда не имеют. Совсем другие люди.

— А мы куда поедем?— спросил мальчик.

— Я вас очень прошу,— сказала вдруг Мария Павловна.— Ради наших детей. Посмотрите на них. У вас же тоже есть дети?

— Я вам искренне сочувствую,— ответил Степан Лукьянович,— но, простите за народную мудрость, каждому овощу свое время.

— Не надо, Маша,— сказал Мик,— не проси их. Они те же самые.

— Ну тогда оставьте детей. Мы вернемся, мы согласны!— кричала Мария Павловна. Она старалась вырвать ребенка у своего мужа, он не отпускал девочку, одеяло развернулось и упало на пол, девочка верещала. Это была тяжелая сцена.

Мик первым побежал к открытой двери, но его остановил один из наших товарищей.

— Не сюда,— сказал он.

И показал на другую дверь, которая как раз начала открываться.

МОЖНО ПОПРОСИТЬ НИНУ?

— Можно попросить Нину?— сказал я.

— Это я, Нина.

— Да? Почему у тебя такой странный голос?

— Странный голос?

— Не твой. Тонкий. Ты огорчена чем-нибудь?

— Не знаю.

— Может быть, мне не стоило звонить?

— А кто говорит?

— С каких пор ты перестала меня узнавать?

— Кого узнавать?

Голос был моложе Нины лет на двадцать. А на самом деле Нинин голос лишь лет на пять моложе хозяйки. Если человека не знаешь, по голосу его возраст угадать трудно. Голоса часто старятся раньше владельцев. Или долго остаются молодыми.

— Ну ладно,— сказал я.— Послушай, я звоню тебе почти по делу.

— Наверно, вы все-таки ошиблись номером,— сказала Нина.— Я вас не знаю.

— Это я, Вадим, Вадик, Вадим Николаевич! Что с тобой?

— Ну вот!— Нина вздохнула, будто ей жаль было прекращать разговор.— Я не знаю никакого Вадика и Вадима Николаевича.

— Простите,— сказал я и повесил трубку.

Я не сразу набрал номер снова. Конечно, я просто не туда попал. Мои пальцы не хотели звонить Нине. И набрали не тот номер. А почему они не хотели?

Я отыскал в столе пачку кубинских сигарет. Крепких, как сигары. Их, наверно, делают из обрезков сигар. Какое у меня может быть дело к Нине? Или почти дело?

Никакого. Просто хотелось узнать, дома ли она. А если ее нет дома, это ничего не меняет. Она может быть, например, у мамы. Или в театре, потому что она тысячу лет не была в театре.

Я позвонил Нине.

— Нина?— сказал я.

— Нет, Вадим Николаевич,— ответила Нина.— Вы опять ошиблись. Вы какой номер набираете?

— 149-40-89.

— А у меня Арбат — один — тридцать два — пять три.

— Конечно,— сказал я.— Арбат — это четыре?

— Арбат — это Г.

— Ничего общего,— сказал я.— Извините, Нина.

— Пожалуйста,— сказала Нина.— Я все равно не занята.

— Постараюсь к вам больше не попадать,— сказал я.— Где-то заклинило. Вот и попадаю к вам. Очень плохо телефон работает.

— Да,— согласилась Нина.

Я повесил трубку.

Надо подождать. Или набрать сотню. Время. Что-то замкнется в перепутавшихся линиях на станции. И я дозвонюсь. «Двадцать два часа ровно»,— сказала женщина по телефону «сто». Я вдруг подумал, что если ее голос записали давно, десять лет назад, то она набирает номер «сто», когда ей скучно, когда она одна дома, и слушает свой голос, свой молодой голос. А может быть, она умерла. И тогда ее сын или человек, который ее любил, набирает сотню и слушает ее голос.

Я позвонил Нине.

— Я вас слушаю,— сказала Нина молодым голосом.— Это опять вы, Вадим Николаевич?

— Да,— сказал я.— Видно, наши телефоны соединились намертво. Вы только не сердитесь, не думайте, что я шучу. Я очень тщательно набирал номер, который мне нужен.

— Конечно, конечно,— быстро сказала Нина.— Я ни на минутку не подумала. А вы очень спешите, Вадим Николаевич?

— Нет,— сказал я.

— У вас важное дело к Нине?

— Нет, я просто хотел узнать, дома ли она.
— Соскучились?
— Как вам сказать...
— Я понимаю, ревнуете,— сказала Нина.
— Вы смешной человек,— сказал я.— Сколько вам лет, Нина?

— Тринадцать. А вам?
— Больше сорока. Между нами толстенная стена из кирпичей.

— И каждый кирпич — это месяц, правда?
— Даже один день может быть кирпичом.
— Да,— вздохнула Нина,— тогда это очень толстая стена. А о чем вы думаете сейчас?

— Трудно ответить. В данную минуту ни о чем. Я же разговариваю с вами.

— А если бы вам было тринадцать лет или даже пятнадцать, мы могли бы познакомиться,— сказала Нина.— Это было бы очень смешно. Я бы сказала: приезжайте завтра вечером к памятнику Пушкину. Я вас буду ждать в семь часов ровно. И мы бы друг друга не узнали. Вы где встречаетесь с Ниной?

— Как когда.
— И у Пушкина?
— Не совсем. Мы как-то встречались у «России».
— Где?
— У кинотеатра «Россия».
— Не знаю.
— Ну, на Пушкинской.
— Все равно почему-то не знаю. Вы, наверно, шутите. Я хорошо знаю Пушкинскую площадь.

— Неважно,— сказал я.
— Почему?
— Это давно было.
— Когда?

Девочке не хотелось вешать трубку. Почему-то она упорно продолжала разговор.

— Вы одна дома?— спросил я.
— Да. Мама в вечернюю смену. Она медсестра в госпитале. Она на ночь останется. Она могла бы прийти и сегодня, но забыла дома пропуск.

— Ага,— согласился я.— Ладно, ложись спать, девочка. Завтра в школу.

— Вы со мной заговорили, как с ребенком.

— Нет, что ты, говорю с тобой, как со взрослой.

— Спасибо. Только сами, если хотите, ложитесь спать с семи часов. До свидания. И больше не звоните своей Нине. А то опять ко мне попадете. И разбудите меня, маленькую девочку.

Я повесил трубку. Потом включил телевизор и узнал о том, что луноход прошел за смену 337 метров. Луноход занимался делом, а я бездельничал. В последний раз я решил позвонить Нине уже часов в одиннадцать, целый час занимал себя пустяками. И решил, что, если опять попаду на девочку, повешу трубку сразу.

— Я так и знала, что вы еще раз позвоните,— сказала Нина, подойдя к телефону.— Только не вешайте трубку. Мне, честное слово, очень скучно. И читать нечего. И спать еще рано.

— Ладно,— сказал я.— Давайте разговаривать. А почему вы так поздно не спите?

— Сейчас только восемь,— сказала Нина.

— У вас часы отстают,— сказала я.— Уже двенадцатый час. Нина засмеялась. Смех у нее был хороший, мягкий.

— Вам так хочется от меня отделаться, что просто ужас,— сказала она.— Сейчас октябрь, и поэтому стемнело. И вам кажется, что уже ночь.

— Теперь ваша очередь шутить?— спросил я.

— Нет, я не шучу. У вас не только часы врут, но и календарь врёт.

— Почему врёт?

— А вы сейчас мне скажете, что у вас вовсе не октябрь, а февраль.

— Нет, декабрь,— сказал я. И почему-то, будто сам себе не поверил, посмотрел на газету, лежавшую рядом, на диване. «Двадцать третье декабря»— было написано под заголовком.

Мы помолчали немного, я надеялся, что она сейчас скажет «до свидания». Но она вдруг спросила:

— А вы ужинали?

— Не помню,— сказал я искренне.

— Значит, не голодный.

— Нет, не голодный.

— А я голодная.

— А что, дома есть нечего?

— Нечего!— сказала Нина.— Хоть шаром покати. Смешно, да?

— Даже не знаю, как вам помочь,— сказал я.— И денег нет?

— Есть, но совсем немножко. И все уже закрыто. А потом, что купишь?

— Да,— согласился я.— Все закрыто. Хотите, я пошурю в холодильнике, посмотрю, что там есть?

— У вас есть холодильник?

— Старый,— сказал я.— «Север». Знаете такой?

— Нет,— сказала Нина.— А если найдете, что потом?

— Потом? Я схвачу такси и подвезу вам. А вы спуститесь к подъезду и возьмете.

— А вы далеко живете? Я — на Сивцевом Вражке. Дом 15/25.

— А я на Мосфильмовской. У Ленинских гор. За университетом.

— Опять не знаю. Только это неважно. Вы хорошо придумали, и спасибо вам за это. А что у вас есть в холодильнике? Я просто так спрашиваю, не думайте.

— Если бы я помнил,— сказал я.— Сейчас перенесу телефон на кухню, и мы с вами посмотрим.

Я прошел на кухню, и провод тянулся за мной, как змея.

— Итак,— сказал я,— открываем холодильник.

— А вы можете телефон носить за собой? Никогда не слышала о таком.

— Конечно, могу. А ваш телефон где стоит?

— В коридоре. Он висит на стенке. И что у вас в холодильнике?

— Значит, так... что тут, в пакете? Это яйца, неинтересно.

— Яйца?

— Ага. Куриные. Вот, хотите, принесу курицу? Нет, она французская, мороженая. Пока вы ее сварите, совсем проголодаетесь. И мама придет с работы. Лучше мы возьмем колбасы. Или нет, нашел марокканские сардины,

шестьдесят копеек банка. И к ним есть полбанки майонеза. Вы слышите?

— Да,— сказала Нина совсем тихо.— Зачем вы так шутите? Я сначала хотела засмеяться, а потом мне стало грустно.

— Это еще почему? В самом деле так проголодалась?

— Нет, вы же знаете.

— Что я знаю?

— Знаете,— сказала Нина. Потом помолчала и добавила:— Ну и пусть! Скажите, а у вас есть красная икра?

— Нет,— сказал я.— Зато есть филе палтуса.

— Не надо, хватит,— сказала Нина твердо.— Давайте отвлечемся. Я же все поняла.

— Что поняла?

— Что вы тоже голодный. А что у вас из окна видно?

— Из окна? Дома, копировальная фабрика. Как раз сейчас, полдвенадцатого, смена кончается. И много девушек выходит из проходной. И еще виден «Мосфильм». И пожарная команда. И железная дорога. Вот по ней сейчас идет электричка.

— И вы все видите?

— Электричка, правда, далеко идет. Только видна цепочка огоньков, окон!

— Вот вы и врете!

— Нельзя так со старшими разговаривать,— сказал я.— Я не могу врать. Я могу ошибаться. Так в чем же я ошибся?

— Вы ошиблись в том, что видите электричку. Ее нельзя увидеть.

— Что же она, невидимая, что ли?

— Нет, видимая, только окна светиться не могут. Да вы вообще из окна не выглядывали.

— Почему? Я стою перед самым окном.

— А у вас в кухне свет горит?

— Конечно, а так как же я в темноте в холодильник бы лазил. У меня в нем перегорела лампочка.

— Вот, видите, я вас уже в третий раз поймала.

— Нина, милая, объясни мне, на чем ты меня поймала.

— Если вы смотрите в окно, то откинули затемнение. А если откинули затемнение, то потушили свет. Правильно?

— Неправильно. Зачем же мне затемнение? Война, что ли?

— Ой-ой-ой! Как же можно так завираться? А что же, мир, что ли?

— Ну, я понимаю, Вьетнам, Ближний Восток... Я не об этом.

— И я не об этом... Постойте, а вы инвалид?

— К счастью, все у меня на месте.

— У вас бронь?

— Какая бронь?

— А почему вы тогда не на фронте?

Вот тут я в первый раз только заподозрил неладное. Девочка меня вроде бы разыгрывала. Но делала это так обыкновенно и серьезно, что чуть было меня не испугала.

— На каком я должен быть фронте, Нина?

— На самом обыкновенном. Где все. Где папа. На фронте с немцами. Я серьезно говорю, я не шучу. А то вы так странно разговариваете. Может быть, вы не врете о курице и яйцах?

— Не вру,— сказал я.— И никакого фронта нет. Может быть, и в самом деле мне подъехать к вам?

— Так я в самом деле не шучу!— почти крикнула Нина.— И вы перестаньте. Мне сначала было интересно и весело. А теперь стало как-то не так. Вы меня простите. Как будто вы не притворяетесь, а говорите правду.

— Честное слово, девочка, я говорю правду,— сказал я.

— Мне даже страшно стало. У нас печка почти не греет. Дров мало. И темно. Только копилка. Сегодня электричества нет. И мне одной сидеть ой как не хочется. Я все теплые вещи на себя накутала.

И тут же она резко и как-то сердито повторила вопрос:

— Вы почему не на фронте?

— На каком я могу быть фронте?— Уже и в самом деле шутки зашли куда-то не туда.— Какой может быть фронт в семьдесят втором году!

— Вы меня разыгрываете?

Голос опять сменил тон, был он недоверчив, был он маленьким, три вершка от пола. И невероятная, забытая картинка возникла перед глазами — то, что было со мной, но много лет, тридцать или больше лет назад. Когда мне тоже было двенадцать лет. И в комнате стояла

«буржуйка». И я сижу на диване, подобрав ноги. И горит свечка, или это была керосиновая лампа? И курица кажется нереальной, сказочной птицей, которую едят только в романах, хотя я тогда не думал о курице...

— Вы почему замолчали?— спросила Нина.— Вы лучше говорите.

— Нина,— сказал я.— Какой сейчас год?

— Сорок второй,— сказала Нина.

И я уже складывал в голове ломтики несообразностей в ее словах. Она не знает кинотеатра «Россия». И телефон у нее только из шести номеров. И затемнение...

— Ты не ошибаешься?— спросил я.

— Нет,— сказала Нина.

Она верила в то, что говорила. Может, голос обманул меня? Может, ей не тринадцать лет? Может, она, сорокалетняя женщина, заболела еще тогда, девочкой, и ей кажется, что она осталась там, где война?

— Послушайте,— сказал я спокойно. Не вешать же трубку.— Сегодня двадцать третье декабря 1972 года. Война кончилась двадцать семь лет назад. Вы это знаете?

— Нет,— сказала Нина.

— Вы знаете это. Сейчас двенадцатый час... Ну как вам объяснить?

— Ладно,— сказала Нина покорно.— Я тоже знаю, что вы не привезете мне курицу. Мне надо было догадаться, что французских куриц не бывает.

— Почему?

— Во Франции немцы.

— Во Франции давным-давно нет никаких немцев. Только если туристы. Но немецкие туристы бывают и у нас.

— Как так? Кто их пускает?

— А почему не пускать?

— Вы не вздумайте сказать, что фрицы нас победят! Вы, наверно, просто вредитель или шпион?

— Нет, я работаю в СЭВе, в Совете Экономической Взаимопомощи. Занимаюсь венграми.

— Вот и опять врете! В Венгрии фашисты.

— Венгры давным-давно прогнали своих фашистов. Венгрия — социалистическая республика.

— Ой, а я уж боялась, что вы и в самом деле вредитель. А вы все-таки все выдумываете. Нет, не возражайте. Вы лучше расскажите мне, как будет потом. Придумайте что хотите, только чтобы было хорошо. Пожалуйста. И извините меня, что я так с вами грубо разговаривала. Я просто не поняла.

И я не стал больше спорить. Как объяснить это? Я опять представил себе, как сижу в этом самом сорок втором году, как мне хочется узнать, когда наши возьмут Берлин и повесят Гитлера. И еще узнать, где я потерял хлебную карточку за октябрь. И сказал:

— Мы победим фашистов 9 мая 1945 года.

— Не может быть! Очень долго ждать.

— Слушай, Нина, и не перебивай. Я знаю лучше. И Берлин мы возьмем второго мая. Даже будет такая медаль — «За взятие Берлина». А Гитлер покончит с собой. Он примет яд. И даст его Еве Браун. А потом эсэсовцы вынесут его тело во двор имперской канцелярии, и обольют бензином, и сожгут...

Я рассказывал это не Нине. Я рассказывал это себе. И я послушно повторял факты, если Нина не верила или не понимала сразу, возвращался, когда она просила пояснить что-нибудь, и чуть было не потерял вновь ее доверия, когда сказал, что Сталин умрет. Но я потом вернул ее веру, поведав о Юрии Гагарине и о новом Арбате. И даже насмешил Нину, рассказав о том, что женщины будут носить брюки-клеш и совсем короткие юбки. И даже вспомнил, когда наши перейдут границу с Пруссией. Я потерял чувство реальности. Девочка Нина и мальчишка Вадик сидели передо мной на диване и слушали. Только они были голодные как черти. И дела у Вадика обстояли даже хуже, чем у Нины; хлебную карточку он потерял, и до конца месяца им с матерью придется жить на одну ее карточку, рабочую карточку, потому что Вадик посеял карточку где-то во дворе, и только через пятнадцать лет он вдруг вспомнит, как это было, и будет снова расстраиваться, потому что карточку можно было найти даже через неделю; она, конечно, свалилась в подвал, когда он бросил на решетку пальто, собираясь погонять в футбол. И я сказал, уже потом,

когда Нина устала слушать то, что полагала хорошей сказкой:

— Ты знаешь Петровку?

— Знаю,— сказала Нина.— А ее не переименуют?

— Нет. Так вот...

Я рассказал, как войти во двор под арку и где в глубине двора есть подвал, закрытый решеткой. И если это октябрь сорок второго года, середина месяца, то в подвале, вернее всего, лежит хлебная карточка. Мы там, во дворе, играли в футбол, и я эту карточку потерял.

— Какой ужас!— сказала Нина.— Я бы этого не пережила. Надо сейчас же ее отыскать. Сделайте это.

Она тоже вошла во вкус игры, и где-то реальность ушла, и уже ни она, ни я не понимали, в каком году мы находимся,— мы были вне времени, ближе к ее сорок второму году.

— Я не могу найти карточку,— сказал я.— Прошло много лет. Но если сможешь, зайди туда, подвал должен быть открыт. В крайнем случае скажешь, что карточку обронила ты.

И в этот момент нас разъединили.

Нины не было. Что-то затрещало в трубке. Женский голос сказал:

— Это 143-18-15? Вас вызывает Орджоникидзе.

— Вы ошиблись номером,— сказал я.

— Извините,— сказал женский голос равнодушно.

И были короткие гудки. Я сразу же набрал снова Нинин номер. Мне нужно было извиниться. Нужно было посмеяться вместе с девочкой. Ведь получалась в общем чепуха...

— Да,— сказал голос Нины. Другой Нины.

— Это вы?— спросил я.

— А, это ты, Вадим? Что тебе не спится?

— Извини,— сказал я.— Мне другая Нина нужна.

— Что?

Я повесил трубку и снова набрал номер.

— Ты с ума сошел?— спросила Нина.— Ты пил?

— Извини,— сказал я и снова бросил трубку.

Теперь звонить было бесполезно. Звонок из Орджоникидзе все вернул на свои места. А какой у нее настоящий

телефон? Арбат — три, нет, Арбат — один — тридцать два — тридцать. Нет, сорок...

Взрослая Нина позвонила мне сама.

— Я весь вечер сидела дома,— сказала она.— Думала, ты позвонишь, объяснишь, почему ты вчера так себя вел. Но ты, видно, совсем сошел с ума.

— Наверно,— согласился я. Мне не хотелось рассказывать ей о длинных разговорах с другой Ниной.

— Какая еще другая Нина?— спросила она.— Это образ? Ты хочешь заявить, что желал бы видеть меня иной?

— Спокойной ночи, Ниночка,— сказал я.— Завтра все объясню.

..Самое интересное, что у этой странной истории был не менее странный конец. На следующий день утром я поехал к маме. И сказал, что разберу антресоли. Я три года обещал это сделать, а тут приехал сам. Я знаю, что мама ничего не выкидывает. Из того, что, как ей кажется, может пригодиться. Я копался часа полтора в старых журналах, учебниках, разрозненных томах приложений к «Ниве». Книги были не пыльными, но пахли старой, теплой пылью. Наконец я отыскал телефонную книгу за 1950 год. Книга распухла от вложенных в нее записок и заложенных бумажками страниц, углы которых были обтрепаны и замусолены. Книга была настолько знакома, что казалось странным, как я мог ее забыть,— если бы не разговор с Ниной, так бы никогда и не вспомнил о ее существовании. И стало чуть стыдно, как перед честно отслужившим костюмом, который отдают старьевщику на верную смерть.

Четыре первые цифры известны. Г-1-32... И еще я знал, что телефон, если никто из нас не притворялся, если надо мной не подшутили, стоял в переулке Сивцев Вражек, в доме 15/25. Никаких шансов найти тот телефон не было. Я уселся с книгой в коридоре, вытащив из ванной табуретку. Мама ничего не поняла, улыбнулась только, проходя мимо, и сказала:

— Ты всегда так. Начнешь разбирать книги, прочитаешься через десять минут. И уборке конец.

Она не заметила, что я читаю телефонную книгу. Я нашел этот телефон. Двадцать лет назад он стоял в той

же квартире, что и в сорок втором году. И записан был на Фролову К.Г.

Согласен, я занимался чепухой. Искал то, чего и быть не могло. Но вполне допускаю, что процентов десять вполне нормальных людей, окажись они на моем месте, делали бы то же самое. И я поехал на Сивцев Вражек.

Новые жильцы в квартире не знали, куда уехали Фроловы. Да и жили ли они здесь? Но мне повезло в домоуправлении. Старенькая бухгалтерша помнила Фроловых, с ее помощью я узнал все, что требовалось, через адресный стол.

Уже стемнело. По новому району, среди одинаковых панельных башен гуляла поземка. В стандартном двухэтажном магазине продавали французских кур в покрытых инеем прозрачных пакетах. У меня появился соблазн купить курицу и принести ее, как обещал, хоть и с двадцатилетним опозданием. Но я хорошо сделал, что не купил ее. В квартире никого не было. И по тому, как гулко разносился звонок, мне показалось, что здесь люди не живут. Уехали.

Я хотел было уйти, но потом, раз уж забрался так далеко, позвонил в дверь рядом.

— Скажите, Фролова Нина Сергеевна — ваша соседка?

Парень в майке, с дымящимся паяльником в руке ответил равнодушно:

— Они уехали.

— Куда?

— Месяц как уехали на Север. До весны не вернутся. И Нина Сергеевна, и муж ее.

Я извинился, начал спускаться по лестнице. И думал, что в Москве, вполне вероятно, живет не одна Нина Сергеевна Фролова 1930 года рождения.

И тут дверь сзади снова растворилась.

— Погодите,— сказал тот же парень.— Мать что-то сказать хочет.

Мать его тут же появилась в дверях, запахивая халат.

— А вы кем ей будете?

— Так просто,— сказал я.— Знакомый.

— Не Вадим Николаевич?

— Вадим Николаевич.

— Ну вот, — обрадовалась женщина, — чуть было вас не упустила. Она бы мне никогда этого не простила. Нина так и сказала: не прощу. И записку на дверь приколола. Только записку, наверно, ребята сорвали. Месяц уже прошел. Она сказала, что вы в декабре придете. И даже сказала, что постарается вернуться, но далеко-то как...

Женщина стояла в дверях, глядела на меня, словно ждала, что я сейчас открою какую-то тайну, расскажу ей о неудачной любви. Наверное, она и Нину пытала: кто он тебе? И Нина тоже сказала ей: «Просто знакомый».

Женщина выдержала паузу, достала письмо из кармана халата.

«Дорогой Вадим Николаевич!

Я, конечно, знаю, что вы не придете. Да и как можно верить детским мечтам, которые и себе самой уже кажутся только мечтами. Но ведь хлебная карточка была в том самом подвале, о котором вы успели мне сказать...»

УТЕШЕНИЕ

Льву Разгону посвящается

Изобретатель машины времени Матвей Сергеевич Ползунков, будучи человеком относительно молодым и, как говорится, не от мира сего, когда не работал — не знал, на что себя употребить. А в его жизни, как и в жизни любого человека, возникали моменты и даже периоды вынужденного безделья, как, например, вечер 6 марта прошлого года, когда домашний компьютер сломался, а институт до утра закрыт. Можно было поехать к маме, у которой он не был уже три месяца, но у мамы всегда было скучно, и надо было общаться с отчимом. Можно было позвонить Людмиле, но Людмила так хотела его на себе женить — нет, не из-за его научных достижений и благополучия, а потому что жаждала с ним спать. И это тоже было скучно.

Поэтому, отказавшись от изъезженных путей, Матвей Сергеевич пошел по улице Герцена и в нескольких шагах от площади Восстания увидел на ДOME литераторов объявление о том, что сегодня там писатель Леонид Ларин читает свои рассказы о прошлом, а устраивает этот вечер общество «Мемориал», целям которого Матвей Сергеевич глубоко сочувствовал, хотя никто из его родственников от репрессий не пострадал, а отец погиб на фронте в мае 1945 года в возрасте двадцати лет, на четвертый день после свадьбы со связисткой Семеновой, которая и стала потом матерью Матвея Сергеевича.

Матвей Сергеевич вошел в Дом литераторов, сдал на вешалку пальто и был встречен двумя прозрачными бабушками в школьных платьях с белыми воротничками,

которые обрадовались его приходу. От такой встречи Матвей Сергеевич решил, что зал будет пуст и Леонид Ларин будет читать свои рассказы лишь ему и двум прозрачным бабушкам.

Матвей Сергеевич ошибся, потому что зал был почти полон, если не считать пустых мест спереди, в третьем и четвертом рядах, видно, припасенных для литературного начальства, которому было недосуг сюда прийти.

Леонид Ларин, вышедший на сцену точно в девятнадцать часов, оказался прямым пожилым мужчиной с лицом, склонным к улыбке, даже когда оно было совершенно серьезным. Такими же оказались и его рассказы. Они повествовали о вещах страшных и вещах обыкновенных, о жизни в лагерях и ссылке и, наверное, были бы, безусловно, трагичны и безысходны, если бы и в них не было всегдашней легкой улыбки автора, которая, конечно, и спасла его, и не только позволила выжить там, встретить высокой красоты женщину и жениться на ней, но и остаться молодым, подтянутым и легким в походке.

Сидя в этом зале, Матвей Сергеевич не аплодировал и ничем не показывал своего одобрения, потому что это казалось ему неуважением к Леониду Ларину, ведь не аплодируют в церкви священнику, а в лесу — пению птиц. Его не оставляло забытое детское опасение, что рассказы вот-вот кончатся и ему скажут, что пора домой, пора спать.

Так и случилось, сразу после того как Ларин прочел рассказ о жене президента нашей страны, которая стирала белье в лагерной прачечной, тогда как ее супруг, покорный тирану, раздавал ордена палачам и подписывал смертные приговоры другим женам и мужьям.

Выйдя на улицу, Матвей Сергеевич долго стоял у входа в Дом литераторов, словно поклонник, ожидающий любимую певицу. Но все разошлись, а Ларина он не дождался; видно, тот остался в ресторане или вышел другим путем.

Матвей Сергеевич внимательно следил в «Вечерней Москве», не будут ли объявлены другие выступления Ларина, потому что он бы с удовольствием туда пошел, но в газете таких объявлений не было. Тогда Матвей Сергеевич, отличавшийся логическим складом ума,

предположил, что Ларин не занимается чтением своих рассказов профессионально, а делает это лишь по просьбе людей из «Мемориала». Рассудив так, Матвей Сергеевич отыскал телефон «Мемориала», и там ему ответила очень любезная женщина, которая подтвердила его подозрения и даже помогла узнать, где через две недели Ларин будет выступать вновь.

Выступление было дневное, в городской библиотеке, в пользу инвалидов, и Матвею Сергеевичу стоило немалых трудов туда вырваться. По парадоксальной причине: он сам назначил на это время совещание с поставщиками, деликатное и невероятно трудное. И вдруг пренебрег им и, к полному изумлению его сотрудников и соратников, переложил переговоры на недалекого заместителя, который обязательно их провалит.

На выступление Ларина Матвей Сергеевич шел как на свидание. Он хотел даже купить букет цветов, но смутился, представив себя идущим по проходу с букетом — нескладного, худого и сутулого. Застыдился и букета не купил.

Ларин отвечал на записки, удивляясь их однообразию. На этот раз в зале библиотеки народу было куда меньше, и в основном — пожилые женщины. Ларин обратил внимание на худого, плохо подстриженного человека и даже подумал, что лицо его чем-то знакомо. То ли встречал его когда-то раньше, то ли уже видел на собственном выступлении.

Этот худой человек сидел серьезно, неподвижно, будто принимал лечебную процедуру, во время которой рекомендуется не двигаться. Выделив его лицо из ряда иных лиц, Ларин уже посматривал на него, но ничего более интересного в поведении слушателя не заметил и даже почему-то подумал, что это мог быть наблюдатель из КГБ, собирающий, например, сведения для доклада о состоянии общественного мнения.

Второй встречей с Лариным Матвей Сергеевич не был удовлетворен, но не потому, что рассказы ему приелись или автор стал менее привлекателен, — на самом деле, хоть он и не мог себе в этом признать, его подсознательно волновал результат переговоров в институте и предчувствие их провала. Что и случилось.

В мае, после третьего выступления, Матвей Сергеевич набрался смелости и подошел к Ларину. В тот день Ларин плохо себя чувствовал и очень беспокоился о жене, которой сделали операцию. Он сам с трудом досидел до конца собственного вечера, отменить который помешала лишь совестливость и всегдашнее чувство ответственности перед людьми, от него каким-то образом зависящими.

Матвей Сергеевич почувствовал состояние Ларина и, подойдя к нему, предложил довезти до дома. Ларин с благодарностью согласился. У подъезда клуба «Металлист», где выступал Ларин, Матвея Сергеевича в тот день ждала служебная серая «Волга». Это удивило Ларина, среди его знакомых и друзей почти не было людей со служебными серыми «Волгами», и он, понимая, что как-то надо поддерживать разговор, хотя бы из благодарности к человеку, везущему его домой, спросил, где тот работает. Матвей Сергеевич ответил, что в институте. Это была чистая правда, которая не удовлетворила Ларина, но он ничем не показал этого.

Для Матвея Сергеевича посещения выступлений Ларина стали обязательными, как для иного человека — посещение церковной службы. Ларину даже бывало неловко от того, что он читает те же рассказы, с теми же интонациями и даже одинаково шутит по поводу удручающе одинаковых записок. Он привык уже видеть Матвея Сергеевича и считал его чем-то вроде дворового сумасшедшего, безобидного и не очень надоедливого: не тронь, он и промолчит.

А Матвей Сергеевич был влюблен в Ларина. В его писательский талант, в стать его стройной фигуры, в его голос и главное — в сдержанную улыбку. Наверное, психоаналитик объяснил бы эту привязанность последствием безотцовщины и бесконечным внутренним одиночеством талантливого человека, вынужденного зачастую притворяться банальным ради того, чтобы сдвинуть с места свое великое дело. Ведь никто, даже ближайшие сотрудники, не верили в успех их предприятия, и с каждым месяцем все труднее было доставать ассигнования, в первую очередь валютные.

Матвей Сергеевич настолько сжился с миром Ларина,

с лагерями, сибирской зимой, вышками над колючей проволокой, голодом, холодом и смертями, что порой просыпался ночью будто в бараке, и даже открыв глаза, не мог отделаться от видения. И страшнее всего ему было не за себя — если бы не дело, он бы вообще себя не берег, — а за Ларина, которого считал куда более тонкой и благородной натурой, а значит, человеком, которого надо оберегать.

Один раз, уже в августе, ему удалось оказать Ларину небольшую услугу. Матвей Сергеевич услышал, подойдя к Ларину после выступления, как тот сказал какой-то пожилой даме из «Мемориала», что послезавтра уезжает во Францию по приглашению издателя и что трепещет перед этой поездкой, потому что за границей никогда не был. К тому же такси никак не вызовешь, а жена еще слаба после операции. Дама из «Мемориала» вздыхала и искренне сочувствовала, но была бедной женщиной и ничем помочь не могла. Тогда Матвей Сергеевич, который в тот вечер был без машины, потому что считал неудобным использовать ее в позднее время, подошел к Ларину, спросил, когда у того самолет, и сказал тоном, не терпящим возражений, что отвезет своего кумира на аэродром. Ларин был благодарен и не мог отказаться от такой любезности. Потом, дома, его жена смеялась, что наконец-то Леонид обзавелся настоящим поклонником. И скоро к нему в двухкомнатную блочную квартирку будут приходить ходоки, как ко Льву Толстому.

В назначенное время машина была у подъезда, Матвей Сергеевич поднялся, помог перенести вещи, они поехали. Погода была плохая, шел дождь. Ларин спрашивал жену, откуда ему знакомо лицо Матвея Сергеевича, может, она помнит, а Матвей Сергеевич смеялся, что его лицо приелось Ларину и тому кажется, будто они встречались раньше.

И тут случилась беда.

Спустило колесо, потом сломался домкрат, а машины пролетали мимо и не хотели останавливаться, потому что все спешили в аэропорт. В результате Матвей Сергеевич пережил, не признавшись никому, приступ стенокардии, а к самолету они, изволновавшись, устав от

убежденности в провале французской поездки, приехали за двадцать минут до отлета.

Вялый молодой таможенник, отлично зная, что каждая минута на счету и пожилые люди не смогут бегать по коридорам, с добрым служебным садизмом потребовал открыть чемодан и стал пересчитывать матрешек, бутылки шампанского и прочие вещи, что везли Ларины в подарки людям, которых знали в Париже.

И вот тогда, не в силах более терпеть это издевательство, Матвей Сергеевич, наблюдавший за процедурой из-за ограды, сметая все на своем пути, вылетел в таможенный зал и закричал, обращаясь и к тому вялому таможеннику, который досматривал Лариных, и ко всем таможенникам и пограничникам аэропорта:

— Вы читали «Жену президента»? Нет, скажите — вы читали «Жену Президента»? В «Огоньке»?

— Читал, — сказал таможенник. — Кто не читал?

— А теперь вы хотите, чтобы человек, который написал этот рассказ, который провел в сталинских лагерях почти двадцать лет, — вы хотите, чтобы он опоздал на самолет? Вы преступник! Да!

Пауза, наступившая после этого взрыва, была недолгой — может быть, секундной, но казалось, что она тянется вечно. И нарушил ее начальственный голос, прогремевший со стороны:

— Семенов, а ну пропустить товарища писателя!

А молодой таможенник, уже сам спеша, засовывал обратно в чемодан вещи, защелкнул его и сказал:

— Я понимаю, вы не думайте, у меня же дядя сидел, я ваши произведения читал!

Таможенный начальник взял чемодан, чтобы они успели на самолет, и повел Лариных к пограничному контролю, а на Матвея Сергеевича больше никто не обращал внимания, и он, страшно подавленный своим поступком, вернулся к машине, где его ждал такой же удрученный и виноватый шофер, и сказал ему: «Вроде обошлось», — и до Москвы больше не произнес ни слова. Шофер тоже молчал.

Когда Ларин вернулся из Парижа, Матвей Сергеевич не явился на его вечер в Доме литератора, и Ларин был удивлен, что тот не подошел к нему. А Матвей Сергеевич

все не мог пережить позора — ведь по его вине с писателем случился такой казус. Да и вел он себя нетактично, и, наверное, Ларин сердится на него.

В то же время Матвей Сергеевич видел определенную историческую справедливость в запомнившейся картинке: грузный таможенный чин ведет к границе, поддерживая под локоть, бывшего заключенного, выкинутого и чуть не убитого этим обществом. Ах, если бы человек мог знать заранее, что его ждет! И, заглянув в будущее, увидеть, что справедливость в конце концов обязательно торжествует! Может, тогда садист-следователь лгать и подличать? И с глубокой горечью Матвей Сергеевич понимал, что многие годы в тюрьме, лагерях, ссылке его кумир Леонид Ларин мог лишь смутно надеяться на смерть Сталина, но не на смерть эпохи. И ждал лишь худшего... И никто не мог прийти к нему и сказать: «Дорогой Леонид! Все обойдется! Ты еще пройдешь под руку со своей прекрасной женой по Лазурному берегу во Франции. Правда, лучше бы вам это сделать сейчас, но и в преклонном возрасте Лазурный берег очарователен, не так ли?»

...Ларин сам позвонил Матвею Сергеевичу. Когда-то раньше тот сообщил ему, как называется его институт. Ларин нашел телефон и позвонил. Не видя Матвея Сергеевича более месяца, он решил, что тот в обиде: ведь человеку пришлось из-за него кричать и волноваться в Шереметьеве.

Матвей Сергеевич, несмотря на то что в институте шли испытания и сам он трое суток уже не спал, был счастлив звонку. Он обещал, как только станет свободнее, обязательно навестить Ларина. Когда ходовые испытания завершились, Матвей Сергеевич пришел на встречу писателя с читателями по поводу выхода в свет его новой книги. Во время выступления Ларина спросили, каково после стольких лет страданий переносить теперь писательскую популярность. На что тот с юмором рассказал об истории в аэропорту, в которой, правда, Матвей Сергеевич совсем не выглядел глупым. Больше всего смеялись, когда Ларин изобразил таможенного начальника.

Не подойдя к Ларину после встречи, потому что торо-

пился в институт, Матвей Сергеевич вдруг понял, что его поступок вовсе не плох и не смешон, — он всего-навсего отражение нашего глупого, трагического и смешного времени.

В последующие две недели он не забывал о писателе, но института не покидал — проходили пробные запуски. Сначала на десять минут, затем на полчаса, наконец — на год. В прошлое и будущее улетали крысы и кошки, то исчезали, то возвращались — обо всем этом можно было бы прочесть в специальной, но пока засекреченной литературе.

К нашему рассказу это не имеет отношения до того дня, когда, подобно врачу, привившему себе чуму, в машину времени не вошел ее создатель, директор НИИВП, действительный член АН СССР, генерал-лейтенант Матвей Сергеевич Ползунков, о чем его мама Нина Сергеевна, конечно же, не знала, иначе бы она этого не пережила.

Благополучно прошли три путешествия — в недалекое прошлое, недалекое будущее, и наконец наступил момент испытания максимальных возможностей машины, на чем настаивал министр обороны.

Разумеется, все знали (хотя министр обороны этому не верил), что ничего в прошлом изменить нельзя, да и не надо, потому что от этого непредсказуемо изменится настоящее. Но если действовать осмотрительно, то последствия поступков постепенно нивелируются.

В ночь перед основным запуском Матвей Сергеевич не спал.

Он думал о собственной ответственности перед человечеством и о том, что обязательно найдутся силы, желающие манипулировать историей. Это будет трагедией для всей земли, и невинные жертвы этих манипуляций будут проклинать именно его, Матвея Ползункова. И будут правы, хотя не будь Ползункова, через полгода нашелся бы кто-то другой.

Если человек имеет хоть малую возможность уравновесить причиненное им зло каким-нибудь добрым поступком, он обязан к этому стремиться. И надеяться, что сумма добрых дел в конечном счете перевесит гирю подлости. А Матвей Сергеевич заранее решил, какое доброе дело он совершит.

Опасаясь, что его не поймут, а не поняв, захотят помешать, Ползунков проводил основной эксперимент, не поставив в известность министра и своих коллег. Он отлично использовал нашу страсть к засекречиванию всего, вплоть до имени покойной тещи командующего военным округом, и ввел в курс дела, и то не полностью, лишь экипаж своего вертолета и Людмилу.

Вертолетчики подготовили машину и взяли в штабе карты нужного района к северу от Воркуты, Людмила раздобыла на бабушкиной даче — месте их недолгих и неуютных встреч — потрепанный дедушкин ватник, штаны, в которых тот копал картошку, и ветхие сапоги. У мамы, ничего не объясняя, Матвей Сергеевич реквизировал трех, которым раньше натирали пол.

Именно в таком виде Матвей Сергеевич вышел из дома на рассвете 5 ноября и уверенно прошел к ожидавшей у подъезда машине. Охранник хотел было обезвредить бродягу приемом самбо, но вовремя узнал генерал-лейтенанта.

Вертолет Ползункова был комбинированной машиной, могущей превращаться в ракету и достигать скорости в две тысячи километров в час. Поднявшись на борт и поздоровавшись с изумленными пилотами, Ползунков отметил на полетной карте точку, в которой вертолет должен опуститься ровно через два часа.

Вертолет снизился посреди обширной старой выруб-ки на берегу Малого Воронца. Сыпал редкий снег, и ветер был ледяным. Ватник совсем не грел. Ассистенты и охранники вытащили на берег мобильную модификацию машины времени, схожую с будкой телефона-автомата, и подключили ее к блоку питания. Несусветно одетый директор института вошел в будку и на глазах у всех растворился в воздухе. В его распоряжении было десять минут — через десять минут сеанс связи кончался, и исполнитель рисковал остаться в прошлом навечно.

Но ни один из помощников и наблюдателей, собравшихся у вертолета, не знал, куда и с какой целью полетел Ползунков.

Они ждали начальника, приготовив термос с горячим чаем.

Стояла глубокая осень. Ночью ударил крепкий мороз, а сейчас, к десяти утра, хоть и потеплело, но все еще было градусов семь-восемь ниже нуля.

Будучи внимательным читателем Ларина, Матвей Сергеевич отлично знал обстоятельства, давшие повод к появлению на свет рассказа «Случай на Воронце».

Он знал, что вечером 4 ноября 1947 года садист начальник лагеря приказал троим заключенным отнести за двадцать километров плакаты и лозунги к тридцатой годовщине Октября, потому что на восьмой шахте требовался праздничный агитматериал. Шли они без конвоя, деваться было некуда — единственная дорога вела к шахте. Из рассказа было известно, что дошел до поста один Леонид Ларин, который очень любил одну молодую красивую женщину, ставшую потом его женой, и он не мог нанести ей, поседевшей в том мире, еще один непереносимый удар. И он шел к тому посту, как будто шел к ней. Его спутники с полпути повернули назад и замерзли. Такая вот случилась простая история.

Искушенному читателю несложно теперь понять ход рассуждений Ползункова.

Чем долее он ходил на выступления Ларина, тем более проникался сочувствием и жалостью к нему, тем тяжелее ему было сознавать масштабы двадцатилетней казни, которой подвергся незаслуженно и жестоко этот умнейший и талантливый человек, подобно миллионам других таких людей. И возможно, не случись встречи с Лариным, Матвей Сергеевич изобретал бы свою машину на год или два дольше — именно подсознательная вначале и вполне осознанная с ходом времени надежда каким-то образом помочь Ларину заставила Ползункова торопиться. Вначале он предполагал, что сможет как-то помочь Ларину бежать или, скажем, подменить того в лагере, спасая незаурядный талант... Было много планов, но невозможность изменения прошлого заставила от них отказаться.

Матвей Сергеевич знал уже, что не сможет увести с собой Ларина, что не сможет даже дать ему теплые сапоги или полушубок — отнимут и еще накажут! Он не может сделать ничего! Ничего ли?

Матвей Сергеевич давно уже догадался, что он сделает.

...Леонид Ларин тупо считал шаги, зная, что умрет в этой тайге, потому что сил не осталось, мороз не утихал, пальцы рук и ног были отморожены, но тяжелый рулон плакатов и лозунгов выбросить было нельзя — на них многократно были написаны самые дорогие слова: «Сталин» и «Партия»... Ларин шел и считал шаги, сбивался и снова считал...

И в этот момент он услышал голос:

— Простите, Леонид Борисович.

Ларин решил, что у него снова начинается бред, — бред начинался раньше, может, час, может, два назад, казалось, что наступило лето и можно остановиться, прилечь отдохнуть и сладко заснуть...

— Леонид Борисович, — сказал человек, похожий на зэка, но не зэк. Наметанный за долгие жестокие годы глаз Ларина сразу разгадал в нем ряженого человека, лишенного страха — страха замерзнуть, страха попасться охране, страха подохнуть от голода... Встреченный в лесу человек не был голодным, он никогда не был голодным, он не представлял себе, что такое голод, и хоть он был худ и костляв — это была иная худоба и иная костлявость. Сколько можно встретить по лагерям умирающих от голода, но вовсе не худых, а распухших сизощеких доходяг... И главное — он был чисто выбрит.

— Леонид Борисович? — неуверенно повторил встреченный человек.

И тогда Ларин понял, что ему предстало видение, разновидность бреда, ибо здесь не может быть никого, знающего отчество Ларина.

И все же Ларин остановился. И сразу сбился со спасительного счета шагов.

— Простите, что я остановил вас, — сказал Матвей Сергеевич, — но мне нужно сообщить вам нечто очень важное.

— Вы мне кажетесь? — спросил Ларин.

— Ничего подобного! У вас все будет в порядке! У вас все будет в порядке! Я не могу долго оставаться с вами, — глаза доходяги радостно сияли. — Но я должен сказать, что до шахты остался всего километр и через час вы там будете. И даже пальцы у вас останутся целы. Честное слово, я знаю.

Ларин почувствовал раздражение против этого Луки-утешителя, который сбил его с размеренного шага, могущего спасти в морозной тайге. Какой километр? Неужели еще целый километр? А он так надеялся, что шахта откроется за поворотом.

— Но я о другом! Я о главном! Вы доживете до освобождения!

Ларин пошатнулся под грузом тяжелого рулона с плакатами и пошел дальше.

Человек шел рядом.

— Я не могу вам помочь,— говорил он быстро, будто робея.— Я скоро должен отсюда уйти, но я вам скажу самое главное...

Ларин старался вернуться в привычный спасительный ритм — шаг-секунда- шаг-секунда — он пошел дальше, скользя по обледенелой тропе. Молодой человек говорил быстро и восторженно:

— Вы выйдете отсюда. Все будет хорошо. Вы женитесь на Лике, вы будете с ней в Париже, слышите — в Париже! Да слушайте меня, я сам видел! Представьте себе — на таможне вас не пускают в Париж. Вы меня слышите? На таможне вас не пускают, а я говорю: это ж Ларин, который написал «Жену президента»! И тогда открываются все ворота! Я не шучу, мне сейчас хочется плакать — сегодня самый трудный день вашей жизни, но ваша жизнь будет долгой и счастливой!

Ползунков скользил, спешил, дыхание сбивалось, а Ларин считал шаги и думал ну почему эта сука не поможет нести рулон? Он понимал, что этот человек — фантом, рожденный его умирающим воображением, но сердился на него.

За поворотом, далеко впереди, он увидел дымок и копер шахты.

А увидев, забыл о нелепом спутнике.

Человек остался у поворота и кричал вслед:

— А я вас сразу узнал! Вы не отчаивайтесь, я даю честное слово!

Академик Ползунков поднялся на борт вертолета. Следом за ним подняли кабину времени. Он подумал — как странно, прошло больше сорока лет, а мне он казался старым, хотя был моложе меня...

Матвей Сергеевич откинулся назад.

Все в вертолете молчали.

Наконец полковник Минский спросил:

— Перемещение получилось?

— Получилось, — ответил директор.

Он должен был запомнить, думал Матвей Сергеевич. Он не может не запомнить эту встречу. Теперь ему станет легче терпеть лишения. И по мере того, как будут сбываться предсказания незнакомца, он поймет и поверит...

Вернувшись в Москву и вновь включившись в упорную работу, Матвей Сергеевич был счастлив.

Он знал, что если ему выпало сделать в жизни хоть одно доброе дело — то он его сделал.

Он знал, что теперь, пускай с улыбкой, пускай с долей недоверия, Ларин будет вспоминать странного человека на тропе и его предсказания. И пусть не до конца, но все же научится верить в собственное доброе будущее.

Академик Ползунков был счастлив.

После доклада на правительственной комиссии осуществившийся Ползунков пришел на торжественный вечер «Мемориала» в Дом кино. Ларин увидел его еще до начала и обрадовался.

— Куда вы пропали? — сказал он. — Мне вас не хватает. Я привык к вам.

— Вы говорили, что мое лицо вам знакомо. Вы так и не вспомнили, откуда? — спросил академик.

— Нет, не вспомнил. А вы?

— А я вспомнил! — торжественно воскликнул академик.

— Тогда признавайтесь, не томите, мне скоро на сцену.

На Ларине был новый костюм и красный галстук. Наверное, из Парижа.

— Вспомните ноябрь сорок седьмого года, как вы несли на восьмую шахту плакаты?

— Конечно помню, — сказал Ларин и взглянул на часы. — Я же об этом написал рассказ. Двое повернули назад и погибли, а я... а меня вела Лика. — Ларин смущенно улыбнулся. Он не любил громких слов.

— Помните человека, которого вы там встретили?

— Где?

— В тайге, в конце пути, недалеко от шахты?

— Если там кто и был, я его не заметил — я считал шаги. Это очень помогает.

— Там был я,— сказал академик.— Я был в ватнике. Я вам рассказал про Париж, про то, как вы будете жить потом... после лагеря.

Зазвенел звонок. Ларину было пора на сцену. Он сразу потерял интерес к собеседнику.

— Вы не можете забыть!— академик готов был заплакать.

— И сколько же вам тогда было лет?— спросил Ларин, делая шаг к сцене.— Два года? Три?

Он засмеялся, махнул рукой и ушел.

ВСТРЕЧА ТИРАНОВ ПОД РОВНО

Суус шел впереди. Он был в длинной белой бурке генерала Скобелева, из-под которой выглядывал, цепляя за траву, конец казачьей шашки. Он насвистывал марш конногренадеров. Настроение было чудесным. А какое еще может быть настроение у дипломника школы десантников, которому удалось сбежать с квантовой механики именно в такой светлый и яркий весенний день?

Хил топал сзади, вращал острым носом, словно дулом бластера, ожидая засады коварных смугляков. На шее у него болтался вырезанный из пластика и покрашенный тушью Железный крест.

— А ну держитесь, злобные турки!— зарычал Суус и принялся размашисто рубить шашкой крепкие прямые стебли грутисов. Желтые гроздья щедро сыпались на бурую весеннюю траву.

На секунду солнце заслонила тень орбитальной станции Всеобщих искусств. Видно было, как точками на фоне ослепительно синего неба к ней слетались флаеры и питекоры. Через час начнется симфонический концерт гармонического совершенства.

— Ну и тоска!— вдруг сказал Суус.— Все сделано, все совершенно, все рассчитано! Скорей бы улететь отсюда — и за дело.

— Ты знаешь, что ждет нас сегодня после высококалорийного ужина?— усмехнулся Хил.

— Нечто ужасное?

— Будем разбирать роковой поступок двух мальков из подготовительной секции, которые умудрились истоптать клумбу у видеотеки.

— И тем нарушили экологический баланс нашего са-

дика,— с преувеличенным отвращением в голосе просто-
нал Суус.

Они сели на краю заброшенного шоссе. Между бетон-
ных плит пробивались мягкие иглы рюсы.

— Хорошо, что в Галактике еще столько всего не сде-
лано,— сказал Хил.— На наш век хватит.

— Представляешь,— Суус расстелил на траве белую
бурку и лег на нее, глядя в небо.— Встретимся мы с тобой
лет через сорок, пятьдесят. Космические волки...

— Вершители.

— Носители справедливости!

— Высшей справедливости.

— Гармонии мироздания!

— Облеченные тайным знанием высшей цели!

И оба расхохотались и принялись тузить друг дружку
под шум двигателей слишком низко летевшего рейсово-
го капсуль-модуля «Экватор — полюс»...

1

Третий день лил дождь.

Капли срывались с осиновых листьев, и те, сбросив
тяжесть холодной воды, вздрагивали и распрямлялись.

У лесного аэродрома партизан не было. Когда они кон-
чили расчищать поле и утрамбовывать кочки, их под
конвоем десантной группы СМЕРШ увели в чащобу. Там,
в землянках, они будут ждать. Может, еще понадобятся.

В двадцать три сорок, с опозданием в две минуты,
послышался гул моторов.

Солдаты, сидевшие, сгорбившись под плащ-палатка-
ми, у костров, подчиняясь засверкавшему из-под старой
ели фонарику, плеснули на дрова бензином и зажгли
костры.

«Дуглас» вышел низко из-за вершин и сразу пошел на
посадку.

Еще минуту или две можно было слышать над головой
жужжание истребителей сопровождения.

Винты «дугласа» еще вращались, когда на поляну вы-
бежали, рассыпаясь веером, тени солдат из спецгруппы.

Люк «дугласа» открылся, из самолета на мокрую траву
упал овал тусклого желтого света.

Трап звякнул об округлый борт и прижал траву. Человек, появившийся вслед за пилотом в люке, оставался, вглядываясь в темноту.

— Все в порядке,— сказал майор.

И его слова были заглушены очень громким в этой тиши треском мотора немецкой трофейной танкетки.

В танкетке было зыбко и зябко. Очень трясло.

Сталин долго старался раскурить трубку, но спички гасли.

Майор, сидевший рядом, тщетно старавшийся не дотронуться плечом, протянул зажигалку, сделанную из винтовочного патрона.

Сталин молча взял ее, но курить расхотелось.

— Сколько ехать?— спросил он.

— Сейчас будет дорога,— ответил майор.

Танкетка задрала нос, влезая на насыпь. Сталин навалился на майора. Он ничего не сказал, но майор ответил:

— Ничего.

— Сигналят,— сказал водитель танкетки.

Танкетка замерла.

— Это они?— спросил Сталин.

— Две вспышки. Одна. Еще две. Они,— сказал майор.

Сталин молча потянулся к люку.

Майор помог открыть его. Ему хотелось что-то сказать. Он с трудом сдерживался.

— Не волнуйтесь,— сказал Сталин.— Ждите, как условлено. Я буду через два часа.

Сталин прошел несколько шагов к темному пятну на серой мокрой дороге. Остановился. Достал из кармана плаща зажигалку майора. Но закуривать снова не стал. Спиной он чувствовал взгляд и страх майора.

У низкого черного «мерседеса» стояли люди в черных блестящих плащах. Блеском плащей и неподвижностью они казались продолжением машины.

Один из них ловко и даже щеголевато распахнул дверцу.

Сталин не смотрел в их лица.

Дверца захлопнулась.

«Мерседес» сразу заурчал. Сталин отметил про себя, что рессоры у «мерседеса» лучше, чем зисовские.

Ехали минут сорок. Рядом со Сталиным сидел офицер в блестящем плаще. Длинные, тяжелые кисти рук лежали смирно на коленях. Сталину был виден циферблат его часов с зеленоватыми фосфоресцирующими цифрами.

Один раз пришлось остановиться у пропускного пункта.

Человек рядом с водителем опустил стекло, и сразу стало свежо. Он сказал пароль. Сталин не прислушивался.

Когда доехали до места, у Сталина затекла нога. Выйдя из «мерседеса», он чуть не вскрикнул от неожиданной боли. Пошатнулся. Офицер в блестящем плаще успел подставить ладонь, и Сталин оперся на нее. Перед глазами оказались петлицы офицера. Блеснули кубики. Сталин подумал, что надо будет по возвращении ознакомиться со знаками различия СС. Хотя эта информация вряд ли пригодится.

Гитлер встретил его на лестнице бункера.

Дверь сверху звякнула, вдвигаясь в стену.

— Здесь никого нет, — сказал Гитлер. — Только мы с тобой. Раздевайся. Дай я тебе помогу.

Гитлер повесил плащ Сталина на вешалку из оленьих рогов.

Стены в бункере были серые. Посреди низкой, длинной комнаты без окон стоял стол, на котором лежала большая оперативная карта.

— Мой Шапошников отдал бы полжизни, чтобы поглядеть на это, — сказал Сталин.

Они обнялись. Гитлер изменился за те месяцы, пока они не виделись. Под глазами мешки, щека дергается.

— Ты тоже не помолодел. — Гитлер угадал мысль Сталина. — Иди сюда.

Они прошли в следующее помещение. Там стоял черный кожаный диван и несколько кресел. На низком столе странное сочетание: бутылки вина, сока, молоко в хрустальном графине.

— Ухаживай за собой сам, — сказал Гитлер. — Тут есть твое вино.

— А ты все такой же трезвенник? — спросил Сталин.

— Мне надо бы подлечиться, — сказал Гитлер. — Здесь не врачи, а костоправы. Кликуши какие-то.

— Потерпи,— сказал Сталин.

Он налил полный бокал кинсмараули. Он все еще никак не мог согреться. В бункере было тепло, но холод путешествия въелся в кости.

— Как добрался?— спросил Гитлер.

— Нормально. Даже вздремнул в самолете.

— На «дугласе» летел?— спросил Гитлер.

— Да.

— Тебя засекли,— сказал Гитлер.— Мне доложили. Хорошо, что сначала доложили, а потом хотели сбить.

— У меня были неплохие истребители,— сказал Сталин.— Асы.

— «Яки»?

— Это военная тайна,— улыбнулся Сталин.

Теперь можно было закурить.

Гитлер поморщился.

— Ты и табачного дыма не выносишь?

— Это вредно,— сказал Гитлер.

— Мы стареем,— сказал Сталин.— Как наши?

— Я почти никого не вижу,— сказал Гитлер.— Была депеша Ямамото. Он недоволен Макартуром.

— Я еле отговорил Мацуоку,— сказал Сталин,— ударить по Дальнему Востоку. У него странные идеи.

— А ты не задумывался,— сказал Гитлер,— как образ жизни, повседневное окружение нас переделывают? Мы начинаем всерьез относиться к своим обязанностям.

— Ко мне это не относится,— сказал Сталин.

— Правильно, пускай этим занимаются аналитики дома,— сказал Гитлер.

— Я страшно стосковался по дому,— сказал Сталин.

— Осталось три года,— Гитлер осторожно налил из графина в стакан молока.— Здесь молоко хорошее. Коровы едят лесные травы.

— Тебе три. Мне, вернее всего, куда больше. Боюсь, как бы не все десять.

— Я вернусь, постараюсь тебя вытащить,— сказал Гитлер.

Они прошли в большую комнату, к столу.

— Я не согласен с центром,— сказал Сталин.— Поэтому и просил тебя о встрече.

— Я понял,— ответил Гитлер.— И даже подозреваю, о чем будешь просить.

Сталин постучал трубкой по середине карты.

Искра упала на карту, и Гитлер быстро смахнул ее на пол.

— Это Сталинград,— сказал Сталин.— Я тебе его не отдам.

— Но в центре полагают, что ты должен остановить меня у Урала,— заметил Гитлер.

— А сам ты что думаешь?

— Эгоистически я с тобой согласен,— сказал Гитлер.— Взятие Сталинграда продлит войну еще на полгода. Значит, я на полгода позже буду дома. А я боюсь, что просто не доживу.

— Эгоистически,— повторил Сталин.— Сейчас речь идет не о твоём эгоизме, Хил, мой мальчик.

— Каковы твои аргументы?

— Мы выполнили демографические требования центра,— сказал Сталин.— Я сам просчитал недавно: начиная с 1914 года Россия потеряла пятьдесят миллионов человек, почти половину населения.

— Русские быстро плодятся,— сказал Гитлер.

— Ты тоже внес свою лепту.

— Не намного больше, чем планировалось.

— Им хорошо сидеть у компьютеров,— сказал Сталин с неожиданной горечью.— Страна дошла до предела! Когда мы планируем уничтожение в Японии самурайства и раскидываем японский офицерский корпус, как носитель генетики самурайства, по островам Тихого океана, чтобы истребить его руками Макартура, я вижу в этом четкую задачу прогресса. Когда мы катастрофически ослабляем Россию, понимая, что в ином случае она станет угрозой дальнейшему развитию земной цивилизации, что она сожрет западные демократии, я иду на это. Когда мы подрываем и уничтожаем германский милитаризм, устраивая первую мировую войну, поощряя фашизм, кидая твои армии в мясорубку, мне тоже ясна логика центра. Но сейчас наступил перебор. Уничтожение моих армий под Сталинградом, ликвидация населения в Поволжье и Закавказье уже не дают прогрессивного эффекта. Не исключено, что твои армии дойдут до

Урала и Средней Азии — а ведь именно туда мы отправили те умы страны, что пригодятся для будущего...

— Юпитер, ты сердисься, значит, ты не прав,— тихо сказал Гитлер.— Человек не в состоянии соревноваться с компьютером. Этому нас, мой Суус, учили в школе. Ты стал с возрастом сентиментален. Боюсь, что ты стал отождествлять себя со страной, куда тебя кинули. Ведь порой приятно быть кумиром, живым богом, признайся.

— Я недавно видел хронику. Ты на трибуне. Гадкое зрелище. Ты буквально беснуешься.

— Видишь, я задел тебя за живое,— сказал Гитлер.— Выпей молока. Здесь коровы едят лесные травы.

— Ты повторяешься.

Сталин смотрел на карту.

— Это удивительная и страшная планета,— сказал Гитлер.— Будь моя воля, я бы снял ее со списка прогресса. Пускай они сами себя сожрут. Чего стоит этот болезненный культ тиранов! Чем больше людей ты уничтожаешь, тем больше тебя воспевают.

— В этом отношении ты по сравнению со мной мальчишка.

— Может быть. Поэтому и трубы в честь тебя гремят громче.

Они стояли и смотрели на карту.

Потом Гитлер сказал:

— Тебе пора.

— Ты когда свяжешься с центром?— спросил Сталин.

— Сегодня ночью,— сказал Гитлер.— И я поддерживаю твою просьбу. Мне так хочется домой...

Гитлер проводил Сталина до лестницы.

— Помнишь, мальчишками мы мечтали о подвигах и боях?

— Мы тогда не знали, как пахнут реки крови,— сказал Сталин.

— Но мы делаем великое и благородное дело,— сказал Гитлер.— Когда-то, достигнув гармонии, земная цивилизация воспоеет нас... уже не как тиранов.

— Трудно,— сказал Сталин.

— Я поддерживаю твою просьбу.

Сталин вышел под дождь. «Мерседес» стоял у самого входа в бункер. Плащ не успел высохнуть, и от него было холодно и гадко.

Далеко-далеко, под невидимыми сквозь тучи звездами нарастал смутный гул.

«СБ» идут, подумал Сталин. Я вчера приказал совершить налет на Берлин и почти забыл об этом. А они идут.

Немецкие офицеры замерли, глядя в небо.

Уже в танкетке, возвращаясь к партизанскому аэродрому и отворачиваясь от майора, которого вдруг одолел кашель, Сталин вспомнил, что надо бы увеличить пайки писателям, эвакуированным в Чистополь. Но за делами он все время об этом забывает. Впрочем, если те писатели вымрут, найдутся другие. В сущности, это мелочь.

2

Они сидели на краю заброшенного, забытого шоссе. Между старых бетонных плит росли кусты рюсы. В лучах закатного солнца вспыхивал искоркой высоко летевший питекор.

Суус сорвал травинку и принялся жевать ее.

— Знаешь, о чем я тоскую?— сказал он.— О глотке грузинского вина.

— Не могу разделить твоей тоски,— сказал Хил. Здоровый образ жизни и несколько удачных операций сделали свое дело. Он казался куда моложе, чем тридцать лет назад, осенью 1942 года по христианскому летоисчислению, в бункере под Ровно.— Мне мысли о той планете отвратительны.

— Я знаю почему,— сказал Суус, поглаживая седые усы — он не смог отказаться от них, вернувшись домой.— Потому что ты потерпел поражение. Помнишь, ты укорял меня за то, что я начал на каком-то этапе ассоциировать себя с социумом, которым я руководил?

— Не в поражении дело. Мне всегда был гадок строй, который я вынужден был создать, и маска, которую я носил.

Хил лег на спину и прищурившись смотрел в яркое синее небо.

— Может быть,— сказал он после паузы,— виной тому страх. Страх смерти в апреле сорок пятого.

— Наши тебя еле успели вытащить,— сказал Суус.— А какие новости с Земли?

— Ты знаешь.

— Знаю. Но думаю, что мы делаем ошибку.

— Нет, я разделяю позицию центра.

— Но столько усилий! Столько жертв! Если я не ошибаюсь, там за эти годы погибло шестнадцать наших с тобой коллег.

— Семнадцать,— сказал Хил.

— Такие жертвы — и все впустую! Нет, контакт прерывать было нельзя!

— В нашем большом деле бывают ошибки,— сказал Хил.— Если цивилизация генетически тупиковая, дальнейшие жертвы бессмысленны.

— Значит, мы плохо с тобой работали.

— Мы с тобой хорошо работали,— ответил Хил.— Мы отдали Земле лучшие годы жизни. Мы старались...

— По расчетам центра, когда они себя уничтожат?

— Через двадцать лет...

— Черт возьми!— сказал по-русски Суус.— Полжизни за бокал кинсмараули!

— Тебе надо показаться психиатру, Суус,— сказал наставительно Хил.

ЕДИНАЯ ВОЛЯ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Настоящие записки относятся к последнему году жизни Леонида Ильича Брежнева. В то время их публикация была совершенно исключена: система гробового умолчания и всеобщей добровольной амнезии работала без сбоев. Половина Красноярской области могла провалиться под землю, но если там не оказалось случайного интуриста, мы эту новость игнорировали. Об ашхабадском землетрясении я узнал через двадцать лет после гибели города, а об афганской войне — только с началом вывода наших войск. Раньше я полагал, что мы оказываем там бескорыстную помощь продовольствием и товарами ширпотребом.

Не знаю, что заставило меня зафиксировать на бумаге обстоятельства Великого голосования. Возможно, предчувствие кончины Генерального секретаря.

Я видел Кабину собственными глазами. В конце октября она спустилась на берегу Москва-реки возле Звенигорода, на территории академического пансионата. Опустилась на рассвете, без фанфар и феерверков, между оранжерей, где выращивают розы и гвоздики для дружественных организаций, и спуском к лодочной пристани.

Кабина выглядела скромно и была похожа на цельнометаллический гараж. Ее крыша светилась, а стены были матовыми. Дверь закрыта.

Когда директор пансионата, разбуженный садовником, подошел к Кабине, он счел ее чьим-то хулиганством, постарался открыть дверь, но не смог.

Пока ждали вызванную милицию, Кабина начала вещать.

Она вещала, а мы, отдыхающие, окружили ее тесным кольцом.

Голос Кабины был глубоким, низким, без акцента.

«Жители Советского Союза,— говорила Кабина.— Мы, психологи Великого содружества галактических цивилизаций, проводим эксперимент, в котором просим вас принять участие. Наша цель — установить, кто из покинувших мир живых самый любимый и популярный человек в вашей стране. Через три дня, в двенадцать часов по московскому времени, все жители СССР услышат сигнал. Услышав, они должны мысленно произнести имя любимого человека. То лицо, которое наберет наибольшее количество пожеланий, оживет внутри этой кабины таким, каким оно было в момент кончины, но здоровым и жизнеспособным. Думайте, дорогие братья и сестры».

Голос Кабины был слышен не только на территории пансионата. Станным образом он звучал во всех уголках страны, в ушах каждого из многих миллионов моих сограждан.

— Провокация,— сказал директор пансионата. Это была первая реакция на объявление. Остальные слушатели молчали. В тот момент еще никто не знал, что Кабина говорила для всего народа. Мы думали, что это объявление касается только нас. А так как в инопланетных пришельцев верить не принято, хоть и очень хочется, люди вокруг меня принялись недоверчиво и неуверенно улыбаться.

Примерно через полчаса на территорию пансионата приехало несколько военных грузовиков и три черные «Волги». Поляну вокруг Кабины оцепили войска КГБ, а обитателей пансионата вывезли в Москву на специальных автобусах, где каждого допрашивали отдельно. Никаких дурных последствий для свидетелей не было, не считая того, что меня не пустили в туристическую поездку в Болгарию.

На следующее утро, по получении отчета от генерал-лейтенанта Колядкина, Политбюро ЦК КПСС собралось на заседание.

Председательствовал Леонид Ильич Брежнев, тогда еще живой.

Сначала выступал генерал-лейтенант Колядкин, ко-

торый доложил, что Кабина замкнута, проникновение внутрь пока не осуществлено, хотя работает специальная группа. Материал изготовления на анализ не взят ввиду особой твердости. Начались работы по подкопу.

— Значит, ничего не сделали?— спросил Брежнев, обернувшись к Андропову, который уже не работал в КГБ, но Леонид Ильич об этом забыл.

— Спешка только повредит,— сказал Андропов.— У нас еще три дня.

— Что сообщают из Соединенных Штатов Америки?— спросил Брежнев.

— Добрынин телефонирует,— сказал министр иностранных дел Громыко,— что в США случился такой же феномен. Возле Нью-Джерси. Там обстановка массового психоза.

— Не исключена провокация,— сказал Черненко.— Они это умеют — кричат: держи вора! А сами воры.

— Важное замечание сделал Константин Устинович,— задумчиво сказал Брежнев.— Кто еще скажет?

— Есть информация из Пекина,— пожевав губами, сказал Громыко.

— Неужели у них тоже?— удивился Пельше.

— Официальных сообщений нет, но текст уловлен переводчиками нашего посольства. Содержание то же самое.

— Не исключена провокация,— сказал Устинов.— Предлагаю мобилизацию западных и Забайкальского военных округов.

— А что говорят наши ученые?— спросил Брежнев.

Ученых на Политбюро не пригласили. За них ответил Андропов:

— Я запросил информацию в Академии наук. Они относятся скептически. Утверждают, что в космосе жизни нет.

— Тогда продолжайте исследования,— сказал Брежнев.— А мы перейдем к другим делам. Я хотел бы, товарищи, сообщить вам о моих переговорах с товарищем Машелом, который, как вы знаете, является руководителем Республики Мозамбик.

Политбюро перешло к насущным делам, но углубиться в них не смогло, потому что через полчаса каждый из

членов Политбюро, как и каждый гражданин СССР, услышал повторное объявление Кабины.

Члены Политбюро в молчании выслушали объявление. Потом Брежнев сказал:

— Звукоизоляция в этом помещении ниже всякой критики.

— Примем меры,— сказал Черненко.

— Поздно,— сказал Брежнев.— Если мы слышим сюда, то кое-кто мог услышать нас отсюда.

— Очень точное замечание,— сказал Черненко.

Все помолчали. Потом Долгих осмелился прервать молчание.

— Есть сообщение из Новосибирска. Там тоже слышали.

— А что если это не провокация?— Брежнев медленно обвел глазами своих соратников.

— Не исключено,— первым поддержал Генерального Андропов,— что мы должны реагировать.

Решено было объявить перерыв на обед и лечебные процедуры.

После этого собраться вновь.

В эти минуты я ехал в Москву автобусом с затянутыми шторками окнами. Рядом со мной сидел профессор Евстигнеев, из института ихтиологии.

— Что вы об этом думаете?— спросил я.

Профессор был задумчив, очки съехали на кончик носа, словно норовили прыгнуть в верхний карман пиджака. От профессора пахло пылью и луком. Он был так похож на профессора, что было ясно — в науке он ноль. Науку двигают лишь те, которые на профессоров не похожи.

— У меня умерла жена,— сказал профессор и попытался отодвинуть пальцем шторку с окна, будто сомневался, в Москву ли нас везут.

— Гражданин,— окликнул его сзади лейтенант,— выглядывать не положено.

— Я вам сочувствую,— сказал я профессору.

— А вдруг это шанс вернуть ее?

Я поглядел на него с удивлением. Профессор, оказываясь, поверил в силу Кабины.

— Я понимаю,— сказал профессор.— Каждый будет желать своего.

— Тогда у вас мало шансов,— улыбнулся я.

— Шансы есть,— сказал профессор.— Каждый человек, даже если не поверит, пожелает возрождения кого-то близкого. Каждый своего. А у меня есть некоторые сбережения.

— И что?

— Вот вы, лично, задумали, кого бы вам хотелось ожить?

Тут я понял, что не задумал.

— Может, Пушкина?— спросил я.

— Вы не женаты? Впрочем, вы еще молоды.

— Нет, я не женат.

— Если бы я предложил вам...— профессор подхватил очки, которые ринулись вниз.— Скажем, пятьдесят рублей и сообщил имя моей жены. Ведь вам нужны деньги?

— Я бы сделал это и бесплатно,— сказал я.— Но шансов у вас — ноль.

— На книжке у меня четыре тысячи триста,— сказал профессор шепотом, приложив губы к моему уху.

— Разговорчики отставить!— сказал лейтенант сзади.

— А если я наберу двадцать человек?— сказал профессор быстро и отодвинулся. Глаз у него был птичий и пустой.

— Мне надо подумать,— сказал я.

— Шестьдесят рублей?— спросил профессор.— Больше я не могу.

— А если я возьму деньги и потом нечаянно подумаю о ком-то другом?

— Я не так наивен,— сказал профессор.— Вы мне дадите расписку, что обязуетесь думать только о моей покойной супруге.

Идея профессора была наивной. Он того не знал, что в Пушкинском музее на Кропоткинской уже шло заседание комиссии, которая единогласно приняла постановление возродить Александра Сергеевича Пушкина.

В эти же минуты большая толпа шумела, даже плясала вокруг музея Сталина в Гори. Многие были убеждены, что скоро настоящий вождь вернется к жизни и наведет порядок в этой дурной стране.

Политбюро собралось вновь после обеда. Руководите-

ли государства были сыты, но взволнованны. Предстояли исторические решения.

— Сначала,— сказал Леонид Ильич,— выслушаем сообщения из-за рубежа. Прошу вас, Андрей Андреевич.

Громыко пожевал губами и сказал:

— Вкратце. В США царит анархия. Телевидение проводит опросы общественного мнения. Начались бурные демонстрации.

— Минутку,— Брежнев жестом остановил оратора и обратился к Щелокову, которого специально пригласили на Политбюро.

— Усильте московскую милицию,— сказал Брежнев.— Поднимите академию, милицейские училища. Вы знаете, не мне вас учить. В столице должен быть порядок.

— Уже сделано,— позволил себе улыбнуться Щелоков.

— Чего хотят реакционные круги?— спросил Брежнев у Громыко.— И за что выступает прогрессивная общественность?

— Как всегда, картина противоречивая,— сказал Громыко.— Прогрессивная общественность на юге страны выступает за оживление негритянского лидера Мартина Лютера Кинга.

Брежнев подумал. Потом сказал:

— Помню товарища Мартина Лютера. Он много сделал для дела мира. На чем настаивает монополистический капитал?

— Обстановка полного раскола,— сказал Громыко.— У меня есть сводочка по процентам. На тринадцать ноль-ноль. На первом месте идет Линкольн.

— Как же,— сказал Брежнев,— знаю товарища Линкольна. Прогрессивный государственный деятель. Что в Китайской Народной Республике? Это нам не безразлично.

— Пекинское радио объявило о предстоящем возрождении Мао Цзедуна. Указывается, что это возрождение обеспечено мудрым предвидением лично товарища Мао.

— Маловероятно,— сказал Брежнев.

— Я думаю, что это — дымовая завеса,— вмешался Кузнецов.— Влиятельные силы в КНР этого не допустят.

— Почему?— Брежнев ткнул карандашом в грудь Кузнецову. Заинтересовался.

— Там головы полетят. Все равно, что если бы мы Сталина возродили.— Кузнецов помнил времена культа личности.

Он осекся от ощущения вакуума. Тишина наступила в комнате такая, словно все перестали дышать.

Молчали целую минуту. Смотрели на Брежнева.

— Нетактичность вы допустили, товарищ Кузнецов,— произнес наконец Брежнев.— Не ожидали мы ее от вас, пожилого человека. Ни на минуту коммунист не должен забывать, что у нас есть великий покойный вождь Владимир Ильич Ленин.

— Я же не призываю,— сказал Кузнецов, его щеки пошли красными старческими пятнами.— Я хотел предложить именно Ильича.

— Если,— сказал Черненко,— все это не провокация.

— Вот именно,— поддержал его Брежнев.— А чья провокация, вы установили?

— Мало шансов,— сказал Андропов.— Хотя в данной ситуации я бы предпочел, чтобы это была провокация.

— Не понял,— вздохнул Брежнев.

— Если провокация, то кончится ничем. Если это не провокация, а, скажем, провокация в галактическом масштабе, то мы обязаны взять это событие под контроль и обеспечить, чтобы народ единогласно пожелал именно того кандидата, которого изберет Политбюро. И мы должны принять соответствующее решение.— Голос Андропова звучал тихо, но твердо и угрожающе. Он стал похож на Берию, и хотя сходство было только внешним, Брежнев внутренне поежился.

— Какое решение?— услышал Брежнев собственный глухой, запинаящийся голос и понял, что голос выдал его: не ему задавать вопросы. Ему принимать решения.

— Но вы же сами указали!— удивился Андропов.

— У человечества был только один гений,— сказал Черненко.— И Владимир Ильич нам нужен, правильно, Леонид Ильич?

Но Брежнев молчал. Никак не ответил Черненко, ни словом, ни жестом. Потому что на него снизошло понимание... Это была провокация. Это была гигантская, все-ленская, может, даже галактическая провокация, на-

правленная как лично против него, Генерального секретаря, так и против Советской державы в целом.

Устинов, не угадавший еще хода мыслей Генерального, подлил масла в огонь.

— По низовым коллективам,— сказал он,— и в некоторых воинских частях стихийно проходят собрания под лозунгом «Ленин с нами! Ленин вечно жив!». Предлагаю в этой обстановке поддержать начинание масс.

Раздались аплодисменты.

Брежнев молча поднялся и пошел к выходу.

От двери навстречу метнулись охранник и врач. Дума-ли, что Генеральному потребуется реанимация. Но тот прошел мимо.

Меня отпустили домой под утро. Я возражал, говорил, что метро еще не ходит.

— На такси у вас найдется,— сказал мне майор, который снимал последний допрос. Он знал о содержимом моего бумажника.

Такси я не поймал. Шел пешком. Рассвет был ясным, но холодным. Последние листья лежали на мостовой.

Город жил странно. Словно началась Олимпиада. На каждом углу стояли милиционеры. По двое, по трое.

Возле райкома партии толклись, мерзли, переминались с ноги на ногу несколько пенсионеров унылого, но целеустремленного вида. Цепь милиционеров отделяла их от дверей райкома.

Когда я проходил мимо, один из пенсионеров, в глухом черном пиджаке, увешанном значками дивизионных и армейских юбилеев, поднял костлявый кулак и тихонько воскликнул

— Ленин вечно жив!

Милиционеры молчали.

Разумеется, понял я: возрождать будем Ильича.

У памятника Пушкину на Пушкинской площади, несмотря на ранний час, бабушки укладывали венок из живых астр.

Тогда-то, проникая в сознание каждому, снова возник голос Кабины. Текст был идентичен вчерашнему. Статушки распрямились, и одна громко крикнула:

— До встречи, наш гений!

Милиционер стал вежливо подталкивать бабушек к входу в метро.

Пожалуй, подумал я, стоило взять полсотни у профессора. Все равно его дело труба.

Политбюро собралось с утра.

Щелоков доложил о внутренней обстановке. Затем выслушали доклад Комитета государственной безопасности. Обстановка в стране была в целом спокойной, на местах ждали решений центра. Даже требовали решений, опасались упустить инициативу. В некоторых областях, предугадывая решение Политбюро, были приняты резолюции «Возвратим Ильича народу». Брежнев молчал. Затем Громыко зачитал телеграмму от левого крыла Лихтенштейнской партии труда, в которой, в частности, говорилось: «Надеемся, дорогой Леонид Ильич, увидеть вас на трибуне мавзолея в день парада в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции рядом с Владимиром Ильичем Лениным, продолжателем дела которого Вы являетесь».

Брежнев открыл рот. Все ждали, что он скажет. Брежнев спросил:

— «Вы» там с большой буквы?

— Здесь все с большой буквы, Леонид Ильич, — ответил Черненко, опередив Громыко.

Еще помолчали. Надо было что-то предпринимать. Положение было куда более сложным, чем казалось на первый взгляд. Первое решение, столь единодушно поддержанное вчера, после ночных размышлений оказалось далеко не идеальным.

— Тут товарищи из Люксембурга... — начал Брежнев.

— Из Лихтенштейна, — нетактично поправил его Громыко, и Брежнев подумал, что Громыко слишком очевидно прочит себя в наследники. Но Андропов не пустит. Нет, не пустит. Брежнев, рассуждая так, не имел в виду собственную смерть — она была за пределами разумного. Но это не мешало рассуждать о наследнике.

— Тут товарищи из Люксембурга, — продолжал Брежнев, — выставляют меня на мавзолей рядом с Ильичем. Нетактично это.

Андропов старался не улыбнуться. Но воображение

предательски и явственно рисовало картинку — двое рядом. Один в кепке, другой в шляпе. Эта картинка была недопустима.

— А кто же будет в мавзолее лежать? — спросил вдруг Кунаев. Вопрос был диким, именно такого можно было ждать от представителя среднеазиатской республики.

— В мавзолее, — сказал тихо и твердо Андропов, который уже все просчитал и понял, — будет лежать Владимир Ильич Ленин.

— А на трибуне? — не понял Кунаев.

— На трибуне будет Леонид Ильич и, если обстоятельства не изменятся, вы тоже.

Поднялся одобрителный шумок. Все поняли, что Ильича возрождать не время. Черненко хотел сказать небольшую речь по этому поводу, но Кузнецов тихо положил руку ему на локоть, и Черненко осекся. Любые лишние слова в этой ситуации грозили бедой.

— Требуется выдвинуть альтернативный лозунг, — сказал Андропов. — По моим каналам сообщили, что китайское руководство будет стараться оживить Сунь Ятсена.

— Знаю товарища Сунь Ятсена, — сказал Брежнев миролюбиво. Самое страшное было позади. Он снова был среди единомышленников, помощников и соратников. — Он много сделал для китайской революции. Это классик китайской революции.

— Классик? — произнес вслух Долгих — Именно классик!

— Только не Сталин! — воскликнул Устинов. — Я с ним работал.

— Позаботьтесь, пожалуйста, — сказал ему Брежнев, — чтобы в Грузии все было тихо. Там у вас какой округ? Закавказский?

— Товарищи выполняют свой долг, — сказал Устинов.

Вечером перед программой «Время» диктор, не скрывая торжественной дрожи и придыхания в голосе, сообщил о решении Политбюро и Совета Министров: «Завтра в двенадцать ноль-ноль по московскому времени каждый гражданин Советского Союза выполнит свой партийный и человеческий долг. Каждый пожелает, чтобы после долгого могоильного сна очнулся и приступил к исполнению своих обязанностей перед прогрессивным человечеством ведущий классик марксизма-ленинизма Карл Маркс».

В тот момент, когда прозвучало это сообщение, я сидел у Элеоноры.

Элла готовила кофе. Красные брючки так туго и нагло обхватывали ее ягодицы, что я вдруг понял, почему она всегда находится в состоянии бравого сексуального возбуждения.

— Ты слышишь?— закричал я.— Они выбрали Маркса.

— Слышу,— сказала Элла спокойно.— Не глухая.

— Но почему не Ленина? Почему? Народ их не поймет.

— Зачем им Ленин?— искренне удивилась Элла.— Что они с ним будут делать? Отчет ему представят, как просрали его светлые идеи?

— Элла, заткнись!— сказал я.— Ты ничего не понимаешь в политике.

— А ты в жизни. Я бы на их месте сейчас же закопала его так глубоко, чтобы ни один пришелец не докопался.

— А Маркс?

— Тебе надо объяснять? Маркс даже по-русски не сечет. Они ему институт марксизма-ленинизма отдадут, дачу в Барвихе. Ему сколько лет было, когда помер?

— Много.

— Вот пускай и доживает на персоналке. А еще лучше — передадут в ГДР. Пускай там ликуют.

Элла была права, но тяжелое чувство несправедливости не оставляло меня. Все было не так, не ладно.

— Значит, в Америке будет Линкольн, у китайцев Мао, а нам немецкого классика?

— Голосов враждебных наслушался,— сказала Элла.— А они, как всегда, клеветают. Мы еще посмотрим, кто там у них возродится. А может, и никто. Если это блеф.

— Как так блеф?

— Космический блеф. Самый обыкновенный. Нас испытывают. Пей кофе и раздевайся. Мне сегодня в ночную выходить, забыл, что ли?

Элла — медсестра в психичке. Характер у нее жесткий. Любовником я был в тот вечер никудышным. Элла была мною недовольна. Совсем не вовремя я спросил:

— А что если они, то есть мы, пожелаем Ленина? Или Лермонтова?

— Ты можешь наконец не отвлекаться?— спросила Элла злым свистящим шепотом.

Потом, когда она одевалась, сказала:
— Пожелаете, как бы не так! Завтра же постановим.
И даже репетиции проведем.

Она была права. Весь следующий день, от края и до края, бурлила наша страна.

Стихийные митинги были организованы на каждой фабрике, в каждом колхозе под лозунгами: «Маркс вечно жив!» Пионеры пели по радио написанную за ночь композитором Шаинским бодрую песню: «Том за томом «Капитал» Маркс нам снова написал!» — с припевом: «Том девятый, том десятый дружно выучим, ребята!»

Нас тоже собрали.

Куприянов сказал, что творческое развитие марксизма получит мощный толчок, который позволит нам оставить далеко позади философские системы Запада. Новые веяния, отражающие заботу... и так далее. Представитель райкома прочел по бумажке закрытую разработку, в которой было самое главное. Там говорилось откровенно, что Политбюро и правительство внимательно изучили настоящий вопрос. Высказывалось мнение о возрождении к жизни всеми нами горячо любимого Владимира Ильича Ленина. Однако полученные по галактическим каналам сведения убедили партию и лично ее Генерального секретаря в том, что в случае удачного исхода первого возрождения Советскому Союзу будет предоставлено исключительное право повторить опыт. В свете этого и в глубоком убеждении, что партия не имеет права допустить малейший риск в отношении возрождения нашего Ильича, решено оживить вождя пролетариата только тогда, когда наука скажет со всей уверенностью, что это не причинит вреда его умственным способностям.

Не могу сказать, что я в это поверил, но многие поверили. Прямо не говорили, но давали понять, что в каждом новом деле возможна неудача. Неудача с Марксом — это беда. Неудача с Лениным — катастрофа.

Когда я шел с работы, памятник Пушкину был окружен цепью дружинников. Цветов перед ним не было. Музей Пушкина закрыли на учет. Ходили слухи, что в Гори произведены аресты. По улицам толпились люди, словно был праздник. Многие, особенно молодежь, шумели

ли и игнорировали милицию. По Метростроевской длинной колонной шли танки.

До утра так и не погасли огни в зданиях КГБ на Лубянке. Черные «Волги» часто выскакивали с Дзержинской площади и, сделав визжащий круг вокруг монумента первому чекисту, неслись к Старой площади. Потом возвращались.

По настоянию врачей Брежнев провел ночь в реанимации. К нему был допущен только Андропов. Они коротали время за чаем. Вспоминали эпизоды войны. О завтрашнем дне не говорили. Андропов заверил Генерального, что все меры приняты.

На следующий день по всей стране население собиралось в актовых и конференц-залах.

Гремела музыка. Пенсионеров и детей организовали в детских садах и красных уголках домоуправлений. На улицах остались только милиционеры и дружинники.

Без десяти двенадцать Кабина в последний раз повторила свое объявление. Без пяти двенадцать заревели гудки всех заводов и фабрик. Начался отсчет времени.

Иностранных корреспондентов в Звенигород не пустили. Сам город и окрестные леса были окружены танками.

Политбюро и генералитет находились в бомбонепробиваемом бункере, выкопанном на месте оранжерей. Брежнев смотрел в сильную подзорную трубу на закрытую дверь.

Без одной минуты в стране наступила гробовая тишина. Лишь щелкал метроном.

Потом было шесть коротких гудков точного времени.

И все репродукторы Советского Союза одновременно произнесли:

— Мы хотим, чтобы основоположник марксизма Карл Маркс ожил!

— Мы хотим... чтобы основоположник...

— Мы хотим...

— Я хочу,— мысленно произнес Брежнев. И не смог ничего поделать. В его уставшем от заседаний и недосыпа мозгу возник образ покойной мамы.

— Мама!— прошептал он.

Дверь в Кабину начала медленно отходить в сторону.

Андропов выхватил из рук офицера переносной пульт с кнопкой. Разумеется, он верил в единую волю своего народа, но на нем лежала ответственность.

Палец Андропова застыл над кнопкой.

В дверях кабины показался человек...

Андропов нажал на кнопку.

Раздался взрыв. Кабина приподнялась в воздух и, разваливаясь, рухнула на землю, погребая под собой певца Владимира Высоцкого. Его гитара отлетела в сторону и упала, почти целая, на жухлую осеннюю траву. Подкоп, сделанный заранее саперами Комитета и начиненный динамитом, исправил возможную ошибку. Прах певца Владимира Высоцкого захоронили во внутренней тюрьме КГБ.

Политбюро более не возвращалось к этому вопросу. Было лишь объявлено, что эксперимент закончился неудачей по техническим причинам за пределами Советского Союза.

Из китайской кабины вышел Конфуций. Через месяц он умер от постоянного огорчения. В США кабина подарила стране кинозвезду Мэрилин Монро. Она жива до сих пор.

А мы все забыли.

ВЫБОР

Было душно, хотелось устроить сквозняк, но все время кто-нибудь закрывал дверь. Я устал. Настолько, что минут пять, прежде чем поднять трубку, старался придумать правдоподобный предлог, который помешает мне увидеть Катрин. А потом, когда набирал номер, я вообразил, что Катрин сейчас скажет, что не сможет со мной встретиться, потому что у нее собрание. Катрин сама сняла трубку и сказала, что я мог бы позвонить и пораньше. Возле стола с телефоном остановился Крогиус, положил на стол сумку с консервами и сахарным песком — он собирался на дачу. Он стоял возле телефона и ждал, пока я отговорю. Он смотрел на меня жалобно. Катрин говорила тихо.

— Что?— спросил я.— Говори громче.

— Через сорок минут,— сказала Катрин.— Где всегда.

— Вот видишь,— сказал я Крогиусу, положив трубку.— Звони.

— Спасибо,— сказал Крогиус.— А то у жены рабочий день кончается.

У входа в лабораторию меня поджидала девочка из библиотеки. Она сказала, что у меня за два года не плачены взносы в Красный Крест и еще, что мне закрыт абонемент, потому что я не возвратил восемь книг. Я совсем забыл об этих книгах. По крайней мере две из них взял у меня Сурен. А Сурен уехал в Армению.

— Вы будете выступать в устном журнале?— спросила меня девочка из библиотеки.

— Нет,— сказал я и улыбнулся ей улыбкой Ланового. Или Жана-Поля Бельмондо.

Девочка сказала, что я великий актер, только жалко,

что не учусь, и я сказал, что мне не надо учиться, потому что я и так все умею.

— С вами хорошо,— сказала девочка.— Вы добрый человек.

— Это неправда,— сказал я.— Я притворяюсь.

Девочка не поверила и ушла почти счастливая, хотя я ей не врал. Я притворялся. Было душно. Я пошел до Пушкинской пешком, чтобы убить время. У зала Чайковского продавали гвоздики в киоске, но гвоздики были вялыми, к тому же я подумал, что, если мы пойдем куда-нибудь с Катрин, я буду похож на кавалера. Мной овладело глупое чувство, будто все это уже было. И даже этот осоловелый день. И Катрин так же ждет меня на полукруглой длинной скамье, а у ног Пушкина должны стоять горшки с жухлыми цветами и вылинявший букетик васильков.

Так оно и было. Даже васильки. Но Катрин опаздывала, и я сел на пустой край скамьи. Сюда не доставала тень кустов, и потому никто не садился. В тени жались немецкие туристы с покупками, а дальше вперемешку сидели старички и те, вроде меня, которые ожидали. Один старичок громко говорил соседу:

— Это преступление — быть в Москве в такую погоду. Преступление.

Он сердился, будто в этом преступлении кто-то был виноват. Катрин пришла не одна. За ней, вернее рядом, шел большой, широкий мужчина с молодой бородкой, неудачно приклеенной к подбородку и щекам, отчего он казался обманщиком. На мужчине была белая фуражечка, а если бы было прохладнее, он надел бы замшевый пиджак. Я смотрел на мужчину, потому что на Катрин смотреть не надо было. Я и так ее знал. Катрин похожа на щенка дога — руки и ноги ей велики, их слишком много, но в том и прелесть.

Катрин отыскиала меня, подошла и села. Мужчина тоже сел рядом. Катрин сделала вид, что меня не знает, и я тоже не смотрел в ее сторону. Мужчина сказал:

— Здесь жарко. Самый солнцепек. Можно схватить солнечный удар.

Катрин смотрела прямо перед собой, и он любовался ее профилем. Ему хотелось дотронуться до ее руки, но он

не осмеливался, и его пальцы невзначай повисли над ее кистью. У мужчины был мокрый лоб, и щеки блестели.

Катрин отвернулась от него, убрав при этом свою руку с колена, и, глядя мимо меня, сказала одними губами:

— Превратись в паука. Испугай его до смерти. Только чтобы я не видела.

— Вы что-то сказали?— спросил мужчина и дотронулся до ее локтя. Пальцы его замерли, коснувшись прохладной кожи.

Я наклонился вперед, чтобы встретиться с ним глазами, и превратился в большого паука. У меня было тело почти в полметра длиной и метровые лапы. Я придумал себе жвалы, похожие на кривые пилы и измазанные смердящим ядом. А на спину себе взгромоздил суетливых детенышей. Детеныши тоже шевелили жвалами и источали яд.

Мужчина не сразу понял, что случилось. Он зажмурился, но не убрал руки с локтя Катрин. Тогда я превратил Катрин в паучиху и заставил его ощутить под пальцами холод и слизь хитинового панциря. Мужчина прижал растопыренные пальцы к груди и другой рукой взмахнул перед глазами.

— Черт возьми,— сказал он. Ему показалось, что он заболел, и, видно, как многие такие большие мужчины, он был мнителен. Он заставил себя еще раз взглянуть в мою сторону, и тогда я протянул к нему передние лапы с когтями. И он убежал. Ему было стыдно убежать, но он ничего не смог поделать со страхом. Немцы схватились за сумки с покупками. Старички смотрели ему вслед.

Катрин засмеялась.

— Спасибо,— сказала она.— У тебя это здорово получается.

— Он бы не убежал,— сказал я,— если бы я не превратил тебя в паучиху.

— Как тебе не стыдно,— сказала Катрин.

— Куда мы пойдем?— спросил я.

— Куда хочешь,— сказала Катрин.

— Сегодня очень душно,— сказал я.— Где он к тебе привязался?

— От кинотеатра шел. Я ему сказала, что меня ждет муж, но потом решила его наказать, потому что он очень самоуверенный. Может быть, пойдем в парк? Будем пить пиво.

— Там много народу,— сказал я.
— Сегодня пятница. Ты же сам говорил, что по пятницам все разумные люди уезжают за город.

— Как скажешь.

— Тогда пошли ловить машину.

На стоянке была большая очередь. Солнце опустилось к крышам, и казалось, что оно слишком приблизилось к Земле.

— Сделай что-нибудь,— сказала Катрин.

Я отошел от очереди и пошел ловить частника. Я никогда не делаю этого, только для Катрин. На углу я увидел пустую машину и превратился в Юрия Никулина.

— Куда тебе?— спросил шофер, когда я сунул голову Никулина в окошко.

— В Сокольники.

— Садись, Юра,— сказал шофер.

Я позвал Катрин, и она спросила меня, когда мы шли к машине:

— Ты кого ему показал?

— Юрия Никулина,— ответил я.

— Правильно,— сказала Катрин,— Он будет горд, что возил тебя.

— Ты же знаешь...

— Что-то давно тебя в кино, Юра, не видел,— сказал шофер, наслаждаясь доступностью общения со мной.

— Я занят в цирке,— сказал я.

Мне приходилось все время думать о нем, хотя я предпочел бы смотреть на Катрин. Катрин веселилась. Она прикусила нижнюю губу, и кончики острых клыков врезались в розовую кожу. Шофер был говорлив, я дал ему рубль, и он сказал, что сохранит его на память.

Под большими деревьями у входа было прохладно, и все места на лавочках заняты. Впереди, за круглым бассейном, поднимался купол, оставленный американцами, когда они устраивали здесь выставку. Теперь тоже была выставка «интер-что-то-71». Я подумал, что если Гуров прочтет наш с Крогиусом доклад к понедельнику, то во вторник приедет в лабораторию. Крогиус сам не понимал, что мы натворили. Я понимал.

— Пойдем левее,— сказала Катрин.

В лесу, изрезанном тропинками, у какого-то давно не

крашенного забора, Катрин постелила две газеты, и мы сели на траву. Катрин захотела пива, и я достал бутылку из портфеля. Я купил ее по дороге с работы, потому что подумал, что Катрин захочет пива. Открыть бутылку было нечем; и я пошел к забору, чтобы открыть ее о верх штaketника. Перед забором была большая канава, и я подумал, что могу ее перелететь, не перепрыгнуть, а перелететь. Но на тропинке показались две женщины с детскими колясками, и я перепрыгнул через канаву.

— Ты хотела бы летать?— спросил я Катрин.

Катрин посмотрела на меня в упор, и я заметил, как ее зрачки уменьшились, когда на них попал солнечный свет.

— Ничего ты не понимаешь,— сказала она.— Ты не умеешь читать мысли.

— Не умею,— сказал я.

Мы пили пиво из горлышка и передавали друг другу бутылку, как трубку мира.

— Очень жарко,— сказала Катрин.— И все потому, что ты не разрешаешь мне закалывать волосы.

— Я?

— Ты сказал, что тебе больше нравится, когда у меня распущенные волосы.

— Мне ты нравишься в любом виде,— сказал я.

— Но с распущенными волосами больше.

— С распущенными больше.

Я принял ее жертву.

Катрин сидела, опершись ладонью в траву, рука у нее была тонкая и сильная.

— Катрин,— сказал я,— выходи за меня замуж. Я тебя люблю.

— Я тебе не верю,— сказал Катрин.

— Ты меня не любишь.

— Глупый,— сказала Катрин.

Я наклонился к самой земле и поцеловал по очереди все ее длинные загорелые пальцы. Катрин положила мне на затылок другую ладонь.

— Почему ты не хочешь выйти за меня замуж?— спросил я.— Хочешь, я буду всегда для тебя красивым? Как кинозвезда.

— Устанешь,— сказала Катрин.

— А все-таки?

— Я никогда не выйду за тебя замуж,— сказала Катрин.— Ты пришелец из космоса, чужой человек. Опасный.

— Я вырос в детском доме,— сказал я.— Ты знаешь об этом. И я обещаю, что никогда не буду никого гипнотизировать. Тебя тем более.

— А ты мне что-нибудь внушал?

Она убрала ладонь с моего затылка, и я почувствовал, как ее пальцы замерли в воздухе.

— Только если ты просила. Когда у тебя болел зуб. Помнишь? И когда ты так хотела увидеть жирафа на Комсомольской площади.

— Ты мне внушал, чтобы я тебя любила?

— Не говори глупостей и верни на место ладошку. Мне так удобнее.

— Ты врешь?

— Я хочу, чтобы ты в самом деле меня любила.

Ладонь вернулась на место, и Катрин сказала:

— Я тебе не верю.

Мы допили пиво и поставили бутылку на виду, чтобы тот, кому она нужна, нашел ее и сдал. Мы говорили о совсем ненужных вещах, даже о Татьянинном отчине, о людях, которые проходили мимо и смотрели на нас. Мы вышли из парка, когда стало совсем темно, и долго стояли в очереди на такси, и, когда я проводил ее до подъезда, Катрин не захотела поцеловать меня на прощание, и мы ни о чем не договорились на будущее.

Я пошел домой пешком, и мне было грустно, и я придумал вечный двигатель, а потом доказал, что он все-таки не будет работать. Доказательство оказалось очень трудным, и я почти забыл о Катрин, когда дошел до своей улицы. И тут я понял, что, когда я приду домой, зазвонит телефон и Крогиус скажет, что у нас ничего не выйдет. Мне не хотелось обходить длинный газон, и я решил перелететь через него. Летать было не просто, потому что я все время терял равновесие, и поэтому я не решился взлететь к себе на четвертый этаж, хотя окно было раскрыто. Я взошел по лестнице.

Когда я открывал дверь, то понял, что кто-то сидит в

темной комнате и ждет меня. Я захлопнул за собой дверь и не спеша закрыл ее на цепочку. Потом зажег свет в прихожей. Человек, который сидел в темной комнате, знал о том, что я чувствую его, но не шевелился. Я спросил:

— Почему вы сидите без света?

— Я вздремнул, — ответил человек. — Вас долго не было.

Я вошел в комнату, нажал на кнопку выключателя и сказал:

— Может быть, я поставлю кофе?

— Нет, только для себя. Я не буду.

От человека исходило ощущение респектабельности. Поэтому я тоже напустил на себя респектабельный вид и внушил гостю, что на мне синий галстук в полоску. Гость улыбнулся и сказал:

— Не старайтесь, ставьте лучше кофе.

Он прошел за мной на кухню, достал из кармана спички и зажег газ, пока я насыпал в турку кофе.

— Вы не чувствуете себя одиноким? — спросил он.

— Нет.

— Даже сегодня?

— Сегодня чувствую.

— А почему вы до сих пор не женились?

— Меня не любят девушки.

— Может быть, вы привыкли к одиночеству?

— Может быть.

— Но у вас есть друзья?

— У меня много друзей.

— А им до вас и дела нет?

— Неправда. А как вы вошли в квартиру?

Человек пожал плечами и сказал:

— Я прилетел. Окно было открыто.

Он стоял, склонив голову набок, и рассматривал меня, будто ждал, что я выражу изумление. Но я не изумился, потому что сам чуть не сделал то же самое, — только побоялся потерять равновесие и удариться о перила балкона. Человек сокрушенно покачал головой, сказал:

— Никаких сомнений, — и поправил пенсне.

Я мог поклясться, что никакого пенсне на нем три минуты назад не было. Я налил кофе в чашку, взял пачку

вафель и пригласил гостя в комнату. Я устал от жары и ни к чему не ведущих разговоров.

— Снимите ботинки,— сказал гость, проявляя заботливость.— Пусть ноги отдыхают.

— Вы очень любезны,— сказал я.— Я сначала выпью кофе, а то спать хочется.

Человек прошел по комнате, остановился у стеллажа и провел пальцем по корешкам книг, словно палкой по забору.

— Итак,— сказал он профессиональным голосом.— Вы себе не раз задавали вопрос: почему вы не такой, как все? И ответа на него не нашли. И в то же время что-то удерживало вас от того, чтобы обратиться к врачу.

— Я такой же, как все,— ответил я и подумал, что зря не послушался его. Снял бы ботинки.

— Еще в детском доме вы учились лучше всех своих сверстников. Значительно лучше. Даже удивляли учителей.

— Второй приз на математической олимпиаде,— сказал я.— Но учителей я не удивлял. И медали не получил.

— Вы ее не получили нарочно,— сказал гость.— Вы смущались своих способностей. Вы даже убедили Кругиуса, что он — полноправный ваш соавтор. И это неправда. Но в вас заключена могучая сила убеждения. Вы можете внушить любому обыкновенному человеку черт знает что.

— А вам?— спросил я.

— Мне не можете,— ответил мой гость и превратился в небольшой памятник первопечатнику Ивану Федорову.

— Любопытно,— сказал я.— Сейчас вы скажете, что вы мой родственник и нас объединяют невидимые генетические связи.

— Правильно,— сказал гость.— Если бы это было не так, вы бы не догадались, что я жду вас, вы бы проявили хотя бы удивление, увидев незнакомого человека в запертой квартире. Вы бы удивились моему признанию, что я влетел на четвертый этаж. Кстати, вы уже умеете летать?

— Не знаю,— сознался я.— Сегодня первый раз попробовал. А что я еще умею делать?

— Вам достаточно взглянуть на страницу, чтобы запомнить ее текст, вы складываете, умножаете, извлекаете корни с такой легкостью и быстротой, что могли бы с успехом выступать на эстраде, вы можете не спать несколько суток да и не есть тоже.

— Хотя люблю делать и то и другое. И меня не тянет на эстраду.

— Привычка,— холодно сказал гость.— Влияние среды. В детском доме следили за тем, чтобы все дети спали по ночам. Вы умеете видеть связь между фактами и явлениями, очевидно между собой не связанными. Вы — гений по местным меркам. Хотя далеко не всеми вашими способностями вы умеете распоряжаться и не обо всех подозреваете.

— Например?— спросил я.

Гость тут же растворился в воздухе и возник за моей спиной, в дверном проеме. Потом не спеша вернулся к стеллажу, достал оттуда англо-русский словарь и бросил его. Словарь застыл в воздухе.

— И мне все это предстоит?— без особого энтузиазма спросил я.

— Это еще не все.

— С меня достаточно.

— Если вы будете учиться. Если вы вернетесь в естественную для вас обстановку. Если вы окажетесь среди себе подобных.

— Так,— сказал я.— Значит, я мутант, генетический урод. И не одинок при этом.

— Не так,— сказал гость.— Вы просто чужой здесь.

— Я здесь родился.

— Нет.

— Я родился в поселке. Мои родители погибли при лесном пожаре. Меня нашли пожарники и привезли в город.

— Нет.

— Тогда скажите.

— Нам следовало найти вас раньше. Но это нелегко. Мы думали, что никого не осталось в живых. Это был разведывательный корабль. Космический корабль. Ва-

ши родители были там. Корабль взорвался. Сгорел. Вас успели выбросить из корабля. И был лесной пожар. В пожаре сгорел поселок леспромхоза. Пожарники, нашедшие вас живым и невредимым, только очень голодным, не знали, что до конца пожара вас окружало силовое поле.

Я слушал его, но меня мучило совсем другое.

— Скажите,— спросил я.— А на самом деле я какой?

— Внешне? Вам это нужно знать?

— Да.

Гость превратился в некую обтекаемую субстанцию, полупрозрачную, текучую, меняющую форму и цвет, но не лишенную определенной грации.

— Это тоже внушение?

— Нет.

— Но ведь я не стараюсь быть человеком. Я — человек.

— Без этого вы не выжили бы на Земле. Мы думали, что вы погибли. А вы приспособились. Если бы не мой визит, вы бы до конца жизни ни о чем не догадались.

— Я должен буду улететь с вами?— спросил я.

— Разумеется,— сказал гость.— Вы же мне верите?

— Верю,— сказал я.— Я только позвоню Крогиусу.

— Не надо,— сказал гость.— То, что вы с ним сделали, пока не нужно Земле. Вас не поймут. Над вами стали бы смеяться академики. Я вообще удивлен, что вы смогли внушить Крогиусу веру в эту затею.

— Но ведь она бред?

— Нет. Лет через сто на Земле до нее додумаются. Наше дело — не вмешиваться. Правда, иногда нам кажется, что эта цивилизация зашла в тупик.

Я поднял телефонную трубку.

— Я просил вас не звонить Крогиусу.

— Хорошо,— ответил я. И набрал номер Катрин.

Гость положил ладонь на рычаг. Он снова принял человеческий облик.

— Это кончилось,— сказал он.— И одиночество. И необходимость жить среди существ, столь уступающих вам. Во всем. Если бы я не нашел вас, вы бы погибли. Я уверен в этом. А теперь мы должны спешить. Корабль ждет. Не так легко добраться сюда, на край галактики.

И не так часто здесь бывают наши корабли. Заприте квартиру. Вас не сразу хватятся.

Когда мы уходили, уже на лестнице я услышал, как звонит телефон. Я сделал шаг обратно.

— Это Крогиус,— сказал гость.— Он разговаривал с Гуровым. И Гуров не оставил камня на камне от вашей работы. Теперь Крогиус забудет обо всем. Скоро забудет.

— Знаю,— ответил я.— Это был Крогиус.

Мы быстро долетели до корабля. Он висел над кустами, небольшой, полупрозрачный и совершенно на вид не приспособленный к дальним странствиям. Он висел над кустами в Сокольниках, и я даже оглянулся, надеясь увидеть пустую пивную бутылку.

— Последний взгляд?— спросил гость.

— Да,— сказал я.

— Попробуйте побороть охватившую вас печаль,— сказал гость.— Она рождается не от расставания, а от неизвестности, от невозможности заглянуть в будущее. Завтра вы лишь улыбнетесь, вспомнив о маленьких радостях и маленьких неприятностях, окружавших вас здесь. Неприятностей было больше.

— Больше,— согласился я, и меня мягко и тепло окутал воздух корабля.

— Стартуем,— сказал гость.— Вы не почувствуете перегрузок. Приглядитесь ко мне внимательнее. Ваша земная оболочка не хочет покинуть вас.

Гость переливался перламутровыми волнами, играя и повелевая приборами управления.

Я увидел сквозь полупрозрачный пол корабля, как уходит вниз все быстрее и быстрее темная зелень парка, сбегаются и мельчают дорожки уличных огней и россыпи окон. И Москва превратилась в светлое пятно на черном теле Земли.

— Вы никогда не пожалеете,— сказал мне гость.— Я включу музыку, и вы поймете, каких вершин может достичь разум, обращенный к прекрасному.

Музыка возникла извне, влилась в корабль, мягко подхватила нас и устремилась к звездам, и была она совершенна, как совершенно звездное небо. Это было то совер-

шенство, к которому меня влекло пустыми ночами и в моменты усталости и раздражения.

И я услышал, как вновь зазвенел телефон в покинутой, неприбранной квартире, телефон, ручка которого была замотана синей изоляционной лентой, потому что кто-то из подвыпивших друзей скинул его со стола, чтобы освободить место для шахматной доски.

— Я пошел,— сказал я гостю.

— Нет,— сказал тот.— Возвращаться поздно. Да и бессмысленны возвращения в прошлое. В далекое прошлое.

— До свидания,— сказал я.

Я покинул корабль, потому что за этот вечер я научился многому, о чем и не подозревал раньше.

Земля приближалась, и Москва из небольшого светлого пятна превратилась вновь в бесконечную россыпь огней. И я с трудом разыскал свой пятиэтажный блочный дом, такой одинаковый и скучный в ряду собратьев.

Голос гостя догнал меня:

— Вы обрекаете себя на жизнь, полную недомолвок, мучений и унижений. Вы будете всю жизнь стремиться к нам, ко мне. Но будет поздно. Одумайтесь. Вам нельзя возвращаться.

Дверь на балкон была распахнута. Телефон уже умолк. Я нащупал его, не зажигая света. Я позвонил Катрин и спросил ее:

— Ты звонила мне, Катюшка?

— Ты с ума сошел,— сказала Катрин.— Уже первый час. Ты всех соседей перебудишь.

— Так ты звонила?

— Это, наверно, твой сумасшедший Крогиус звонил. Он тебя по всему городу разыскивает. У него какие-то неприятности.

— Жалко,— сказал я.

— Крогиуса?

— Нет, жалко, что не ты звонила.

— А зачем я должна была тебе звонить?

— Чтобы сказать, что согласна выйти за меня замуж.

— Ты с ума сошел. Я же сказала, что никогда не выйду замуж за пришельца из космоса и притом морального уроды, который может внушить мне, что он Жан-Поль Бельмондо.

— Никогда?

— Ложись спать,— сказала Катрин.— А то я тебя ненавижу.

— Ты завтра когда кончаешь работу?

— Тебя не касается. У меня свидание.

— У тебя свидание со мной,— сказал я строго.

— Ладно, с тобой,— сказала Катрин.— Только лишнего не думай.

— Я сейчас думать почти не в состоянии.

— Я тебя целую,— сказала Катрин.— Позвони Крогиусу. Успокой его. Он с ума сойдет.

Я позвонил Крогиусу и успокоил его.

Потом снял ботинки и, уже засыпая, вспомнил, что у меня кончился кофе и завтра надо обязательно зайти на Кировскую, в магазин, и выстоять там сумасшедшую очередь.

СМЕРТЬ ЭТАЖОМ НИЖЕ

Часть первая до полуночи

Самолет приземлился на рассвете. Пассажиры переминались возле трапа, ежились после прерванного уютного сна. Снег был синим, небо синим, аэродромные огни желтыми. Потом вереницей пошли к аэропорту. Синий снег обрывался у навеса, где многие остановились в ожидании багажа. Там было натоптано и грязно. Встречающих почти не было. Но Шубина встречали. Председатель городского общества «Знание», который представился Николайчиком Федором Семеновичем, сразу принялся упрекать Шубина в опоздании самолета. «На сорок минут!» — сказал он так, словно Шубин притормаживал самолет в воздухе. С ним была темноглазая молодая женщина в кепке и куртке из искусственной кожи. Она оказалась шофером, и ее звали Элей.

Серый «Москвич» общества «Знание» стоял на пустынной синей площади. Дверь замерзла и не открывалась. Николайчик сказал, что сойдет по пути, в новом районе, где получил двухкомнатную квартиру. Там удачная роза ветров. Когда сели в промерзшую машину, Николайчик вытащил мятую бумажку и принялся, не заглядывая в нее, да и что он мог бы разглядеть в темноте, рассказывать, где и когда Шубину выступать. Особенно он подчеркивал, что устроил две публичные лекции.

— Мы вам, конечно, не сможем заплатить как Хазанову, но народ у нас интересуется.

У Николайчика был профиль индейца майя, нарушенный сивыми обвислыми усами, каких индейцы майя не

носили. Машина ехала по обледенелому шоссе между черных зубчатых еловых стен. Шубина потянуло в сон, и он приблизил щеку к окошку. Стекло не доставало до верха, и оттуда дуло. Ветер был нечист, словно близко была помойка.

— Это вы по телевизору на той неделе выступали?— спросила Эля.— Я вашу фамилию запомнила.

— Этот факт повысит посещаемость,— сказал Николайчик.— А то у нас теперь больше интересуются внутренними проблемами, экологией, реформой цен, вы сами понимаете.

Лес кончился, и за пустырем, по которому были разбросаны какие-то склады, начался длинный бетонный заводской забор. Трубы завода, как колонны разрушенного веками античного храма, курились разноцветными дымами.

За заводом пошел жилой район, пятиэтажный и тоскливый. Равномерно поставленные среди пятиэтажек девятиэтажные башни только подчеркивали тоску. На автобусной остановке томились темные фигуры.

— Я с вами прощаюсь,— сказал Николайчик.— В десять двадцать буду звонить вам в номер. Отдыхайте.

— Спасибо, что вы меня встретили.

— Это наш долг. Мы всех встречаем,— сказал Николайчик, открывая дверь со своей стороны.— Независимо от ранга и значения.

Шубин заподозрил, что его ранг и значение недостаточны.

— А мне когда за вами?— спросила Эля.

— Как всегда,— сказал Николайчик.

Они поехали дальше. Эля сказала:

— Как всегда — это еще ничего не значит.

Стандартные дома кончились. Машина ехала по длинной улице одноэтажных домов. Когда-то город был небольшим и эти дома опоясывали его каменный двухэтажный центр. На перекрестке долго стояли перед красным светом.

— А вы Сергиенко не знаете?— спросила Эля.— Он к нам в том месяце приезжал.

— А что он делает?

— Он химик,— сказала Эля.— Экологией занимается. Столько вопросов было, вы не представляете, до часу

ночи не отпускали. Силантьев потом нашего Николайчика вызывал, чтобы больше таких не приглашать.

— А чем он Силантьеву не угодил?

— У нас комитет,— сказала Эля.— За экологию. С биокормом борются и химзаводом. Они всюду выступают.

— Ясно,— сказал Шубин.

— Я хотела пойти на митинг, но Николайчик узнал и отказал. Ему тогда квартиру обещали, он опасался, что в его коллективе будут диссиденты.

— У вас здесь строго.

— Гронский, Николаев и Силантьев — большая тройка,— сказала Эля.— Куда Силантьеву деваться? Городские деньги от комбината идут. Или от химзавода. Кто даст. Это и ежу понятно.

Они добрались до центра города. Некогда унылая, но логичная линия двухэтажных каменных домов, разбежавшихся затем площадью с собором и украшенным колоннами могучим присутственным зданием, была нарушена вклинившимися блочными башнями и стеклянной бездарностью нового универмага.

— В соборе склад?— спросил Шубин.

— Нет, что вы! Там кино, а скоро филармонии отдадут. Там такая акустика, вы не представляете.

Когда повернули на вокзальную площадь, где стояла гостиница «Советская», уже совсем рассвело и на площади было людно.

— Вы к нам летом приезжайте, у нас зелень, многим нравится,— сказала Эля.

Вокзальные площади редко бывают привлекательны, а ноябрьское замороженное утро, черные кости деревьев в привокзальном сквере, само здание вокзала, построенное, видно, после войны в попытке совместить идеалы классицизма и оптимизм эпохи, но давно не крашенное, панельные корпуса, ограждающие грязно-снежное пространство под прямым углом к длинному вокзальному фасаду и завершение площади — типовая гостиница в пять этажей — весь этот комплекс провинциальной обыденности привел Шубина в то состояние духа, которое вызывает раздражение, направленное против самого себя. И что меня сюда принесло? Три сотни, которые зарабатывают лекциями, или нежелание спорить с московским

обществом «Знание», обещавшим в лице деловой Ниночки Георгиевны в благодарность за плановый визит сюда замечательную поездку весной по Прибалтике?

Эля сказала:

— Вы идите, я машину запру и догоню.

— У вас всегда так пахнет?— спросил Шубин.

— Мы привыкли. Большая химия.

Шубин поднялся по пяти скользким ступеням к стеклянным дверям и с непривычки ткнулся по очереди и безрезультатно в правую и среднюю, прежде чем левая дверь поддалась. В вестибюле, на стуле у двери, дремал старик с красной повязкой. Он не проснулся, когда Шубин прошел мимо. На деревянных скамейках дремали те, кому не досталось места в гостинице. Администратора не было, но пришла Эля, она не боялась разбудить всю гостиницу и принялась громко спрашивать:

— Эй, кто здесь живой? Принимайте гостя.

Кто-то проснулся на скамейке и сказал:

— Мест нет.

Администраторша вышла откуда-то сбоку. Она была так недовольна приходом Шубина, что даже не стала разговаривать. Помахала рукой над стойкой, и Эля сказала:

— У вас паспорт есть?

Шубин достал паспорт, и администраторша стала искать бронь. Шубину было неловко перед теми, кто проснулся на скамейках и недоброжелательно глядел ему в спину, но и страшно, что администраторша сейчас не найдет его брони и придется сидеть в этом холле, на краю скамейки, ожидая, пока Николайчик с началом рабочего дня восстановит справедливость и авторитет общества «Знание». Но бронь нашлась.

Пока Шубин заполнял анкету, гостиница начала просыпаться. Кто-то подошел к стойке, чтобы быть ближе к администраторше и напомнить о себе, худой офицерик с большой женой и двумя детьми спорил с дежурным у входа, который однообразно говорил:

— Мест нет, мест нет, мест нет.

По лестнице спускались три деловых кавказца в кожаных пальто и ондатровых шапках. Они перебрасыва-

лись быстрыми фразами, начиная каждую со слова «ара!».

Эля сказала:

— Ну вот и устроились. Я сегодня на вашу лекцию обязательно приду.

Только тут, в освещенном вестибюле, Шубин увидел, как она молода. Глаза карие, раскосые, губы очень розовые. Когда она говорила, видна была золотая коронка.

Эля протянула Шубину руку, пальцы у нее были длинные, ладонь сухая и гладкая, а тыльная ее сторона — шершавая, как у человека, которому приходится работать руками на холоде.

— Вы отдыхайте,— сказала она.— В десять он не позвонит. До двенадцати проспите. Да я ему машину раньше и не подам. Мне же тоже поспать надо. Я из-за вас не ложилась.

Сказано это было без укора, и Шубин не почувствовал вины.

— Спасибо,— сказал он.— Значит, у меня пять часов.

— Как минимум,— улыбнулась Эля.

Потом вспомнила, подбежала к стойке и спросила:

— Горячая вода есть? Гость-то у нас из Москвы.

— Есть, есть,— сказала администраторша.— Мойтесь.

Шубин поднялся на третий этаж. Дежурная по этажу спала на диване, накрывшись пальто. Пришлось ее разбудить, потому что ключ был у нее. Дежурная сказала:

— Ничего, не извиняйтесь. Все равно вставать пора. Вы надолго?

— На три дня.

Номер был маленький. Шубину показалось, что он в нем уже жил. Действительно, он жил во многих точно таких же номерах других стандартных гостиниц.

Раздевшись и обзрев свой новый дом, Шубин вернулся к дежурной по этажу. Та уже не спала, разговаривала с горничной о печенке, которую завезли во второй магазин. Шубин сказал:

— Простите, но мне забыли дать мыло и туалетную бумагу.

— Вы что?— дежурная была даже обижена.— У нас второй год этого нету.

— Но как можно? Даже в районных гостиницах...

— Не дают! Вы пишете, а то такие, как вы, ко мне с претензиями, а как уедут, забывают.

— Но, может, можно купить?

— Нету у меня.

— Хотите, я дам кусочек?— сказала горничная.— У меня один оставил в номере. Если не брезгуете?

— Спасибо.

Шубин пустил в ванной воду. Вода была теплой и сильно пахла сероводородом. Хотя, может, и не сероводородом, а чем-то схожим.

Вымывшись, Шубин лег спать, но проспал недолго. Проснулся вскоре от духоты, открыл фрамугу, и комната наполнилась шумом вокзальной площади. Стало холодно. Шубин укрылся с головой. Ему казалось, что он никогда не уснет, но он все же уснул и проснулся от того, что звонил телефон. Шубин вскочил, спросонья промахнулся мимо трубки, потом рванул телефон на себя, шнур был очень короткий, телефон рванулся из руки и упал на пол. Но не разъединился.

Сидя на корточках, Шубин поднес трубку к уху.

— Доброе утро,— услышался унылый голос Николайчика.— Как вы отдыхаете?

— Спасибо,— сказал Шубин.— Я спал.

— Можете продолжать,— сказал Николайчик.— В два за вами будет машина. Серый «Москвич», вы его уже знаете. Водитель тот же.

— А у вас много машин?

— Одна,— серьезно ответил Николайчик.

— Значит, вы мне позвонили, чтобы сообщить, что я могу спать дальше?

— Я полагал, что вы ждете моего звонка согласно нашей утренней договоренности,— сказал Николайчик.

— Хорошо, спасибо,— сказал Шубин.

Он нырнул под теплое одеяло, но согреться уже не мог. И сон пропал. Он решил подниматься, погулять по городу. К тому же проголодался.

Вода была только холодная, но все равно воняла. Буфет в гостинице был закрыт, пришлось идти на вокзал и стоять там в длинной очереди к буфету. Рядом у игровых автоматов шумели подростки. Шубина преследовал запах — иной, чем у воды, но ощутимый, проникающий,

гадкий, будто где-то рядом валялась дохлая мышь. Народу на вокзале было много, как и положено на вокзале, где люди проводят по несколько суток. По радио дважды объявили о том, что желающие могут интересно провести время в видеосалоне, просмотрев французский детективный фильм «Полицейские и воры». Потом объявили, что поезд Свердловск — Пермь прибывает на первую платформу, и вокруг началось движение людей, вызванное этим объявлением.

Чтобы избавиться от неприятного запаха, Шубин вышел на перрон. У общих вагонов остановившегося поезда кипела толпа — он обратил внимание, что все пассажиры, что лезли в вагоны, были с детьми. На перроне пахло еще противнее. Даже начало подташнивать. А может быть, из-за той холодной курицы, съеденной в буфете? Этого еще не хватало.

Шубин вернулся на площадь. В киосках кооператоров торговали наклейками на джинсы, трикотажными кофточками и бусами. Шубин решил купить себе каких-нибудь продуктов к обеду, взять у дежурной чаю и добиться таким образом независимости от общественного питания. Но купить удалось только хлеба и печенья. В гастрономе висела стыдливая надпись: «Колбаса любительская и масло бутербродное по предварительным заказам населения».

С каждой минутой город нравился Шубину все менее. И его не примирили с ним даже милые, приземистые, провинциальные особнячки, что сохранились ближе к центру, и городской парк с фонтаном, посреди которого стоял Нептун в трусах, но книжный магазин ему понравился. Там было тепло; вонь, пронизывающая весь город, нехотя отступала перед запахами типографской краски и книжной пыли. Магазин был невелик и протянулся в глубь старого дома. В дальнем его конце обнаружился даже небольшой букинистический прилавок, где на полках тесно стояли многочисленные тома Всемирной литературы, а на прилавке, корешками вверх, теснились книги относительно новые, но надоевшие владельцам и в основном малоинтересные. Одна полка была выделена для старых книг, и Шубин подошел к ней, допущенный

милостиво худенькой курчавой девушкой в больших модных очках. Девушка спросила:

— Вас что-то конкретно интересует?

— Нет, конкретно меня ничего не интересует.

— Вы любите книги?

— Кто их не любит?

— У нас редко бывают интересные книги,— сказала девушка.— Но есть настоящие любители. Если вы к нам надолго, то я вам советую заглянуть в общество книголюбов.

— Я ненадолго. У вас плохо пахнет.

Шубин не имел в виду ничего дурного, но, сказав так, понял, что, наверное, обидел девушку.

— Я имею в виду на улице,— добавил он поспешно.

— К этому нельзя привыкнуть,— сказала девушка.— Я вас понимаю. В «Социалистической индустрии» была статья о нас, совсем недавно. Но потом у автора были неприятности. Наше начальство приняло меры.

— Такие длинные руки?

— Так в Москве министерство! Они все одним миром мазаны.

— Мне говорили, что у вас в городе создано экологическое общество?

— Мы хотим провести митинг,— сказала девушка.— Я сама ходила в горисполком. Не разрешили. Сказали, что меры принимаются.

Человек, с черной бородой и длинными нечесаными волосами, подошел совсем близко и высоким настырным голосом сказал:

— Ты бы, Наташечка, пригласила гостя погулять на речку.

— Борис! Я тебя не заметила.

— Меня трудно не заметить,— ответил длинноволосый.— Меня замечают чаще, чем бы мне этого хотелось.

Он громко засмеялся.

Борис был постоянно агрессивен. Даже когда молчал и, наверное, когда спал. Такие люди вызывают немедленную неприязнь у любого начальства, что не останавливает их от желания вступать с начальством в конфликты.

— Судя по тому, что вы зашли в книжный магазин, вы ленинградец,— продолжал Борис.— Человек вы респек-

табельный, бывавший за рубежом. Я бы сказал — старший научный сотрудник, химик, намерены что-то внедрять на нашем химзаводе. И потому, разделяя тревоги жителей города, останетесь при своем мнении и даже будете способствовать дальнейшему его отравлению, правда, оставаясь вне пределов воню. Что, молчите? Я угадал? Ну конечно же, я угадал! Я таких типов просекаю мигом.

Борис все смеялся, и Шубин почувствовал, как он ему неприятен — от жирных немытых волос, плохо выбритого худого лица, висячего красного носа до рук, слабых, желтых, с обгрызенными ногтями.

— Нет, не угадали,— сказал Шубин и отвернулся к полке.

— Не хотите, не надо,— сказал Борис.— Мы не гордые.

— Боря, ты стараешься обидеть незнакомого тебе человека,— сказала, покраснев, Наташа.

— А я их всегда обижаю,— сказал Борис.— Между нами слишком много барьеров — классовых, социальных, национальных и даже банных. У нас мыла дешевого нет, а рублевая парфюмерия мне не по карману.

— Спасибо,— сказал Шубин Наташе и отошел от полки. В ином случае он бы поправил провидца, переселившего его с помощью никуда не годного дедуктивного метода в Ленинград и сделавшего химиком. Но поправлять Бориса значило оправдываться перед ним. За его спиной что-то шептала Наташа, а Борис громко сказал вслед Шубину:

— Убийцы! Все они из одной своры...

Больше в городе смотреть было нечего. Поискать, что ли, музей?

Но ведь заранее известно, что будет в том музее. Состав экспозиций утвержден в Министерстве культуры.

Обратно к гостинице Шубин пошел другой улицей — заблудиться было трудно, город распланировали в девятнадцатом веке, по линейке. Стало теплее, и белый снег остался только во дворах. Крыши были мокрыми, тротуары и мостовые покрывала кашица, которая брызгала из-под колес набитых народом автобусов. Над очередью, что стояла за грейпфрутами, висел приклеенный к стене неровно написанный лозунг: «Защитим чистый

воздух!» Борьба за чистоту окружающей среды, отраженная в лозунге, висевшем слишком высоко, чтобы его не сорвали проходя, вызвала в Шубине раздражение. Он вспомнил о Борисе и ощутил сочувствие к химзаводу.

Солнце блеснуло сквозь сизые облака, и сразу же его закрыла туча. Пошел холодный дождь. Очередь покорно мокла, накрывшись зонтиками. Шубину показалось, что дождь воняет, и он пожалел, что не взял зонтика.

Николайчик пришел в два. Он долго снимал пальто, складывал зонтик.

— Вы хорошо отдохнули?— спросил он.

— Спасибо.

— Я забыл провентилировать с вами вопрос питания,— сказал он.— На Луначарского есть приличная диетическая столовая. Но туда надо ходить до часу или после трех, потому что днем там много посетителей.

Он был очень тоскливым человеком, под стать погоде. Прошел в комнату, уселся за письменный стол, разложил на нем мятую бумажку, ту же, что пытался зачитать утром в машине.

— Сейчас мы с вами направляемся на прием к товарищу Силантьеву. Будет чай.

— С колбасой по талонам?— спросил Шубин.

У него разболелась голова, не привык к здешним миазам.

— Ценю юмор столичного жителя,— сказал Николайчик.— Однако снабжение по талонам для нас, провинциалов, имеет свои преимущества, так как вводит социальную справедливость. Этим ликвидированы очереди за дефицитом. Если же вы намерены шутить на эту тему у товарища Силантьева, я бы не советовал, потому что он не разделит вашего юмора. Снабжение нашего города представляет большие трудности, и товарищ Силантьев на своем посту сделал немало для улучшения быта наших граждан.

Произнеся такой монолог, Николайчик выдохнул с шумом воздух и уставился в окно. Шубину показалось, что его выключили.

Без стука вошла Эля. В той же кепке и кожаной куртке.

— Федор Семеныч,— обратилась она к Николайчику.—

Вам еще на «Французскую коммуну» надо успеть. Забыли, что ли?

— Да,— проснулся Николайчик.— И в самом деле забыл.

Он смущенно улыбнулся, и Шубин подумал, что он бывает обыкновенным и даже добрым. Николайчик долго одевался, почему-то стал открывать зонтик в крошечной прихожей, не смог пройти с ним в дверь и снова закрыл его.

Эля стояла посреди комнаты, оглядывая номер с любопытством, словно пришла к Шубину домой и хочет понять, как живет знаменитый корреспондент-международник.

— Вы машинку пишущую всегда с собой возите?— спросила она.

— Всегда.

— Чтобы когда мысль придет, ее сразу схватить, да?

— Примерно.

Николайчик захлопнул за собой дверь и громко затопал по коридору.

— Мне пора,— сообщила Эля, не трогаясь с места.

— Скажите, Эля, он всегда такой или бывает другой?

— Он вполне приличный,— сказала Эля.— Только запутанный. Его из горono выгнали, за прогрессивность. С тех пор он боится. Я думала, что когда он квартиры дождетсЯ, то перестанет бояться. А он уже привык.

Эля засмеялась.

Дверь открылась, Николайчик сунул голову внутрь. Шляпа задела за край двери и упала. Николайчик присел на корточки и спросил:

— Мы не опоздаем, Эльвира?

— Я быстро поеду,— сказала девушка.— А мы о вас говорили.

— Я знаю,— Николайчик поднялся, напялил шляпу.— Я слышал.

Они ушли, но через минуту снова заглянула Эля.

— Я его отвезу и прямо за вами! Вы пока одевайтесь.

Горисполком занимал солидный, с колоннами, трехэтажный дом, в котором, вероятно, когда-то была гимназия. Когда они шли по широкому коридору, Шубин заглянул в раскрытую дверь и увидел, что пространство за

ней разгорожено фанерными стенками, которые не доставали до потолка. Из-за стенок стрекотали машинки и стоял гул голосов. По коридору слонялись посетители, некоторые стояли, прислонившись к стенкам, или сидели на подоконниках. Последняя дверь в коридоре была обита пластиком. Справа и слева от нее были черные застекленные таблички. Справа — «В.Г.СИЛАНТЬЕВ», слева — «В.Г.Мышечкина». Мышечкина была изображена куда более мелкими буквами.

В приемной, где по обе стороны высокого узкого окна стояли столы и за ними сидели две пожилые секретарши, Эля сдернула кепку.

— Привела, — сказала она.

— Пусть товарищ подождет, — сказала правая секретарша. — У Василия Григорьевича совещание.

— Вы сидите, — сказала Эля, — я пойду Николайчика встречу. Он всегда здесь плутает. Сколько раз был, а плутает.

Шубин уселся на мягкий стул, рядом с дверью в кабинет. Дверь была обита таким же пластиком, как и внешняя, и возле нее висела точно такая же табличка.

Секретарши на Шубина не смотрели. Из кабинета долетали обрывки фраз, разговор шел на повышенных тонах.

— У меня детей из города увозят, — басил начальственный голос. — Завтра они по Свердловску понесут.

— Ты же знаешь, Василий Григорьевич, — отвечал другой голос, тоже начальственный, но повыше. — Все это бабы сплетни. Кирилл, подтверди.

— Опасность сильно преувеличена, Василий Григорьевич. Мы непрерывно проводим замеры. Зараженность не увеличивается.

Третий голос был совсем не начальственный. Тенор.

— Кирилл — специалист. Ему за это деньги платят.

— Кто платит? Кто платит? — рычал Василий Григорьевич. — Ты знаешь, что они митинг назначили на завтра?

— А вот это надо пресекать, — сказал второй голос наставительно. — Ты же понимаешь, с какими это делается целями и кому это нужно?

Возникла пауза. Потом Василий Григорьевич сказал, тоном ниже.

— Хоть вонь бы убрали. У меня сейчас из Москвы один будет...

— Откуда?

— Из Москвы.

— Я имею в виду — кто его прислал?

— Нет, не думай. По линии «Знания». Международник.

— Ну и что? Знаем мы этих международных.

— Вот я и говорю: нанюхается наших амбре, вернется, и в ЦК!

— Точно международник?

— Ну что ты заладил! Точно. Позавчера по телевизору выступал.

— Когда мне телевизор смотреть? Ты Кириенку предупредил?

— Милиция и без меня знает. Но я думаю... всегда лучше запретить, чем разгонять.

— Должны быть зачинщики. Надо обезглавить.

— А перестройка?

— Мы не шутить собрались.

— А я и не шучу. Мне еще тут работать. У тебя Москва есть — прикроет. А меня кто прикроет? Ты?

Была пауза. Потом невнятное бурчание отдалившихся от двери голосов. И снова, уже понятнее:

— Отправь их куда-нибудь. Это в наших общих интересах.

— Наши общие интересы — служение народу.

— Смотри, как заговорил. Место бережешь?

— А мне еще до пенсии далеко. У тебя в списке Синявская... знакомая фамилия.

— Из пединститута.

— Давно на пенсию пора. А тот еврей, который на площади сидел, голодал? Помнишь, Кириенко его на пятнадцать суток?

— Борис Мелконян. Он в списке есть.

— Армянин?

— Может, и еврей.

Снова была пауза. Потом:

— Возьми свою цидулю. Не буду я связываться. Пускай митингуют.

— Ты свое место так не спасешь. Им только дай палец.

— Лучше бы об очистных побеспокоился. Вторую очередь пустил, а об очистных опять забыл.

— А что я могу? Я же пишу, звоню — а мне: давай план!
— Детей из города вывозят.
— Положение нормализуется. За ноябрь аварийных сбросов не было.

— Я могу утверждать, что принятые меры должны оказаться действенными,— произнес долго молчавший тенор.

— А у меня письмо доцента Бруни. Он меня предупреждает санитарной инспекции не верить, потому что вы в кармане у Гронского.

— Василий Григорьевич, ну кто этому Бруни верит?

В приемную быстро вошел Николайчик. В руке он мля мокрую шляпу.

— Вы здесь? Как хорошо! Меня задержали,— сказал он.— Вас еще не приняли?

Шубин не ответил. Ему жаль было, что Николайчик принес с собой шум, перекрывший голоса из кабинета.

— А что? Он занят?— Николайчик повесил шляпу на вешалку, что стояла в углу приемной. И принялся стаскивать пальто.— У него кто-то есть?

— Гронский у него, с санинспекцией,— сказала секретарша недовольно. И Шубин понял, что она тоже слушала разговор из-за двери и ей тоже жаль, что Николайчик помешал.

— Тогда мы подождем,— сказал Николайчик, усаживаясь рядом с Шубиным.— Там проблемы важные.

Он чуть склонился к Шубину и понизил голос:

— В городе напряженная экологическая обстановка. Лично Василий Григорьевич в контакте с общественностью принимает энергичные меры. Я полагаю, что товарищ Гронский докладывает ситуацию на химзаводе. Подождем, хорошо? У нас еще есть время.

Секретарша громко хмыкнула, и Шубин понял, что этим она как бы обращается именно к нему, знающему истинное положение вещей и способному оценить лживость Николайчика. А вторая вдруг сказала:

— Могли бы, Федор Семенович, и внизу раздеться. Как все люди. У вас пальто все мокрое.

— Разумеется!— Николайчик вскочил, метнулся к вешалке, хотел было снять пальто, но замер.— Нет,— ска-

зал он твердо.— В любую минуту нас пригласят. Я в следующий раз.

Дверь кабинета отворилась, и один за другим оттуда вышли три человека. Все трое были респектабельны, все в хороших импортных костюмах, белых сорочках и при галстуках. Подобных чиновников Шубин мог представить перенесенными в московский кабинет и ничем не нарушающими столичные церемонии. Первым вышел красавец, стройный, седовласый и розовощекий. Шубин наблюдал, как они прощаются, не обращая на него внимания. Значит, это и есть санинспекция. Мягкий, с брылями, улыбчивый, будет директор химзавода Гронский, а налитой явным здоровьем, обладатель геометрически правильного пробора — Силантьев.

Силантьев, пожимая руку Гронскому, заканчивал фразу:

— У нас там воздух сказочный... тайга.

Тут он увидел поднявшегося Шубина и склонившегося вперед Николайчика. Он чуть приподнял брови и кинул взгляд на большие настенные часы, словно счел приход визитеров преждевременным. Обращение к часам убедило Силантьева, что визитеры не поспешили, а он забыл о них за важными беседами, и, не выпуская руки Гронского, он шагнул к Шубину, подтягивая Гронского за собой.

— Простите, заговорились,— сказал он и властно вложил руку Гронского в ладонь Шубина.— Спасибо, что пришли, спасибо! К нам редко залетают птицы вашего полета.

Гронский крепко сжал руку Шубина и сразу отпустил, словно обжегся.

— Как же,— сказал он,— слышал. Вы позавчера по телевизору выступали?

— Вот именно,— обрадовался Силантьев и обратился к Гронскому:— Не останешься на лекцию? Товарищ Шубин согласился выступить перед аппаратом. Через полчаса.

— Ты же знаешь,— смущенно улыбнулся Гронский и стал похож на породистую собаку,— конец месяца. Я уж не помню, когда у меня выходной был.

— Ну хорошо, мы с тобой все обсудили, ты иди, трудись. Давай родине большую химию! А вы, товарищ Шубин,

заходите в кабинет. Вера Осиповна, вы не будете так любезны угостить нас чайком? А то на улице мразь и холодина. Такой климат, что поделаешь? Рады бы перенести сюда сочинские пейзажи, но это дело — отдаленного будущего. Заходите, и ты, Федор Семенович, заходи. Все в бегах и заботах?

У безостановочного Силантьева был совсем другой голос, не тот, что звучал за дверью. На октаву выше, дробней, оживленной. Подталкивая Шубина в спину, он ввел его в кабинет, где стоял обязательный стол буквой «т» для посетителей, а в стороне длинный, по десять стульев с каждой стороны, под зеленой скатертью — стол для заседаний. Над столом висел отретушированный портрет М.С.Горбачева, а в шкафу, занимавшем всю стену, стояли тома собрания сочинений В.И.Ленина, а также размещались медали, скульптурки и вымпелы.

Силантьев был демократичен, он усадил Шубина за длинный стол, сам сел рядом, показал жестом Николайчику, где ему поместиться.

— Чай, — сказал он, — живительный напиток. Вы на западе и не знаете, как его пить надо.

В приоткрытую дверь было слышно, как звенит посудой Вера Осиповна.

— Пока еще индийский есть, — доверительно сообщил Силантьев. — Но с нового года закрываем распределитель, все товары ветеранам и в торговую сеть. Социальная справедливость. Если посетите нас в следующем году, буду угощать грузинским.

— Может, к тому времени индийского чая хватит на всех? — вставил Шубин.

— Любопытная мысль. А у вас там есть сведения? Надо расширять закупки. Наверное, вы обращали внимание, что нас, так сказать, командировочных со стажем, всегда больше всего шокирует за рубежом не то, что у них шмотки на каждом шагу. Это привычно и нас не так уж касается. А вот продовольственное изобилие! Я недавно был в Кельне. Вы бывали в Кельне?

— Приходилось.

— Заглянул я там в чайный магазинчик, как раз напротив нашей гостиницы. По крайней мере, сто сортов чаю, я не преувеличиваю. И дешево, черт их побери. Я,

знаете, чуть ли не половину командировочных ухлопал — всем привез. Да что деньги беречь — все равно копейки дают.

Вера Осиповна принесла чай и печенье на тарелке.

— Спасибо,— сказал Силантьев.— Живем мы скромно. Если бы заглянули в наш обыкновенный магазин, увидели бы, что у нас даже масло по талонам. Стыдно, стыдно людям в глаза смотреть. Но пока у нас нет изобилия, мы компенсируем его справедливостью. Помните, Вера Осиповна, какой я в апреле чай привез из ФРГ?

— Замечательный чай,— вздохнула Вера Осиповна.

Силантьев обернулся к Николайчику, который грел пальцы о чашку.

— Надеюсь, ты разработал программу нашему гостю? Твой долг обеспечить максимальную аудиторию — пусть люди встретятся, поговорят, послушают очевидца. Мы обязаны вести пропаганду на самом высоком уровне.

Николайчик вытащил из верхнего кармана пиджака еще более измявшуюся бумажку и вознамерился ее зачитывать, но Силантьев отмахнулся:

— Верю, верю, верю, пашешь, сил не жалеешь! Хорошие у нас местные кадры. Беречь надо, а мы не бережем. И платим недостаточно, и жилищная проблема находится в процессе решения.

— Василий Григорьевич,— сказал Николайчик,— вы обещали для нашего «Москвича» резину выделить. Помните?

— Что? Какую резину?

— Когда академик приезжал. Мы здесь сидели.

— Ну и хитрец ты, Николайчик, ну и хитрец! Знаешь, когда подкатиться к начальству. Сделаем, завтра Нечкину позвони.

Чай был хороший, крепкий.

— Как устроился?— спросил Силантьев.— Гостиница у нас обычная, но чисто. Правда, чисто?

Шубин хотел было сказать о мыле и туалетной бумаге, но сдержался. Откуда Силантьеву взять эту проклятую туалетную бумагу?

— Чисто,— сказал Шубин.— Только вода у вас не очень.

— Что? Вода? Какая вода?— Силантьев будто выпустил на секунду из себя другого человека, с начальствен-

ным голосом, настороженного и готового к борьбе. И тут же спохватился, загнав внутрь. — У нас много проблем. Много. Вот Федор Семенович как старожил помнит — какая вода у нас была! А в речке — каждый камешек! На любую глубину. Я ведь сам местный, из Плутова, так мы мальчишками вот таких сомов вытаскивали... Прогресс. Губим мы природу, не жалеем. Любую газету откроешь — что видишь? Уничтожение природы. Вот сейчас был у меня Гронский, директор нашего химзавода. Детище второй пятилетки. Вроде бы он мой друг и соратник, а с другой стороны, у нас с ним происходят большие споры. На него министерство давит — план! Нужна стране химия? Отвечаю — нужна! Но не за счет здоровья людей. Моя позиция бесспорна.

— А позиция завода? — спросил Шубин.

— В целом — конструктивная. Если будет у вас время, отвезем на очистные сооружения! В два с половиной миллиона обойдутся. Вернем воду нашей реке! Только не поддаваться панике и не прислушиваться к демагогам. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — сказал Шубин.

— Мы от вас ничего не скрываем. Но и у меня к вам просьба, товарищ Шубин.

— Пожалуйста.

— У вас свежий взгляд. Объективный. Я вас по-товарищески прошу: если заметите или услышите что-нибудь интересное, или, скажем, тревожное — пожалуйста ко мне! Я готов в любой момент дать разъяснения. Ночью разбудите — я ваш!

Силантьев поднялся.

— Пора идти, товарищи наши уже собрались, ждут с нетерпением человека, который здоровался с госпожой Тэтчер.

Силантьев первым шагнул по просторному коридору, как царь Петр вел сподвижников на строительство Петербурга. Ботинки у него были хорошо начищены. И подкованы. Уши прижаты, пробор уходил на затылок, и там волосы аккуратно и выверенно прикрывали начинающуюся лысинку.

На лестничной площадке курили две девицы. Они спрятали сигареты за спины. Силантьев сказал на ходу:

— Все в зал, все в зал!

Зал заседаний, некогда актовый зал гимназии, был полон. Двадцать рядов — быстро просчитал Шубин — по четырнадцать стульев. И все заняты. Девяносто процентов — женщины. Сколько же человек здесь трудится?

Некоторые начали подниматься, как перед уроком, другие принялись аплодировать. На сцене стояли три стула и микрофон. Силантьев энергичным жестом оставил аплодисменты и подошел к микрофону.

— Среди нас,— сказал он,— находится известный журналист-международник, корреспондент газеты «Известия» Юрий Сергеевич Шубин.

Последним словом он вызвал в зале аплодисменты, причем именно такой мощности, что их можно было остановить новым движением руки.

Подходя к микрофону, Шубин краем глаза увидел, как Силантьев усаживается на стул за его спиной, чтобы вместе с товарищами по работе прослушать увлекательный рассказ московского лектора, который не пожалел времени, оторвался от своих важных дел ради сотрудников городского аппарата.

Потом, уже в середине лекции, Шубин снова кинул взгляд назад, но там был лишь Николайчик — весь внимание. Стул Силантьева был пуст.

Слушали так себе, и чем дальше, тем громче становилось шуршание в зале. Шубин не был профессиональным лектором и на каком-то очередном повышении шума смешался, забыл, о чем надо говорить, и, совершенно очевидно, с силой провидца, заглянувшего в коллективную душу аудитории, понял, насколько безразличны аргентинские и бразильские проблемы и даже выборы президента в США для тех, кто сидел в зале, надеясь, что лектор уложится минут в сорок и можно будет уйти с работы пораньше. Но этот московский лектор — еще относительно молодой и внешне интересный, хоть и небольшого роста — все говорит и говорит и не соображает, да и как ему, сытому москвичу, сообразить, что еще надо бежать в прачечную, идти за ребенком в детский садик, а автобус набит и в магазине вечерняя очередь.

— А теперь я хотел бы, чтобы вы мне задали вопросы,— услышал Шубин собственный голос, что его удивило,

потому что он настолько отвлекся, читая мысли слушательниц, что забыл о себе и не слышал конца лекции, видно гладкого и ожидаемого, потому что никто в зале не заметил раздвоения лектора.

Последовала небольшая пауза, прежде чем Шубин мог позволить себе сказать: «Раз вопросов сегодня нет, то я хотел бы поблагодарить вас за внимание...» И тут поднялся сурового вида ветеран с орденскими планками и начал прокашливаться. И по залу, мгновенно охваченному негодованием к человеку, остановившему благоприятное течение событий, прокатился свирепый гул, на что Николайчик, увидя, что наступил его час, вскочил и громко произнес:

— Товарищи! Лекция еще не закончена. Каждый получит возможность задать вопрос.

Словно и в самом деле шум возник от неумного желания чиновниц засыпать Шубина вопросами.

— Нельзя ли уточнить, и поподробнее, товарищ лектор,— прогудел ветеран,— взаимные позиции Англии и Аргентины касательно Фолклендских, или Мальвинских, островов.

Зал послушно примолк, а Шубин покорно и слишком подробно принялся объяснять людям, которым и во сне не приснятся Фолклендские острова, как они были аннексированы Великобританией.

Зал шуршал, шептался и надеялся, что другого активиста не найдется. Но нашелся. Правда, в несколько ином облике.

Когда человек с планками начал прокашливаться, подготавливая новый вопрос, резко вскочила женщина, из породы крикливых, простоволосых любительниц правды-матки.

— Вы нам вместо Аргентины скажите,— выкрикнула она,— как в Москве обстановка с водой? Долго еще будем детей травить?

Зал сочувственно зашумел. Шубин не знал, что ответить, но ответил Николайчик.

— Я просил,— грозно сказал он,— задавать вопросы по сути дела, а не отвлекаться. И если вопросов по сути нет, то Юрий Сергеевич закончил лекцию.

В зале сразу стали вставать, потянулись к дверям, загалдели, и ни один человек не взглянул более на сцену.

Николайчик был огорчен.

— Не ожидал такого выпада в этих стенах. Но вы не расстраивайтесь. Вечером будет совсем иначе, люди за свои деньги придут.

— Я не сомневаюсь,— сказал Шубин.

Шубин попал в поток женщин, они расступались, одна сказала спасибо, что приехали. Чья-то рука дотронулась до его пальцев — Шубин почувствовал, что ему передают сложенный лист бумаги. Хотел положить его в карман, но Николайчик заметил и спросил:

— Что это вам дали?

— Записку,— сказал Шубин.

— Можете отдать ее мне,— сказал Николайчик.— Вам она не нужна.

— Не беспокойтесь,— сказал Шубин.— Я собираю записки.

До вечерней лекции в ДК «Текстильщик» оставалось еще часа три. «Москвича» не было. Шубин сказал, что дойдет до гостиницы сам. Николайчик обрадовался — сказал, что жена ждет обедать, а его язве нужна диета. И они попрощались.

Возвратясь в гостиницу, Шубин попросил у горничной чаю, достал купленную утром булку и устроил себе скромный диетический обед. Потом вспомнил о записке и достал ее из кармана.

Там было написано:

«Как можно рассуждать о Мальвинских островах, когда у нас в городе такое тяжелое положение, но обратиться совершенно некуда. Скажите, чтобы к нам прислали корреспондента. Городу буквально угрожает опасность, она исходит от деятельности химзавода и биокомбината. В один прекрасный день они устроят у нас эпидемию, а пока они медленно убивают наших детей, но никто не обращает внимания».

Подписи не было.

Шубин оставил записку на столе. Городов, где плохой воздух и вонючая вода, немало. Все на свете относительно: ему, Шубину, хочется снова пожить в Швейцарии, а этим людям Москва кажется недосыгаемым раем.

Он подошел к окну. Темнело. По небу, озаренному ро-

зовым зимним закатом, тянулись горизонтальные полосы неестественного анилинового цвета.

В комнате было душно, Шубин, забыв о городских ароматах, приоткрыл окно. Потом захлопнул его.

Шубин решил вздремнуть.

Проснулся он от того, что в комнате стояла Эля.

— Что?— спросил Шубин, открывая глаза.— Пора?

— У вас лицо выразительное,— сказала Эля.— У меня брат художник, Гера, на кладбище работает, на плитах вырезает буквы и венки. Хотите, к нему поедem, он вас нарисует, лады?

Шубин рассмеялся. Он вскочил, стараясь сделать это легко и молодо. И сразу оказался рядом с Элей — номер был мал. Она подняла глаза и посмотрела на Шубина внимательно и серьезно. Руки сами притянули ее за плечи. Эля послушно сделала шаг вперед. Ее губы чуть разошлись, как бы ожидая поцелуя, и поцелуй получился долгим, как будто не первым, а тем, десятым, сотым, от котсрого одно движение до близости. Рукам Шубина было неловко прижимать к себе скользкую кожу куртки.

Эля вдруг оттолкнула Шубина. И сказала, будто процитировала:

— Не время и не место.

Сам поцелуй не вызвал в ней удивления или сопротивления.

— Извини,— сказал Шубин.

— А чего извиняться. Я заводная. Если бы не кожан, вы бы почувствовали. Пошли, а то Федор Семеновича инфаркт хватит.

Она пошла к двери первой. Шубин натягивал аляску и смотрел на волосы Эли, очень густые, черные, прямые. Восточные волосы. А лицо русское.

— Волосы у тебя красивые,— сказал Шубин, выходя в коридор.

— Это раньше были красивые,— сказала Эля.— Я химию делала. А когда на машине стала работать, обрезала. И не жалко.

Дежурный с красной повязкой у двери поднялся, когда Шубин поравнялся с ним. Открыл дверь. Какое тупое, злое лицо, подумал Шубин.

— Он всегда так? — спросил Шубин.
— Ну что вы! Он в людях разбирается. Другого и не заметит.

— Или его предупредили?

— О чем предупредили?

— Что приехал ревизор, остановился в гостинице.

— Да какой вы ревизор?

— Вот и я говорю. А что, не похоже?

— Ревизоры разные бывают. Если вы ревизор, то секретный. Но вы даже не секретный.

— Почему?

— А потому что целоваться с шофершей не полезли бы. Ревизоры свое место ценят. Если надо, им доставят какую следует. Без риска. С керамическими зубами.

Шубин улыбнулся.

Он сел рядом с Элей на переднее сиденье. Она долго заводила машину, мотор взрывался шумом и тут же замолкал.

— А еще ревизоры, даже секретные, не садятся рядом с водителем, — сказала она поучительно. — Люди на мелочах попадают.

— Как шпионы, — сказал Шубин.

Он смотрел на ее профиль, который ему очень нравился. Он был четкий и логичный.

— Не смотрите, — сказала Эля. — А то никогда не забуду.

Машина все же завелась и, разбрызгивая снежную жижу по асфальту, развернулась к центру.

— Расскажи мне про общество защиты природы.

— Про зеленых?

— Они себя так зовут?

— Нет, это их так зовут. У нас в городе сейчас обществ посоздавалось — не представляете. Я даже не все знаю и разницу не понимаю. Есть «Память», потом «Мемориал», эти хотят памятник жертвам сталинских репрессий ставить, потом «Отечество» и еще «Родина». Ну, конечно, «Зеленые», а в пединституте — политический клуб. Смешно, правда?

— Это везде происходит, — сказал Шубин.

— У вас это, может, и серьезно, а у нас их всерьез никто не принимает. Все равно власть не у них.

— А ты сама принадлежишь к какому-нибудь обществу?

— Вы с ума сошли! Мне работать надо. Митьку кормить.

— Кого?

— У меня сын есть, в садик ходит.

— Вот не думал...

— Мне уже двадцать пять, вы что думали? Девочка?

— А муж?— Шубину стало неловко — командировочный козел! Мужчина в сорок лет...

— Не беспокойтесь...— улыбнулась Эля.— Нет у меня мужа. В Томске мой муж строит новую семью. Выгнали мы его с Митькой. Так что я женщина свободная, люблю кого хочу.

Эта бравада была Шубину неприятна.

— Мне бы от получки до получки прокрутиться, не до фарфоровых зубов. Я у Федора Семеновича как личный лакей — туда, сюда, подай, привези. На себя некогда пахать. Вот и крутимся на полторы сотни в месяц.

— А он помогает ребенку?

— Он бы себе помог.

«Москвич» резко затормозил у подъезда безликого желтокирпичного клуба. Машину занесло по грязи. Эля матюкнулась сквозь зубы. Может быть, нечаянно, а может, специально для Шубина.

— Идите,— сказала она.— Вас в дверях встретят.

Она осталась в машине и не смотрела на Шубина, будто была обижена.

Шубин поднялся по лестнице. Суетливая женщина в школьном платье с белым кружевным воротничком ждала его у вешалки.

— Вам не здесь раздеваться,— сказала она.— Вам, Юрий Сергеевич, в кабинет директора.

Сейчас скажет, подумал Шубин, что видела меня позавчера по телевизору.

Но обошлось. Они прошли через буфет, где стояла длинная очередь. Шубину было ясно, что этим людям никак не управиться до начала лекции. Они будут входить и стучать стульями во время ее. В кабинете директора было натоплено, на столе стоял чай и домашние пирожки, которые, как выяснилось, испекла женщина в

школьном платье. Николайчик уже восседал за столом и жевал бутерброд с ветчиной.

— Подкрепитесь,— сказал он наставительно.

— Уже надо идти.

— Подождут.

Шубин хотел было возразить, но тут понял, что страшно голоден и совершенно неизвестно, когда удастся поесть в следующий раз. Пригласили, водят по кабинетам, а чтобы покормить — это в голову не приходит.

Он уселся за стол и стал жевать бутерброд. В кабинет заглядывали какие-то люди, будто узнали, что привезли редкое животное. Скорей бы домой. Вода в жидком чае противно пахла. Шубину показалось, что этот запах будет теперь преследовать его везде.

— Вода у нас, можно сказать, целебная,— сказал Николайчик.— Я смотрел сводку — по химическому составу она содержит многие полезные микроэлементы. Правда, приходится жертвовать вкусовыми данными.

— Лучше бы без микроэлементов,— сказал Шубин, и Николайчик послушно засмеялся.

Зал был почти полон, и это немного примирило Шубина с жизнью. Он сел за столик рядом с Николайчиком, который принялся по бумажке вычитывать краткую биографию гостя. Звучало солидно. Шубин хотел найти в зале Элю, но свет в зале был притушен, только первые ряды на свету. Если она пришла, она где-то у выхода. Нет, сказал себе Шубин, она сейчас пользуется возможностью подработать. Ловит клиентов на вокзале.

Шубин старался говорить интересно, ему надо было почувствовать зал. Важно почувствовать, что тебя слушают. Зал был благожелательный. Люди купили билеты, то есть сознательно отдали ему вечер, и Шубин честно хотел отработать полтинник, который каждый из них заплатил.

Слушали хорошо, потом были вопросы. Так как зал был велик, вопросы передавали в записках из ряда в ряд, а потом мальчик, сидевший в первом ряду, бежал к сцене, поднимался на цыпочки и клал их в картонную коробку, что стояла на краю сцены. Николайчик поднимался, шел к коробке, вытаскивал очередную партию записок, нес к

столику и, прежде чем отдать Шубину, прочитывал их, раскладывая на две стопки,— та, что поближе к Шубину, предназначалась для ответов, а та, что оставалась под рукой у Николайчика, предназначалась черт знает для чего.

Шубин отвечал, поглядывая на все растущую стопку под рукой Николайчика, и его подмывало вытащить записки у организатора. Ему было неприятно, что кто-то решает за него.

Когда Николайчик в очередной раз отошел, Шубин протянул руку к забракованным запискам и спросил в микрофон:

— А на эти отвечать можно?

В зале засмеялись. Потом раздались аплодисменты.

Николайчик вернулся к столу и сказал не в микрофон:

— Это все повторения. Те же вопросы. Я не хотел ваше время отнимать.

Шубин не поверил ему и потянул записки к себе. Николайчик сдался, но добавил при этом:

— Но есть такие, которые к вам не относятся.

— А вот это мы сейчас и посмотрим,— сказал Шубин в микрофон.

— Читайте, читайте!— кто-то крикнул из зала.

Шубиным владело сладкое мстительное чувство презрения сильного к провинциальному бюрократу, который посмел поднять руку на его свободу.

Он раскрыл верхнюю записку и прочел ее вслух:

— «Вы женаты?»

Зал после короткой паузы расхохотался. Даже Николайчик смеялся удовлетворенно. Шубин сказал:

— Это к делу не относится.— Ответ был неудачен, и зал продолжал смеяться.

Шубин достал другую записку.

— «Как решается проблема с нитратами в овощах в других странах?»— Шубин начал отвечать, и зал слушал зачарованно, так как это всех интересовало. Шубин поглядывал на Николайчика, который нервно зевал. Ему очень хотелось кончить эту лекцию, но Шубин в союзе с залом продолжал его злить.

Следующая записка:

— «Какие меры принимаются в Японии или Америке

по отношению к заводам, травящим население? А то у нас химзавод и биокомбинат травят нас, как мышей. А разве мы полевые вредители?»

— Это провокационный вопрос и не имеет отношения к международной обстановке,— сказал Николайчик, и зал зашумел.

— Ничего,— сказал Шубин.— Я отвечаю. Как я понимаю, эта проблема остро стоит в вашем городе.

— Еще как!— крикнули из третьего ряда. Шубин поглядел в ту сторону и увидел сидевших рядом бородатого Бориса и очкастую Наташу из книжного магазина.

— Помимо государственных органов, которые обязаны следить за окружающей средой и которые независимы от местных властей, в европейских странах существуют сильные общественные организации, которые могут влиять на производителей. Губить природу предприятиям там стало экономически невыгодно. Слишком дорого это обходится.

— А у нас он платит из государственного кармана!— крикнул Борис, поднимаясь, словно в римском сенате, и указывая перстом на неизвестного Шубину человека в черном костюме, который сидел в первом ряду.

— Спокойно!— кричал в микрофон Николайчик.— Спокойно, товарищи! Мы не на базаре!

Человек в черном костюме поднялся и пошел к выходу.

Борис с Наташей из книжного магазина ждали Шубина у выхода. Шубин знал, что они будут его ждать. После ухода человека в черном костюме, оказавшегося «товарищем Николаевым», ввергнувшего Николайчика в глубокое прискорбие, вечер быстро закрутился, так как Николайчик пошел на предательский шаг, сразу выбивший почву из-под ног общественности. Он встал и громко напомнил собравшимся, что после лекции назначен британский кинофильм, а механик не может ждать до полуночи. Шубину бы обидеться, но стало смешно, и к тому же он уже понял, что Борис с Наташей будут его ждать. Еще несколько минут назад он и не помнил об их существовании, да и не трогали его их заботы. Не потому, что Шубин был особо бездушен — он был равнодушен в меру, фаталистически полагая, что химзавод и дальше будет травить воздух, пока не прорвется этот город со

своими бедами на телевидение или в центральную газету, тогда придет какая-нибудь комиссия, и фильтры в конце концов построят.

— Значит так,— сказал Николайчик, когда они вышли за кулисы,— в будущем нам с вами придется быть несколько осторожнее.

Он уже овладел собой и старался быть дипломатичным.

— Я не совсем понимаю,— сказал Шубин.— Мне кажется, что встреча прошла интересно.

— Юрий Сергеевич!— сказал Николайчик.— Вы приехали, вы уехали. Нам здесь оставаться. Обстановка напряженная, есть провокационные элементы, которые совершенно не думают о реальных интересах города. Легко быть крикуном. Сложнее — созидателем.

— Вы серьезно?

— Я не сторонник демагогии,— сказал Николайчик твердо.— И не нам с вами решать, как помочь моему родному городу. Есть более решительные силы. А этим силам ставят палки в колеса. Неужели вы думаете, что Василий Григорьевич не принимает близко к сердцу то, что происходит?

— Значит, митинга завтра не будет?— спросил Шубин.

Они зашли одеться в кабинет директора, где к ним кинулась женщина в школьном платье и принялась благодарить Шубина за замечательную лекцию. Она пошла их провожать, но Шубин и Николайчик быстро пошли вперед, и женщина не посмела держаться рядом.

— Что вы знаете о митинге?— спросил Николайчик.

— Все о нем говорят.

— Вот это лишнее. Все не говорят. Вы получили эту информацию со стороны. И даже интересно, откуда.

— Так будет или не будет?

— Я не милиция,— сказал Николайчик.— Но хотите знать мое личное мнение?

— Я его знаю.

— Да?

— Вы бы на месте Силантьева обязательно запретили этот митинг, который не отвечает высоким интересам города и нашего социалистического государства в целом.

— Примерно так,— согласился Николайчик.— А вы со мной не согласны?

— Категорически.

— Интересно, это ваше личное мнение?

— Нет,— ответил Шубин.— Я его согласовал в Москве.

Николайчик проглотил слюну. За спиной тихо ахнула женщина в школьном платье. Они уже вышли в вестибюль. Шубин увидел открытую дверь в буфет. Там все так же стояла длинная очередь.

Николайчик резко обернулся к женщине в школьном платье:

— Простите, я забыл позвонить в клуб химзавода о завтрашнем выступлении. Где телефон?

— Я вас провожу.

— Юрий Сергеевич,— сказал Николайчик официальным голосом.— Если вы согласитесь подождать три минуты, буквально три минуты, я вас завезу в гостиницу.

— Не беспокойтесь, звоните спокойно,— сказал Шубин.— Ведь не исключено, что завтра клуб химзавода закроется на ремонт.

— Как так?

— И моя лекция будет отменена по техническим причинам. Так бывает.

— Я бы этого не хотел.

— До свидания. Я пойду пешком.

Николайчик засуетился. Он разрывался между долгом отвезти домой Шубина и чувством долга, велевшим доложить кому следует о странной фразе московского журналиста.

Шубин пошел к двери, но Николайчик догнал его.

— Я хотел сегодня вас пригласить к себе,— сказал он,— но моя жена прихворнула. Если позволите, давайте перенесем нашу встречу на завтра. Жена мечтает с вами познакомиться.

— Разумеется,— сказал Шубин.— Я буду счастлив.

Борис и Наташа ждали его у выхода. С ними еще два человека.

— Мы хотели бы с вами поговорить,— сказала Наташа.— Вы извините, если вы устали.

— Одну минуту,— сказал Шубин.

Эля стояла возле машины. Шубин подошел к ней.

— Я пойду до гостиницы пешком,— сказал он.
— Я была в зале,— сказала Эля.— Вы интересно выступали. А где Федор Семенович?

— Я ему сказал, что у меня особое задание. Из Москвы.

— Он звонить побежал?— сказала Эля.

— Ты его хорошо знаешь?

— Как же не знать! Третий год с ним работаю. Только вы на него не сердитесь. Он от них зависит.

— Я ни на кого не сержусь. У тебя телефон дома есть?

— Нет. А зачем?

— Я думал позвонить тебе вечером. Попозже.

— Позже некуда. Девятый час.

— Ну тогда до завтра.

— Вы с ними гулять пойдете?

— До гостиницы.

— Тогда идите скорей. А то Федор Семенович сейчас выскочит, увидит вас в такой компании — испугается.

— За меня?

— За себя. Чего ему за вас пугаться? Вы сами за себя пугайтесь.

— Спасибо за предупреждение.

— Долго не гуляйте,— сказала Эля.— У нас беспокойно. На химии эки расконвоированные работают. А у вас куртка импортная.

Шубин поспешил к четырем темным фигурам, стоявшим возле выхода.

— Пошли?

Борис был без шапки — его космы и не уместились бы под шапку. Два других человека представились ему. Один был пожилой, с бородой клинышком. Такие бородки давно не в моде — они неизбежно вызывают представление о владельце, как о человеке с оппортунистическими взглядами. В революционных фильмах владельцы таких бородок предают дело рабочего класса. Бородку звали Николаем Николаевичем Бруни. Второй, молодой, в ватнике и железнодорожной фуражке, буркнул что-то, протягивая Шубину жесткую ладонь. Шубин не разобрал имени.

Они спустились к пустому скверу.

— Мы хотим вам нашу реку показать,— сказала Наташа.

— Только давайте договоримся с самого начала, чтобы не было никаких неожиданностей,— сказал Шубин.— Я не агент Москвы, не тайный ревизор. Это все недоразумение.

— А мы и не думали,— сказал Борис.— Это те, кто боятся, они легко верят всякой чепухе. Вы типичный благоустроенный международник. Наверное, «вольво» привезли?

— У меня «Жигули»,— сказал Шубин без обиды.

— Боря, не цепляйся к человеку,— сказала Наташа.

Начало подмораживать, было скользко. Они миновали сквер, уставленный мокрыми черными стволами. Две или три лампочки на столбах горели, остальные перегорели или были разбиты. По краю сквера тянулась тропинка, от которой шел скат к неширокой речке. От нее плохо пахло.

За речкой тянулись темные склады. Дальше торчали усеянные светящимися квадратиками жилые башни, а за ними несколько труб, изрыгавших в беспокойное небо светлые клубы дыма.

— Это не вода,— сказал Бруни.— Это жидкость замедленного действия.

Вода в реке была черной, но странно отражала огни домов и завода на том берегу — они мерцали в воде, потому что по ее поверхности плыли обрывки желтоватого, почти прозрачного тумана.

— Это еще что такое?— спросила Наташа, и все ее сразу поняли.

— Я постараюсь прийти сюда завтра,— сказал Бруни,— чтобы разобраться.

— И пахнет иначе,— сказал Борис.— Еще гаже, чем всегда.

— Это у тебя нос слишком большой,— сказал парень в ватнике.

— В самом деле — пахнет иначе,— подтвердил Шубин.— Я тут человек новый, еще не принялся.

Запах был тревожным и удушающе мертвым. Даже нельзя было сказать, насколько он неприятен, потому что ноздри отказывались пропускать его в легкие.

— Наша беда в том,— сказал Бруни,— что инспекция и химики отказываются изучать сбросы в сумме воздей-

ствия, во взаимной активности. Сброс может быть умеренно гадким сам по себе и убийственным в соединении с каким-то вполне нейтральным веществом.

— Пошли отсюда,— сказала Наташа и закашлялась.

Когда они вернулись в сквер и дышать стало легче, Шубин спросил:

— Но почему вы не пишете, не скандалите?

— Завтра будем снова скандалить. А нас разгонят,— сказал парень в ватнике.— Я уже отсидел пятнадцать суток.

— За что?

— Они узнали, что я у брата на свадьбе был. На обратном пути подстерегли. Пьянство и хулиганство.

— Я уверен, что наши письма и обращения доходят,— сказал Бруни.— Но потом, как у нас положено, их отправляют снова на круги своя — в обком, к нам в город, на завод. И получаем отработанные тексты. У нас выработалась замечательная система медленного нереагирования.

Они отвели Шубина в маленькое, жаркое, набитое нарядом кафе. В углу гремел телевизор, показывая видеофильм про Микки Мауса. Парень в ватнике сумел вытеснить с одного из столиков девушек с дикими прическами. Наташа с Борисом принесли жидкий, но горячий кофе.

— Кофе приходится класть втрое больше,— сказал Бруни,— чтобы отбить у воды этот вкус.

— Я его убью,— сказал Борис.

— Кого?

— Главврача городской больницы. Он выступил со статьей, где доказал, что сочетание микроэлементов в нашей воде полезно для здоровья.

— Я уже слышал об этом,— сказал Шубин.

— От Николайчика?— спросила Наташа.

— Здесь все друг друга знают?

— Нет, далеко не все, но есть ряд известных фигур,— сказала Наташа.— Например, Боря.

И Шубин уловил в ее голосе нежность. Неужели можно испытывать нежность к этому чудищу?

— Наш город численно разросся,— сказал Бруни.— В нем более ста пятидесяти тысяч человек. Но это в основном жители заводских районов — стандартных кварта-

лов. Вы их видели, когда с аэродрома ехали. И шанхайчиков, где обитают бичи, бомжи, прочая подобная публика.

— А еще зона,— сказал Борис.

— К сожалению, на заводах мало интеллигенции,— сказал Бруни.— Большой частью это люди случайные. Они не укореняются здесь. Да и не хотят. Город невыгодный. Коэффициентов нет, климат паршивый, вонь, скучно, холодно. Стараются уехать.

— Нет, ты не прав, есть хорошие ребята. На биокombинате политический клуб организовали,— сказала Наташа.

Шубина начало клонить в сон. Тепло, душно, перед глазами прыгает Микки Маус. Обычные милые, несчастные люди, которые хотят что-то сделать, но сделать не могут. А завтра их разгонит милиция. И поделом, не вставай на пути сильных мира сего...

На самом деле Шубин так не думал. Он как бы проигрывал чужую, не свою роль, за неимением своей... Он уедет, они останутся.

— А что, становится хуже?— спросил Шубин, потому что от него ждали вопроса.

— Разумеется. Все процессы такого рода необратимы. Если их не пресечь, они дают лавинообразный эффект,— сказал Бруни.

— Николай Николаевич работает в пединституте,— сказала Наташа.— Он биолог.

— Вы читали про Черновцы?— спросил Бруни.— У нас тоже были случаи выпадения волос. Родители напуганы.

— И что же?

— Наши медики считают, что таких случаев нет. Все в пределах нормы.

— Еще кофе будете?— спросила Наташа.

— Нет, спасибо,— ответил Шубин. Он вспомнил, что в чемодане у него початая банка бразильского кофе. Вернется, выпьет.

— Положение ухудшается,— сказал Бруни. У него была манера осторожно пощипывать себя за конец бородки, будто пробуя ее на крепость.— Первый фактор,— продолжал Бруни,— введение в строй третьей очереди на комбинате. Они так спешили, что добились отсрочки

ввода очистных сооружений до весны. А существующая система не справляется.

Бруни говорил ровно, тихо, Шубин подумал, что на его лекциях все спят. Особенно если это первая лекция, за окном еще полутемно, а в аудитории уютно и тепло. И все спят.

— Второй и важный фактор — стоки комбината и стоки химзавода перемешиваются в бывшем озере...

— Именно в бывшем. Лет десять назад в нем еще купались, — сказала Наташа. — Знаете, как оно называется? Прозрачное. Честное слово, это как издевательство.

Бруни терпеливо дождался, пока Наташа замолчит, и продолжал:

— Вряд ли вам, как неспециалисту, что-либо даст перечисление трех компонентов, которые, вступая между собой в возможную реакцию, дают куммулятивный эффект. Достаточно знать химию в объеме вуза, чтобы понять, насколько это может быть опасно. Представьте себе...

Бруни начал пальцем рисовать на столе направление стоков к озеру и называть химические соединения, которые определенным образом реагируют друг с другом. А Шубин представил себе, что он сидит на той самой утренней лекции, а Бруни стоит где-то далеко, на трибуне, и голос его долетает издалека. Все тише и тише...

Только бы никто из них не догадался, что он засыпает. К счастью, все слушали Бруни и не глядели на Шубина.

— Это может случиться сегодня, завтра, через неделю. Но случится обязательно, — закончил лекцию Бруни.

— Но если вы считаете, что положение такое опасное, — сказал Шубин, просыпаясь, — почему вы не послали телеграмму, письмо...

— Есть указание: не выпускать порочащую информацию из города, — сказал Борис.

— Передайте письмо с проводником поезда.

— Письмо без убежденного человека — полдела.

— Так поезжайте в Москву.

— Нас никто слушать не будет.

— А кого будут?

— Вас, Юрий Сергеевич! — воскликнула Наташа

— Но почему же?

— Вы известный журналист! У вас друзья в газетах, на телевидении! Вы обязаны нам помочь!

Шубину не хотелось спорить — в полутьме эти люди казались группой не совсем нормальных заговорщиков, которые обсуждают с приезжим эмиссаром взрыв городской думы. Чепуха какая-то...

— У вас получается, что городом правят изуверы,— сказал Шубин.

— Ни в коем случае,— сказала Наташа.— Они поставлены в такое положение обстоятельствами.

— Гронскому нужен план,— сказал парень в ватнике.

— Его в Москву зовут, главк дают в Москве. Ему надо уехать победителем,— добавил Борис.

Шубин кивнул. Возможно.

— У Силантьева шестидесятилетие,— сказала Наташа.— Он хочет получить орден.

— У других тоже всякие соображения,— сказал парень в ватнике.— Николаев с биокомбината, которого Боря на вашей лекции обидел, хочет спокойной жизни.

Правдоподобно, конечно, все это бывает — и ордена, и перевод в Москву. Но мои друзья склонны к преувеличениям, думал Шубин. У нас в стране нет пока общественных движений или даже клубов по интересам. Все немедленно приобретает элемент религиозной секты. Секта сыроедов, секта водопитов, секта любителей собирать малину. Вокруг меня очередная маленькая секта — они объединены противостоянием «машине», по-своему отлаженной и сплоченной. Чем острее противостояние, тем слаще терзаться мученичеством. Конечно же — это ранние христианские мученики! И если завтра их выкинут на съедение дружинникам, они пойдут на смерть с определенной гордостью.

— Не думайте, что мы преувеличиваем,— сказал Бруни.

— Я не думаю.

— По глазам видно, что думаете. Мы имеем дело не со злым умыслом, даже не с аппаратно-промышленным заговором, а с сетью побуждений, поступков и интересов, которые в сумме угрожают нашему городу.

— Притом они сейчас страшно нервничают,— сказала

Наташа. — Завтра должен состояться наш митинг. Придут люди. Надо разгонять.

— И тут приезжаете вы, — сказал парень в ватнике.

— Я совершенно ни при чем, — сказал Шубин.

— Мало ли что? У всех перепуганных людей развито воображение, — сказал Бруни. — А вдруг до Москвы что-то дошло? А вдруг вы получили тайное задание проверить, как здесь пахнет воздух. Черт вас знает.

— Спасибо. Но они ошиблись.

— Мы тоже думаем, что они ошиблись, — согласился Бруни, дергая бородку за хвостик.

— С первого взгляда видно, что перед тобой благополучный международник с телевизора, — сказал Борис.

— Что вам далось мое благополучие?

— Бедных всегда раздражает богатство, — сказал Борис. — Из-за этого было столько революций!

— А я думал, что не я — ваш главный враг.

— А я думаю, — повторил Борис начало шубинской фразы, — что живи вы здесь, то были бы с ними. Вообще, вы очень похожи на редактора нашей газеты.

— Мне уйти? — сказал Шубин.

Ему и в самом деле хотелось уйти.

— Не надо всерьез обижаться на Бору, — сказал Бруни. — Его несдержанность — его беда. В побуждениях он чист.

— В самом деле пора, — сказал Шубин.

Он встал. Остальные покорно поднялись, и в их молчании были укор и разочарование. Шубину стало неловко.

— Значит, вы хотите, чтобы я завтра пришел на митинг? — спросил он.

— Нет, это не главное, — обрадовалась Наташа. — Главное — чтобы вы взяли письмо в Москву и отдали его честному журналисту.

Они протолкались к выходу. Кафе было полно. Вокруг толпились подростки, одетые и причесанные с провинциальной потугой на телевизионную рок-моду. Все были заняты друг другом.

— А им и дела нет, — сказал вдруг парень в ватнике, словно угадав мысль Шубина.

Они остановились перед выходом из кафе. Неоновая надпись бросала красные блики на лица заговорщиков.

— Мы вас проводим до гостиницы,— предложил Бруни.

— Далеко?

— Нет, три квартала.

Они повернули направо. Шубин понимал, что одного его не отпустят. Ну что ж, потерпим их общество еще пять минут.

— Мы с вами расстанемся на углу,— сказал Бруни.— Может быть, за вами наблюдают. Вы возьмете письмо?

— Возьму.

— Его передаст вам Наташа, если вы зайдете в книжный магазин.

— Зачем такая конспирация?— улыбнулся Шубин.

— Вы знаете, наверное,— сказал Бруни,— на что способны испуганные люди, облеченные властью.

— На что же?

— Вас могут скомпрометировать. Это лучший способ избавиться от опасного свидетеля.

— Меня трудно скомпрометировать.

— Трудно?— ухмыльнулся парень в ватнике.— Вот, видишь, ребята идут? Устрают драку. Попадем в милицию, а потом доказывай, что ты не верблюд. Даже фельетон сообразят: «Общественники — хулиганы».

Шубина вдруг кольнул страх. Бывает — ничего не случилось, ничего и не должно случиться, а в сердце неожиданный сбой. Осознание того, что ты очень далек от дома, где твои права кто-то охраняет и можно в крайнем случае кому-то позвонить... А здесь свой мир, и им правят не эти ничтожные, хоть и отважные заговорщики, а уверенный в себе Силантьев и послушный ему Николайчик.

И Шубин стал присматриваться к двум ребятам, что, видно, шли к кафе, и дела им не было до кучки людей, двигавшихся навстречу. Они были в подпитии и чуть покачивались. Поравнявшись с ними, Шубин невольно шагнул в сторону, чтобы не задеть ближнего к нему парня. Парни прошли мимо, ничего не случилось, но гадкое чувство близкого страха осталось.

И тут Шубин услышал сзади голос:

— Сколько времени?

Шедший там, за спиной, Бруни ответил:

— Четверть десятого.

Шубин продолжал идти вперед, не оглядываясь, и следующие слова донеслись издали:

— Ты не уходи, папаша, не спеши, закурить найдется?

— Я не курю, — сказал Бруни.

— Он не курит? — послышался удивленный голос второго парня.

— Отстаньте! — это голос Наташи.

Тогда Шубин обернулся.

Один из ребят тащил за рукав Наташу, второй отталкивал Бруни.

Борис кинулся назад, а парень в ватнике остановил Шубина, который рванулся было на помощь.

Теперь страха не было. По крайней мере, их трое мужчин, даже если не считать Бруни и Наташу.

Второй пьяный отпустил Бруни и встретил Бориса ударом в лицо, которого тот не ожидал. Шубин видел, как голова Бориса дернулась, как он пошатнулся и протянул руку к стене дома, стараясь удержаться на ногах.

— Да погоди ты! — рывкнул Шубин, вырываясь у парня в ватнике и кидаясь на того, кто ударил Бориса. Он ударил его, но удар пришелся в плечо куртки и скользнул, а пьяный отклонился в сторону и успел бы ударить Шубина, но тут его перехватил парень в ватнике. Они сцепились и превратились в одного темного, толстого, качающегося и рычащего человека, а тот, что держал Наташу, отшвырнул ее в сторону. Наташа упала, и Шубин увидел в его руке нож. Может, даже не увидел — было почти совсем темно, но почувствовал, что у него в руке нож.

— Осторожнее! — крикнул Шубин. — Нож!

Где-то на периферии зрения Шубина замелькало синим, но он не мог обернуться — он смотрел на руку, в которой был нож.

Взвизгнула сирена.

— Милиция! — закричала Наташа.

Шубин видел, как она поднимается с мокрого снега, скользит и тянется на мостовую, поднимая руку, призывая на помощь.

И в этот момент неподвижности парень в ватнике крикнул в самое ухо Шубина:

— Бегите! Там двор! Бегите!

Сирена приближалась. Один из пьяных, тот, что с ножом, начал отступать, но отступал он не спеша, один шаг, другой. И тут Шубин увидел, что он кинул нож,— тот рыбкой блеснул под далеким фонарем и упал у ног Бориса.

Парень в ватнике резко рванул Шубина к стене дома. Шубин упирался, но молчал. Парень был сильнее.

Шубин не понял, как получилось, что он уже стоял в арке, где было совсем темно. И парень в ватнике быстро шептал:

— Поверни направо и выйдешь к гостинице. И прямо в свой номер.

— Но мы ничего не делали.

— Беги, идиот!— прошипел парень в ватнике.— Разве не понимаешь: московский журналист участвует в пьяной драке...

Визжали тормоза. Засвистел милицейский свисток.

— Беги же!

И Шубин послушался. Он побежал в арку, по белому снегу между корявых кустов. Ударился о ствол дерева. Остановился, чтобы понять, куда бежать дальше, и взгляд его метнулся назад, к арке, подобной черной овальной раме для картины: в ней маленькая фигура парня в ватнике отбивалась от милиционера, не пуская его во двор.

И тогда до Шубина дошло, что это все охота, охота за ним, чистым, законопослушным, недавно вернувшимся из Аргентины корреспондентом газеты «Известия».

И он побежал прочь от арки.

Оказавшись шагов через сто в узком переулке, Шубин перешел на шаг, чтобы выглядеть человеком, который от нечего делать фланирует по улицам города, потому что он знал, что именно таким образом обманывают погоню киногерои. Сзади слышались голоса — невнятные, но угрожающие. Улица была пуста, и спрятаться было негде. Напротив стоял одноэтажный дом за высоким деревянным забором. В заборе была дверь. Шубин скользнул внутрь и, прикрыв дверь, прижался к ней всем телом, глядя наружу через узкую щель между досок.

Из двора, который он только что миновал, выбежали два милиционера.

Они бежали тяжело, скользили, шинели путались в ногах. В переулке милиционеры остановились, стали смотреть — сначала направо, потом налево.

Сейчас они посмотрят на забор и догадаются, понял Шубин. Он начал осторожно продвигаться в сторону от двери.

Сзади хлопнула входная дверь дома. Яркий прямоугольник света упал на снег и достиг ног Шубина. Шубин обернулся. На крыльце черным силуэтом на фоне желтого света стояла женщина. Она прикрывала глаза ладонью, вглядываясь в темноту.

— Это кто там? — спросила она.

А милиционеры слышат, понял Шубин. Они все слышат. Он чуть было не сказал женщине: «Тише».

Но сдержался. Он неподвижно стоял животом к забору, повернув голову так, чтобы видеть дверь. На улице было тихо. Возможно, милиционеры подкрадываются к калитке.

Вдруг стало темно. Хлопнула дверь. То ли женщине стало холодно, то ли она решила, что шум ей померещился.

Шубин понял, что жутко вспотел. Пот катился по спине и животу. И лоб мокрый. Он провел рукой по лбу и понял, что потерял кепку, отличную английскую кепку. И где — не помнит.

Шубин расстроился. И сам удивился тому, что в такой момент может расстраиваться из-за кепки.

Он снова взглянул в щель. Улица была пуста.

Но это могло быть хитростью милиционеров. Он решил подождать. Он сосчитал до ста, потом принялся считать снова. Сначала до ста потом до пятисот. К третьей сотне он страшно замерз.

Ну черт с вами, сказал он себе с ожесточением, будто стараясь рассердиться. Он широким жестом распахнул калитку и вышел, медленно воображая разговор с милиционерами, что выскочат сейчас из-за угла большого дома. «Да, я гулял, я ничего не видел, а во двор зашел облегчиться. Простите, у меня слабый мочевой пузырь, а в вашем городе нет общественных туалетов».

Не прерывая этого внутреннего монолога, Шубин вышел на улицу и, мысленно представив план города, направился направо, в сторону вокзала.

Почему-то лицо мерзло. Он снова провел по нему, полагая, что это пот, но пальцам было липко. Бровь над правым глазом была рассечена. Шубин не мог вспомнить, когда это случилось — вроде бы его никто не бил. Он нагнулся, набрал пригоршню снега и приложил снежок к брови.

Шубин долго шел по плохо освещенным переулкам, почти никого не встречая. Город ложился рано, закрывался в своих ячейках у телевизоров.

Затем неожиданно, с непривычной стороны, вышел на вокзальную площадь и увидел гостиницу сбоку, отчего не сразу узнал ее.

Он словно оказался в другом городе — шумном, громяющем поездами, шуршащем автобусами и машинами, что подъезжали к вокзалу, перекликающемся голосами.

Видно, пришел поезд — на остановках и у стоянки такси толпились люди.

Встретив удивленные взгляды respectableй парочки, которая почему-то вышла на вокзальную площадь гулять с пуделем, он вспомнил, что все еще держит у брови снежок. Он отбросил его. Под фонарем было светло — снежок стал розовым.

Шум площади и ее обыденность отрезали кинематографический кошмар драки и бегства, и ему не хотелось думать, что все это было. Ничего не было — даже разговоров в кафе и у вонючей речки. Но как назло от вокзала волной пошел тяжелый ядовитый запах, от которого хотелось зажать нос и спрятаться за дверь, что Шубин и поспешил сделать, повернув к гостинице, кораблем плывшей над площадью, — почти все окна в ней светились нерушимостью цивилизации и горячего чая у дежурной по этажу.

Молодой человек с красной повязкой и такой предупредительный днем встал и преградил дорогу Шубину. Тот долго копался по карманам, разыскивая пропуск в гостиницу. Подвыпившие, модно одетые юноши оттолкнули его и принялись совать молодому человеку деньги, склоняясь близко и заговорщицки пришептывая.

Шубина совсем оттеснили, и он вдруг испугался, что останется ночевать на вокзале, в чем была доля черного юмора. И в этот момент его заметила Эля, которая сидела в холле и ждала его.

Она возникла за спиной молодого человека с красной

повязкой, и Шубин не сразу узнал ее, потому что уже привык к энергичному существу в кожанке и надвинутой на глаза кепке. А Эля была в синтетической дубленке, на плечах белый платок, темные волосы были завиты к концам.

— Этого пропустите,— сказала она громко, и человек с повязкой тут же подчинился, не столько словам, как тону.

— Проходите, товарищ. Вы чего жметесь, гражданин, вы чего там жметесь?— словно Шубин сам был виноват в том, что до сих пор не вошел в гостиницу. Неандертальские глазки дежурного издевались над Шубиным — конечно же, он узнал постояльца.

Хорошо одетые юноши нехотя пропустили его.

В холле было тепло и светло. Эля сразу увидела ссадину над бровью.

— Что с вами?— спросила она.— Вы упали?

— Подрался,— сказал Шубин.

— Ну уж шутки у вас, Юрий Сергеевич.

— А ты что здесь делаешь?

— Я ждала вас, Юрий Сергеевич.

— Ждала? Почему?

— Хотела и ждала. А вы не рады?

— Очень рад. Только не ожидал.

— Значит, я сюрприз вам сделала.

Они стояли посреди холла, возле забытых ремонтниками козлов.

Мимо прошли хорошо одетые юноши, они повернули налево, к приоткрытой двери в ресторан, и, проследив за ними взглядом, Шубин услышал, как ресторанный оркестр настраивает инструменты.

— Что же мы будем делать?— спросил Шубин.

Он был раздосадован, увидев Элю, потому что мечтал о том, как бы забраться в номер и остаться одному. Очевидно, Эля почувствовала это в его голосе и быстро сказала:

— Я могу уйти. Мне все равно домой пора. Я просто шла из гаража и думаю — зайду. А вас нету. Вот и решила подождать — мало ли что, город чужой...

— Готовилась искать меня по моргам?

— У нас это бывает,— сказала она серьезно.— А морг у нас один.

— Тогда пошли ко мне,— сказал Шубин.
— В номер?
— Ну не стоять же здесь?
— Нет, в номер я не пойду.
— Почему?
— Я по номерам не хожу.
Она сказала это с вызовом, и Шубин улыбнулся.
— Ты уже ходила,— сказал он.— Сегодня у меня была.
Даже раза три. И один раз, когда я спал.
— Так это днем. По делам.
Шубин понизил голос и спросил:
— А целовалась тоже по делам?
— Вот поэтому и не пойду,— обиделась вдруг Эля.
— Ну что тогда делать? Мне в любом случае надо умыться.
— Вы идите, я домой пойду.
— Слушай,— сказал Шубин,— а ты сегодня когда обедала?
— Днем перехватила,— сказала она.— День трудный, в разгоне. Я домой зашла, Митьке все сделала и к вам побежала.
Значит, не прямо из гаража, отметил Шубин. Врать не умеет.
— Я что предлагаю,— сказал Шубин.— Давай тогда поужинаем в ресторане. И я за день ничего толком не поел.
— В ресторане? Нет, дорого.
— Это не твоя забота,— сказал Шубин.— Только, на-верное, туда не попасть.
— Почему это?
— Желающих много.
Шубин уже жалел, что предложил ужинать. Он знал, что стоит ему потерять из глаз Элю, как разорвется связь, возникающая от того, что ради него другой человек поздно вечером притащился в гостиницу.
Правда, оставалась надежда, что в моральном кодексе Эли ресторан не значится.
Эля широко улыбнулась. Сверкнула золотая коронка.
— Я это устрою,— сказала она.— У меня официант знакомый. Я его уже видала, пока вас ждала. Он меня спросил даже — гулять собралась? Мы с ним в школе учились. В соседнем классе.

— Вот и отлично,— сказал Шубин.— Только у меня смокинга нет.

— Чего нет?— Эля не поняла его.

— Я не одет для ресторана.

— Вы что, сдурели, что ли? Сюда каждый, как хочет, ходит. А я прямо как подозревала — надела платье.

И было ясно, что ресторан — ее потаенная мечта, хотя сама она предложить такое развлечение не смела.

— Тогда води переговоры с Мишей, а я через пять минут приду.

Шубин поднялся к себе. Отдавая ключ, рыхлая дежурная по этажу сказала:

— Вас тут женщина искала.

В голосе было осуждение.

— Я знаю,— сказал Шубин.— Я ее уже встретил.

— После двадцати трех посторонним в номерах не разрешается,— сказала дежурная.

— Еще десяти нет,— сказал Шубин.— Да и в номере у меня пусто.

— Я предупредила,— сказала дежурная, протягивая ему ключ с отвращением, словно некий символ разврата.

Шубин прошел к себе в номер. В туалете на раковине сидел таракан, удивленный столь поздним человеческим визитом. Он не спеша ушел в щель. Шубин поглядел на себя в зеркало. Ссадина была невелика, но вокруг была видна подсохшая кровь. Он начал мыться. Висок и бровь защищало от мыла.

Ничего страшного не произошло, рассуждал он. Давай считать путешествие сюда цепью различных, большей частью забавных, приключений, которые еще не закончились, но неприятностей не сулят... сулят, сулят! Шубин был суеверен.

Вот вроде и прилично. Жалко, что нет пластыря, впрочем, порез почти не заметен.

Шубин взглянул на часы: без двадцати десять. Неужели прошло только двадцать минут с того момента, когда пьяный спросил время у Бруни? А ведь в них уместилась драка, потом бегство, потом разговор с Элей... Шубин приложил часы к уху — забыл, что электронику не слышно. Он переложил сигареты в карман пиджака.

Площадь за окном была оживлена, свет фонарей по-

блескивал в складках одежд монумента труженикам перед вокзалом. Как же он не заметил его днем?

Шубин прикрыл фрамугу, чтобы не так тянуло запахами. И в самом деле, после переживаний следует выпить. Он старался не вспоминать о драке и о том, что могло случиться с его знакомыми. В конце концов они сами хотели, чтобы он ушел, и это было разумно. Они местные, им ничего не будет. А ему... получить телегу в Москву о недостойном поведении лектора? Кто-нибудь из недругов этим воспользуется, и в Женеву поедет другой. Желающих достаточно.

Шубин запер комнату и спустился вниз.

Эля раздобыла столик недалеко от эстрады и была тем горда. На нем стояла табличка «Стол не обслуживается». Добродушный увалень с широким плоским лицом — друг Миша — убрал табличку и посадил за стол двух командировочных среднего уровня. Они были раздражены и все еще переживали битву с администрацией. Один из них, горбатенький и унылый, сразу начал рассказывать Шубину, что они прописаны в гостинице и потому имеют первоочередное право скромно поужинать в ресторане:

— А свободные места есть, и их берегут для спекулянтов. Везде одно и то же, поглядите за соседний стол. Вы видите ту кавказскую компанию? Получается, что именно они, торговцы, и есть хозяева жизни. А один даже кепку не снял.

— В какую гостиницу ни приедешь,— вторил другой командировочный, налитый здоровьем и потому особенно контрастный рядом со своим спутником,— везде они толкнутся в вестибюле. Твою бронь найти не могут — понятно, почему не могут. У них связи с администрацией. Все куплены.

К счастью, не видя особого сочувствия, соседи по столу принялись жаловаться друг другу и забыли о Шубине и Эле.

На Эле было плохо сшитое платье из толстого сукна. Она его специально надела, понял Шубин, потому что надеялась, хитрая, что мы с ней сюда пойдем. Тобой манипулируют, Шубин. А впрочем, не так уж и плохо получилось. Все равно надо где-то питаться.

Миша принимал заказ у командировочных. Они долго

выясняли, что можно есть, а что нельзя, почему этого нет, а в меню оно указано, а жесткое ли мясо? Эля сказала Мише, когда он обернулся к ним, держа перед собой книжечку:

— Мишенька, ты уж сам сообрази, хорошо?

— Горячее есть будете?— спросил Миша, тускло глядя на Шубина.

— Мы голодные,— сказал Шубин.

— Мишенька, ты все носи,— сказала Эля.— А мы пить будем?— это относилось к Шубину.

— Будем,—сказал Шубин.— Обязательно будем.

— Вот видишь,— сказала Эля, словно он ранее высказывал сомнения.— Мы выпьем немного.

— Есть водка, коньяк и сухое вино,— сказал Миша.

Командировочный напротив услышал и вставил обиженно:

— Почему вы нам не сказали, что водка есть?

— Я в буфете спрошу,— сказал Миша.— А вам тоже?

— Нет, нам не надо,— сказал второй командировочный.— Мы будем пить коньяк, как заказывали.

Миша ушел за заказом, и Эля спросила:

— Вы обещали рассказать, что там у вас случилось?

— Меня ждали общественники,— сказал Шубин.— Мы с ними разговаривали.

— Это психованный Борис, да?

— Там их четверо было. Еще девушка из книжного магазина.

— Очкастая? Знаю. Чего им нужно? На Силантьева жаловались?

— Рассказывали, как дела в городе.

— Дурачье они,— сказала Эля.— Они только злят начальство. А лучше не будет.

— Ты им не веришь?

— Разве так дела делаются? Это все равно, что в этот ресторан без знакомства идти. Там снаружи человек пятьдесят стоят, руками машут. А мы здесь сидим, понимаете?

— А завтрашний митинг?

— Они уже вам рассказали? Разгонят митинг. А им только неприятности.

— Ты откуда знаешь?

— А мы, водители, рядом стоим у всех учреждений,—

сказала Эля.— Ждем начальство и разговариваем. Если бы среди нас шпион сидел, он бы даже удивился, как мы много знаем. Водителей не замечают. Говорят, а не замечают. А мы все слышим. Мы же нормальные люди. Они уже решили. Сначала сомневались, а потом решили — разгонят. Им бы несколько дней протянуть...

— Пока силантьевский юбилей отпразднуют?— сказал Шубин.

— Ну вот, вы тоже много знаете. Один день у нас, а столько знаете.

Подошел Миша, поставил салат, бутылку водки, нарезанные помидоры. Командировочным пока ничего не дали — только хлеб. Командировочные глядели на Шубина и Элю волками, но молчали.

— Вам сейчас будет,— сказал им Миша.

Оркестранты были навеселе, видно тоже поужинали, один из них рассказывал анекдот, певица в длинном декольтированном платье, вся в блестках, от висков до пола, тонко хихикала.

— Но потом случилась странная история,— сказал Шубин.— Когда мы вышли из кафе, навстречу два парня.

Он рассказал о драке, правда, не стал признаваться в том, как бегал и прятался от милиционеров.

— Он велел бежать?— спросила Эля.— Думали, что это подстроили?

— Да, тот парень думал, что меня хотели скомпрометировать.

— Нет,— сказала Эля.— Если бы их, чтобы на митинг завтра не пришли, то возможно. Они сейчас сидят в отделении, пишут показания. Вот смешно!

— Значит, я зря убегал?

— Нет, не зря. А то бы вы тоже объяснения писали, а я бы тут сидела одна, в новом платье.

— Платье у тебя красивое,— сказал Шубин.

— Откуда здесь красивому быть? Это я еще в сентябре купила, подруга из Москвы привезла. А вам нравится?

— Честное слово, нравится.

Они выпили. Эля опрокинула рюмку резко, незаметно и привычно. В этом была неприятная для Шубина бравада. Или привычка?

Он немного не допил, поставил рюмку. Эля с удовольствием принялась за салат. Потом сказала:

— Нет, про вас они не знали. У нас здесь молодежь такая дикая, вы не представляете! Еще хорошо, что шапку не сняли.

— Я кепку потерял.

— Ой, и другой нет?

— Другой нет.

— Я вам завтра шапку лыжную принесу. У меня от мужа осталась. А то простудитесь. Она почти новая.

Шубин налил водки.

— За ваше здоровье,— сказала Эля.— Чтобы не простужались.

И выпила так же, как первую.

Она ела салат, потом вдруг отодвинула тарелку и сказала:

— Не знали они про вас. Николайчик вышел, когда вы уже отошли. Он меня спросил, куда вы пошли, а я сказала, что не видела. Значит, они не знали.

— Ну и отлично,— сказал Шубин.

Оркестр грянул с тем остервенением, с которым умеют играть ресторанные оркестры. Разговор пришлось прекратить. Подошел Миша, небрежно поставил на стол две тарелки супа для командировочных и ушел.

— Пошли потанцуем!— крикнула Эля на ухо Шубину.— А то не поговоришь.

Они пошли танцевать. Танцевали все, и Шубин подумал, что многие танцуют от невозможности поговорить иначе. От тесноты получался не танец, а некое коллективное покачивание. Эля запрокинула голову, откровенно глядя на Шубина. Он прижал ее к себе, и она была послушна. Они не говорили, да и не хотелось. Водка сразу затуманила голову, потому что Шубин был голоден. Но это ощущение было приятным. Эля положила голову на плечо Шубину, она была ниже его ростом. Он дотронулся губами до ее волос. Волосы пахли мылом.

Когда они возвращались к столу, толпа танцующих рассосалась и Шубин увидел, что у стены, за длинным столом, уставленным бутылками шампанского и водки, сидит знакомый человек, похожий на породистого дога, и внимательно рассматривает Шубина.

Шубин встретил его взгляд и, не узнав еще, чуть поклонился, но человек не пошевелил головой, а продолжал смотреть, и тогда Шубин вспомнил: это же Гронский, директор химзавода. Он глядел на Шубина тяжелым пьяным взглядом, и, хоть до него было метров десять, ощущение было неприятным, как от физического прикосновения.

За стол возвращались со своими пышнотелыми дамами соседи Гронского. Народ солидный, крепкий. Когда Шубин уже подходил к своему столику, он обернулся и увидел, что Гронский что-то говорит склонившемуся к нему молодому человеку с оттопыренными ушами. Молодой человек поднял голову, шаря глазами по залу, взгляд его отыскал Шубина. Молодой человек выпрямился и быстро пошел прочь.

— Вы что увидели?— спросила Эля.

— Там Гронский?

— У них банкет сегодня,— сказала Эля.— Комиссия работала по расширению производства, из министерства. Провожают.

Молодой человек с оттопыренными ушами прошел близко от их столика, старательно не глядя в сторону Шубина.

— А это кто такой?— спросил Шубин.

Эля кинула взгляд в спину молодого человека.

— Референт, что ли... шестерка.

Шубин сказал:

— Давай еще выпьем.

— Давайте, чтобы забыть о всех неприятностях.

Оркестр снова загремел, и они снова танцевали. Шубин поцеловал Элю в висок, а она теснее прижалась к нему. Шубину почему-то казалось, что Гронский исподтишка наблюдает за ним, он поглядывал на него, но Гронский был занят разговором с соседом, похожим на Хрущева.

Когда они вернулись после танца за стол, командировочные уже доели суп и Миша расставлял тарелки — с котлетами для командировочных и с подобными же котлетами, но украшенными зеленью, маринованными сливами и дольками лимона, для Эли с Шубиным.

Один из командировочных вынул из кармана плоский калькулятор и принялся жать на кнопки.

— Должно быть по четыре сорок с носа,— сказал он горбуну.

— Ага,— горбун загадочно улыбнулся, и Шубин понял, что они уже точно рассчитали, сколько должны заплатить, и готовятся к обману, обсчету, скандалу и жалобам. Симпатии Шубина были на стороне Миши, но, правда, не настолько, чтобы предупреждать его о намерениях клиентов.

Молодой человек с оттопыренными ушами вернулся к столу Гронского и, склонившись, шептался с ним. Шубин решил, что если Гронский или молодой человек в ходе разговора посмотрит на него, значит, их разговор и уход шестерки как-то связан с ним. Но никто на Шубина не смотрел. И он сказал вслух:

— Мания преследования.

— Что?

— Ничего, Эля, давай еще выпьем. Не пропадать же доброму напитку?

Эля протянула под столом руку и дотронулась до колена Шубина.

— Вы очень добрый,— сказала она.— Честное слово.

— С чего ты так решила?

— Я чувствую людей. Я как увидела вас утром, так вы мне понравились. Честное слово.

Котлета была теплой. Мишино расположение не распространялось на качество пищи.

Шубин смотрел на Элю. Она была удивительно хороша. Грубоватой, чуть восточной, чистой красотой лани. Конечно же, лани — даже это идиотское платье не может скрыть гибкости и крепости ее фигуры, о чем, с танца, помнили его пальцы.

Оркестр, молчавший уже несколько минут, вдруг ожил, пианист вышел к микрофону и объявил:

— По просьбе друзей Руслана Квирикидзе, отмечающих его день рождения, исполняется песня «Сулико».

Песню «Сулико» оркестр умудрился исполнить в том же громовом ключе, как и прежние композиции.

— Будете танцевать?— спросила Эля.

— Давай доедим сначала,— сказал Шубин.

Мимо проходил Миша, один из командировочных поймал его за рукав, и по движению его губ Шубин понял, что тот требует счет. Второй держал руку в кармане —

Шубин знал, что там ждет своей минуты бесстрастный калькулятор.

— Я рад что тебя встретил,— сказал Шубин, наклонившись к уху Эли. Она кивнула, прожевывая кусок котлеты. Прожевала и крикнула:

— Я тоже! Я просто счастлива. Спасибо.

Оркестр застонал, завершая песню. Грузины с длинного стола громко хлопали в ладоши. Миша положил перед командировочными счет, и те впились взорами в итог. Миша обернулся к Шубину и спросил:

— Что еще будем?

Шубин отрицательно покачал головой. Он следил за командировочными.

На лицах их было написано отвращение.

Они вынули из карманов бумажники и принялись выкладывать деньги, потом искали мелочь. Значит, Миша обманул их чаяния — посчитал все правильно.

Миша стоял рядом, делая вид, что его интересует лишь Шубин.

Он спросил:

— Как котлета, понравилась?

— Очень вкусно,— сказала Эля.— Спасибо, Мишенька.

Командировочные сложили деньги на скатерти, и горбун подвинул их к официанту.

— Здесь точно?— спросил Миша, подчеркивая свой триумф.

Командировочные не ответили. Грозно и шумно отодвинув стулья, они поднялись и пошли к выходу.

Эля засмеялась.

— Ты тоже видела?— спросил Шубин.

— Конечно, с самого начала. И Миша видел.

— Да мне от кухни было видно, как они с калькулятором играют,— сказал Миша.— Я им на шестнадцать копеек меньше посчитал. Для страховки. Так ведь не сознались.

Он сгрел деньги и, не считая, сунул в боковой карман пиджака, как бы отделяя их этим от остальных, более благородных.

— Кофе будем?— спросил Миша.

Эля выжидательно посмотрела на Шубина. Он понимал, что ей не хочется уходить отсюда.

— Несите,— сказал Шубин. Теперь они с Мишей были почти друзьями.

— А вашей даме мороженое, хорошо?— спросил Миша.

— Ну уж и даме!— сказала Эля.

Ей было очень смешно.

— Здесь, наверное, кофе никуда не годится,— сказал Шубин.

— Синтетика,— сказала Эля.— Из бочки.

— У меня растворимый есть. Хороший, настоящий. И кипятильник.

— Где?

— В номере.

— Вы принесете, да?

— Зачем? Пойдем ко мне, выпьем кофе. Потом я тебя провожу.

— Ой, что вы! Уже скоро одиннадцать. Они не пустят.

— Мы ее попросим.

— Да вы что! Здесь строго.

— А им можно?— спросил Шубин, указывая на стол Гронского.

— Им все можно.

— Жалко,— сказал Шубин.— Я люблю справедливость.

Эля положила пальцы на руку Шубина и погладила:

— Не расстраивайтесь. Мы попробуем. Я тогда скажу Мише, что кофе не надо.

Она не успела встать, как подошел Миша с мороженым. Пока Шубин расплачивался с ним, Эля быстро ела мороженое. Уголки губ стали белыми.

— Я ужасно мороженое люблю,— призналась она.

— Ты не спеши.

Шубин посмотрел на стол Гронского. Человек, похожий на Хрущева, смеялся, тыча пальцем в сидевшую напротив статную даму.

— Пошли,— сказала Эля.— Пошли, а то автобус ко мне перестанет ходить.

Когда они вышли в холл, Эля сказала:

— Вы по лестнице идите. И отвлекайте ее разговорами.

Шубин пошел к лестнице. У стойки администраторши толпился народ — наверное, пришел поезд или самолет. Шестерка с оттопыренными ушами, перегнувшись через стойку, говорил по телефону.

— А ты?

— Я на лифте выше поднимусь и потом вниз по лестнице.

Так и сделали. Дежурная была занята беседой с кем-то из постояльцев, она кинула на Шубина равнодушный взгляд, тот миновал ее стол и пошел по коридору. Коридор был пуст. Он остановился у своей двери, достал ключ, повернул его. И увидел, что по коридору быстро идет Эля. Обошлось. Обошлось, черт возьми.

И тут за спиной Эли в конце коридора возникла фигура дежурной.

— Это ты куда? — грозно спросила она, и голос ее ядром пролетел по коридору.

Эля пробежала еще несколько шагов и замерла, словно ждала следующего выстрела в спину.

Шубин пошел навстречу ей.

Дежурная спешила по коридору, переваливаясь, словно утка. Она догнала Элю и схватила ее за руку. Эля рванула руку, но остановилась. Шубин подошел к ним.

— Это ко мне, — сказал он, стараясь произнести эти слова официальным тоном, но язык не послушался его.

— Вижу, что к вам, — сказала дежурная. — Время одиннадцать, а к нему идут. Я же предупреждала.

— Но мы на минутку, — сказал Шубин.

— Я книжку в номере оставила, — сказала Эля.

— Вот и вынесет он твою книжку.

— Ну что за безобразие! — не выдержал Шубин. — Почему я должен все время чего-то просить, чего-то нарушать, перед кем-то унижаться! Мне нужно, чтобы эта девушка зашла ко мне в номер. Она зайдет и выйдет совершенно целая.

Голос Шубина, помимо его воли, повышался, в нем появились визгливые нотки. Эля втиснулась между ним и дежурной, уже готовой к большому скандалу, и заговорила быстро, тихо и напористо:

— Вы не сердитесь, все тихо, все нормально.

И Шубин вдруг увидел, как Эля сует в руку дежурной красную бумажку, и чуть было в справедливом гневе не вырвал эту бумажку, но Эля и тут успела остановить его — будто понимала все, что в нем клокочет. Она отстранила его другой рукой, и он отступил на шаг.

— Только чтобы быстро,— сказала дежурная.— Взяла книгу — и быстро. Поняла?

Она и не смотрела больше на Шубина.

Они были в номере.

— А ты чего хотел?— спросила Эля.— Чтобы я не пришла?

— Противно все это.

— Я к тебе в номер не просилась.

— Да я не о том...

— Ты бы радовался, что обошлось.

Она поцеловала его в щеку.

— Разве в других местах не так?

— В Швейцарии не так.

— Но мы же не в Швейцарии. Нам и здесь хорошо.

Шубин понял, что гнев его вымирает, и в самом деле — все хорошо. Они вдвоем. Дверь закрыта. За окном вокзальная площадь чужого города. Дежурная заработала свой червонец. И это даже к лучшему, потому что она куплена и не сунется. Мы не в Швейцарии.

— Я тебе отдам десятку,— сказал Шубин.

— Глупо,— сказала Эля.— Вы же за ужин платили.

Больше.

— Сравнила. Сколько я зарабатываю, сколько ты!

— А я сегодня больше червонца заработала, пока вы там лекцию читали.

— Ты не была?

— Вы лучше кофе сделайте. Обещали ведь.

Шубин достал банку с кофе и кипяtilьник.

Эля взяла банку и стала рассматривать.

— Я такого не видела,— сказала она.— С собой привезли?

— С собой. Только у меня ничего сладкого нет.

— Ну и не надо.

— И выпить мы ничего не взяли.

— С меня хватит. Я завтра работаю.

Шубин налил в стакан воды, вложил в него кипяtilьник. Поставил на письменный стол. Эля стояла совсем рядом. От ее волос пахло мылом. Шубин взял ее за плечи и притянул к себе. Поцелуй был таким долгим, что, когда Эля вдруг рванулась и воскликнула громким шепотом: «Стакан лопнет!»— Шубин не сразу сообразил, что вода в стакане закипела.

— Ты хочешь кофе?— спросил он тоже шепотом, выключив кипятильник.

— Не знаю,— сказала Эля и сама приблизилась к нему, подняв голову и отыскивая губами его губы.

— Я запру дверь?— сказал Шубин.

— Да.

...Эля лежала, уютно вписавшись в тело Шубина, голова мягко давила на выемку под плечом.

— Я такая счастливая,— шептала она.— Очень счастливая. Ты не думай, я не навязываюсь. Я и не думала, что пойду к тебе. Ты, наверное, думаешь, что я со всеми такая — без мужа, шоферка.

— Я так не думаю.

— А у меня грудь красивая, да?

— Очень красивая.

— Я мороженое ела и боялась, что ты сейчас скажешь, что спать хочешь, а что мне уходить пора.

— Я не хотел, чтобы ты уходила.

Шубин поправил подушку, он любил, чтобы голова была высоко. Эля приподнялась, чтобы ему было сподручней это сделать. Он увидел светящееся небо за окном. Зеленоватое с синими и черными провалами. В здешнем небе была всегдашняя тревога. На улице заверещала сирена «скорой помощи».

— Кипяток, наверное, совсем остыл,— сказал Шубин.

— Я сейчас согрею,— сказала Эля, но не двинулась. Шубин почувствовал, как она считает секунды, которые ей остались. Он прижал ее к себе теснее, и она принялась быстро и нежно целовать его руку.

Такая сладкая и горькая нежность к этой женщине одолела Шубина, что сдавило в груди от неминуемого конца этой встречи.

— Я думала, что ты на меня даже не посмотришь.

— Глупо. Ты красивая и знаешь об этом.

— У меня ноги не очень длинные.

— Я не смотрел.

Кто-то тронул дверь. Толкнул. Как будто человек, неверно шагнувший по коридору, ударился о нее плечом.

Так сначала Шубин и подумал, но потом раздался стук.

Часть вторая

ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

— Ошиблись номером,— сказал Шубин шепотом.

— Она не придет,— сказала Эля.— Она червонец взяла. Стук повторился. На этот раз он был громче и требовательнее.

— Может, телеграмма?— спросила Эля.— Тебе из Москвы не могут телеграмму прислать?

— Лежи,— сказал Шубин, поднимаясь. Коврик у кровати поехал, и Шубин с трудом удержал равновесие. В дверь ударили так, словно хотели ее сломать.

— Погодите!— крикнул Шубин.— Сейчас открою.

Босиком он подошел к двери.

— Кто там?— спросил он.

— Откройте, телеграмма,— послышался мужской голос.

— Ну вот,— сказала Эля за спиной Шубина.— Я же говорила.

Шубин оглянулся. Эля сидела на кровати, ее силуэт был черным на фоне светящегося неба.

Что-то удерживало Шубина от того, чтобы открыть дверь. Может, голос был не телеграфный.

— Откуда телеграмма?— спросил он.

— Из Москвы,— ответили из-за двери.

— Знаете что,— сказал Шубин,— я уже сплю. Суньте ее под дверь.

Была пауза, и Шубину показалось, что за дверью шептались.

— А расписаться?— спросил голос.

— Завтра распишусь.

— Нет, возьмите телеграмму и распишитесь.

— Да открой, ты,— сказала тихо Эля.— Может, что дома случилось?

Шубин повернул ключ в двери и приоткрыл ее, протягивая руку, чтобы взять телеграмму.

— Давайте,— сказал он.

С той стороны дверь пихнули так, что Шубин, не ожидавший толчка, потерял равновесие и ударился спиной о вешалку. Дверь распахнулась. Яркий свет ударил в лицо из коридора.

Тут же загорелась лампа в прихожей — поднимаясь, Шубин увидел, что перед ним стоит молодой человек с красной повязкой и лицом неандертальца, которому положено охранять вход в гостиницу. Он держит руку на выключателе.

— Это что такое? — взъярился Шубин.

Дежурный с красной повязкой шагнул вперед, но Шубин загородил путь в номер.

— А ну, пропустите, — сказал неандерталец, — я при исполнении.

Шубин ощутил такой взрыв злобы, что с силой оттолкнул дежурного, и тот, чтобы не упасть, вцепился сильными пальцами в майку Шубина. Майка с треском разорвалась.

— Драться? — закричал неандерталец. — Мало ему разврата, он еще драться!

И тут же, словно его подтолкнули в спину, в дверях появился молодой милиционер в мокрой шинели и мокрой фуражке.

— А ну, бери его, — сказал дежурный. — И в отделение.

Шубин отскочил в номер, но милиционер был резвее — он рванул за плечо и тут же заломил ему руку за спину.

Пролетным, неверным взглядом Шубин успел увидеть Элю. Она стояла возле дивана, завернувшись в простыню.

— Не смейте! — крикнула она, но не могла двинуться, потому что была как бы прикована к месту длинной простыней.

Левой рукой Шубин цеплялся за вешалку, дверь в туалет, за свою куртку, но милиционер лишь сильнее давил на руку, уверенный, что Шубин подчинится, и было так больно, что Шубин вынужден был подчиниться. Он вылетел в коридор, и милиционер толкнул его к стене лицом.

Дежурный тут же ударил его в бок. Милиционер сказал:

— Ну, это лишнее.

— Он на меня напал, — сказал неандерталец. — Приезжают тут хулиганить.

— Я его не пускала, — услышал Шубин испуганный и потому визгливый голос дежурной по этажу. — Вижу, что пьяный, и не пускала.

— Выходи,— сказал неандерталец, и Шубин понял, что это относится к Эле. Но повернуться не мог.

— Я оденусь,— сказала Эля.

— Умела блядовать, умей и ходить, в чем мать родила,— сказал неандерталец.

— Слушай,— сказал милиционер.— Не тебе разбираться. Пускай оденется.

— Тебя вызвали, ты исполняй.

Дежурный подогревал себя, злился, был на грани истерики, как уголовник, нарывающийся на драку.

— Отпустите,— сказал Шубин милиционеру.— Вы что, хотите меня в трусах тащить?

— И потащим, сука,— сказал дежурный.— За избие-ние меня при исполнении потащим. При свидетелях.

— Одевайтесь,— сказал милиционер.

Хватка ослабла. Шубин выпрямился. Дежурная по этажу отошла подальше. Неандерталец стоял рядом и тяжело дышал, от него пахло чесноком.

— Только без шуточек,— сказал милиционер, входя в номер следом за Шубиным.

Эля уже была в платье, она надевала сапоги.

Шубин увидел на кресле свои брюки. Там же валялась скомканная рубашка. Было стыдно, что чужие люди смотрят на его вещи.

— Вы бы отвернулись,— сказал Шубин.— Здесь женщина.

За окном взвизгнула еще одна «скорая помощь». Загудел паровоз. Гудок его коротко оборвался.

— Блядь, а не женщина,— сказал дежурный.

Милиционер сразу же сделал шаг к Шубину, отрезая его от дежурного. Эля сказала тихо и зло:

— Ты у меня кровавыми слезами будешь плакать.

— Не пугай.

Шубин сказал:

— Товарищ милиционер, вы свидетель оскорблениям, которым нас подвергают.

— Одевайтесь, одевайтесь,— сказал милиционер, глядя в окно.

— И я вас предупреждаю: завтра же я буду у вашего секретаря горкома.

— Разберемся,— сказал милиционер.

— То-то он тебя примет,— сказал неандерталец.
— Оделись?— спросил милиционер.— Тогда следуйте за мной. В отделение.

— Почему? Вы обязаны мне сказать, в чем вы меня обвиняете.

— В нарушении режима гостиницы,— сказал милиционер.

— Нет!— крикнул неандерталец.— В нападении и хулиганстве.

— А вам не стыдно, товарищ сержант?— спросил Шубин.

— Это вам, гражданин, должно быть стыдно,— ответил милиционер.

У него было простоватое, почти мальчишеское курносое лицо. И видно было, что милиционеру не хочется ни во что вникать и мысли его далеко отсюда.

— Пойдем,— сказала Эля.— Ты им ничего не докажешь. Достали все-таки тебя. А я сначала не поверила.

И только тут Шубин понял, что, вернее всего, Эля права. Его достали. Его старались достать у кафе, а в ресторане, увидев его, Гронский понял, что представляется замечательный шанс ликвидировать журналиста.

— Я не пойду в отделение,— сказал Шубин.

— Надо,— сказал милиционер.— На алкоголь проверим.

Он взял со стола ключ от номера и подтолкнул Шубина к двери.

Эля сама пошла вперед.

— Документы не забыли?— спросил милиционер.

Вопрос был задан буднично, и Шубин, стукнув ладонью по груди и убедившись, что бумажник на месте, также буднично ответил:

— Не забыл.

Милиционер сам запер дверь и протянул ключ дежурной. Она подбежала и взяла ключ.

— Червонец отдай,— сказала Эля.

— Что? Какой?— дежурная поспешила по коридору впереди, она раскачивалась, как утка, которая спешит спрятаться в камыши.

Неандерталец шел за ней, ежесекундно оборачиваясь,

словно боялся, что Шубин приблизится на опасное расстояние. Замыкал шествие милиционер.

Они вышли на лестничную площадку. Там стоял смертельно пьяный парень в дубленке и волчьей шапке. Увидев Шубина, он невнятно, но громко и дружелюбно спросил:

— Что передать на волю?

И пьяно засмеялся.

Снизу донесся громкий крик. Перешел в хрип, оборвался.

— Я одеться должна,— сказала Эля милиционеру.— У меня пальто в ресторане. В гардеробе.

Милиционер обдумывал эту информацию. Они спустились еще на один пролет.

— Эй,— сказал милиционер,— охрана.

Неандерталец обернулся.

— Проводишь девушку одеться.

— Так дойдет.

— Проводишь, говорю. Мы тебя у машины подождем.

Дежурный не ответил, он продолжал спускаться вниз. За последним пролетом открылся холл гостиницы.

С первого взгляда Шубину показалось, что он видит иллюстрацию к сказке о спящей царевне.

Там все спали.

В желтом прозрачном тумане, заполнившем холл, спали на полу те люди, что недавно толпились у стойки в ожидании места, спала, положив голову на стол, администратор, спали те, кто коротал время в креслах. Спал официант у приоткрытой двери в ресторан. И было очень тихо.

В этом сонном царстве была такая заколдованная странность, что милиционер тихо сказал:

— Стоять!

И все послушно остановились, кроме неандертальца, который продолжал спускаться по лестнице.

Снизу поднимался тяжкий, неживой запах, который, хоть и был знаком, не разбудил бы в Шубине воспоминания, если бы не мерцание желтоватого тумана. И Шубин увидел: черная река... желтый туман по воде... кашель Наташи и слова Бруни о непредвиденных сочетаниях

сбросов. Это узнавание мелькнуло и пропало, изгнанное невероятной действительностью.

Шубин видел, как неандерталец вступил в прозрачно-желтоватую пелену тумана и движения его стали замедляться. Он схватился двумя руками за горло, повернулся обратно, к лестнице, но подняться больше чем на ступеньку не успел, а упал, ударился головой о нижнюю ступеньку и замер.

Шубин схватил за руку Элю, которая кинулась было к дежурному.

— Сказали же, стой!— крикнул он. И крик его был слишком громким для этого зала.

Они стояли втроем на лестнице, и вокруг была страшная тишина, потому что ни из ресторана, ни с улицы не доносилось ни звука. После минутной оторопи вниз двинулся милиционер. Он сделал шаг.

— Да нельзя же!— крикнул Шубин, и голос его странно раскатился по холлу, будто тот был гулким храмом.

Желтое легкое марево чуть клубилось, мерцало, словно воздух в жаркий летний день над перегретой дорогой. Шубин физически почувствовал его жадное движение, он понял, что это марево,— поглотившее тех людей, которые, казалось, спали, но по нелепым, неестественным позам было ясно, что они мертвы,— стремится к лестнице, чтобы дотянуться до живых людей, заставить его, и Элю, и милиционера упасть и утонуть в нем, как утонул дежурный с красной повязкой на рукаве.

— Там люди,— сказал милиционер. Над верхней губой его проступили капельки пота.

— Ты им не поможешь,— сказал Шубин.— А сам умрешь.

— Умрешь?— тихо спросила Эля.— Как же так?

— Не знаю. Но туда нельзя. Пошли наверх.

Шубин почувствовал дурноту и жжение в горле. Может, это было самовнушение, может, и в самом деле марево испарялось, удушая все вокруг.

Он потянул Элю за руку, а она вдруг жалобно сказала:

— Но у меня пальто в гардеробе.

Шубин начал подталкивать вверх милиционера и Элю, и они нехотя подчинялись.

— Они сознание потеряли,— говорил милиционер.—
Надо «скорую» вызвать.

Вытолкнув их за площадку на ступеньки, откуда не был виден холл, Шубин остановился и стал шарить по карманам — где сигареты? Все было нереально, нет, не сон, а нереальность, в которой он бодрствует. Один раз в жизни с Шубиным такое было: у самолета — старого, трижды списанного «вайкаунта», принадлежавшего небольшой частной компании, что делала дважды в неделю рейсы из Боготы в провинцию, загорелся в воздухе мотор. Шубин сидел в салоне, вокруг кричали, кто-то пытался встать — густой шлейф дыма несся за иллюминатором, самолет кренился, кружил, искал места сесть, а внизу были покрытые курчавым лесом горы. Шубин понимал, что все это не сон, а собственная смерть, но продолжал сидеть спокойно и старался, как бы помогая пилоту, сквозь разрывы в дымном шлейфе углядеть прогалину в лесу или плоскую долину для посадки. Самолет все же сел на кочковатом поле, всем набило синяков, потом пилоты выводили пассажиров, выталкивали их из самолета. Люди, не соображая, хватали свои вещи, чемоданы, сумки, а пилоты кричали и гнали их, чтобы они отошли от самолета... И уже издали Шубин увидел, как самолет взорвался, и с каким-то странным удовлетворением понял, что он-то успел взять свой чемодан.

Сверху по лестнице спускался, покачиваясь, парень в дубленке.

— Затормозились?— спросил он.— Хочешь, я тебя освобожу?

Шубин не понял его, он забыл, что только что был арестован, потому что между той сценой в номере и виденным в вестибюле была непроницаемая вековая граница.

— Что?— спросил Шубин.

Милиционер сказал:

— Туда нельзя.

— Ну и дела,— сказал парень в дубленке.— Свободная страна, свободный город. Кого хотят, того хватают.

Он толкнул милиционера, и милиционер отступил, потому что не ощущал себя сейчас милиционером.

— Погоди,— сказал Шубин.— Там опасно. Какой-то газ.

— Газ так газ.

Парень был силен и по-пьяному размашист.

Эля зашла в кашле.

Шубин сказал парню:

— Как хочешь, только поздно будет.

— Да нельзя же, нельзя! Там все мертвые лежат!— закричала Эля и снова закашлялась.

— Какие такие мертвые?— парень отрезвел. Ему не ответили. Шубин поддерживал Элю, которой стало плохо, ее начало рвать. Она старалась сдерживаться, Шубин подвел ее к урне, что, к счастью, стояла на лестничной площадке.

Парень прошел на площадку и заглянул вниз. И оставался. Потом выругался, запахнул дубленку и побежал наверх.

Шубин поддерживал обмякшую Элю, ему стало страшно, что она отравилась.

— Ты как?— спросил он.— Это от волнения. Сейчас пройдет.

Словно старался уговорить ее, что это не имеет отношения к желтому мареву, к тому, что они увидели.

— Мне лучше,— сказала Эля.— Ты извини.

— Тебе надо наверх, в номер, тебе надо лечь,— сказал Шубин.

— Да, конечно,— Эля сразу согласилась.

— Где ключ от моего номера?— спросил Шубин.

— Ключ? Я его дежурной отдал,— сказал милиционер.

— Пошли наверх,— сказал Шубин.— Надо позвонить.

— Точно,— милиционер вдруг улыбнулся с облегчением. Словно получил толчок, вернувший его к реальности.

И он первым побежал наверх.

Шубин достал платок, и Эля вытерла рот.

Когда они поднялись вслед за милиционером наверх, то успели как раз к тому моменту, когда дежурная по этажу привстала от удивления, увидев, что милиционер возвращается один. Она спросила:

— А что? Что еще? Я денег не брала.

— Ключ от номера. Быстро!— сказал Шубин.

Дежурная стала копаться в ящике с ключами.

— А что? Случилось что, да?

— Внизу несчастье. Авария,— сказала Шубин.— Вниз не спускайтесь. И никому не разрешайте. Стойте на лестнице и никого не пускайте.

— Убили кого, да? Кого убили?

Милиционер увидел телефон на ее столе.

— Помолчите,— сказал он.

Он набрал три номера, ударил по рычагу.

— Через восьмерку,— сказала дежурная.— Город через восьмерку.

— Раньше бы сказали.

Милиционер набрал номер и стал ждать.

Шубин взял ключ. Он сказал милиционеру:

— Я отведу Элю в номер. Двести тридцать два. Я вернусь.

Милиционер кивнул и стал снова набирать номер. Дежурная стояла возле.

— Не отвечают,— сказал милиционер.

— Тогда пошли ко мне, позвоним от меня. Может, телефон неисправен.

Они втроем побежали по коридору. В номере горел свет. Его забыли выключить. Милиционер прошел к столу, отодвинул банку с бразильским кофе и начал набирать.

— Через восьмерку,— напомнил Шубин.

Он подошел к окну и откинул штору. Почему-то раньше это не пришло в голову. Ведь в этом ответ на все вопросы — случилось ли это только в гостинице или и на улице.

Окно было как бы большим экраном, отделяющим Шубина от того, что он увидел. На площади перед вокзалом по-прежнему горели фонари. Их желтый свет как бы рождал ответное желтое мерцание, поднимающееся от земли. Снег потерял свою ночную голубизну. Это был стоп-кадр.

Площадь была неподвижна.

Человеческие фигурки были разбросаны по площади, будто их, куколок, высыпали с большой высоты. Они были везде. Совсем маленькие, кучками, темными пятнами — возле вокзала и на троллейбусной остановке. Реже на самой площади, между редких машин и у киосков.

Совсем мало — справа, на тротуаре, возле темных магазинов.

Еще были машины. Одна из них на скорости налетела на столб, и тот вошел в радиатор, как бы обнятый им. Дверца в машине распахнулась, и водитель до половины выпал головой на мостовую.

Шубин хотел обернуться и сказать, чтобы другие тоже подошли и смотрели, но тут он увидел, как на площадь въезжает высокий «Икарус». Желтое мерцание поглотило его колеса и за клубилось впереди. Видно, водитель понял, что впереди неладно. Автобус резко затормозил. Открылась дверь.

Шубин стал рвать на себя окно, забыв повернуть задвижку, — он хотел предупредить водителя.

Тот показался в дверях. Огляделся, прыгнул на мостовую и уже в прыжке потерял сознание или умер, потому что его подошвы так и не успели коснуться асфальта — он согнулся и упал головой вперед.

Дернулся, будто хотел отползти... и замер.

— Нельзя!— кричала Эля, и Шубин только сейчас услышал ее крик. Она повисла на его руке, отрывала ее от окна, чтобы он его не открыл.

— Ты смотри!— пытался объяснить ей Шубин.

— Я все понимаю, я все видела... ты не поможешь — они же не слышат!

Милиционер, не выпуская трубки из руки, тоже смотрел на автобус.

Пассажиров в нем было немного. Человека три.

Первый из них появился в открытых дверях сразу за водителем и задержался на верхней ступеньке, глядя вниз. Он смотрел на водителя и, видно, что-то говорил. Потом повернулся внутрь автобуса — к нему подошел второй пассажир. Затем пассажир начал спускаться вниз. Но медленно, осматриваясь. Шубину было видно, как ноги его утонули в желтом мерцании, взметнувшимся облачком навстречу. Пассажир, испугавшись, хотел подняться обратно в автобус, но вдруг ноги его подломились, словно он хотел усесться на ступеньку, и, нырнув головой вниз, он упал на водителя.

Шубину наконец удалось открыть окно.

— Назад!— закричал он отчаянно.— Не выходите!

Неизвестно, услышал ли второй пассажир крик или сам догадался, что выходить нельзя, но он обернулся к женщине, последней пассажирке, что собиралась выйти через заднюю дверь. Та остановилась, оглянулась. Отмахнулась от его слов и — через несколько секунд уже лежала на мокром снегу у задней двери.

Остался последний пассажир. Он отошел от двери, видно было, как он прижался лицом к стеклу, стараясь разглядеть, что там, на площади. Эля закрыла окно.

Милиционер сказал, показывая трубку Шубину:

— Не отвечают.

— Милиция одноэтажная? — спросил Шубин.

— Дежурная часть на первом этаже.

— А второй этаж есть?

— Второй этаж? Зачем?

— Если газ добрался до первого этажа, то на втором могут остаться люди!

— Но там сейчас нет никого. Ночь.

— Тогда звоните в городское управление. Звоните в горком! В «скорую помощь»! Неужели непонятно!

— А я не знаю, — сказал милиционер жалобно. — Я наш телефон знаю, а других не знаю.

— Хорошо, — сказал Шубин. — Пошли к дежурной. У нее справочник может быть. Эля, милая, не выходи, хорошо? Я скоро вернусь.

— Ты куда, Юра?

— Надо узнать телефоны.

— А я?

— Ты тоже звони. Звони Николайчику. Кого знаешь — звони. Надо, чтобы принимали меры.

— А что случилось? Это газ?

— Откуда я знаю? Мы же с тобой вместе были.

— Мне надо домой, — Эля остановила его. Милиционер стоял в дверях, ждал. Он признал главенство Шубина и его право распоряжаться.

— Зачем тебе домой? Жить надоело?

— Митька дома.

— Ты на каком этаже живешь?

— На четвертом.

— И пускай спит. Он с кем?

— С мамой.

— Тогда позвони маме и скажи, чтобы заперлась и никуда не выходила. И пусть посмотрит в окно — есть ли желтый туман. Только ты ей лишнего не говори, не пугай, понимаешь, только не пугай!

Эля покорно слушала, кивала, словно старалась запомнить, а потом сказала:

— У нас телефона нет.

— Звони соседке.

— У нас в доме нет телефонов.

— Звони Николайчику домой. У него-то есть?

— У него есть.

Шубин с милиционером вышли в коридор. Из-за соседней двери доносилась музыка. Слышны были громкие голоса.

— Надо будет поставить кого-то на лестнице,— сказал Шубин.— Чтобы не пускал жильцов вниз.

— Они на лифте могут спуститься,— сказал милиционер.

— Посмотрим.

Дежурной по этажу на месте не было. Вместо нее они увидели человека с чемоданом. Это был один из командировочных, грустный горбун. Он покорно стоял возле столика дежурной.

— Вы куда?— спросил Шубин.

— Я уезжаю,— сообщил командировочный.— А ее нет. Мне ключ сдать надо.

— Вот вы и будете стоять на лестнице. Вот здесь,— сказал Шубин.— И никого не пускать вниз.

— Это еще почему?— спросил горбун.— Мне уезжать нужно.

— Сержант, объясните,— сказал Шубин. Он увидел горящий свет в комнате горничной. Может, дежурная скрывается там? Нет, комната была пуста.

— Не может быть,— говорил горбун милиционеру.— Это вымысел. Я был на улице полчаса назад.

— Ваше счастье,— сказал Шубин раздраженно,— что вы вернулись живым.

Он дернул ящик в столе дежурной. Он был заперт. Шубин рванул сильнее.

— Что вы делаете?— спросил горбун.

— Вы стойте, где вам сказали!— рявкнул Шубин.

— Стойте, стойте!— поддержал его милиционер.— А чемодан оставьте. Никто его не возьмет.

Горбун, все еще сомневаясь, сделал несколько шагов к лестничной площадке, но чемодана не выпускал.

Ящик с треском вылетел из стола. Посыпались бумажки. Шубин начал ворошить их, надеясь отыскать какую-нибудь тетрадь или список телефонов.

Зажужжал, проезжая мимо, лифт.

— Черт!— вырвалось у Шубина. Он кинулся к лифту. Но пока он бежал к нему, услышал, как лифт остановился на первом этаже, его двери открылись. Кто-то вскрикнул. И снова тишина. Красный огонек продолжал гореть рядом с дверью лифта.

— По крайней мере, теперь его уже никто не использует,— сказал Шубин.

— А что? Что случилось?

— Спуститесь на один пролет вниз,— сказал Шубин горбуну,— но не больше — загляните вниз и тут же возвращайтесь обратно, если вам мало того, что сказал сержант.

— Но он сказал — там отравление газом.

— Вот именно.

Горбун осторожно пошел вниз.

Наверху кто-то забарабанил в дверь лифта — видно, не мог вызвать и сердился.

— Я пойду наверх,— сказал Шубин.— Может, у кого из дежурных есть телефонный справочник. Вы знаете, что делать?

— Так точно,— ответил милиционер, который не знал, что ему делать.

Шубин подбежал к лестнице. Остановился. Где этот чертов горбун? Вместо того чтобы бежать наверх, Шубин сошел на несколько ступенек ниже. То, что он увидел, его не испугало: разозлило.

Горбун сидел на нижней ступеньке лестницы, откинув голову к стене и приоткрыв рот. Чемодан он продолжал держать на коленях.

— Эх, черт,— сказал вслух Шубин.— Проверить решил!

Он посмотрел на холл. Он уже привыкал к этому зрелищу. Оно было невероятным, но не сказочным и не гра-

ничило более со сном. Это была тяжелая реальность, и мозг ее воспринимал трезво.

Уровень желтого мерцания поднялся. Зал был залит им метра на полтора. От движения газа контуры предметов были размыты, и казалось, что люди движутся. Шубин заставил себя не смотреть более на холл.

Наверху милиционер по-прежнему стоял у телефона. Он увидел Шубина и обрадовался.

— Нигде не отвечают,— сказал он, смущенно улыбаясь, словно был виноват в этом.— Я в «скорую» позвонил и в пожарную команду. И никто не подходит. Странно, да?

— Плохо, а не странно,— сказал Шубин.

— Вы думаете, что и там?— спросил милиционер.

— Мы с вами вместе смотрим это кино,— сказал Шубин.— Я пойду наверх, поищу телефонный справочник. Я хочу дозвониться до заводов или до аэропорта.

Он не стал говорить милиционеру о горбатом командировочном. Вернее всего, милиционер забыл о нем.

Шубин не успел подняться до третьего этажа, как услышал, что сверху, громко и весело разговаривая, спускается группа людей.

— Нам нет преград ни в море, ни на суше!— загудел бас.

— Стойте!— приказал он, отступая на шаг перед поющими гостями и видя лишь напряженное лицо Гронского.

— Что еще? Это что еще, нам мешают петь!— воскликнула толстая матрона.— Витя, он мешает!

— Он пьян!— нашелся референт.— Уже милицию вызвали, а он все хулиганит.

— И мы тоже пьяные!— запела матрона.— Давайте петь вместе.

Шубин резко оттолкнул ее и оказался лицом к лицу с Гронским.

— Отойдите сюда,— показал он наверх.— Мне надо сказать вам два слова.

— Ты поосторожнее!— закричал референт.— Без хулиганства.

Гронский был насторожен и зол. В глазах читалось опасение: если Шубин смог вырваться из цепких объятий милиции, значит, он нашел какой-то ход, какие-то связи? Какие?

— А вы,— сказал Шубин остальным,— стойте здесь. И не спускайтесь ниже.

В голосе Шубина была та уверенность в праве приказывать, что быстро угадывается и признается людьми иерархии. Это умение, происходящее от внутренней убежденности, трудно подделать.

Компания прервала пение, все замолчали. Стояли, глядели на Гронского, будто он был старшим в этой стае и ему принимать решение.

— Подождите,— сказал он и поднялся на ступеньку выше, так что теперь его отделяло от остальных метра два. Референт приклеился сбоку, чтобы не оставить шефа в опасную минуту.

— Отойдите,— сказал ему Шубин брезгливо, как и положено говорить с шестерками.

Тот смотрел на Гронского.

— Ну!— сказал Шубин.

Гронский сделал движение головой, отправляя шестерку к остальным.

Шубин дотронулся до плеча Гронского, отводя его еще дальше от компании.

— Случилось несчастье,— прошептал он.— Катастрофа. Много людей погибло.

Гронский не отвечал. Он почуял опасность и весь подобрался. Ноздри породистого носа побелели, даже брыли подобрались.

— Вернее всего, это химическое отравление.

— Где?— спросил Гронский шепотом.

— Два этажа вниз,— сказал Шубин. Он уже говорил нормальным голосом и слышал тяжелое дыхание прочих слушателей.

— Если это шутка...

— Тогда идите, только идите один,— сказал Шубин.— Я вам не советую подвергать риску жизнь ваших гостей.

— Это бессмыслица какая-то,— сказал Гронский. Он смотрел не на Шубина, а на очень толстого, туго затянутого в костюм краснощекого лысого гостя. Гость тронул Шубина за рукав.

— Повторите, что произошло,— сказал он.

У него были красные щеки и красный носик. Очень светлые, живые, не замутненные водкой глаза.

— Я не знаю причин катастрофы,— сказал Шубин.— Но внизу лежат мертвые люди. На площади тоже. Много людей.

— На площади? Где?— Толстяк как бы взял в свои руки командование. Он был главнее Гронского, и Шубин понял, что банкет происходил именно в его честь.

— Спуститесь на пролет ниже — можете выглянуть в окно,— сказал Шубин.— В холл спускаться нельзя. Там газ.

— Какой газ?— Гронский был раздражен, ему хотелось не верить Шубину, он подозревал в этом какую-то месть за милицкий рейд.— Какой может быть газ?

Шубин пошел с ними вниз. Теперь не было нужды искать телефонный справочник. Если можно говорить о везении в такой ситуации — Гронский был этим везением. Уж он-то знает все телефоны.

Толстяк первым оказался на лестничной клетке. Милиционер все еще стоял у телефона. Больше ничего за эти минуты не изменилось. Толстяк подошел к окну возле стола дежурной и отодвинул занавеску резким жестом пьяного человека. Гронский подошел к нему, остальные стояли сзади, заглядывали через плечи.

— Не отвечают?— спросил Шубин у милиционера.

— Боюсь, что да,— сказал милиционер. Он взял фуражку, что лежала на столе. Надел ее. Он знал, когда имел дело с начальством.

— Чепуха какая-то,— сказал Гронский. Толстяк молчал.— Возможно, они потеряли сознание,— сказал Гронский.

— Сознание?— Толстяк обернулся к Гронскому. Потом перевел взгляд на Шубина.— Давно это случилось, товарищ...

-- Шубин.

— Шубин. Очень приятно. Спиридонов. Когда это случилось товарищ Шубин?

— Я увидел это... минут двадцать назад.

— Как увидели?

— Я спустился в холл. Вместе с сержантом.

Милиционер кивнул. Присутствие толстяка все ставило на свои места. Этот будет принимать меры. И если

даже милиционер знал в лицо Гронского, все равно на роль начальника он выбрал именно Спиридонова.

— Там то же самое?

— Да. Там все мертвые. И когда человек, который был с нами, все же спустился в холл, он упал.

— Это случилось быстро?

— Практически мгновенно.

— Что вы можете сказать, Виктор Иннокентьевич?— спросил Спиридонов у Гронского.

— У нас такого не бывает,— сказал Гронский.

— Знаю, что не бывает. Иначе бы давно всю Россию перетравили,— сказал Спиридонов.

— Может, диверсия?— спросил шестерка. Уши его шевельнулись.

— Диверсия?— повторил Спиридонов.— И наверное, американская? Или сионистская? Замечательное объяснение.

— Надо позвонить на биокомбинат,— сказал Гронский.— Может, у них выброс?

— Вот и займитесь,— сказал Спиридонов.

Одна из толстых женщин громко рыдала, прислонившись к стене. Гронский подошел к ней. Он сказал:

— Верочка, не надо.

— Милиция не отвечает,— сказал Шубин.

— «Скорая помощь» тоже,— добавил милиционер.— И пожарники молчат.

— Понятно,— сказал Спиридонов.— Товарищ Шубин, пойдемте со мной, покажете мне, что там, в холле.

Шубин подчинился, подумав, правда, что даже в такой ситуации Спиридонову, привыкшему, чтобы его проводжали и ему показывали, не приходит в голову пойти посмотреть на холл одному. Шубин понимал, что это происходит не оттого, что Спиридонов боится — он не производил впечатления пугливого человека. Просто он не привык действовать без человека, которому в случае нужды мог бы отдать приказание. А из окружающих он выделил себе в помощники Шубина.

Гронский взял телефонную трубку, протянутую милиционером. Шубин последовал за Спиридоновым к лестнице.

— Осторожнее,— сказал он, когда они начали спускаться.— Туман постепенно поднимается.

— Туман? Почему вы раньше не сказали?

— Я не уверен, что он — причина гибели людей,— сказал Шубин.— Но там есть желтый туман, и я думаю, что люди погибли из-за него.

Они остановились у последнего пролета. Спиридонов стоял, уперев кулаки в бока, и медленно поворачивался, как бы впитывая в себя зрелище.

Два человека лежали, заклинив открытую дверь лифта. Певица из оркестра скорчилась в дверях ресторана, и блески ее платья мерцали в тумане золотыми звездочками.

— Мертвые,— сказал Спиридонов.

Он чуть двинул голову в сторону, чтобы вобрать в поле зрения Шубина.

— Воняет,— сказал он.— Чувствуете?

— Да.

— Здесь всегда воняет, даже вода воняет — я уж отмечал,— сказал Спиридонов.— А так чтобы воняло — не помню.

Шубин не стал отвечать.

— И что же вы предлагаете делать?— спросил Спиридонов.

— Надо связаться с другими районами,— сказал Шубин.— Мне говорили, что город стоит в низине, а заводы расположены выше.

— И зачем?— спросил Спиридонов.

— Они смогут сказать причину.

— Вряд ли,— сказал Спиридонов.— Ночь на дворе. На заводах только сторожа.

— А ночная смена?

— Сомневаюсь. Начало месяца,— сказал Спиридонов.— Но людей поднимать надо. Добраться бы до армии.

Наверху появились Гронский, рядом его референт. Они смотрели вниз, на холл, лица их были неподвижны.

— А вы что скажете?— спросил Спиридонов.

— Очень странно,— ответил Гронский.

Сверху послышался шум. Чей-то громкий голос кричал:

— У меня самолет через час. Вы что, не понимаете?

В ответ бубнил что-то милиционер.

— Успокойте его,— сказал Спиридонов Гронскому, тот кивнул шестерке, который сразу сорвался с места. Шубин смотрел ему вслед.

— Чего мы стоим?— сказал он.

— Есть предложения?

Желтый туман закрутился под ногами, и Спиридонов отошел на ступеньку выше.

— Почему мы до сих пор не позвонили в Москву?

— В Москву?— переспросил Спиридонов. Пожевал губами.— Может быть, и в Москву.

— Зачем в Москву?— спросил Гронский. Он не возражал, он задал спокойный вопрос, как человек, который хочет разобраться в трудной задаче.

— В любом случае мы должны сообщить,— сказал Шубин.— Там примут меры.

Гронский смотрел на Спиридонова. Спиридонов — на Гронского.

— Нет,— сказал твердо Гронский.— Мы не знаем ни масштабов аварии, ни причин — ничего не знаем. Что мы скажем Москве? Что в гостинице какое-то отравление?

— Не только в гостинице,— сказал Шубин.

— Пускай не только в гостинице. Пускай и на площади. И нас спросят, а какие вы приняли меры? И мы скажем — позвонили в Москву. Это же, простите, несерьезно!— Гронский развел руками, чтобы все поняли, насколько это несерьезно.

Чувствуя неуверенность Спиридонова, Гронский загремел вопросами:

— И куда мы будем звонить в Москву? В штаб ПВО? В Министерство здравоохранения? Куда? В ЦК?

Слова Гронского звучали разумно, но в них была ложь, в них был страх, что сильнее страха от увиденного. Страх перед собственной гибелью, но не физической, а моральной, карьерной, деловой.

Вернулся шестерка с оттопыренными ушами. Он не скрывал восхищения перед филиппикой Гронского. Радостно кивая, будто ждал, когда начнут раздавать конфеты.

— Дело говоришь,— сказал Спиридонов.— До Москвы больше тысячи верст. Пока мы будем дозваниваться да

искать, с кем побеседовать, утро наступит. Давайте сначала попробуем задействовать местные силы. Чем больше сделаем сами, тем меньше будет претензий у Москвы. Как там, Гронский, на биокомбинате? Что тебе сказали?

— Никто не подошел.

— Это ничего не значит. Что у тебя предусмотрено на случай аварии?

— Есть программа у дежурного.

— Ты ему приказал действовать?

— Сергей Иванович, но ведь нет аварии на моем заводе! Нет аварии! Что-то случилось здесь, в центре. А завод вон там. Вы же знаете.

— Так, значит, на завод ты еще не звонил? Иди звони.

Заметив, что шестерка хочет бежать за Гронским, Спиридонов приказал ему:

— А ты, Плотников, давай в номер люкс, держи ключ! Неси сюда бутылку и стакан.

Спиридонов посмотрел на Шубина.

— Два стакана. Нам подкрепиться надо... Так, Шубин?

— Так,— Шубину захотелось улыбнуться. В Спиридонове была внутренняя ясность, которая позволяет подчиняться без сопротивления.

— Гронский на завод не дозвонится, вот увидишь, что не дозвонится. У него там тоже все дрыхнут. А мы с тобой, знаешь что сделаем? Мы с военным аэродромом свяжемся. Здесь есть, в Нехаловке. Пускай поднимут вертолеты и облетят город. Прежде чем действовать, мы должны знать, с чем имеем дело. Разумно.

— Разумно,— сказал Шубин.

— Вот и я так думаю. Пошли, а то я помру от этой вони. Мутит. Тебя мутит?

— Мутит,— сказал Шубин и отметил про себя, что ему очень хотелось добавить «так точно!».

Наверху народу прибавилось. Гронский был у телефона. Все смотрели на него. Эля стояла в сторонке, увидела Шубина и обрадовалась. Но не подошла, не посмела. Она понимала, что теперь наступило время начальников.

В стороне стояли три грузина из ресторанной компании. Они допрашивали милиционера, хотели посмотреть, что там, внизу, но милиционер пришел в себя и говорил властно. У лифта, где все еще горел красный

огонек, стоял второй из командировочных, что был с Шубиным в ресторане. Надо ему сказать, что его товарищ погиб. Потом скажу, подумал Шубин. Он хотел было подойти к Эле, но тут Гронский громко сказал:

— Это кто у телефона? Почему не подходите? Кто, кто — Гронский, вот кто! Что там у вас происходит?

Гронский послушал ответ. Все замерли, замолчали.

— А кто у телефона?— продолжал Гронский.— Так вот, Ховенко, выйди из дежурки, обойди территорию. Я тебе через десять минут позвоню. А если что — немедленно отзвонишь сюда. Какой телефон?

Гронский спросил, зажав трубку ладонью:

— Какой здесь телефон?

— Двадцать-триста четыре,— отозвалась дежурная по этажу.

— Двадцать-триста четыре. Гостиница «Советская». Немедленно отзвони.

Гронский положил трубку с таким видом, словно у него гора свалилась с плеч.

— У нас все в порядке,— сказал он.

Получалось, что все происходящее вокруг — лишь видимость, недоразумение.

Это уловил и Спиридонов.

— У тебя в дежурке все в порядке,— сказал он.— А что это значит? Ничего не значит! Люди погибли, а ты — все в порядке!

— Мы будем искать причину,— сказал Гронский, проводя ладонью по гладкой щеке.— Мне позвонят. Все выяснится. Я уверен, что утечка на биокомбинате.

Появился шестерка Плотников. Он нес поднос, на котором стояли початая бутылка водки, два стакана и лежала нарезанная колбаска.

Он остановился перед Спиридоновым, не кланяясь ему, но всем своим видом изображая поклон.

— Молодец,— сказал рассеянно Спиридонов,— поставь на стол.

Тот поставил поднос на стол дежурной, и все смотрели молча, как Спиридонов разливает водку в два стакана, будто решая задачу, с кем разделить бутылку.

— Шубин,— сказал Спиридонов,— примем за знакомство.

Гронский не скрывал ненависти. Если бы не беда — ох бы он до Шубина добрался!

Может, в ином случае Шубин бы отказался, но именно из-за взгляда Гронского он стакан взял.

— За здоровье, — сказал Спиридонов. — Твое лицо мне знакомо. Откуда?

— Товарищ Шубин позавчера по Центральному телевидению выступал, — сказал шестерка, легкомысленно предавая своего шефа.

— Точно, — сказал Спиридонов. — У меня память на лица.

Он выпил свой стакан в три глотка.

— Давай, набирай аэродром, Гронский! Поднимем родные ВВС в темное небо. Ты чего не пьешь? — спросил он Шубина.

— Я знаю, куда позвонить в Москве, — сказал Шубин. — Надо позвонить к нам, в «Известия». Они знают, что делать.

— Зачем? — быстро ответил Гронский. Он уже цепко держал телефонную трубку. — Мы собственными силами, без прессы.

— Испугался, — без злобы сказал Спиридонов. — Ты понимаешь, Шубин, что будет, если Москва сейчас вмешается?

— Я думаю о пользе дела, — сказал Гронский и стал набирать номер.

Шубин знал, что все равно позвонит в газету. Сейчас же. Из своего номера.

— Сейчас он с крылышками свяжется, потом твоя очередь, — сказал Спиридонов. — А ты пей, не люблю, когда мои люди манкируют своими обязанностями.

Шубин понял, что никуда ему не деться от принадлежности к людям Спиридонова. И пить придется.

Он выдохнул воздух. И подумал — господи, спаси меня от этой чести...

Свет погас. Он погас везде — на лестнице, в коридоре, даже погас красный огонек лифта.

Это произошло не беззвучно — все здание как будто ахнуло — так отозвался в ушах Шубина общий вздох, вскрик всех, кто стоял вокруг. И сразу стало видно, что небо за окном зловеще светится желтоватым отблеском.

Шубин посмотрел туда. Фонари на площади потухли, потухли окна в домах на площади. Погасли окна в вокзале. И лишь в автобусе, что стоял посреди площади с открытыми дверями, у которых лежали его водитель и пассажиры, горел яркий свет. И дальше к вокзалу светился еще один автобус. Тоже пустой.

Шубин поставил стакан на край стола. «Если высшие силы прислушиваются к моим просьбам»,— началась мысль, но так и не кончилась, потому что невдалеке возник голос Эли:

— Юра, где ты?

— Я здесь,— сказал Шубин. Он пошел к Эле, наткнулся на кого-то...— Я здесь!

Эля была рядом. Вот она. Она уцепилась в его руку, как цепляется перепуганный ребенок.

За спиной голос Спиридонова произнес:

— Как связь? Работает?

— Нет,— ответил Гронский.— Молчит.

— Значит, энергию вырубили. Кто-то догадался, что опасно.

— А может, не догадался,— сказал Шубин.— Может, до них добрался туман.

— Это может быть?— спросил Спиридонов.

— Электростанция старая, на реке,— сказал Гронский.

— В низине?

— На нашем уровне.

— Мог добраться,— сказал Спиридонов.— Так что, Шубин, со звонком в Москву придется потерпеть.

— Вижу,— сказал Шубин.

Небо за окном светилось, по нему быстро бежали сияющие облака, между ними открывалась и сразу пропадала луна.

— Гражданка дежурная,— сказал Спиридонов. Он всегда успевал сказать раньше других.— Дежурная по этажу здесь?

— Здесь,— отозвалась та.

— На случай перебоев с энергией, где хранятся свечи или лампа?

— У горничных в комнате,— ответила дежурная.

— Тогда несите.

— Не могу,— ответила дежурная.— Как раз керосин кончился. Обещали завтра принести.

— Все у вас наперекосяк!

— Но ведь обещали. Если бы знать, из дому бы принесла.

— Все равно несите,— сказал Спиридонов.— В каких-то лампах должен остаться керосин. Вы ведь его не выпивали? Спички есть?

— Ой, кто тут?— раздался голос дежурной — значит, она все же двинулась и натолкнулась на кого-то в темноте.

— Да помогите ей кто-нибудь,— рявкнул Спиридонов. Его квадратная фигура закрыла окно. Шубин подошел к нему.

— Нас, конечно, вызволят,— сказал Спиридонов тихо, будто сам себе.— Но скандал будет большой. Гронскому не удержаться.

Сзади что-то гремело, дежурная искала лампы.

— Вы что-то сказали?— послышался голос Гронского.

Шубин подумал, что Гронский услышал слова Спиридонова, но предпочел не разобрать их.

— Ничего,— сказал Спиридонов.— Просто меня интересует, как вы дошли до жизни такой?

— Это не мой завод!

— Все равно будут искать виноватых. Смотри, сколько народу погубил.

— Когда разберутся, поймут, что мы ни при чем.

— Завтра на митинге бы и выяснилось,— сказал Шубин.

— Какой еще митинг?

— Да так, общественники, вы же знаете, сколько их теперь развелось,— сказал Гронский.— Сейчас нам надо думать о том, как выбраться отсюда.

— Общественность, говоришь?— Спиридонов не стал поддаваться на отводящий маневр Гронского.— И чем она была недовольна?

— Я с ними разговаривал,— сказал Шубин.— Вполне серьезные люди. Их беспокоило состояние атмосферы в городе. Они хотели написать коллективное письмо в Москву.

— Не успели,— сказал Спиридонов.— Но были правы. Понимаешь, Гронский, что были правы?

— Сначала надо разобраться, что случилось,— упрямо сказал Гронский.

— Тебя не собьешь.

— Что же делать, на этом держимся. Вы завтра поглядите, сколько мы писали в министерство, чтобы нам выделили фонды. Вам и писали. Мы этим воздухом дышим, а вы, Сергей Иванович, приехали и уехали.

— Еще напомни, что банкет вместе гуляли,— сказал Спиридонов.

— Я не это имел в виду. Я о нашей общей ответственности за дело. Мы — подчиненные люди, мы старались как можно лучше выполнить указания.

— Ну вот,— усмехнулся Спиридонов,— топи всех, может быть, в коллективе выплывем... Нет, Гронский, боюсь, что тебе это не удастся.

Сзади замелькал огонек.

— Нашла,— сказала, подплывая, дежурная.— Нашла! И керосину там наполовину.

— Вот и отлично,— сказал Спиридонов, поворачиваясь и как бы сбрасывая с себя разговор с Гронским.— Иди обратно, ищи еще.

— Да она же горит!— сказала дежурная.

— Сколько их там у тебя?

— Штук шесть есть.

— Так вот бери лампу и иди обратно. Из шести еще две должны гореть. Мы одной не обойдемся. А когда найдешь, одну поставь мне сюда, с другой пойдешь по этажам, скажешь другим дежурным, чтобы тоже лампы зажигали. И собирали людей. Никого в номерах оставаться не должно. Всех поднимать и гнать... Большое помещение есть? Чтобы повыше?

— Все холлы одинаковые,— сказала дежурная. Она высоко подняла горящую керосиновую лампу, и в круге света замелькали лица — Шубин понял, что народу вокруг прибавилось.

Тишина, владевшая гостиницей, сменилась растущим гулом голосов, окликов, шагов, стуков.

— Значит, так: собираем всех, кто живет в гостинице, в холле третьего этажа. Понятно? С дежурной пойдут

Плотников и Гронский. Нужны еще добровольцы — по одному на этаж. Ну, кто?

Второй командировочный откликнулся:

— Я пойду.

— Я могу пойти,— сказал Шубин.

— Нет, ты останешься со мной.

— Я тоже, пожалуй, останусь здесь,— сказал Гронский тихо и требовательно.— Надо организовать мозговой центр.

— Мозговой центр — это я,— сказал Спиридонов.— При мне будут Шубин и милиция. Ты здесь, милиция?

— Здесь,— сказал сержант.

— Остальные — исполнять.

Появилась вторая лампа. Стало веселее и уютнее. Был установлен вроде бы порядок, который помогает не думать о тех людях, что лежат этажом ниже. Дежурная, преисполненная ощущением собственной значимости, двинулась вверх по лестнице. За ней — группа мужчин. Шубин заметил, как Гронский, шедший сзади, в последний момент отвернул от лестницы и остался в глубине холла.

— Сергей Иванович,— сказал Шубин,— мы забыли про наш этаж. Я пройду, разбужу, не возражаете?

— Давай, и возвращайся поскорее.

— Я с тобой пойду,— сказала Эля.— Мне страшно здесь оставаться.

Шубин взял со стола лампу.

Она легко шла за Шубиным, касаясь его рукой.

— Юрочка,— сказал она, как бы моля, чтобы он ее переубедил.— А газ до моих не доберется?

— Он тяжелее воздуха,— сказал Шубин, стараясь, чтобы голос звучал убедительно.— Вверх он не поднимается. Сюда же не поднялся. Твои ведь на четвертом?

— На четвертом.

— Значит, они в безопасности.

— А вдруг они проснутся и вниз пойдут?

— Я надеюсь, что скоро все это кончится. Ведь не все же в городе вымерли. Есть районы, куда газ не добрался. Особенно на возвышенных местах. Поднимется ветер и все сгонит...

— А вдруг...

— Да подожди ты,— огрызнулся Шубин.— Лучше помогай. Я буду стучать в правые двери, ты — в левые.

Он постучал в первую дверь.

Не ответили. Постучал сильнее. Внутри кто-то завозился, недовольно прокашлялся.

Эля стучала в дверь напротив. Потом засмеялась.

— Ты что?— смех ее был удивителен.

— Я подумала,— сказала она,— что там они, как мы с тобой... Ведь сейчас больше двадцати трех.

Господи, улыбнулся Шубин. Как давно все это было! Целый час назад!

— Открывайте!— крикнул Шубин.— Авария! Одевайтесь и спокойно выходите из номера. Авария, понимаете?

— Что? Что такое?— открылась дверь дальше по коридору, где было совсем темно. Голос оттуда испуганно спросил:— Почему нет света?

— Где авария?— откликнулись за дверью.

Скрипнула дверь напротив. Шубин услышал, как Эля говорит двум девчушкам, стоящим в дверях в ночных рубашках:

— Ничего страшного. Но надо выйти из номера. Одевайтесь.

— А вещи с собой брать нужно?— спросили издали, из конца коридора.

Шубин пошел вдоль дверей, молотя в них кулаками. Некогда было уговаривать каждого в отдельности.

— Срочно одеваться!— кричал он.— Срочно выходить!

А в ответ раздавались голоса — казалось, они доносились не только из-за дверей, а со всех сторон — катились по коридору, отражались от потолка, от стен...

— Что? Пожар? Где свет? Что случилось? Кто там хулиганит...

Три лампы горели на столе дежурной на третьем этаже.

Холл этажа был тесно набит тяжело дышащими, перепуганными, сонными людьми. Некоторые не поместились, толпились в коридоре, все время подходили новые люди и шепотом, а то и громко спрашивали, что произошло.

Говорил Спиридонов. Неверный свет ламп обтекал его

грубое, щекастое лицо. На кого он похож? На Фантома-са? За его спиной стояли несколько человек, среди них, конечно же, Гронский и его шестерка. Как бы штаб. Шубин, обняв за плечи Элю, встал у окна.

— Пока не прибыла помощь,— продолжал Спиридонов,— а на ее прибытие мы рассчитываем, как только восстановится связь, никто из гостиницы не выходит. Никто не спускается ниже второго этажа, там высокая загазованность. Опасно для здоровья.

— Насколько опасно?— спросил кто-то из толпы.

— Очень опасно. Если не верите, можете проверить. Жилыцы второго этажа переходят на этаж выше. Занимают пустые номера или остаются в коридорах.

— А водой пользоваться можно?

— Водой пользоваться не рекомендуется. Пока ее не проверят специалисты. Оснований для паники нет. Приказываю: строго подчиняться административной группе, которая размещается здесь. Я — Спиридонов Сергей Иванович. В случае необходимости обращаться лично ко мне.

Толпа качнулась к центру, к столу, за которым стоял Спиридонов. Начали спрашивать, перебивая друг друга, вопросы повторялись: про вещи, про радиацию. Спиридонов отвечал уклончиво и уговаривал оставаться в номерах. Но в номера мало кто ушел, спрашивали друг друга, никто толком ничего не понял. Но потом кто-то выглянул в окно, ахнул, все стали давиться у окна, Шубина оттолкнули. Он сказал Спиридонову через головы:

— Я пойду вниз, передайте мне лампу.

— Зачем?— спросил Спиридонов.

Шубин пробился к столу.

— Я хочу проверить, не поднимается ли газ.

— Рациональная идея,— сказал Гронский.

Спиридонов взял одну из ламп, протянул Шубину.

— Доложишь мне лично, чтобы никто не знал.

И тут же крикнул:

— Милиция, ты здесь?

— Здесь,— откликнулся сержант от лестницы.

— Никого вниз не пускать.

— Слушаюсь.

— Как же так? — раздался высокий голос. — Я же вещи из номера не взяла.

— Вещи возьмете завтра! — крикнул Спиридонов.

— Там мертвые! Они же все мертвые! — крикнули от окна.

Шубин пошел к лестнице. Эля собачонкой спешила за ним.

— Пойду погляжу, как там, — сказал он милиционеру.

— Вы осторожнее, — сказал тот.

— Спасибо.

— Может, девушка ваша здесь останется?

— Ничего, — сказал Шубин. — Она шофер.

— Шофер? — удивился милиционер. — А мне сказали, что это... из ресторана с вокзала.

— Они скажут, — огрызнулась Эля. — Я еще им покажу.

— Не покажете, — сказал милиционер. — Он там лежит, задохся.

Им удалось спуститься только до второго этажа. И тут же, тремя ступеньками ниже, Шубин увидел желтое, маслянистое в свете керосиновой лампы, мерцание. Что-то произошло, заставив туман ожить и двинуться выше. Впрочем, если источник тумана, где идет смертельная реакция, продолжает действовать, — а почему бы и нет? — то газ постепенно заполняет котловину города. Люди, что живут в одноэтажных домах, давно уже умерли. Вернее всего, умерли. И не заметили, как это случилось.

— Поднимается, — сказала Эля. — Почему поднимается?

— Не знаю, — сказал Шубин.

— И сколько будет подниматься?

— Вернее всего, это предел, — сказал Шубин. — Газ будет растекаться вокруг — он уже наполнил низину, а теперь будет растекаться.

— И убивать тех, кто выше?

Шубин пожалел, что разрешил Эле идти сюда. Она дрожала, голос срывался.

— Надо посоветоваться со Спиридоновым, — сказал он. — Пошли обратно.

Милиционер наклонился, увидев, как поднимается

Шубин с лампой в руке. За спиной милиционера гудели голоса.

— Ну что?— спросил он.

— Немного поднялось,— сказал Шубин.— На второй этаж лучше не ходить.

— У вас закурить не найдется?

— Черт возьми, кончается,— сказал Шубин, достав пачку.

— Тогда не надо.

— Нет, берите, я в номере возьму.

— Ты туда не ходи,— сказала Эля.

— Слушайте, мы с вами вроде теперь знакомы,— сказал Шубин милиционеру.— А я не знаю, как вас зовут.

— Сержант Васильченко.

— А по-человечески?

— А по-человечески Коля, Коля Васильченко.

— Меня Юрой.

— Вот познакомились, даже странно,— сказал милиционер.— Сначала вроде как вы нарушали, а теперь мы вместе.

— Это ты точно заметил,— сказал Шубин.— Только когда-нибудь потом расскажешь мне, чего я нарушал?

— Сами знаете,— сказал Коля и покосился на Элю.

— Ладно. Слушай, Коля, Эля останется с тобой. Чем скорее я схожу в номер, тем лучше. У тебя, Эля, там ничего не осталось?

— Нет. У меня только сумка была.

Он подтолкнул Элю к милиционеру и быстро спустился вниз.

Огонек в лампе затрепетал, чуть-чуть уменьшился. Еще не хватало, чтобы она погасла. Шубин покачал лампу, вроде бы внутри булькнуло.

На площадке второго этажа он остановился и снова поглядел вниз. Желтый туман мирно лежал у его ног. От него исходил мертвый запах. Это как вода, подумал Шубин. Как океан или озеро. На дне его лежат утонувшие люди. Было крушение, утонул корабль, и там лежат люди. И между мной и ними толща воды. И эта вода разлилась широко, еще не известно, насколько широко. Затопила много домов... Наводнение на Урале, могут сообщить по телевизору. Хотя наводнения обычно случаются

в Бангладеш. Да и лучше, если было бы наводнение. Или землетрясение. В этом никто не виноват. А здесь смерть безмолвная, подлая, придуманная людьми.

Он пошел по коридору. Еще недавно здесь были люди, даже запахи остались. Но теперь стояли тишина и запустение покинутого корабля, который чудом удерживается на плаву. В номере Шубин открыл чемодан. Что взять? Наверное, самое разумное — взять весь чемодан и отнести его наверх. Но неловко. Кто-нибудь заметит, и люди со второго этажа начнут рваться вниз. Нет, если всем нельзя, то и мне тоже. Шубину раньше не приходилось попадать в стихийные бедствия, и он даже удивился собственному решению — оказывается, совесть твоя не дремлет, Юра, сказал он себе.

Он достал из чемодана сигареты, потом положил в карман аляски банку с кофе. Документы здесь. Больше человеку на плоту в открытом океане не нужно. Он хотел уже выходить, но тут его посетила мысль: а что, если предметы, попавшие в желтое мерцание, заражаются? Тогда он больше чемодана не увидит. Жалко, хороший чемодан, небольшой, крепкий, красивый, в Кельне покупал. И он забросил его на верх шкафа. Все же лишние полтора метра — может, не достанет. Потом заглянул в ванную, взял оттуда зубную щетку и пасту — тоже может пригодиться.

Перед тем, как уйти совсем, вернулся к окну.

Площадь была такой же — по ней тянулись тени от луны. В пустом автобусе все еще горел свет. Люди на снегу лежали так же покорно и неподвижно, как прежде. На крыше вокзала было какое-то шевеление. Шубин пригляделся. Там был человек. Нет, два человека. Ну и холодно им, подумал Шубин.

Где сейчас Бруни, Борис, Наташа? Если их забрали в милицию, то, вернее всего, их уже нет в живых. Шубин подумал об этом отстраненно, будто решал логическую задачу. Хорошо, если их отпустили. Тогда они дома. И если Бруни увидел, что творится, до того, как погас свет, он мог успеть позвонить в Москву или в Свердловск. Кто-то же должен был сообразить! Есть железная дорога, аэродром и воинская часть — город как бы вписан в паутину постоянных связей с внешним миром. Значит,

сейчас уже поднимается тревога — надрываются телефоны, спешат самолеты...

Шубин спохватился. Пора идти. Эля там с ума сходит. Вчера Эли не существовало. А сейчас он убежден, что она сходит с ума. И ничего в том странного. Может, никогда жена не была ему так близка, потому что за одиннадцать лет жизни ему ни разу не пришлось бояться за нее, да и она никогда не дрожала от мысли, жив ли он. Даже когда родилась дочка, он был за границей. Узнал об этом из телеграммы как о событии радостном и не тревожился. И расстались они как-то без трагедии. Он знал, что у нее роман, и даже почти знал — с кем, и даже понимал, что тот, другой, сильнее и отнимет Дашу. Когда захочет Даша, тогда он ее и отнимет. Так и произошло.

Два человека шли по гребню крыши вокзала.

Шубин закрыл дверь в номер. В этот момент керосиновая лампа погасла. Он потряс ее. Не булькает. Пришлось возвращаться, придерживаясь рукой за стену, а потом, уже в холле, возле стола дежурной, стало страшно — ему представилось, что желтый туман подобрался к лестничной площадке и молча поджидает его. Шубин набрал воздуха и задержал дыхание. Он шел, выставив вперед руки. Сердце заколотилось, и не хватало воздуха — грудь разрывало, так хотелось вдохнуть. И потом воздух сам прорвался в легкие. Даже зашумело в ушах. Но ничего не случилось. Шубин отыскал ступеньку и стал подниматься, хватаясь за перила ослабшей от страха рукой.

— Это ты? — прошептала сверху Эля.

— Лампа погасла, — сказал Шубин. И голос сорвался. Он кашлянул. — Все в порядке. Только лампа погасла, керосин кончился.

Эля бросилась к нему. Она плакала.

— Я хотела к тебе бежать, — сказала она. — А Коля не пускает.

— У нее же света нет, — сказал рядом не различимый в темноте Коля. Они, оказывается, спустились на пролет, ожидая его.

— Да чего со мной случится? — сказал Шубин. — Ничего не случится.

— Чуть не забыл, — добавил Шубин. — Держи. Сигареты.

— Вот спасибо,— обрадовался Коля.— А я думал, что забудете.

— Спички есть?

— Есть.

Они с Элей поднялись выше. Лампа на столе мигала, в ней тоже кончался керосин. Можно было различить силуэт Спиридонова, который стоял, опершись ладонями о стол. Возле него было несколько черных теней. Толпа куда-то рассосалась.

— Основа, очевидно, сероводород,— негромко бубнил Гронский,— он сам по себе опасен. Но без анализа я не скажу.

— Ты же химик. Придумай, что делать,— сказал Спиридонов.

— Я не химик, а администратор. Но даже химик другого не скажет.

— Мать вашу! Довели город до ручки!

Спиридонов почувствовал приближение Шубина.

— Куда провалился?— сказал он ворчливо.

— За сигаретами ходил,— сказал Шубин.— Пока не поднимается.

— Дай-ка сигареты,— сказал Спиридонов.— Хоть я и бросил.

Шубин открыл пачку. Спиридонов взял сигарету.

— «Мальборо»,— сказал он.— Фирменные куришь?

Из темноты протянулись еще две руки, взяли по сигарете.

— Вы будете?— спросил Шубин у Гронского.

— Я не курю,— ответил тот, словно в предложении Шубина было нечто неприличное.

Потянуло вкусным дымом.

...Слабенькое пламя керосиновой лампы, огоньки сигарет вокруг, тишина, чей-то повествовательный голос неподалеку, доносящиеся до слуха слова: «И был еще такой у меня случай. Попал я в командировку в Курган...»— все вместе создавало по-своему гармоничный, законченный ночной мир, и если забыть, что внизу, под слоем желтой воды, лежат утопленники, то можно придумать вполне мирную, обыденную причину, объединившую этих людей, ожидающих, но не напуганных ожиданием.

— Сергей Иванович,— сказал Шубин.— Я хочу подняться на крышу.

— Зачем? Хотя ты прав, надо, наконец, осмотреться. Иди. Доложишь. Возьми с собой только кого-нибудь. Один не ходи.

— Я милиционера возьму,— сказал Шубин.— Он местный, он может объяснить.

— Разумно. Идите. Плотников, смени милиционера на лестничной площадке.

Эле Шубин велел остаться внизу, потому что она была без пальто. Эля не стала спорить. Она сказала, что поищет свободный номер, чтобы там устроиться, потому что Юре надо поспать.

С ними пошла дежурная со второго этажа. Этажом выше они нашли лампу. Лампы горели и на пятом этаже, и на шестом, последнем. Во всех холлах был народ — люди боялись расходиться по темным номерам. При виде милиционера с Шубиным люди оборачивались, вставали, спрашивали, что нового. Какая-то женщина сказала:

— Я видела пожар. Из моего окна.

— Спасибо, мы сверху поглядим,— сказал Шубин.

На шестом этаже играла музыка — она доносилась из глубины коридора. Музыка была современная, рваная, с выкриками.

— Что там?— спросил Коля у старика, который сидел за столом дежурной и читал при свете керосиновой лампы.

— Гуляют,— сказал старик равнодушно.— Видно, большие запасы спиртного. Вот и решили ликвидировать.

— Со страху, что ли?— спросила дежурная.

— А им с шестого этажа ничего не видно,— сказал старик и перевернул страницу.

— А вы что читаете?— спросил Шубин.

— Евангелие,— ответил старик. И снова перевернул страницу.

— Чудак,— сказал милиционер, когда они вышли на служебную лестницу. Дежурная показала дверь на чердак. Дверь была закрыта и опечатана.

— Здесь печать,— сообщил Коля.

— Вижу,— сказал Шубин.— Срывайте.

Милиционер колебался. Шубин протянул руку и сорвал печать. Он нажал на дверь, та не поддавалась.

— Дайте я,— сказал милиционер. Он отклонился назад и ударил в дверь плечом. Дверь послушно распахнулась.

Дежурная сказала:

— Вы там найдете выход. А я не пойду. Не одетая я. Я здесь подожду. Вам лампа не нужна?

Они легко нашли выход на крышу.

Было холодно, но безветренно. Большинство домов в городе были ниже гостиницы, потому был виден весь город до невысоких холмов, ограничивавших котловину, разделенную посередине рекой.

Видно было хорошо. Светила луна, чуть светилось небо, а за рекой полыхал пожар. Дворы и крыши домов были покрыты снегом. Так что город был виден почти как днем.

Крыша была плоской, снег лежал на ней ровно — никто не поднимался сюда за последний день.

Город спал. Ни в одном из домов не было огня. Хотя нет, если напрячь зрение, увидишь, что далеко, там, где стоят пятиэтажки, в одном или двух окнах мерцает слабый свет — кто-то зажег свечи.

Шубин поглядел вниз — видна была улица, ведущая от вокзала к центру. Он сразу увидел те же игрушечные фигурки, темные полосы и закорючки на снегу и на грязной мостовой — всюду лежали люди. Их было не так много, потому что несчастье случилось поздно, а город после одиннадцати засыпает. Но все равно в поле зрения оказались десятки тел. Там несколько человек тесно лежат на автобусной остановке, а вот и сам автобус — окна светятся, как у того, что у станции.

Дальше по дворам и переулкам, видимым лишь частично, мертвых было очень мало. Один, два... но переулки были застроены одноэтажными домами, и желтый газ забрался в них.

Газ можно было угадать. Не столько увидеть, сколько угадать — настолько он был прозрачен. Он накрыл центр города ровным, спокойным слоем прозрачной воды. На главной улице он достигал середины окон первого этажа, дальше в переулках он кое-где залил одноэтажные

строения до самых крыш. Местность постепенно понижалась к реке — черной полосе за домами. Там, у реки, туман поднимался даже до третьих этажей.

Над водой он клубился, двигался, жил, как бы рождался из воды, выплескивался и, успокаиваясь, как вода, выбивающаяся из подземной скважины, растекался во все стороны. Слева река вливалась в черное незамерзшее озеро, также покрытое подушкой желтого тумана.

Значит, понял Шубин, процесс рождения газа продолжается. И он постпенно поднимается. В желтом тумане там, за рекой, играли отблески пожара. Горело большое трехэтажное здание — в его широких окнах светилось адское пламя, языки прорывались уже сквозь крышу, черный дым порой закрывал луну.

— Что там? — спросил Шубин.

— Текстильная фабрика, — сказал Коля.

Удивительна была безжизненность пожара. Ведь пожар всегда привлекает к себе — не только пожарные машины, но и зеваки окружают место пожара, он вызывает мельтешню людей. А этот пожар пылал в полном безмолвии и равнодушии города.

Шубин старался понять, рассеивается ли желтый туман рядом с огнем, но на таком расстоянии нельзя было вычленить его бесплотную суть из сполохов огня.

Еще один пожар разгорался дальше — там горел жилой дом, стандартная пятиэтажка, частично перекрытая другими домами, и поэтому земля вокруг нее не была видна. Но даже если бы и была — лучше не смотреть, потому что люди, выбегая из дома, наверняка погибали тут же от газа — дом стоял неподалеку от реки.

А за рекой и такими же немymi и темными кварталами, как по эту ее сторону, город взбирался на пологий склон. Там тоже стояли дома — одноэтажные улицы сбегали к озеру, погружаясь в туман. Дальше начинались заводские здания. Над лесом труб не было дыма, в окнах — темнота. А есть ли там люди и что они делают — отсюда не разберешь.

— Юра, ты здесь?

Эля вылезла на крышу и побежала к нему. Она была в одном платье.

— Ты зачем сюда пришла? Здесь ничего мне не гро-

зит,— сказал Шубин.— А ну, давай обратно, простудишься.

— Ну и пускай,— сказала Эля. Она отмахнулась от Шубина, она смотрела к реке, в сторону горящего дома.

— Ты что?

— Ой,— сказала Эля.

— Это твой дом?— впервые за эту ночь Шубин ощутил холодный ужас.

— Нет, это двадцатый,— сказала Эля.— Мой дальше, правее.

— Не бойся, огонь не перекинется,— быстро сказал Шубин.— Ты же видишь, между ними сквер.

— Но там Верка живет... ты не знаешь. Подруга моя...

— Уходи,— сказал вдруг милиционер.— Уходи, а то силой уведу!

— Нет, не надо, я боюсь, там темно. Пожалуйста, не надо.

Шубин снял аляску, накинул на плечи Эле.

— Коля,— спросил он осторожно,— а ты где живешь?

— Я в общежитии,— сказал милиционер.— Я же после армии. Отсюда не видно... за теми домами. Мне не за кого беспокоиться. Как и вам.

— А почему он загорелся?— спросила Эля.

— Кто-то мог оставить утюг или плитку...

— Оставить и умереть, да?

— Тише!

Над головами родился отдаленный гул. Он приблизился. Над ними летел самолет.

— Нет,— сказал милиционер.— Это рейсовый. Высоко летит.

— Если никто не заметил, что нет энергии,— сказал Спиридонов, который тоже вышел на крышу,— то пожар заметят. Уже заметили.

— Хорошо бы заметили, но плохо, если поедут тушить,— сказал Шубин.

— Далеко не доедут,— согласился Спиридонов.

Спиридонов был в расстегнутом пиджаке, обширный живот наружу. Галстук съехал набок.

— Сейчас бы выпить,— сказал он.— Твой стакан где остался?

— На втором этаже.

- И бутылка там?
- Там, наверное.
- Ладно, потом схожу.

Между тем Спиридонов оглядывал город. У него плохо поворачивалась голова, и потому он разворачивался всем телом.

— До воинской части далеко? — спросил Спиридонов у милиционера.

— Километров двадцать, — Коля показал в сторону завода.

— Дым должны заметить. Не могут не заметить. А аэродром где?

— Там же, только поближе, — сказал милиционер. — Сейчас самолет пролетал.

— Чего же вы молчали? И куда полетел?

— Наверное, рейсовый, — сказал Шубин. — Он высоко пролетел.

— Не люблю, — сказал Спиридонов, — сидеть и ждать, пока тебя сожрут с дерьмом. Этого не люблю. Как ты думаешь, есть какое-нибудь противоядие?

— Не знаю.

— Я тут допрашивал — есть ли химики? Один нашелся, но никакой версии не дал. Потом смылся куда-то.

— Надо сделать ходули, — сказал милиционер. — Только подлиннее, чтобы голова выше была.

— Хорошая мысль, — сказал Спиридонов. — А потом что?

— Потом уйти.

— Много ты на ходулях в своей жизни ходил?

— Не ходил еще.

— И на скрипке не играл?

— Нет, не играл, а что?

— А то, что всему научиться надо. Выйдешь ты на ходулях на площадь, гробанешься на третьем шаге — и прощай, деревня.

Спиридонов прошел на ту сторону крыши, Шубин присоединился к нему. Оттуда были видны подъездные пути с темными вагонами, трупы на рельсах, далее — погруженные по пояс в желтый туман дома, склады... С той стороны город кончался раньше — можно было разглядеть в темноте щетку леса.

— Я что думаю,— сказал Спиридонов,— у них в гостинице должен быть штаб гражданской обороны. Милиция, случайно не знаешь, где он?

— Нет, не знаю.

Милиционер тоже подошел к ним, на той стороне крыши осталась только Эля. Она все смотрела на свой дом и соседний, горящий.

— Жаль,— сказал Спиридонов.— Но вернее всего на первом этаже. И какого черта все склады устраивают на первом этаже?

— Поэтому что города редко затопляет,— сказал Шубин.

— Обыскать бы первый этаж, там наверняка противогазы гниют.

— Если противогазы помогут от этого,— сказал Шубин.— Нет гарантии. Нужны с автономным питанием.

— А мы бы попробовали. Недели бы на Гронского и отправили его. Останется живой, мы все спасены, а погибнет — почетные похороны.

— Жалко, но ваш план не пройдет.

— Вижу, что не пройдет. А может, морду замотать мокрым полотенцем? Я читал где-то.

— И куда пойдете?

— Заведу автобус...

Сзади донесся гулкий звон. Еще удар, еще...

Они кинулись на тот край, к Эле.

— Что это?— спросил Спиридонов.

— Это в церкви,— сказала Эля.— Звонят.

— Зачем?— спросил Спиридонов.— Это еще зачем?

— Набат,— сказал Шубин.— Слышите, как бьют? Часто и одинаково.

— Кто разрешил?— И тут же Спиридонов опомнился, махнул рукой.

— Странно,— сказал Шубин.— Он ведь как-то прошел в церковь?

— Церковь на холме,— сказала Эля.— А он, наверное, в доме живет, возле церкви. Красный дом такой.

— Точно,— согласился милиционер.— Он там живет.

— Зря он колотит,— сказал Спиридонов,— и без него плохо.

— Может, он хочет предупредить,— сказал Шубин.— Или привлечь внимание.

— Не знаю, не знаю,— сказал Спиридонов.— Какой дурак услышит, выскочит из дома — вот ему и конец.

Они замолчали, колокол продолжал бить, словно пытаясь разбудить мертвый город.

— Я бы полжизни сейчас отдала, только бы до дому дойти,— сказала Эля.

— Не швыряйся жизнью, девушка,— сказал Спиридонов.— Еще нарожаешь.

Эля поежилась, но сделала вид, что не расслышала.

Она потянула Шубина за руку — чтобы уйти.

— И точно холодно,— сказал Спиридонов, заметив ее движение.— Пошли, я совершу сейчас рейд на второй этаж — чтобы бутылка не пропадала.

Шел второй час ночи, на шестом этаже холл опустел. Три человека спали сейчас в креслах, поставив рядом вещи, остальные все же разошлись по комнатам.

На четвертом этаже все еще играла музыка. Спиридонов сказал:

— Разогнать их, что ли? Пир во время чумы устроили.

— Не тратьте силы, только нарветесь на скандал,— сказал старик. Он все еще читал Евангелие.— Они хотят заглушить страх. Каждый это делает, как может.

— Но нам-то бояться нечего.

— Люди, которые мертвые, тоже ничего вчера не боялись.

— Ладно, пошли,— насупился Спиридонов,— нечего тут мистику разводить.

На третьем этаже у стола стояли Гронский и шестерка Плотников. О чем-то шептались.

— Вас долго не было,— сообщил Гронский Спиридонову.— Пока никаких происшествий не произошло.

— Отдыхайте,— сказал Спиридонов.— Завтра трудный день.

Звук колокола сюда не проникал.

— Я пошел на второй этаж,— сказал Спиридонов.— Надо проверить.

— Я с вами,— вызвался Гронский.

— Обойдусь,— сказал Спиридонов.

Лампа совсем уже выгорела, вот-вот погаснет.

— Ты лучше сходи, Гронский, наверх,— сказал Спиридонов.— Принеси другую лампу, там вроде лишняя есть. Только у старика не отбирай.

Он подмигнул Шубину.

— Даю вам пять минут,— сказал Шубин.— Потом высылаю спасательный отряд.

— Я сам кого хошь спасу,— сказал Спиридонов и, убедившись что Гронский с шестеркой ушли, уверенно двинулся к лестнице.

Лампу он взял с собой. Стало темно.

— Я комнату нашла,— сказала Эля.— Пойдем, ты поспишь немножко. Тут рядом, вторая от края.

Шубину спать не хотелось, но он послушно пошел за Элей — она должна быть занята, думал он, хотя никак не мог придумать ей такого занятия, чтобы она отвлеклась от мыслей о доме.

Эля толкнула дверь. Номер был куда больше, чем у Шубина.

— Люкс,— сказала она.— Он был пустой, они всегда люксы держат для особых гостей. Как Спиридонов.

— А кто он такой, не знаешь?

Шубин отодвинул тяжелые шторы, чтобы впустить в комнату лунный свет.

— Вроде бы начальник главка. Из Москвы. Он Гронского начальник.

— Станный человек. В нем нет страха. И нет вины. Как будто он на каких-то маневрах.

— Это хорошо или плохо?— не поняла Эля.

— Не знаю. Но знаю, что сейчас лучше, что он с нами. Бывают люди, которые умеют командовать. Это призвание.

— Он умеет, это точно,— сказала Эля.

Шубин притянул к себе Элю, поцеловал ее в закрытые глаза. Она покорно стояла рядом. Потом сказала:

— Не надо сейчас, хорошо?

— Что не надо?— не понял Шубин. И тут же догадался, улыбнулся и ответил.— Я просто тебя поцеловал. Понимаешь — просто, потому что ты хорошая и я тебя люблю.

— Правда?

— Честное слово.

Он смотрел в ее глаза — удивительно, как он привык к темноте, словно лемуру какой-то.

— Мне страшно,— сказала Эля.— Но я очень счастливая. Это плохо?

— Почему плохо?

— Потому что Митька и мама там, а я счастливая?

— С ними ничего не будет. Я тебе слово даю.

— Спасибо, ты добрый.

Шубин посмотрел в окно — как там люди на крыше вокзала?

Но никого не увидел.

И замер от удивления. К вокзалу подходил товарный поезд. Яркой звездой появился огонь прожектора, ударил по вокзалу, протянулся дальше. Даже сквозь стекло было слышно, как стучат колеса. Поезд миновал вокзал. В просвете между зданием вокзала и багажными строениями было видно, как проскакивают вагоны.

— Неужели он не заметил?— спросила Эля.

— Он и не должен здесь останавливаться,— сказал Шубин.— Только если впереди какое-нибудь препятствие.

— Какое?

— Может быть, состав не увели с пути, или человек лежит... Не знаю.

— Пускай ничего не будет, пускай он проедет,— сказала Эля.

И как бы в ответ на ее слова раздался отдаленный скрежет. Вагоны начали как-то дергаться, замедляя ход, поезд останавливался.

— Черт, сглазил,— сказал Шубин.

Он представил себе, как машинист, увидев какое-то препятствие или почувствовав неладное, потому что не освещен вокзал и не горят светофоры, начал срочно тормозить. Он остановит состав... вот-вот. Потом скажет своему помощнику: «Свяжись со станцией, что у них там приключилось, чего не отвечают?»

И никто им не ответит.

Видно было, как все медленнее тянутся мимо вокзала вагоны. И вот поезд остановился... А сейчас машинист спрыгнет на землю... вот он упал... Вот его помощник спускается к нему, чтобы узнать, что случилось...

— Все!

— Что все?

— Ничего, это я про себя. Сколько времени прошло? Пойду посмотрю, что там со Спиридоновым. Ты оста-
нешься здесь?

— Нет, только не здесь. Я лучше к дежурной пойду.

У стола дежурной Спиридонова не было. Милиционе-
ра тоже. Где Коля?

— Коля!— позвал он. Тот не откликнулся.

Лампа была у Спиридонова. Шубин ожидал увидеть
ее свет, как только опустится на пролет ниже, но в холле
второго этажа было темно. Куда же он отправился? Не-
ужели вниз?

— Сергей Иванович!— позвал Шубин.

Шубин вспомнил о зажигалке. Сошел еще на несколь-
ко ступенек и остановился — не исключено, что желтый
туман поднялся на площадку и Спиридонов попался.

Зажигалка горела ровно, но свет ее был очень слаб.
Шубин присел на корточки — внизу, насколько доставал
свет, тумана не было. Шубин спустился еще на две сту-
пеньки вниз, снова посветил. Так он добрался до второго
этажа, не обнаружив тумана. Он выпрямился.

Слабый свет падал через окно, на столе стояла бутыл-
ка из-под водки и пустой стакан.

Шубин прислушался. Из коридора донесся какой-то
неясный шум. Хлопнула дверь.

Шубин окликнул:

— Сергей Иванович!

Кто-то громко выругался.

Шубин выскочил в коридор. Там, в дальнем конце, он
увидел свет. На полу стояла керосиновая лампа. Возле
нее дверь в номер была раскрыта, и в дверях возились
какие-то темные фигуры.

Шубин побежал к свету. Там дрались... Невнятные и
гулкие в темноте всхлипы, удары, возгласы...

Когда Шубин подбежал ближе, раздался тонкий, буд-
то детский крик. Один из драчунов упал.

— Стой!— кричал Шубин.— Стой, я говорю!

Еще один человек старался подняться, перебирая ру-
ками по стене. Третий побежал к Шубину.

— Уйди!— кричал он на бегу.

— Не пускай! Не пускай!— кричали от открытой двери. И Шубин узнал голос Спиридонова.

Шубин кинулся навстречу бегущему, тот махнул рукой, но не удержался от встречного удара, что-то звякнуло о пол, человек упал, откатился к стене, но тут же поднялся и, прихрамывая, побежал дальше.

Второй, согнувшись, бежал следом. Нет, не Спиридонов — этот был тонок и невысок.

— Держи же, черт тебя дери!— Спиридонов лежал там, у двери, царапаясь, рвался прочь.

Шубин мгновенно вцепился в убежавшего, повис на нем. Человек вырвался из объятий Шубина, тот побежал за ним. Нет, не догнать. Он молодой и очень испуган.

— Ты куда!— это был голос милиционера Коли. Он раздался сверху.

Милиционер стоял на лестнице, подняв керосиновую лампу.

Шубин успел увидеть искаженное дракой, отчаянием плоское лицо. И тут на площадку выбежал, держась за бок, второй — тот, за которым бежал Шубин.

— Стой, стрелять буду!— крикнул Коля.

И оба беглеца, ничего не сообщая и думая только о спасении, кинулись по лестнице вниз.

— Туда нельзя!— закричал Шубин.— Вы что!

Снизу раздался стон, глухой мягкий удар тела о пол. И еще один удар.

— Все,— сказал Шубин.— Идиоты.

— Чего же они,— сказал милиционер.— Не понимают?

— Теперь поздно рассуждать.

Шубин сказал:

— Дай лампу.

— А что там случилось?

— Что-то со Спиридоновым.

Он взял лампу и первым пошел по коридору. Коля шел сзади и задавал пустые вопросы:

— Слушай, а кто они? Ты их пугнул? А ты их рассмотрел? Здешние или пришли?

— Откуда пришли?— огрызнулся Шубин.— С крыши?

Спиридонова они увидели не сразу, потому что между ними и им была полоса огня: керосиновая лампа в драке

упала, керосина в ней оставалось мало, но достаточно, чтобы пятнами занялся в коридоре грязный палас.

— Еще пожара нам не хватало!— крикнул Шубин. Он начал топтать пятна огня, от них сыпались искры. Шубин высоко поднял лампу, чтобы в нее не попадали искры.

Милиционер тоже принялся было протаптывать дорожку дальше. Было дымно, палас отвратительно вонял.

— Потом!— крикнул Шубин. Он перепрыгнул через полосу огня и наклонился над Спиридоновым. Тот полусидел, прислонившись к стене, закрыв глаза, прижав толстые крепкие пальцы к боку. Пальцы были темными от крови.

— Сергей Иванович!— позвал Шубин.— Что с вами?

Спиридонов ответил, еле шевеля губами:

— Пырнули, суки. У них нож был.

Милиционер продолжал вытаптывать очажки огня.

— Я думал, что сгорю,— сказал Спиридонов.

— Больно?— спросил Шубин.

— Нет, не больно, тошнит.

— Это от дыма,— сказал милиционер.— Давайте посмотрю, что там.

Спиридонов с трудом, как со сна, приоткрыл маленькие светлые глаза.

— А ты умеешь?

— Нас учили первую помощь оказывать,— сказал Коля.

— Тогда оказывай.

Шубин с милиционером помогал Спиридонову лечь на спину. Милиционер задрал пиджак и рубашку, чтобы увидеть рану.

— Эй!— сказал Спиридонов.— Огонь-то опять пошел.

Шубин поднялся и принялся топтать проклятый палас.

— Ну и что?— спросил Спиридонов.— Как говорится, жить буду.

— А черт его разберет,— сказал Коля.— Рана небольшая. Только не знаю, какая глубокая. Это у них пером называется.

— Черт меня дернул,— сказал Спиридонов.— Я услышал, что они тут шуруют — удивился. Думаю, ну кому

придет в голову шуровать в такое время? Я решил, что, может, кто из клиентов решил свои вещички наверх вытянуть. А они... а они... Слушай, живодер, ты можешь пальцами не лазить? Больно же! Еще микробы занесешь!

— Я платком,— сказал милиционер.

Шубин осмотрелся. Кое-где палас еще тлел. Водой бы его полить.

— Товарища надо наверх отнести,— сказал милиционер.

Спиридонов нутужно кашлял. Он снова схватился за обнаженный грязный бок, и видно было, как кровь течет сквозь пальцы.

— А может, не трогать меня?— спросил Спиридонов.

— Нет,— принял решение Шубин.— Сюда газ в любой момент может проникнуть. И дымно.

— Вы не дотащите, только замучаете.

Палас дымил, дышать и в самом деле было трудно, милиционер пропал за пеленой дыма.

— Мы на одеяле,— сказал он.— Я из номера возьму.

Он отыскал дверь в номер, споткнулся обо что-то, выругался. Спиридонов застонал.

— Паршиво,— сказал он.

— Черт знает что,— сказал Шубин.— В самом деле грабители. Неужели в такое время они бывают?

— А почему нет?— сказал Спиридонов.— В такое время грабить — самый шик. Сбежали они?

— Сбежали,— сказал Шубин.

— Зря вы их не поймали. Они же на других этажах этим займутся.

— Нет, они вниз побежали.

— Ясно... Значит, сильно мы их пугнули... черт, больно. Знал бы, не сунулся. Ты понимаешь, я думал, кто из клиентов...

Спиридонов замолчал. Он тяжело и быстро дышал.

Появился милиционер. Он тащил за собой одеяло. В дверях опять натолкнулся на чемодан, который, видно, бросили мародеры. И Шубин с равнодушным отстранением понял, что это его чемодан. Хороший, купленный в Кельне и совершенно не нужный.

Они перетащили тяжелого, как камень, Спиридонова

на одеяло. Потом пришлось оставить его и снова топтать тлеющий палас.

— И ведра нету,— сказал милиционер.

— Сейчас, отнесем его к лестнице, там народ позовем, с ведрами. Потушим.

Они поволокли одеяло по коридору. Оно рвалось из рук, выламывало своей тяжестью пальцы.

— Здоровый вы мужик,— сказал милиционер.

— Теперь сам жалею,— сказал Спиридонов.— Осторожнее, черти!

Пока они дотащили его до лестничной площадки, Шубин выбился из сил. Еще шаг — и сердце лопнет.

Он отпустил одеяло и сказал милиционеру:

— погоди, я сейчас.

Только сейчас он сообразил, что милиционер так и не оставил лампы. Тащит одеяло одной рукой, лампа — в другой. Упрямый.

Шубин поднялся по лестнице — ему казалось, что он бежит, а дыхания не хватало, ноги были ватными. У стола сидели только Эля с дежурной. Они о чем-то разговаривали, и Эля резко подняла голову, услышав шаги и дыхание Шубина.

— Что случилось?

— Спиридонов ранен. У вас аптечка есть?— Шубин не дошел нескольких ступеней до этажа. Стоял, держась за стену.

— Должна быть,— сказал дежурная.— Сейчас поищу.

— Нам нужен доктор и мужчина, чтобы поднять его сюда. Где все?

— Кто выше перешел, а кто в номере сидит,— сказала дежурная.

— Беги по номерам!— сказал Шубин Эле.— Ищи доктора. Или сестру, ну, кого-нибудь ищи. И мужиков зови. Где Гронский с его шестеркой?

Шубин прислонился к стене. Не было сил сделать хоть шаг.

Эля бежала по коридору, барабанила в двери, и слышно было, как она спрашивает:

— У вас доктор есть? Там человека ранило! А мужчины есть — надо помочь.

Ему бы следовало подняться этажом выше и сделать то же там, но ноги не слушались.

Дежурная сказала:

— Вот аптечка, я думала, куда я ее сунула — вчера еще видела, а оказывается, в нижний ящик, голова садовая!

Шубин запрокинул голову и закричал в пролет лестницы:

— Если там есть доктор, пускай спустится на третий этаж! И мужчина, чтобы поднять раненого.

— Иду, иду,— послышалось сверху.

Быстро спускался старик, который читал Евангелие. Он нес лампу. За ним шел командировочный.

— Вы доктор?— спросил Шубин.

— Нет, но я хотел бы помочь.

Шубин открыл коробку из-под ботинок и высыпал ее содержимое на стол. Аспирин, таблетки от кашля, йод... Он взял с собой только рулон ваты.

Внизу было дымно. Милиционер сидел на корточках возле Спиридонова и поддерживал его голову. Спиридонов глухо стонал, в горле булькало. Шубин взглянул вниз и увидел, что желтая мгла, как бульон, заполнивший чашку до краев, подступила к самой лестничной площадке. Вот-вот начнет переливаться через край.

Остальные этого не заметили. Шубин дал Спиридонову ком ваты, и тот окровавленной рукой приложил его к боку. Когда тащили Спиридонова к лестнице, Шубин покрикивал:

— Выше держите, выше!

Он боялся, что провисшее под тяжестью Спиридонова одеяло коснется желтого тумана.

Пролетом выше их встретил Гронский с толстой Верой. Гронский помог тащить Спиридонова. Вера испугалась, что Спиридонов рассердится на Гронского. Она шла рядом с одеялом и повторяла:

— Все обойдется, у вас замечательное здоровье... Ну как же вас утратило...

А когда Спиридонова втащили, толкаясь и делая ему больно, в первый из номеров, Гронский протиснулся к Спиридонову и укоризненно сказал:

— Ну, как же так неосторожно, Сергей Иванович!

Спиридонов не отвечал. Он закусил губу, по подбородку текла струйка крови.

Эля отыскала среди постояльцев медсестру, они выгнали из комнаты всех, кроме милиционера Коли, который помог им раздеть Спиридонова, и закрыли дверь.

Тогда Шубин вспомнил о пожаре.

Он стоял в холле, вокруг возникли люди. На шум пришли те, кто сидел по номерам.

— Кто пойдет со мной на второй этаж? — спросил Шубин, нарушив ожидательное молчание. Никто не назначал его заместителем Спиридонова, и тем не менее ждали именно его слова.

— Я пойду, — ответил старик, который читал Евангелие.

— Мы постараемся быстро посмотреть, что там творится. А остальные — срочно, понимаете, срочно — ищите ведра, миски — что угодно. Надеюсь, вы понимаете, что значит для нас пожар?

Снизу через лестничную клетку тянуло дымом.

— Я пожарный щит там видел, — сказал молодой грузин в кепке. Его звали, кажется, Руслан. — Огнетушитель есть.

— Это самое лучшее, — сказал Шубин.

Он колебался, сказать ли о желтом тумане, или промолчать. Ведь испугаются.

Но паузу уловили окружающие.

— А что? Что? — спросил кто-то из темноты.

— А вот что: газ добрался до площадки второго этажа. Предупреждаю — площадку проходить быстро, не задерживаться.

— А если до ног дотронется? — спросил женский голос.

— До ног, надеюсь, не опасно — очень надеюсь. Но гарантировать ничего не могу. Мы все тут равны. Впрочем, давайте договоримся: мы проходим к пожару. Если опасности нет, то вы не спускайтесь. А если есть... тогда нужны будут добровольцы.

Вокруг молчали. И в этой внезапной тишине послышались гулкие быстрые шаги. Из темноты выскочил Руслан. Он нес огнетушитель и багор.

— Я же говорил, — сказал он.

— Спасибо, — сказал Шубин, протягивая руку.

— Багор возьми,— сказал грузин.— А огнетушитель сам буду использовать. Я инструкцию читал, а ты не читал.

— На площадке газ.

— Ты идешь?— обиделся Руслан.

— Иду.

— Значит, я иду, ара?

— Тогда вам не надо,— сказал Шубин старику.

— Прошу, не указывайте мне, что надо, а что нет,— тихо сказал старик.

Шубин не стал спорить.

Он взял с собой лампу, оставив холл третьего этажа в темноте. Лампа была последней, если не считать той, что горела в номере, где лежал Спиридонов.

Перед площадкой второго этажа Шубин остановился. Грузин и старик ждали сзади. Здесь было много дыма. Как Шубин ни вглядывался, он не понял — поднялся ли еще желтый туман.

— Не видно?— спросил сзади Руслан.

— Я пойду,— сказал Шубин.

— Подождите,— сказал старик.— Я вас буду держать за руку. Если вам, не дай Бог, станет дурно, я вас вытяну.

— Спасибо, не надо,— сказал Шубин, но руку протянул. Пальцы старика были сильными и прохладными.

— И я возьму,— сказал Руслан.

Он спустился на площадку. Ничего не случилось.

— Пошли,— сказал он.

Так они и прошли площадку, держась за руки, втроем. Дальше было так дымно, что свет лампы проникал метра на два, не больше.

— Я включу огнетушитель,— сказал Руслан.

— Рано,— сказал Шубин.— До очага метров двадцать, не меньше.

— Может, и меньше,— сказал Руслан. Они прошли еще метров десять и близко слышали треск настоящего пожара.

— Плохо дело,— сказал Шубин.

Было куда теплее, чем на площадке, в лицо дуло горячим ветром, сквозь дым пробивались оранжевые блестящие.

— А теперь не рано,— сказал Руслан. Он перевернул

огнетушитель. Он действовал по инструкции. Шубин подумал, что по закону подлости огнетушитель должен быть неисправен. У него же в руке был багор — бессмысленное оружие для борьбы с пожаром в гостиничном коридоре.

— Я пойду по номерам,— сказал старик.

— Зачем?

— Надо всюду включить воду. Пускай течет.

— Номера заперты,— сказал Шубин.

— Эх!— сказал Руслан радостно. Огнетушитель дернулся в его руке, и пенная струя рванулась вперед.

Шубин надеялся почему-то, что дым отступит, но струя пены смешалась с дымом, а тот не отступал. Дышать было невозможно — глаза резало так, что трудно было их открыть. Старик ударил ногой в дверь. Дверь открылась, а старик скрылся в темноте.

Стало слышно, как зашумела в ванной вода,— этот звук перекрыл треск пожара и шипение огнетушителя.

— погоди,— Шубин схватил Руслана за руку.— Ты все истратишь.

— Понимаю,— сказал тот и скрылся впереди в тумане. Старик вышел из номера. Он нес большой белый ком.

— Я намочил полотенца,— сказал он.— Чтобы легче дышать.

Он вытащил из кома одно, и Шубин благодарно заматал им лицо. Показалось, что лучше.

— Эй, генацвале!— крикнул он.— Возьми противогаз! Из дыма возник Руслан.

— Какой противогаз?— крикнул он.

Шубин протянул ему мокрое полотенце.

Сзади раздался крик:

— Вы где?

Это бежал командировочный. Он нес ведро.

— Мы вас не дождались,— сказал он.— Что делать?

— Вон там открыта дверь,— сказал старик.— Там течет вода.

— Понятно,— сказал командировочный.

Рядом появился еще человек, в дыму не разберешь — кто. Он тоже ринулся в номер, где текла вода, столкнулся в дверях с командировочным. Командировочный тут же, от двери, с силой плеснул водой вперед.

— Огонь дальше,— сказал Шубин.

— Без вас знаю,— крикнул командировочный и снова исчез в номере.

— Простите,— сказал старик.— Вы не будете так любезны помочь мне отойти немного.

Старик стоял у стены, запрокинув голову, и глаза его над белым полотенцем были мутными.

— Вам плохо?

— Сейчас пройдет.

— Ведра ни у кого нет?— спросили рядом.

— Возьмите багор,— сказал Шубин.

Он помог старику выйти в холл, что с трудом удалось сделать, так как навстречу бежали люди, в дыму и темноте они налетали друг на друга. Подняв лампу, чтобы обойти человека, который не мог разойтись с ними, Шубин узнал милиционера. Милиционер добыл где-то большой таз.

— Коля?— обрадовался Шубин.— Как там Спиридонов?

— А кто его знает. Лежит.

— Ладно. Возьми лампу и постарайся как-то организовать людей,— сказал Шубин.— А то, боюсь, они только мешают друг другу.

— Слушаюсь,— ответил милиционер.

Шубин в полной темноте вывел старика в холл, но и тут задерживаться было нельзя — из-за дыма трудно дышать. Вокруг были крики, метались люди, и Шубин подумал, что пожар был для них делом понятным и даже спасительным, потому что очень страшно было сидеть в тишине и чего-то ждать, когда в любой момент можно подойти к окну и увидеть мертвых людей на площади. Люди бежали на пожар с остервенением, но без страха, потому что пожар был бедствием объяснимым и всем было известно, что пожар можно потушить.

Шубин помог старику подняться этажом выше. Дыма было много и здесь, но, по крайней мере, можно было дышать.

— Есть тут кто живой?— спросил Шубин.

— Я на месте,— ответила дежурная, и Шубин разлил ее силуэт за столом.

— Где-то было кресло,— сказал старик, отцепляясь от Шубина.

— Как вы себя чувствуете?

— Лучше, спасибо вам,— сказал старик.— Я уже сижу. Так что вы можете заниматься своими делами.

Шубин перевел дух, сердце еще билось, ноги еще бежали, надо было сообразить, что делать дальше.

— Вы идите, не беспокойтесь,— неправильно истолковал его колебания старик.

— Сейчас... Скажите, а вы кто по специальности?

— А почему вы об этом спрашиваете?

— Вы читали Евангелие.

— Нет, я не священник. Я пианист. Я здесь на гастролях. Моя фамилия Володиевский, не приходилось слышать?

— Простите, я плохо разбираюсь в серьезной музыке.

— Меня мало кто помнит,— сказал старик.— Я всю жизнь подавал надежды. Но не больше. Но очень приятно, когда кто-то говорит мне: «Как же, слышал, неужели это вы?»

— Я к вам еще подойду,— сказал Шубин. Он обернулся к дежурной и добавил:— У вас там в аптечке есть что-нибудь от сердца?

— Не надо,— сказал Володиевский.— Я уже принял нитроглицерин.

Шубин пошел к Спиридонову.

Дверь в номер была закрыта. Он постучал.

— Войдите,— сказала Эля.

Шубин закрыл за собой дверь, чтобы не просачивался дым.

На столике у кровати горела керосиновая лампа. Эля сидела на стуле, держа Спиридонова за руку. Тот лежал на спине, глядя в потолок, одеяло ровным и пологим горбом покрывало его живот.

— Это ты Шубин?— спросил Спиридонов.— Ну как там?

— Горит,— сказал Шубин.— Но прибежало столько добровольцев, что, может, и обойдется.

— Если начало гореть как следует, нам не потушить,— сказал Спиридонов.— Глупо получилось.

— Почему глупо?

Эля поднялась со стула.

— Ты садись,— сказала она.— Хочешь, я тебе воды принесу? Только из-под крана.

Эля все еще была в его аляске.

— Слушай,— вспомнил Шубин.— Там в кармане — банка с растворимкой. Разведи мне холодной водой.

— Хорошо,— сказала Эля.

Она ушла в ванную.

— Я боюсь, что помру,— сказал Спиридонов.

— Еще чего не хватало.

— Ты думаешь, что я молодой?— сказал он.— Я же на фронте был. Я ран насмотрелся. Этот гад меня глубоко пронзил, слишком глубоко. А они остановить не сумели. Перевязали, все сделали, а она идет. Я уж руку держу под одеялом, чтобы кровь под себя подгрести. Чего людей беспокоить.

— Нет, так не будет,— сказал Шубин, словно отменял приговор.

— Дурак ты,— сказал Спиридонов.— Может, я этого заслужил. Пожар почему? Потому что я сдуру сунулся, куда не следует, лампу опрокинул. Если погибнете, проклинайте меня.

— Вы хотели как лучше.

— Я всю жизнь хотел как лучше. А получалось не как лучше... А знаешь, мне лучше помереть как бы на боевом посту... Я не шучу, Шубин. Я же понимал, чего Гронскому надо — на повышение, в Москву. Он старался, вторую очередь пустил без очистных — и отпраповал. А я знал, что здесь липа. И про общественность знал, и про митинг. Все знал и дал понять Гронскому, что не замечаю. Даже воняло не замечаю, в которой люди жили. Думал, что обойдется. Мне же тоже рапортовать — уже министру. А я уже пенсионный возраст прошел, сечешь? Если не выполним, мне уходить. А я еще сильный, у меня работать охота была... да что тебе говорить... Я и в Москву тебе не дал звонить... помнишь?

Шум воды в ванной прервался. В кране заурчало.

— Ну вот,— сказал Спиридонов.

— Что?— не сообразил Шубин.

— Я все ждал,— сказал Спиридонов.— Это же должно было случиться.

— Вода?

— Конечно. Там же насосная станция. Не из колодца же... А я все думал, как вы начали пожар тушить, вот и конец... вот и конец... Ко-нец... ко-нец...

Спиридонов будто играл этим словом, произнося его все невнятное и тише.

В комнату вернулась Эля.

— Вода кончилась,— сказала она.

— Тогда плохо,— сказал Шубин.— Если они пожар потушить не смогли... не знаю, куда и бежать...

— Юра,— сказала Эля.

— Что?

— Я люблю тебя.

— Надеюсь, у тебя еще будет в жизни немало поводов сказать это.

— Я правда тебя люблю.

Спиридонов застонал тонко и тихо, будто ребенок.

— Надо будет тащить его на крышу,— сказал Шубин, и мысль эта была просто ужасна. Эля не могла понять, что значит тащить Спиридонова.

— Почему на крышу?

— Это наш единственный шанс,— сказал Шубин.— Вниз нельзя. Это мгновенная смерть. А если уже поднялась тревога, то ищут на крышах.

— На вертолетах ищут?

— Наверняка... И пожар не сразу туда доберется.

Господи, как я неубедительно говорю, подумал Шубин.

Я должен говорить твердо, чтобы Эля мне верила. И сейчас будут другие люди, и я тоже должен говорить им твердо, чтобы они верили.

Шубин подошел к окну. Окно в том номере выходило на пустые крыши домов, на мертвые улицы и зарево пожаров. Шубин поглядел на часы. Еще нет трех. Всего три часа прошло?

Эля стояла рядом с ним, осторожно касаясь его плеча.

— Эля,— сказал Шубин.— Я хочу попросить тебя об одной вещи.

— Да?

— Ты не согласишься быть моей женой?

— Ты с ума сошел!

— Я никогда в жизни не был так серьезен. Ты для меня — самый близкий человек на земле.

— Ой, ты для меня тоже. Митька и ты.

По коридору кто-то бежал. Остановился у двери. Громко спросил:

— Здесь?

Далекий невнятный голос дежурной ответил:

— Здесь, здесь.

Дверь распахнулась. Это был милиционер. Грязный, в саже. Он с порога закричал:

— Воды нет! Вода не идет!

— Знаю,— сказал Шубин.

— Но там горит! Весь этаж горит.

— Значит, не успели,— слышался слабый голос с кровати.

— Что делать?

Шубин вздохнул — никуда не деться.

— Будем выводить людей на крышу,— сказал он.— Сколько-то времени у нас есть. Давай, зови всех людей снизу. Пускай поднимутся. Проверьте по номерам, чтобы никто не остался. Я сейчас приду.

— Слушаюсь,— сказал милиционер.— Правильно, Юра.

— А сам придешь сюда. Гронского позови, нет, лучше того грузина, с огнетушителем... Будем поднимать наверх Спиридонова,— Шубин показал на кровать.

— Не надо,— сказал Спиридонов явственно.— Лишнее дело. Я умер.

— Иди, иди,— сказал Шубин.

— Сейчас,— милиционер громко затопал по коридору.

Эля отошла к кровати. Посмотрев, Шубин увидел, что простыня и одеяло мокрые от крови, кровь течет на пол.

— Сергей Иванович,— позвал он.

Спиридонов не откликнулся.

— Он кровью истечет,— сказала Эля.

— Вижу. Перельют. Надо скорее его поднимать.

— А там мороз.

— Какого черта ты сомневаешься?— закричал Шубин.— Нельзя сомневаться. Если мы будем сомневаться, то останемся в мышеловке!

— Да,— сказала Эля робким голосом.

— Прости.

— Ты прав.

— Эля, если ты думаешь, что я сказал про женитьбу только потому, что у нас так получилось, — нет!

— Я верю тебе, Юрочка, — сказала Эля. — Ты не беспокойся, я тебе, конечно, верю.

По коридору снова затопали. Вошел милиционер, за ним Руслан. Руслан был черен — весь — от кепки до пяток. Кто-то еще топтался в дверях.

— Отнесем Спиридонова наверх, — сказал Шубин. — Нужно шесть человек, он тяжелый.

— Сейчас подойдут, — сказал Руслан. Зубы и белки глаз у него были белые. На кого же он похож? На шахтера, конечно же, на шахтера!

— Как там пожар? — спросил Шубин.

— Горит, — сказал Руслан. — Красиво горит.

— Нельзя понять, — сказал Коля. — Там дым.

Дым проникал и в номер, потому что дверь была открыта. Все толпились в махонькой прихожей.

— Заходите, — сказал Шубин. — Беремся за углы матраса, а двое посередине.

Спиридонов молчал. Эля наклонилась, попробовала пульс.

— Не задерживай, — сказал Шубин. — И захвати все одеяла. Сколько можешь. Его надо будет закутать.

Спиридонова они до крыши не донесли. Сначала пришлось остановиться между четвертым и пятым этажами. Спиридонов начал биться, будто хотел вырваться, он ругался, но невнятно, и непонятно было, чего он хочет. Эля, которая захватила с собой графин с водой, старалась его напоить. Он не пил. Потом вдруг перестал биться, замолк, вытянулся. Но еще не умер.

— Шубин, — прошептал он. — Шубин, ты здесь?

— Я здесь, Сергей Иванович.

— Прости, Шубин, — прошептал Спиридонов. Все замолкли, чтобы было слышно Шубину. Спиридонов быстро, мелко дышал. Потом заговорил снова: — Бойся Гронского. Он выживет. Ему надо будет это дело покрыть... нейтрализовать. Понимаешь? Ты скажи... меня нет, а ты скажи... только осторожно, а жена моя проживает... ты паспорт мой возьми.

И вдруг он замолчал. И перестал дышать. Сразу.

Они стояли вокруг и ждали чего-то. Эля поставила графин на пол и пригнулась к его лицу, слушала. Потом наклонилась еще ниже и прижала ухо к груди.

— Молчит,— сказала она.

Шубин увидел, что глаза Спиридонова полуоткрыты. Он положил ладонь ему на глаза, и веки послушно сомкнулись. Лоб Спиридонова был горячим.

— Все,— сказал милиционер.

Мимо них проходили люди, обходили, поднимаясь наверх, некоторые несли вещи. Они старались не смотреть на лежащего человека. И ничего не спрашивали.

Шубин ощутил усталую тупость проходивших людей. Уже не страх, а усталость, когда все равно.

— Поднимем его?— спросил Шубин.

— Ты что, совсем дурак?— удивился Руслан.— Зачем мертвого таскать. Ему и здесь лежать хорошо.

Он натянул одеяло на лицо Спиридонову.

И они пошли наверх, на крышу.

На крыше уже было много народу. Некоторые принесли одеяла и кутались в них, сидя на чемоданах, другие стояли или ходили, вглядываясь вдаль, смотрели в небо, откуда должно было прийти спасение.

Говорили тихо.

— Старик,— вдруг вспомнил Шубин,— старик там сидит.

— Где?— не поняла Эля.

Но дежурная по этажу поняла. Она стояла рядом, закутанная в одеяло, которое капюшоном свисало на глаза.

— Помер старичок, вы ушли, а он помер,— сказала она.— Я точно знаю.

— Почему вы знаете?

— Потому что он со стула упал. Я слышу, со стула упал, а он помер. Инфаркт, наверно.

— Не надо, не ходи туда,— сказала Эля.— Он все равно умер.

— Все помер, грехи наши,— сказала дежурная.— Никто живой не останется.

Шубин подумал — чего-то не хватает, чего-то ожидаемого. И понял: молчит колокол в церкви.

- Возьми куртку, — сказала Эля.
- Не надо, мне не холодно.
- Возьми, у меня одеяло есть.
- Вернусь, тогда возьму.
- Ты куда? Тот старик умер. Я сама видела.

Шубин увидел Гронского. Он стоял у края крыши, за ним шестерка Плотников. И две толстые женщины. Они были одеты — значит, было время одеться. Шубин понял, что он давно уже не видел Гронского. И он не обгонял их, когда несли Спиридонова. Значит, он поднялся сюда раньше.

Гронский стоял, приложив к ондатровой шапке руку в перчатке, и смотрел вдаль, как моряк, ожидающий встречи с землей.

Шубин хотел было сказать ему, что Спиридонов умер, но потом передумал: если сам не спрашивает, значит, забыл о начальнике. Вспомнит.

Подул ветер. Это хорошо. Ветер нужен. Зачем? Голова работает с трудом. Ветер нужен, объяснил он себе терпеливо, чтобы разогнать газ, и тогда мы все выйдем из гостиницы. Газ улетит, и мы выйдем. Если, конечно, огонь не отрежет нам путь.

- Коля, — позвал он. — Пошли вниз.
- Пошли, — сказал Коля, святой человек. — Зачем?
- Посмотрим, где огонь. И можно ли выйти из гостиницы.

— Я с вами пойду, — сказал Руслан. — Здесь холодно.

— А выйти нельзя, — сообщил милиционер, спускаясь за Шубиным по лестнице. — Там газ.

Было темно, приходилось идти, придерживаясь за стену.

— Ветер, — сказал Шубин. — Если станет сильнее, он разгонит газ.

— Ветер есть, — сказал Руслан. — Еще какой!

Спиридонов лежал на площадке, и Шубин, проходя, не удержался — поднял его уже похолодевшую тяжелую руку и постарался нащупать пульс.

Руслан и Коля молчали, ждали.

— Пошли, — сказал Шубин.

Но они смогли добраться только до третьего этажа.

Там уже был такой дым, что не выйдешь даже в холл. Снизу доносился громкий треск — огонь пожирал нижние этажи. Шубина охватил ужас от ненадежности существования, от того, что огонь пытается выгрызть низ гостиницы и скоро, очень скоро он подточит ее, и крыша со всеми людьми, и Эля, и он — все рухнут в оранжевое пламя.

Шубин даже забыл, что хотел найти старика Володиевского.

— Плохие дела,— сказал Руслан.

— Поднимемся на четвертый,— сказал Шубин.

Там они подошли к окну, что выходило на площадь. Луна спряталась, и стало куда темнее. И небо светилось меньше. Площадь порой скрывалась за клубами дыма, что рвались снизу. Клубы мешали смотреть.

— Что хотите?— спросил Коля.

— Хочу понять, есть ли ветер на площади.

Он вглядывался в прорывы в дыму, стараясь угадать, в каком состоянии газ. Ему казалось, что желтая мгла завивается смерчками... нет, наверное, он так хочет это увидеть, что видит.

— Погляди,— сказал он Коле.

Милиционер и Руслан прижались к стеклу.

— Поехала,— сказал Руслан.— Точно говорю, поехала.

— Кажется, гонит,— сказал Коля.— Только не знаю, хорошо это или плохо.

— Почему?— спросил Руслан.

— А потому,— рассудительно произнес милиционер,— что ее может нагнать еще больше, чем раньше. Ты думаешь, что ее отгонит, а ее может пригнать.

Это была здравая, хоть и грустная мысль.

Дым валил все сильнее, и площадь появлялась лишь в редких просветах.

— Пошли наверх,— сказал Шубин.— Все ясно.

На крыше мало что изменилось — лишь возросло напряжение. Многие столпились у края, заглядывая вниз, показывали пальцами. Шубин понял, что надежда на то, что ветер, который не спадал, отгонит газ, овладела всеми.

Эля подбежала к Шубину.

— Разгоняет,— сказала она.— Ты знаешь?

— Хорошо бы скорее,— сказал Шубин.— Горит уже третий этаж.

— Не может быть,— прошептала Эля. Она сразу все поняла.

Высокий столб дыма поднялся над крышей, порывом ветра его бросило на людей, кто-то закашлялся. Испуганно вскрикнула женщина. Поднимавшийся ветер подавал надежду на спасение. Черный дым напомнил об опасности.

Шубин смотрел вдаль, к реке, к заводу. Зарево пожара на текстильной фабрике достигало реки, и Шубин мог поклясться, что видит не ровную желтую гладь, а клубы тумана, гонимого ветром.

— Надо спускаться,— сказал кто-то.

Гронский пошел к выходу с крыши. Шубина он обошел, словно не заметил.

За ним потянулась толстая Вера с приятельницей. Сзади шагал шестерка Плотников.

— Вы хотите спускаться?— спросил Шубин.— Я там только что был. Горит уже третий этаж. Вы не пройдете.

— Не поднимайте паники,— брезгливо сказал Гронский.— Мы намочим полотенца и пробежим.

— Вы забыли, что воды нет?— Притворяется он, что ли? Или обезумел?

— Как так нет воды?— Гронский подобрал брыли и нахмурился.

Шубин понял, что Гронский на крыше давно, он сюда поднялся еще до пожара, чтобы первым увидеть спасательные вертолеты.

— Воды нет давно,— сказал Шубин, понимая, что его слушают несколько десятков человек, готовых ринуться за спасителем — Гронским.— Вы сгорите. Это не лучшая смерть.

— Не может быть,— сказал Гронский, забыв следить за своим голосом. Оказалось, что в действительности он у него куда выше, чем полагают окружающие.

— Три этажа уже сгорели,— сказал весело Руслан.— А вы, гражданин, пока мы пожар тушили, по крыше гуляли, да? Самое интересное пропустили. Ничего, скоро крыша внутрь упадет — как фанерка в печку.

— Пускай он замолчит!— закричала толстая Вера, кутаясь в норковую шубу.— Запрети ему говорить.

— Он совершенно прав,— сказал Шубин.— Но мы еще не погибли. Еще есть время спастись.

Вокруг поднялся гомон, трудно было всех перекричать. Надо было успокоить людей. Как? Только не паника!

— Тише! Тише!— закричал шестерка Плотников.— Не мешайте товарищу Шубину!

— Опасности нет! Мы все спасемся. Если вы будете молчать и слушаться меня.

Когда Шубин начинал фразу, он еще не знал, чем ее закончит. И в середине фразы до примитивности простая мысль пришла в голову. И в самом деле был шанс.

— Да тише вы!— закричал Гронский.

Породистое, собачье величие его лица превратилось в оскал — словно лицо потеряло все мясо.

— Успокойтесь,— сказал Шубин негромко, хотя хотелось кричать.— Мы можем спастись только в случае абсолютной дисциплины. Полного самообладания. Потому что путь, который я предлагаю, сложный. Если начнется давка — погибнут все.

Он говорил, и вокруг уже было тихо. Так, что слышен был треск пожара внизу.

— Мы забыли, что есть пожарная лестница,— сказал Шубин.— Вон она, справа.

Все смотрели туда. Там, словно передок саней, загибались на крышу поручни пожарной лестницы.

И тут же кто-то побежал к лестнице.

— Сейчас еще спускаться нельзя,— сказал Шубин.— Потому что внизу газ. Если кто хочет погибнуть, пускай пробует.

Человек, что побежал к лестнице, остановился в двух шагах от нее.

— Придется немного потерпеть,— сказал Шубин.

Он подошел к краю крыши и заглянул вниз. Раньше он всегда боялся высоты, а сейчас страх прошел, но Шубин даже не заметил этого.

Сначала он увидел не лестницу, а языки пламени, почти бездымного, яркого, что вырывались на втором этаже из окна, которое было рядом с лестницей.

Между вторым и третьим этажами лестница была забита досками — так часто делают, чтобы злоумышленники не забрались по ней в комнаты.

— Там доски. Их надо оторвать,— сказал Шубин, понимая, что долго рассматривать лестницу нельзя.— Сначала спустится... Руслан. Он их оторвет. Ты сможешь?

— Почему не смогу?— сказал Руслан.

— А почему не я?— вдруг выкрикнул шестерка. Уши его вылезали из-под шапки под прямым углом.

— Потому что там пожар. Посмотрите вниз,— сказал Шубин.— Руслану я верю. Он в пожаре был, а вам я не верю, вы только погубите все дело и сами погибнете.

Гронский подошел к краю крыши, присел на корточки и что-то достал из кармана. К изумлению Шубина, это был электрический фонарь. Луч его скользнул вниз, по ступенькам лестницы, до досок.

— Все правильно,— сказал он.— Товарищ Шубин прав.

Если я скину его с крыши, подумал Шубин, на том свете меня оправдают. Как нужен был фонарь раньше!.. Впрочем, что бы от этого изменилось? Пускай живет...

Эти мысли неслись как-то стороной и не помешали Шубину спросить Элю:

— Ты графин где оставила?

— Я его с собой взяла,— сказала Эля.— Я подумала, что вдруг тебе пить захочется.

— Дай шарф,— сказал Шубин.

Никто не двинулся.

И тогда Шубин мстительно избрал Гронского, подошел к нему и рванул шарф на себя. Голова Гронского мотнулась, он еле успел подхватить очки.

— Это что? Это что такое?— жалобно крикнул он.

— Эля,— сказал Шубин, не глядя на него,— намочи шарф и дай Руслану. Пускай обмотает лицо.

— Меня огонь уже не возьмет,— сказал Руслан.

— Там может газ быть,— сказал Шубин.

Руслан быстро спустился до верхнего края досок. На секунду его скрыло дымом. Эля потянула Шубина за руку, чтобы не стоял близко к краю.

— Сверзисься, ты же усталый,— сказала она, словно

извинялась. Она понимала, что Шубину надо смотреть вниз, но все равно боялась.

Шубин послушно присел за низкий парапет.

Руслан начал бить каблуком по концам досок, прикрепленных вертикально к лестнице. Ему пришлось спуститься пониже, чтобы удар получался сильнее. Огонь вырывался из окна на втором этаже, но пока до Руслана достигал только дым. Доски не поддавались.

— Сильнее!— крикнул сверху Гронский.— Не бойся!

Руслан не откликнулся. Он спустился еще ниже, стал пробовать концы досок руками. Затем, ловко держась за перекладины лишь носками ботинок, опустился за доски, так что лишь его голова поднималась над их концами. Шубин догадался, в чем дело: доски были не прибиты — их прикрутили к стойкам проволокой.

Шубину было холодно. Он насквозь продрог под морозным ветром. Только бы вытерпеть... Ведь не худшее испытание.

Вцепившись одной рукой в стойку лестницы, Руслан отматывал ржавую проволоку.

Гронский стал ходить по краю крыши, выказывая нетерпение.

Шубин старался понять, что же происходит с желтой мглой.

Ему казалось, что ветер выдул ее с той стороны здания. Но надолго ли?

— Я помогу ему,— сказал шестерка Плотников и перегнулся через край, чтобы тоже спускаться. Ему не терпелось скорее на землю, Гронский понял это, схватил за рукав, зарычал на шестерку, и обе дамы, что паслись возле Гронского, заверещали. Шестерка, напуганный, отступил.

Снизу донесся крик.

Шубин посмотрел туда. И изумился. За те несколько секунд, что он отвлекся, огонь прорвался в комнаты третьего этажа, и язык пламени, будто разумное существо, высунулся из окна и как-то лениво, любопытствуя, потянулся к Руслану. Руслан, не заметивший этого нападения, обжегся, подтянулся и, перебирая руками, поднялся выше.

— Не трусь!— крикнул Гронский, который внимательно наблюдал за тем, что происходит внизу.— На тебя надеются женщины и дети.

— Смелее?— озлился Руслан.— Смелее сам сюда лезь, ара?

Язык пламени облизал доски, почернив их, и спрятался в доме, выпустив вместо себя черный удушающий клуб дыма.

Руслан со злостью ударил по доске. Проволока уже была ослаблена, доска с хрустом оторвалась верхним концом от лестницы и закачалась под прямым углом к зданию.

— Молодец!— закричал Гронский.— Действуй!

Кто-то из зрителей, сбежавшихся к краю крыши, захлопал в ладоши.

Руслан снова полез было вниз, но тут же ему пришлось ретироваться — лестница стала дорожкой между языками пламени, такими горячими, что жар достигал Шубина. Каково же там Руслану!

Эля наклонила графин. Струйка воды, светясь, пролетела мимо Руслана.

— Ну, это уж никуда не годится!— возмутился Гронский.

Шубин так и не понял — необдуманным поступком Эли или поведением Руслана.

Руслан держался из последних сил, на одном упрямстве. Он не мог вернуться с пустыми руками. Интересно, есть ли в грузинском языке слово для этого состояния? У испанцев его называют «мализмом».

Руслан снова сражался с досками. Вторая доска оторвалась. Язычок огня пробежал по плечу Руслана.

— Возвращайся!— закричал Шубин.— Скорее!

— Ну почему же?— сказала Вера.— Вы ему только мешаете! Ведь немного осталось.

Она не понимала, как больно Руслану.

— Наверх!— закричал Шубин.— Я приказываю тебе.

— Жалко,— махнул рукой Гронский, не споря, впрочем, с Шубиным.— Совсем немного осталось.

Одна из оторванных досок, что покачивалась у окна, занялась. Огонь лизал ее сбоку и был упорен.

На четвертом этаже со звоном вылетело стекло, и оттуда вырвался сноп искр.

Руслан поднялся на крышу. Он был чуть живой. Сразу несколько рук протянулись к нему, вытаскивая на крышу. Руслан жестоко обжегся, но сам этого еще не чувствовал.

— Можно спуститься,— сказал он.— Честное слово. И газа нет. Я смотрел.

— Нужна очередность!— Гронский взял на себя руководство спуском.

Шубину было все равно. Люди жались ближе к лестнице. Некоторые так и не выпустили чемоданов.

— Сначала женщины,— сказал Гронский.— И дети.

Детей, к счастью, не было. Среди женщин возникла заминка.

— Сначала пойду я,— сказал тогда Шубин.— Надо оторвать остальные доски.

— Возьмите себя в руки,— сказал Гронский.— Не отталкивайте от лодки слабых. Сначала пойдут женщины.

— Идиот, разве ты не видишь, что доски горят! Как твои женщины пройдут?

— Не спорь, Юра,— сказал милиционер.— Такая уж моя работа. Я пойду. Спущусь и буду принимать людей.

— Давай,— сказал Шубин.— Спасибо тебе за все... Смотри, чтобы газа не было.

— Увидим,— сказал Коля.— Ты не дрейфь.

Он застегнул шинель, подтянул пояс, надвинул грязную фуражку на самые уши. Гронский замолчал, не вмешивался.

Милиционер спускался быстро. И все у него получилось ладно. Видно, проволока перегорела. Ему удалось сразу сбить оставшиеся доски. На несколько секунд его окутал дым, потом он возник уже внизу.

Коля стоял на последней ступеньке, которая не доставала до земли метра полтора, и внимательно смотрел вниз. Ему было страшно.

— Давай!— крикнул Гронский.— Не робей!

Подчиняясь этому голосу, милиционер оттолкнулся от лестницы и упал в снег. Сразу встал. Поднял голову.

— Порядок!— крикнул он.

Крик его донесся слабо, потому что с новой силой взвыл огонь.

— А теперь женщины,— сказал Гронский.— Верочка, иди сюда.

Только тут Шубин догадался, что эта матрона в норковой шубе — его жена.

— Нет!— закричала вдруг Верочка.— Ни за что! Я лучше умру!

Гронский тащил ее к краю крыши, ругал, она отбивалась.

— Пойдешь?— спросил Шубин Элю.

— Потом,— сказала она.— Пускай они идут.

Из двери, через которую они выходили на крышу, вырвался дым.

Шубину не хотелось подходить к Гронским, но он понимал, что придется. Время идет. В этот момент какая-то маленькая женщина в нейлоновой шубке кинулась к лестнице и начала спускаться.

Шубин испугался за нее. Эта шубка может вспыхнуть как спичка.

Он закричал:

— Снимите шубу! Вы слышите, снимите шубу! Бросьте ее вниз!

Женщина не слышала или не хотела слышать криков Шубина.

Многие догадались, в чем дело, и тоже начали кричать:

— Сбрось шубу!

Запрокинув лицо, кричал милиционер:

— Сбрось шубу!

— Мать ее!— закричал Руслан, который только что сидел рядом с Шубиным и, тихонько воя, пытался унять боль в обожженных руках. Он перемахнул через бортик крыши и начал спускаться, чтобы догнать женщину раньше, чем она достигнет полосы огня.

Он тоже кричал. Все кричали. Только женщина не слышала. Может, она ценила шубу и боялась с ней расстаться, а может, полагала, что именно она ее защитит.

Женщина благополучно миновала третий этаж, и язык пламени догнал ее, когда она была уже у второго. Вместо того, чтобы скорее спускаться вниз, женщина вдруг остановилась и, отпустив одну руку, стала сбивать

с себя пламя, которое окутало ее легким искристым шаром.

Руслан, почти догнавший ее, принял отчаянное решение. Он прыгнул вниз, схватив в этом прыжке женщину и оторвав ее от лестницы.

Коля подставил было руки, чтобы их удержать, но они упали рядом с ним.

Женщина начала пронзительно и заунывно кричать.

Руслан с трудом поднялся и тут же упал — нога у него подкосилась. Видно, сломал.

Коля сначала потянул в сторону визжавшую женщину, затем помог отползти Руслану.

Люди стояли у лестницы, ждали чего-то.

Гронский все еще уговаривал жену:

— Я буду тебя поддерживать, я тебя не отпущу.

— Нет! — кричала она. — Ты же сказал, что нас спасут. Мы будем ждать, что нас спасут...

И тут — будто мольбы Верочки донеслись до небес — над ними появился вертолет.

За шумом пожара и криками они его не услышали — только когда луч его прожектора упал на крышу, все поняли, что с неба пришло спасение.

Это был большой военный вертолет. Он был темнее неба. Зависнув над самой крышей, он казался огромным, как дирижабль.

В брюхе вертолета образовался квадрат света. Все, кто был на крыше, потянулись к свету, поднимая руки... Наступила тишина.

И тогда стал слышен клекот вертолетного мотора.

По веревочному трапу, мягко упавшему на кровлю, ловко спустился офицер в комбинезоне.

— Спокойно, — сказал он, спрыгивая на крышу. — Без паники, товарищи.

— Я Гронский, директор химзавода. — Почему-то он первым оказался возле офицера.

— Я вас слушаю, — офицер оглядывал толпу, жмушущую к нему. Он выглядел усталым, и Шубин догадался, что для него это не первая подобная миссия.

— Мне необходимо в штаб, — сказал Гронский. — Он организован?

— Да,— сказал офицер.— Давайте сначала возьмем женщин.

— Разумеется,— сказал Гронский.— Верочка, скорее, тебя же ждут.

Верочка закричала снова, что она упадет.

Сквозь ее крик прорвался резкий голос Гронского:

— Товарищ капитан, неужели вы не можете опустить машину ниже? Вы же видите, в каком состоянии женщины.

Люди толпились вокруг трапа, многие держались за него руками, будто боялись, что вертолет улетит.

— Да не толпитесь!— закричал офицер.— Чем спокойнее вы будете себя вести, тем быстрее мы вас всех погрузим.

Гронский уже поднимался по трапу, буквально волоча за ворот шубы свою жену. Офицер удерживал трап снизу, Верочка кричала, из люка высунулся солдат, чтобы принять первых беженцев.

— Шестьдесят восемь человек,— сказал Шубин.

— Ты всех пересчитал?— удивилась Эля.

— Я хорошо учился в школе. Ты будешь пробиваться туда? За раз ему всех не взять.

— Нет, я с тобой,— сказала Эля.

— Тогда у меня есть предложение,— сказал Шубин.

— Пошли скорее,— сказала Эля,— пока можно спуститься.

Шубин опустил капюшон аляски и затянул молнию, чтобы спрятать Элины волосы. Он тронул кончик ее носа. Эля улыбнулась.

Шубин спускался по лестнице первым. Эля за ним. Шубин думал, что страшует ее, а Эля спускалась так, чтобы успеть протянуть руку, если Шубин будет падать.

Пламя хваталось за лестницу. Было очень жарко.

— Терпи!— крикнул Шубин, но Эля не услышала.

Шубину казалось, что он залез в духовку. Вспыхнули волосы — он догадался, что вспыхнули волосы, потому что стало больно голове. На какое-то время ему стало так жарко и так горяч был воздух, которым приходилось дышать, что он потерял Элю из виду.

Неизвестно, смогли бы они прорваться, если бы порыв ветра не рванул с такой силой, что пламя отлетело от

лестницы... Потом была последняя ступенька — за ней ничего. Шубин не сообразил, что последняя, он упал, но Коля был там, он все еще стоял у лестницы. Он подхватил Шубина, потом Элю.

— У тебя голова обгорела,— это были первые слова Эли.

— Лучше расти будут,— сказал Коля.— Как в лесу.

Шубин провел рукой по голове. В ушах страшно гудело. Волосы были короткие, неровные, ежиком.

— Больно,— сказал он.

— Пройдет,— сказала Эля.— У мамы мазь есть от ожогов. Из трав.

И сказав «мама», Эля мысленно перенеслась к себе домой. Шубин как бы потускнел в ее глазах — она зато-ропилась...

— Мне надо,— сказала она.— Мне надо, Юрочка, ты не сердись.

— До свидания.

— погоди,— сказал Коля,— сейчас по городу опасно ходить. Кто знает, где этот газ затаился.

— Коля прав,— сказал Шубин.— погоди, отдышусь, пойдем вместе.

Эля затихла. Шубин так и не спросил, не обожглась ли она. Рукав аляски оплавился — из него торчала обгоревшая подкладка.

Руслан лежал на снегу и вылез сквозь зубы.

— Потерпи,— сказал Шубин,— мы «скорую» вызовем.

— Найдешь здесь «скорую»,— зло сказал Руслан.— У меня нога сломана, понимаешь?

— Вы идите,— сказал Коля.— Я знаю, что у Эли ребенок дома, я знаю. А я не уйду, я помощь найду.

— Увидимся,— сказал Шубин, пожимая руку Коле.

— Обязательно увидимся,— сказал Коля и широко улыбнулся, как будто все плохое в его жизни уже кончилось.— Если вы меня, конечно, узнаете.

Шубин поглядел наверх. Вертолет все еще весел над крышей, и на той части трапа, что была видна снизу, висели люди. Они очень медленно поднимались вверх. Порывы ветра раскачивали трап и заставляли людей замирать, вцепившись в перекладины.

Вдруг вертолет загудел сильнее, перекрывая шум пожара, и резко пошел вверх.

— Смотри, что делает, гад! — воскликнул Руслан, который тоже смотрел на вертолет.

И только в следующее мгновение Шубин понял, что произошло.

В том месте, где за секунду до того был вертолет, возник клуб дымного пламени. Раздался зловещий утробный грохот, поглотивший все оставшиеся звуки. Крыша провалилась внутрь. Вертолет уходил в сторону, быстро снижаясь, и люди, висевшие на раскачивающейся лесенке, казались тлями. Шубин понял, что пилот хочет как можно быстрее спуститься на вокзальной площади, чтобы спасти людей.

И тут он увидел, как один из них сорвался и черной кляксой, растопырив руки, полетел вниз... Что было дальше, Шубин не видел. Вертолет скрылся из глаз.

Руслан зло кричал по-грузински.

Шубин не знал, видела ли это Эля — она склонилась над плачущей женщиной в обгоревшей шубе.

Но оказалось, что Эля все видела. Потому что она сказала подошедшему к ней Шубину:

— Ты умный, что повел меня по лестнице. А то бы мы точно погибли. Мы бы последними поднимались, правда?

Они оттащили подальше от здания Руслана и ту женщину, потому что стало жарко. Казалось, что гостиница ярко освещена изнутри — в окнах горел желтый и оранжевый свет.

Теперь, когда наступала реакция на эту, так еще и не кончившуюся ночь — была половина пятого, еще далеко до рассвета, — Шубину стало смертельно холодно.

Эля сказала:

— Тут недалеко, если ты со мной пойдешь.

— Конечно, пойду, — сказал Шубин, который понимал, как страшно ей одной возвращаться домой.

— Но ты не дойдешь, — сказала она. — Ты по дороге околеешь.

— А мы побегим с тобой, — сказал Шубин.

Они вышли на улицу. По улице мело. На выходе из гостиничного двора лежал, согнувшись, будто старался согреться, человек, его уже припорошило снегом. Мехо-

вая шапка откатилась в сторону и лежала, как пустое птичье гнездо.

Эля наклонилась, подняла шапку и отряхнула, ударяя ею себя по бедру.

— Возьми,— сказала она.— Ему уже не нужно.

— Не надо,— сказал Шубин.

— Давай, давай,— Эля приподнялась на цыпочки и обеими руками натянула шапку на саднящую, обожженную голову Шубина.

— Погоди,— сказал Шубин.— Больно.

Он поправил шапку, она была мала.

— Это в сущности мародерство,— сказал он.

— Твою тоже кто-то носит,— сказала Эля.

Она выглянула на улицу, посмотрела направо, налево. Было темно. Облака, затянувшие небо, подсвечивались пожарами, и на открытых местах по снегу пробегали оранжевые блики.

Они вышли к автобусной остановке. Здесь люди лежали странной грудой, один на другом, будто хотели согреться. Автобус с открытой дверью въехал передним колесом на тротуар и уткнулся в столб.

Эля сказала:

— Ты, конечно, не захочешь, а может, пальто снимем.

— Перестань,— сказал Шубин.— Куда идти?

Шапка грела голову, конечно же, грела, но она была чужая, от нее неприятно пахло...

И в следующее мгновение Шубин очнулся.

Он лежал на мостовой. Эля стояла рядом на коленях, приподняв его голову, и прижималась к щеке губами.

— Миленький,— говорила она,— миленький, ну не надо, нельзя, что ты делаешь?

Голова раскалывалась так, что нельзя было двинуть ею, но попытку движения Эля уловила и вдруг принялась ругаться.

— Ты что,— говорила она со злостью.— Ты зачем притворяешься? Поскользнулся, что ли, я не могу больше... ну, нельзя же так. Вставай, вставай, простудишься. Тебе что, плохо стало? Ну вот, потерпи немного, придем домой я тебе чаю сделаю...

Шубин с помощью Эли сел, его мутило.

— Извини,— сказал он,— отвернись...

Он приподнялся на четвереньки, и его вырвало. Это было мучительно, потому что безжалостно выворачивало, пока хоть что-то оставалось внутри. Эля что-то хотела сделать... но Шубин находил силы лишь отмахиваться, отталкивать ее.

Чтобы она не приставала с пустой, как казалось Шубину, заботой, он попытался отойти на четвереньках в перерыве между приступами рвоты, но рука натолкнулась на холодную преграду — красивая девушка лежала на боку, и ее мертвые глаза внимательно смотрели на Шубина.

Шубин отпрянул, и тут же его снова свернуло пружиной приступом рвоты.

Шубин увидел, что Эля набрала в пригоршню снега, подбирая его у столбиков остановки, где было не натоптано. Он слабо ударил ее по руке, снег рассыпался.

— Ты что? Это как вода, охладит,— сказала Эля как больному ребенку, не обижаясь.

— Дура,— сказал Шубин, стараясь подняться.— Не поняла, что ли? Там газ остался.

— Да,— согласилась Эля, так и не поняв. Она подобрала с асфальта шапку и протянула ее Шубину.

— Эля,— сказал он, стараясь говорить внятно и убедительно,— выбрось ее и не трогай ничего, что было на земле. Ничего. Я тоже не сразу догадался. Даже когда понял, что шапка воняет... Видно она на мне согрелась... хорошо еще, что доза была невелика. Ты поняла?

— Ой!— Эля отбросила шапку на мостовую, шапка ударилась о днище лежащей на боку машины. Вторая машина стояла, уткнувшись в нее помятым радиатором, дверца была раскрыта, и человек, что лежал на переднем сиденье, все еще держался за ручку сведенными пальцами.

— Вытри руки об аляску,— сказал Шубин.— Как следует. И пошли.

Его все еще мучило, во рту было отвратительное ощущение, но он пошел дальше, обходя тела, лежащие здесь особенно тесно. Шубин никак не мог сообразить, почему здесь погибло так много людей. А Эля, которая догнала его, сказала:

— Здесь кино «Космос», понимаешь? Они с последнего сеанса выходили.

— Побежали,— сказал Шубин, понимая, что вот-вот окоченеет совсем.

Ему казалось, что он бежит, но он трусил лишь чуть скорее, чем если бы шел шагом. Так что Эля, идя быстро и часто, успевала держаться за ним.

— Здесь направо,— сказала она.— Мы дворами пройдем.

Справа догорал дом, в котором жила Элина подруга Валя... или Лариса? Значит, близко... Здесь, между домов, росли тополя, голые, мокрые, пустыми были запорошенные снегом скамейки и детские качели. Здесь не было мертвых и казалось, что дома мирно спят под утро.

Они миновали еще один дом. По дорожке вдоль дома стояли пустые автомобили. На скамейке возле клумбы сидели, обнявшись, двое.

Они сидели столь мирно и уютно, что Шубин сделал шаг в их сторону, словно хотел окликнуть.

И тут же понял, что ошибся. И парень, обнявший девушку за плечи, и девушка, положившая голову ему на грудь, были мертвы.

— Ты что?— спросила Эля, которая уже дошла до угла дома.

Она их не заметила.

Шубин побежал следом за ней.

Эля остановилась возле угла дома. Впереди был переулок, на той стороне еще один дом.

— Я здесь живу,— прошептала Эля.

Шубин думал, что она сейчас кинется со всех ног к своему дому, но Элю вдруг оставили силы, и она буквально повисла на Шубине.

— Я не могу,— сказала она.

Дом был темен, он спал. В некоторых окнах были открыты форточки.

— Четвертый этаж?— спросил Шубин.

— Вон те окна.

— Пошли.

Шубин взял ее под руку и буквально потащил через мостовую.

Но в этот момент что-то заставило его поглядеть направо, туда, откуда прилетел очередной заряд снега.

Это их спасло. Снежный заряд был желтым.

Газ смешанный со снегом, подхваченный ветром где-то над озером или в низине у реки, собрался в гигантский, в несколько метров в диаметре шар и, легкий и даже веселый, мерцая под отблесками пожара, несясь вдоль улицы.

— Назад!— крикнул Шубин и с силой последнего отчаяния рванул Элю назад, к дому, от которого они только что отошли. Эля не поняла, она пыталась вырваться, но Шубин, охваченный страхом, был столь силен, что оторвал ее от земли, кинул за дом и упал сверху.

И все это случилось так быстро, что он не успел ничего сказать. Но лежа, отворачивая лицо от несущегося шара, прохрипел:

— Не дыши!

И сам постарался задержать дыхание.

Возможно, прошла минута...

Шубин поднял голову. Улица была пуста. Ветер стих.

Шубин встал первым, помог подняться Эле. Она придерживала рукой локоть — ушибла.

— Ты что?— спросила она.— Там что было?

— Газ,— сказал Шубин.

— Откуда газ?

— Его по улице несло.

Они быстро перешли улицу, крутя головами, словно боялись, что газ подстерегает их, завернули во двор и вошли в подъезд.

Шубин не дал Эле войти в дом первой. Сначала он открыл дверь в подъезд и сосчитал до пятидесяти.

— Ты газа боишься?— спросила Эля.

Она переступала с ноги на ногу от нетерпения. Она пыталась оттолкнуть Шубина. Она понимала, что он прав, но в ней уже не осталось ни крошки терпения.

Она вырвалась и вбежала в темный провал подъезда. Застучали ее подошвы по лестнице.

Шубин пошел следом. Ему было страшно догнать Элю, ему было страшно, что будет потом.

Шубин поднимался по лестнице с трудом. Снова мутило, дыхание срывалось — не хватало почему-то воздуха.

Он ощущал запах желтого газа в подъезде, особенно на первых двух этажах, но шагов не ускорял, потому что был обессилен.

Он догнал Элю у двери ее квартиры.

Обыкновенная дверь, без глазка, покрашенная коричневой краской, с номером «15».

Эля обернулась, услышав его шаги, и сказала:

— А ключей нет... Ключи в сумке... или в пальто. Не знаю.

— Тогда позвони.

Эля нажала кнопку звонка, но было по-прежнему мертво-тихо.

— Дурачье,— сказал Шубин, упираясь ладонью в косяк двери, чтобы не упасть.— Электричества нет. Стучи.

Эля постучала. Тишина.

— Они же спят,— сказал Шубин.— Стучи громче.

Эля постучала сильнее.

— Они не спят,— прошептала она.

Она не смогла больше ничего сказать. Лицо ее было неподвижно, и по грязным щекам катились слезы.

Шубин ударил по двери кулаком. Еще раз, начал молотить, только чтобы перебить высокие, жалкие звуки, что вырывались изо рта Эли.

И он молотил так, что не услышал, как из-за двери раздался женский голос:

— Кто там?

— Стой!— Эля повисла на его руке.— Это я, это я, мама! Где Митька? Это я, мама!

— погоди, не шуми,— ответил голос, щелкнул замок, дверь открылась, и мать Эли произнесла фразу, которую намерена была сказать, еще не отворив дверь, и которая теперь прозвучала как из другого мира:— Ты что, опять ключи забыла?

И тут она увидела Элю и страшного — это Шубин только потом, увидев себя в зеркале, понял, до чего страшного,— мужчину.

— Господи!— сказала она.

За соседней дверью раздался недовольный мужской голос:

— Вы что шумите, не знаете, сколько времени?

— Порядок,— ответил голосу Шубин.— Извините. Все в порядке.

Эля упала внутрь, повисла на матери и начала судорожно смеяться. Шубин втолкнул ее в дверь и быстро захлопнул. Наступила крошечная тьма, и в ней был слышен лишь истерический смех Эли, который прерывался возгласами матери: «Ты что, ты что, что с тобой?» И попытками Эли спросить: «А Митька, где Митька?»

И снова смех.

— Положите ее куда-нибудь, — сказал Шубин. — Ей надо лечь.

Но Эля вырвалась — она рвалась в комнату, распахнула дверь. В свете догорающего пожара была видна кровать. На ней спал мальчик. Эля схватила его, мальчик начал отбиваться со сна, а Шубин оттаскивал Элю и кричал на нее:

— Не смей его трогать! Не смей! На тебе может быть газ.

Эля опустила мальчика на кровать, а сама как-то спокойно, тихо и мирно легла возле кровати на коврик, будто заснула. На самом деле это был глубокий обморок.

Шубин подхватил Элю и спросил ее мать, белая ночная рубашка которой светилась в темноте, как одежда привидения:

— Куда ее положить?

— Ой, а что с ней?

Мать все еще ничего не понимала — да и откуда ей было понять?

— Где диван?..

— Рядом с вами, туда и ложите.

Она была сердита, потому что уже уверилась в том, что ее непутевая дочь где-то напилась, попала в переделку и вот теперь хулиганит. Шубин не знал, бывало ли такое с Элей, — он ничего не знал о своей будущей жене. Он с трудом перетащил ее на диван.

— У вас валерьянка есть?

— А вы кто такой? — спросила мать Эли, в которой росло раздражение против бродяги, которого Эля притащила домой.

— Накапайте валерьянки. Или валидола. Ничего страшного. Она очень устала. И перевознолась.

И в голосе Шубина была такая настойчивость, что

мать, бормоча что-то, пошла в другую комнату и принялась щелкать выключателями.

— Света нет,— сказал Шубин. Он присел на корточки перед диваном и положил ладонь на теплую щеку Эли. И та, все еще не приходя в себя, подняла руку и дотронулась слабыми пальцами до его кисти.

— Почему света нет?— спросила из той комнаты мать.

— Воды нет тоже,— сказал Шубин.— А если есть, то лучше ее не пить. В чайнике вода осталась? Из чайника налейте.

Митька повернулся в кровати и забормотал во сне.

— Да вы хоть скажите по-человечески, что случилось-то?— спросила из той комнаты мать. Она, видно, шуровала среди лекарств, разыскивая валерьянку.

— Авария,— сказал Шубин.— Авария. Выходить из домов нельзя. Закройте форточки...

Мать зашаркала шлепанцами на кухню, громыхнула там чайником.

Шубин прислушался к дыханию Эли. И понял, что она спит.

— Не надо,— сказал он,— она заснула...

Мать уже вернулась в комнату. Шубин не заметил как — в сознании пошли провалы.

— Вы сами тогда выпейте,— сказала мать уже без озлобления.— Вам тоже нужно.

Она вложила в его руку стаканчик с валерьянкой.

— А где авария? Серьезная, да? На химзаводе?

— Серьезная,— сказал Шубин. И заснул, сидя у дивана на коврикe, положив голову на руки, которыми касался руки Эли.

Было пять часов утра. Те жители города, что остались живы, еще спали.

Шубин проснулся, и ему показалось, что он и не засыпал — только закрыл на минутку глаза, чтобы не так щипало. Он сразу вспомнил, где он, и первая мысль была хорошая: ну вот, обошлось.

Он лежал на том же диване, у которого, сидя на полу, отключился. В комнате стоял утренний полумрак — небо за окном было холодным, голубым. Повернув голову, Шубин увидел кровать и спящего на ней Митьку, которого он толком еще не видел.

За стенкой тихо разговаривали.

Шубин вспомнил, что обгорел, спускаясь с крыши, он провел рукой по колючей голове. В комнате было холодно.

Он поднес часы к глазам, но света в комнате было слишком мало. Ничего не увидел. Он поднялся и пошатнулся так, что чуть было не уселся обратно. В голове все потекло.

Эля услышала и вошла в комнату.

— Ты чего встал? — прошептала она.

— Ты же тоже не спишь, — сказал Шубин.

Он прошел на кухню, где на табуретке сидела мать Эли, обыкновенная полная женщина, тоже скуластая и черноволосая. Только губы, в отличие от Элиных, у нее ссохлись и сморщились. Глаза были заплаканы.

На кухонном столе горели две свечи. От них уже наплыло на блюдо.

— Здравствуйте, — сказал Шубин. — Простите, что так вышло.

— Это вам спасибо, Юрий Сергеевич, — сказала мать Эли. Она всхлипнула. — Мне Эля все сказала, а мы вот сидим и боимся.

— Лучше не выходить, — сказал Шубин.

— А воды нет, — сказала мать, — и газа, знаете, тоже нет. Когда дадут, вы как думаете?

— И холодно, просто ужасно, — сказала Эля. — Знаешь, на улице похолодало.

В синее окно Шубину было видно, что на улице метет.

Наверху кто-то прошел, зазвенел посудой, дом был панельный — слышимость абсолютная.

— Сколько времени? — спросил Шубин.

Эля поглядела на ходики, висевшие над столом. Шубин сам увидал: половина восьмого.

— В это время уже машины ездят, — сказала Эля, — люди на работу идут. А мама мне верит и не верит.

— Чего ж не верить, — ответила та. — Многие говорили, что этот завод нас погубит. Детей вывозили. Вы слышали?

— Да, я даже видел.

— Но с них как с гуся вода. А Эля говорит, много народу погибло.

— Да,— сказал Шубин,— многие погибли.

Он посмотрел на Элю. Она встретила его взгляд настороженно, будто таясь.

Уже был другой день, другая жизнь, и он в ней был будто гостем. Да и что скажешь при матери?

Шубин подошел ближе к окну. Улица, на которую оно выходило, была пуста. Вон оттуда, из-за угла дома на той стороне, они пытались перейти улицу и потом спрятались от желтого шара. Он увидел истоптанный снег, там они лежали, боясь поднять головы. А чуть дальше за домом — лавочка, где сидят влюбленные.

— Я пойду,— сказал Шубин.

— Что?— не поняла Эля.

— Я пойду. Сама понимаешь, не сидеть же здесь.

— Я вас, Юрий Сергеевич, никуда не пушу,— сказала Эля, перейдя снова на «вы».— Вы на себя в зеркало посмотрите. Вы же на последнем издыхании.

— Я выспался,— сказал Шубин.— Я больше двух часов проспал.

— Я с вами.

— И не мечтай,— сказала ее мать.

И Шубин как эхо повторил:

— И не мечтай.

— Ну как же так...— покорилась Эля.

— Я очень прошу вас,— сказал Шубин,— никуда из дома не выходить. У вас четвертый этаж, это спасение. Мы не знаем, кончилось все уже или еще будут последствия.

— Холодно ведь,— сказала мать,— когда затопят?

— Я все узнаю и вернусь,— сказал Шубин.

— Правильно,— сказала мать,— сходите, поглядите и возвращайтесь.

Шубин взял свечу, прошлепал босиком в ванную комнату. Вода не шла. И не могла идти. Он поднял голову, посмотрел в зеркало и увидел себя впервые с вечера. И не сразу узнал, потому что за тридцать девять лет жизни привык к другому человеку.

На него смотрело грязное, обросшее щетиной существо. Волосы его и ресницы опалены, от волос вообще оста-

лись какие-то клочья. На виске и щеке — высохшая кровь. И как назло — нет воды.

— Юрий Сергеевич,— сказала из-за двери Эля.— У нас в кастрюле вода осталась. Вам пригодится.

Шубин хотел было с благодарностью согласиться, но сказал:

— Отлей мне в стакан. Неизвестно, когда пустят воду. Надо экономить. Может, целый день придется терпеть... или больше. Ты же понимаешь, что водопровод может быть отравлен.

— Понимаю,— сказала Эля.— Щетку зеленую возьми-те, это моя.

Он открыл дверь. Она протянула ему полный стакан.

Он услышал голос матери из кухни.

— В чайнике еще осталось. Смотри, не выплесни.

Шубину было неловко, что он не может спустить за собой воду в унитазе. Он прикрыл его крышкой, потом почистил зубы, намочил водой край полотенца и протер кое-как лицо. На полотенце остались пятна сажи и кро-ви.

Пока Шубин натягивал ботинки, Эля почистила его пиджак и пыталась уговорить его съесть холодного мяса. Но есть совсем не хотелось. Он бы еще выпил воды, но не посмел попросить.

Эля стояла в смущении перед вешалкой, потому что Шубину надо бы переодеться, а дома не было мужских вещей. Она уговорила его надеть под рваную аляску свой толстый свитер, и Шубин согласился. Потом вытащила откуда-то белую вязаную шапку и сказала:

— Это ничего, что она женская, у нас ребята многие носят.

На шапке были изображены олимпийские кольца.

— До свидания,— сказал Шубин матери, которая стояла в дверях кухни.

— Приходите,— ответила та сдержанно.

Эля вышла проводить Шубина на лестницу.

Он пониже надвинул на глаза лыжную шапку.

— Ты адрес помнишь?— спросила вдруг она.— Улица Строительная, двенадцать, корпус два, квартира пятнадцатая. Записать?

— Нет, запомню,— сказал Шубин.— Только не выходи.

Не надо. И мать не пускай. Пока не вернусь, не выходи, обещаешь?

— Обещаю,— улыбнулась Эля. Впервые он увидел ее улыбку с прошлого вечера. Блеснула золотая коронка. А он и забыл, что у нее золотая коронка.

Дверь напротив открылась, и оттуда выглянул громоздкий мужчина в пижаме.

— Привет,— сказал он,— гостей провожаешь?

В вопросе было плохо скрываемое презрение к соседке.

— Доброе утро Василий Карпович,— сказала Эля, не выпуская руки Шубина.

Этот человек был из другого, обыкновенного, сонного, вчерашнего существования.

— Чего-то света нету?— спросил он.— Не знаешь?

— А вы проверьте,— сказал Шубин,— нет воды, нет газа и не работает телефон.

— А что?— Человек сразу поверил и испугался.— Что случилось, да?

— Эля,— сказал Шубин, отпуская ее руку.— Я тебя очень прошу. Пройди по квартирам и еще лучше — возьми кого-нибудь из мужчин, на которых можно положиться. Сейчас люди будут вставать, они ничего не знают. Может быть паника, кто-то может заразиться... Ну, не мне тебя учить.

— Хорошо, Юрий Сергеевич,— сказала Эля.

Она хотела еще что-то сказать, но Василий Карпович из соседней квартиры не дал.

— Да что случилось, я спрашиваю!— почти закричал он.— Ты можешь человеческим языком объяснить?

Перешагивая через две ступеньки, Шубин сбежал с лестницы. Хлопнула бурая дверь подъезда.

Холодный ветер ударил в лицо. Он нес колючие снежинки. Шубин надвинул капюшон аляски.

На улице рассвело. Он перешел улицу и оглянулся. Эля стояла у окна. Она смотрела вслед. Тут же рядом с ней возникло лицо Василия Карповича — значит, он уже проник к ним в квартиру.

Шубин прошел за соседний дом. И остановился у его угла, не оборачиваясь больше. Он понимал, что через несколько шагов уйдет из той обыденности мира, в котором еще ничего не произошло, который только сейчас

начинает открывать, и то не во всей полноте, масштабы бедствия — как будто от гостиницы, где они провели ночь, до этих домов — много километров, и звуку несчастья еще предстоит их одолеть.

Конечно же, Шубин мог остаться у Эли и поспать еще несколько часов. Нет, он бы уже не заснул. Он-то знал, что жизнь этого и соседних домов — только видимость, а то, настоящее, к чему он принадлежит, начнется за углом.

И вдруг неожиданная мысль заставила его оглянуться.

Он посмотрел на Элин дом. Нет, не на четвертый этаж, а на первый. В трех, нет, в четырех окнах первого этажа открыты форточки. Значит, почти наверняка, там лежат мертвые люди. Лежат мирно, будто спят, но скоро эти двери взломают. Где водораздел? Два этажа — гробы, три верхних — обыкновенные квартиры, где люди просыпаются и удивляются, почему нет воды и света. Водораздел — на втором этаже...

Больше он не мог стоять — он должен был оказаться там, где много людей, где что-то делается, где он может пригодиться.

Шубин вышел в следующий двор. Навстречу ему рванулся крик. У скамейки, на которой сидели, обнявшись, влюбленные, стояла, подняв руки, женщина и неразборчиво кричала. Можно было лишь разобрать: ...моя девочка... моя девочка... Лидушка...

Хлопнула дверь, из дома выбежал другой человек, побежал к скамейке. Шубин быстро пошел стороной, к главной улице, к вокзалу.

Дворами Шубин вышел на главную улицу, что вела к вокзалу, как раз к арке, через которую он убегал от милиционера.

Сыпал снег, неровно, зарядами, зло. У кафе, где он сидел с общественниками, лежали тела. Возле них стояли два человека, непонятно зачем — просто смотрели.

По улице, вдоль домов, шел парнишка, лет пятнадцати, он нес туго набитый пластиковый пакет. Перехватив взгляд Шубина, он побежал, одна ручка пакета оторвалась, и оттуда начали вываливаться меховые шапки.

Парень остановился и принялся собирать их, не спуская взгляда с Шубина.

— Зря ты,— сказал Шубин,— они зараженные.

Прижимая пакеты к животу, парень побежал в арку.

И тут Шубин увидел собственную кепку. Она лежала у края тротуара, совсем засыпанная снегом. Ждала его.

Шубин подошел к ней, поднял, снег примерз к ней, кепка была жесткой и чужой. И тут же Шубин уловил взгляд женщины, закутанной в серый платок. В ее взгляде было осуждение.

— Люди страдали, а вы пользуетесь,— сказала вдруг женщина.

— Это моя собственная кепка,— сказал Шубин.— Я ее вчера потерял.

И понял, как глупо это звучит.

— Понимаю, понимаю,— сказала женщина.

— А вы проходите,— озлился Шубин.

Женщина пошла у самой стены.

По улице ехал бронетранспортер. В нем стояли два солдата. Они смотрели по сторонам, видимо, изучая обстановку.

Шубин поглядел им вслед. Повернул туда же, куда ехала машина,— к вокзалу. Он миновал кинотеатр «Космос» и автобусную остановку. Автобус все стоял передним колесом на тротуаре, но столкнувшиеся машины были убраны с дороги, и трупы тоже исчезли.

Быстро работают, подумал Шубин. Молодцы. Кто молодцы и почему — он не задумывался. Ему приятно было, что кто-то думает, принимает меры.

На остановке стоял старичок в военной шинели и заячьей шапке.

— Молодой человек!— окликнул он Шубина.— Почему нет автобуса? Я жду уже двадцать минут.

— Автобуса уже не будет,— сказал Шубин и пошел дальше.

— Почему? Вы мне можете объяснить, почему?— старичок стучал палкой.

Шубин увидел, куда убрали трупы,— их, оказывается, еще не успели вывезти. В просвете между большими домами они громоздились грудой, частично прикрытые бульдозером, которым, видно, их туда и отодвинули.

Бульдозер был пуст, но возле него стоял милиционер и курил.

Он увидел, что Шубин остановился, и сказал устало:

— Идите, гражданин, смотреть не положено.

— Ладно уж,— сказал Шубин.

По улице медленно ехал грузовик. Задний борт его был откинут. Там тоже лежали тела.

Простоволосая растрепанная женщина в распахнутой шубе бежала посреди улицы навстречу грузовику и кричала, открыв рот, на одной ноте. Грузовик затормозил, гуднул, но она его не видела. Водитель подождал, пока она пробежит мимо, и снова дал газ.

Окна продовольственного магазина, мимо которого проходил Шубин, были разбиты, большие куски стекла валялись на тротуаре. Внутри шевелились какие-то темные фигуры.

Должна была показаться гостиница, но ее не было. И Шубин, пройдя последний большой дом перед вокзальной площадью, понял, что случилось: гостиница стала вдвое ниже — провалившись, крыша увлекла за собой два верхних этажа. Казалось, что в гостиницу попала бомба.

Развалины еще дымились, и снег вокруг был черным.

Шубин вышел на площадь. Как ни странно, подъезд гостиницы не был тронут огнем. Даже сохранились стеклянные двери и стеклянные вывески с названием гостиницы по сторонам. Но сквозь дверь было видно черное сплетение упавших балок.

Вокзальная площадь была странно оживлена. По какой-то организационной причине именно в вокзале находился штаб, который руководил спасательными работами. На площади стояло несколько бронетранспортеров, дальше, между пустыми автобусами, тянулись крытые военные грузовики. У монумента труженикам стоял танк. Его зачехленная пушка была высоко задрана. У входа в вокзал Шубин увидел несколько легковых машин, в том числе две или три черные «Волги».

Правильно, понял Шубин, направляясь через площадь к вокзалу. Вокзал — это связь с другими городами. Здесь должны быть паровозы, так что можно обойтись без электричества, пока не запустят станцию.

Трупы с площади уже убрали, и Шубин не стал искать глазами куда. Он пошел мимо танка. Люк его был открыт, в нем сидел солдат в шлеме и курил. Рядом стоял автобус, двери его были открыты, на полу головой к открытой двери лежал человек.

— Юрий Сергеевич!— услышал Шубин.— Юрий Сергеевич, это вы?

К нему бежал Борис.

И если он был неопрятен и даже страшноват в обычной жизни, то сейчас казался неким подземным чудовищем. Черные длинные волосы сбились неопрятным стогом, пальто было без одного рукава, из которого торчала ковбойка. Под глазом большой синяк.

Борис схватил Шубина за руку и принялся трясти. Солдат из танка смотрел на них сверху, потом сплюнул окурок и спрятался в башне.

— Я думал, что вас нет, что вы погибли. Я ведь специально пришел сюда, к гостинице, я уже час здесь, у меня теплилась надежда. Никто ничего не знает, мне только говорили, что ночью, когда гостиница сгорела, оттуда с крыши люди вниз кидались. Вот у меня и оставалась надежда.

— Успокойтесь,— сказал Шубин. Он был рад видеть этого психа.— Что с остальными случилось, что случилось?

— Про Наташу я не знаю,— сказал Борис,— Наташу отпустили. Они, конечно же, вас искали, потом я был на допросе, только это неинтересно, они искали компромат, но в самом деле — письмо Бруни, они думали, что письмо Бруни у вас.

— Кто они, какие письма?— Шубин оглянулся, куда бы отойти с ледяной площади.— Пошли в вокзал, может, там хоть не дует.

— Не сходите с ума, кто вас туда пустит? Там же штаб. Там все оцеплено. Кто нас пустит?

Шубин посмотрел в ту сторону. Он просто не обратил раньше внимания на солдат, каждый из которых был как бы сам по себе, но все вместе они образовали редкую цепочку, перегораживавшую площадь примерно там, где стояли машины. Вот одна из них вдруг развернулась и,

поднимая пыль, понеслась с площади. На заднем сиденье был виден профиль Силантьева. Значит, он остался жив.

Шубин повел Бориса в сторону, к киоскам, что тянулись вдоль площади, к стоянке автобусов.

— Зачем нам туда?— спросил Борис.— У нас так мало времени.

Шубин подошел к автобусу, дверь в который была открыта. Он поднялся внутрь и сказал Борису:

— Идите, здесь не дует.

В проходе лежал человек лицом вниз. Значит, сюда не догадались заглянуть те, кто убирал трупы.

Борис скользнул взглядом по мертвецу.

— Вы начали говорить о ваших друзьях,— сказал Шубин.

— Да? Я не знаю, что с Наташей.

— Вы говорили это. Что еще? А остальные?

— Бруни и Сырин погибли. Я видел. Меня наверх повели, меня там допрашивали. Они меня били, потому что я неприятен. Я вызываю раздражение, это я знаю. Даже в вас.

— Нет, вы не правы.

— Впрочем, вы тоже сейчас не красавец — сказал Борис.

— Они погибли в милиции?

— Дежурный повел меня наверх, они меня допрашивали, а потом внизу был какой-то шум, дежурный заподозрил неладное, это было в одиннадцать — сорок две, вы знаете?

— Догадываюсь.

В автобусе было холодно накопившимся за ночь тесным холодом. По площади проехала «скорая помощь», остановилась у вокзала. Кое-где из соседних улиц возникали люди, тянулись к вокзалу, и Шубин увидел, как их останавливали солдаты и поворачивали назад.

— Он долго не приходил. Было тихо. Я посмотрел в окно и увидел туман. Вы видели туман?

— К несчастью, видел.

— А я видел, как он догонял людей и они падали. Но я был в лучшем положении, чем дежурный. Он не знал, чего ждать, а я ждал этого уже больше месяца. Бруни все это

предсказал, он три письма послал об этом. Они лежат у них в делах.

— У кого?

— У Гронского, у Силантьева, в Госконтроле. Ну и, конечно, в эпидемстанции. Он даже механику предсказал — механику диффузии. Именно так... он нам рассказывал, но вы сами понимаете, кое-что было слишком специально. Например, его расчеты о сочетании рельефа, розы ветров и этих компонентов... Помните, мы вчера просили вас взять в Москву письмо? Представляете, там уже все это описано! И смертельные случаи тоже. Только он не знал, что это будет в таких масштабах, — они пустили вторую очередь, очень спешили и перешли критическую массу... Я ждал, ждал, открыл дверь — никого в коридоре нет. Ночь. Внизу тихо. А я уже знал.

Борис перевел дух. Ему было жарко.

— Я вниз не побежал. Я только увидел, что капитан лежит внизу, у лестницы. И еще один милиционер. Оба лежат. А Бруни и Пашка Сырин, они же были в КПЗ — на первом этаже и не могли выйти. Я сразу понял, что они не могли выйти. Что я остался один. Я всю ночь там просидел. И мне нужно найти вас, а если нет — вырваться и добраться до Москвы. Но лучше, чтобы вы, вы объективный человек. И у вас нет детей.

— А дети здесь при чем? — Шубину показалось, что Борис бредит.

— А я не сказал?

— Что?

— У меня жена, трое детей... я дома уже был.

— И что?

— Понимаете, простите, но моя жена погибла. Дети были у бабушки, мы в одном подъезде живем, а она, наверное, беспокоилась, куда я делся. И она спустилась вниз, — она меня иногда встречала, — очень беспокоилась, куда я опять пропал. Она так и лежала у нашего подъезда — она пальто на халат накинула и спустилась. Вы простите, пожалуйста. Я ее отнес наверх, но не домой, потому что дети еще спали. Потом я разбудил Ниночку, она старшая, и сказал, что скоро приду, а в школу сегодня не надо. Вам неинтересно?

— Причем тут интересно или неинтересно! — крикнул

Шубин.— Мне непонятно, чего вы здесь делаете! Идите домой!

— Я сейчас пойду, вы не волнуйтесь.

— Неужели вы думаете, что я скрою это в Москве? Что это вообще можно скрыть?

— У нас все можно скрыть,— сказал Борис.— И лагеря, и выселение народов... все.

— Но это было раньше, теперь все изменилось.

— Изменилось, да. Поэтому мы еще разговариваем, и я еще надеюсь. Но механика сокрытия осталась. Надо только отрапортовать, что случилась авария, есть человеческие жертвы. И все — дальше молчок. И нет Аральского моря! Но тихо... И в другом городе — в Свердловске, в Кургане — накапливаются в отстойниках эти жидкости, идут реакции, чтобы взорваться, чтобы кинуться на людей... Бруни все это написал.

— Но, может, они поняли?— неубедительно сказал Шубин.

— Поняли?— Борис громко, деланно засмеялся, как в плохом театре.— Ха-ха-ха! Горбатого могила исправит! Вы думаете, чем они занимаются?

— Как и любой штаб во время бедствия,— сказал Шубин.— Есть какие-то правила, неподвластные даже тем, кто этим занимается. Там, конечно, суматоха, неразбериха, но они стараются что-то сделать.

— Они стараются сделать так, чтобы не сесть в тюрьму, вот что они стараются сделать.

— Как вы видите, здесь в основном армия.

— Армия, потому что ее вызывают делать черную работу. Солдатики убирают трупы, а потом будут травиться, очищая озеро. Им прикажут, они сделают. А генералы будут обедать вместе с Силантьевым и Гронским и обсуждать, как сделать, чтобы империалистическая пропаганда не подняла шума, чтобы народ не испугался, чтобы великие свершения не скрылись за темным мраком отдельных недостатков.

— Даже если вы правы, Борис,— сказал Шубин,— то сейчас они уже бессильны.

— Почему же?— Борис сунул пятерню в спутанную шевелюру, пальцы запутались, он с остервенением дернул руку, чтобы освободить.

— Слишком велики жертвы. Этого не скроешь.

— А что вы знаете о том, что уже скрыли? Вы даже о Чернобыле узнали не сразу и не все, хоть он так близок к Киеву. А ведь купленные профессора и академики пели по телевизору, что опасности нет и жертв почти нет... У нас два года назад на Сортировочной цистерны рвануло — домов двести разрушено, народу перебило... а что вы об этом слышали? МПС отрапортовало, и в Москве согласились. Неужели вы не понимаете, что никому не нужны несчастья? От них портится настроение.

— Тогда мы с вами ничего не сможем поделать.

— И пускай моя жена погибла, да, и Бруни тоже? И еще люди? Может, вы провели ночь у бабы и ничего не заметили? Вам хочется поскорее в Швейцарию? В следующий раз они рванут так, что и от Швейцарии ничего не останется. Достанут вас, достанут, честное слово даю!

Борис поднял руку и вопил. Он вопил как какой-то древний еврейский пророк в пустыне, он готов был пойти на костер, и отблески его, рожденные усталым воображением Шубина, поблескивали за спиной.

— Я не провел ночь у бабы, — сказал Шубин. — Я был в гостинице.

Он вяло показал на дымящиеся руины.

— Тем более, — сказал Борис. — Ни черта вы не видели.

Шубин понял, что спорить с ним бесполезно, нельзя с ним спорить. Он имел монополию на высшее страдание. А впрочем, и право.

— Хорошо, — сказал Шубин. — Мне очень грустно, что у вас такое несчастье...

— Дело не в моих несчастьях. Дело в будущих несчастьях! — закричал Борис, как учитель, отчаявшийся вдолбить тупым ученикам элементарную теорему.

— Что я могу сделать?

— То, о чем мы просили вас вчера. И вы должны это сделать ради памяти о Бруни, обо всех... Вы возьмете все документы — и все, что писал Бруни, копии наших писем, выкладки, прогнозы... и то, что написал я сегодня на рассвете. Я писал возле тела моей жены. Вы понимаете? И вы отдадите все прямо в ЦК, прямо Генсеку — как можно выше. Пускай это будет набат.

— Понимаю, — сказал Шубин, голова просто разламы-

валась от этого надрывного крика. Жутко неприятный этот Борис, физически неприятный. Но у него правда, если бывает много правд, то у него более важная правда.

— Возьмете?

— Возьму.

— Тогда вам нужно как можно скорее отсюда вырваться. Пока не оцепили город. А может быть, они его уже оцепили.

— Как выбраться?

— Я скажу.

— Почему не сейчас?

— Но мне нужно принять меры. У меня нет с собой писем. Не могу же я носить их с собой по городу, где меня каждая собака знает! Они за мной будут охотиться, если уже не охотятся. Они подозревают.

Шубин хотел сказать, что сейчас никому нет дела до Бориса, но понимал, что этим вызовет лишь очередную вспышку крика.

— И что вы предлагаете?

— Через сорок минут я снова буду здесь. В этом автобусе. Добро? А вы где-нибудь укройтесь. Не надо, чтобы вас видели. Где ваш чемодан?

— Сгорел.

— Ах да, конечно. Ну ничего, вы еще новый купите, в Швейцарии.

— И сдалась вам эта Швейцария!

— Ладно уж, мне ее не видать как своих ушей. Я пошел. А вы не суйтесь.

— Не сидеть же мне здесь все время.

— Лучше сидеть.

— Я должен увидеть как можно больше собственными глазами. Нет ничего глупее, чем отсиживаться. Я могу там пригодиться.

— Вы? Им?— вставил Борис с сарказмом.— Чтобы вас прихлопнули?

Борис подошел к двери автобуса и с минуту оглядывался, как в детективном фильме, нет ли за ним слежки. И если бы кто-то посмотрел в ту сторону, наверное бы, уверился, что видит злоумышленника.

Шубин не стал ждать, пока Борис, пригибаясь и изображая из себя злоумышленника, убежал с площади. Он

спрыгнул из промерзлого автобуса на снег, и ему показалось, что снаружи чуть теплее, чем в машине. Он сунул руки в карманы аляски, надеясь отыскать там сигареты, но нащупал только банку с растворимым кофе. Чего же Эля не вынула, подумал он. Лучше бы вынула и положила сигареты.

Оттого, что сигарет не было, страшно хотелось курить. Шубин подошел к танку и только собрался постучать по броне, спросить, нет ли закурить у танкистов, как увидел табачный киоск. Киоск был открыт.

Шубин, ничуть не удивившись, пошел через площадь.

В киоске кто-то был.

Шубин спросил:

— Пачку сигарет не дадите?

После некоторой паузы изнутри послышался тонкий голос:

— А вам каких?

— «Прима» есть?

— Сейчас.

На полочку перед окошком легла черно-красная пачка. Ее держала тонкая детская рука.

Шубин сказал:

— Спасибо,— и положил рубль.

Рука сгребла рубль и исчезла.

— А спички есть?— спросил Шубин.

— Спичек нету.

Окошечко со стуком закрылось.

Шубин отошел на три шага, разломал пачку, вытащил сигарету.

Боковая дверь в киоск открылась, и оттуда высунулась голова мальчишки в вязаной шапочке. Мальчишка вытащил мешок, явно набитый пачками сигарет, и ловко закинул его за киоск, прочь с глаз. Увидев, что Шубин наблюдает за ним, он ничуть не испугался, а разжал кулак, в котором был коробок спичек, и кинул его Шубину. Тот успел подставить руку и схватить коробок.

Следом за мальчишкой из киоска выбралась девочка с таким же мешком. Оба спрятались за киоск.

Шубин пошел к вокзалу.

Солдат с автоматом, который стоял возле черных «Волг» и военных «газиков», число которых за время раз-

говора с Борисом увеличилось, шагнул навстречу Шубину.

— Нельзя,— сказал он.

— Мне можно,— сказал Шубин. Он достал из кармана пиджака редакционное удостоверение. Солдат взял удостоверение, раскрыл, начал читать, шевеля губами. Потом посмотрел на Шубина, сравнивая его с фотографией, и Шубин понял, что сходства солдат отыскать не может. Он закрыл удостоверение и крикнул:

— Величкин! Товарищ старшина!

Старшина в теплой куртке, разрисованной камуфляжными узорами, подошел не спеша. Он был без автомата, но кабура повязана поверх куртки.

— Тебе же приказано — не пускать,— сказал он.

Солдат протянул старшине удостоверение Шубина, а сам посмотрел с тоской на дымящуюся сигарету. Шубин вытащил пачку, протянул солдату.

Тот взял сигарету, но закуривать не стал, он смотрел на старшину.

— И что вам там нужно?— спросил старшина.

— Мне надо пройти в штаб,— сказал Шубин.— Я журналист из Москвы, корреспондент. Я в командировке.

— В командировке?— спросил старшина, и взгляд его проехал по Шубину — от вязаной шапки, заросшего щетиной, порезанного лица до рваной аляски и замаранных брюк.— Что-то непохоже. Паспорт есть?

— Есть здесь кто-нибудь постарше чином?— спросил Шубин терпеливо, отдавая старшине паспорт.

Солдат держал сигарету так, будто готов был вернуть ее Шубину, как только того разоблачат.

— Приказано посторонних не пускать,— сказал старшина.— Авария.

— Послушай, старшина,— сказал Шубин.— Я всю ночь был на этой аварии, пока ты в казарме спал. И мне некогда было себя в порядок приводить. Я там был.— Шубин показал на гостиницу. Солдат и старшина послушно посмотрели на гостиницу.

— Погодите,— сказал старшина и, взяв удостоверение, пошел к вокзалу.

— Самое время бюрократию разводить,— сказал Шу-

бин и зажег спичку. Солдат закурил. Солдат был из Средней Азии, он был напуган, ему было холодно.

Низко над площадью прошел вертолет. Загромыхал за вокзалом состав.

— Как оттуда ушел?— спросил солдат, показывая на гостиницу.

— По пожарной лестнице, с крыши,— сказал Шубин.

— Понимаю,— сказал солдат.— И вещи сгорели?

— Вещи сгорели.

Подъехал «рафик». Из него вылезали люди, некоторые сонные, одетые кое-как, напуганные. Из вокзала выбежал шестерка Плотников, издали замахал рукой и крикнул людям, что стояли у «рафика».

— Сюда, товарищи, в зал ожидания, там вас ждут. Пропустите их!

Он убежал так быстро, что Шубин не успел его окликнуть. Но среди стоявших у «рафика» Шубин увидел Николайчика. Тот плелся за остальными к вокзалу.

— Федор Семенович!— крикнул Шубин.— Федор Семенович!

Николайчик остановился. Другие стали оборачиваться. Шубин подошел к нему.

— Шубин,— узнал его Николайчик.— В таком виде? Что с вами произошло?

— То, что и со всеми.

— Какой ужас!— сказал Николайчик.— Вы просто не представляете, какой ужас.

— Представляю,— сказал Шубин.

— Ну да, конечно. Но никто не мог представить. Меня разбудили час назад, вызвали сюда, в штаб. Есть человеческие жертвы!— последнее Николайчик произнес тихо, будто делясь с доверенным человеком государственной тайной.

— Даже у вас в доме,— сказал Шубин.

— Что?

— Те, кто жили на нижних этажах.

— Надеюсь, что вы ошибаетесь, Юрий Сергеевич,— сказал Николайчик, сразу насторожившись.

— Николайчик,— позвал кто-то из ушедших вперед.

— Сейчас. А вы почему здесь, Юрий Сергеевич? Хотите уехать?

— Меня не пропускают.

— Товарищ солдат,— сказал Николайчик,— надо пропустить товарища Шубина, он корреспондент, из Москвы.

— А мне как прикажут,— сказал солдат.

— Пойдемте со мной,— Николайчик потянул Шубина за рукав, но увидел, что рукав рваный, обгорелый, и отпустил его.

Солдат неуверенно сделал шаг, желая перекрыть путь Шубину, но Николайчик был настойчив, и солдат сдался.

Николайчик шел рядом.

— Ужасное бедствие,— говорил он, будто втолковывал Шубину урок,— роковое стечение обстоятельств.

— Какое к черту роковое!— возразил Шубин.— К этому все шло.

— Нельзя так категорично,— сказал Николайчик.— Если бы были предпосылки, неужели вы думаете, что товарищ Силантьев не принял бы мер?

— Вот не принял.

Николайчик насторожился и замолчал. У него было чутье, у этого Николайчика.

Они вошли в здание вокзала. Длинные скамьи для ожидающих, недавно переполненные народом, были пусты, только кое-где в проходах стояли чемоданы и сумки. Никто там не бродил, не фланировал, не убивал время — все спешили, бежали, исполняли. Военных здесь было немного, встречались железнодорожники и милиционеры. Основное направление движения соединяло второй этаж и платформу — муравьиной дорожкой сбегали по широкой лестнице люди, и смысл этого движения Шубину был непонятен.

— Где здесь туалет?— спросил Николайчик у Шубина.

Шубин ответил не сразу. Он думал о том, сколько людей погибло здесь — ведь залы были переполнены..

— Туалет? Вон видите — стрелка вниз: камеры хранения, туалеты. Только учтите, воды нет.

— Но мне же надо!— капризно ответил Николайчик.— Подождите меня здесь!

Он поспешил к лестнице в подвал, пробежал возле приколотого к стене бумажного листа с надписью: «Вход

воспрещен!» Рядом с Шубиным остановились двое мужчин в белых халатах.

— А может, еще повезло,— сказал один.— Почти нет пострадавших. Действовало сразу.

— «Почти», ты не был в первой больнице?

— Нет, меня из дома взяли.

— Там обожженные и раненые. В коридорах лежат, в вестибюле. А людей нету. Совершенно нету. Я даже не представляю, сколько наших погибло.

Неожиданно загорелся свет. Шубин настолько привык к полутьме, что зажмурился.

— Станцию запустили,— сказал медик.

— У тебя дома как?

— Обошлось.

— Ооо!— раздался крик. Шубин обернулся. Николайчик выскочил из подвала и бежал к нему, поддерживая расстегнутые брюки.

— Там,— сказал он,— там...

— Все ясно,— сказал Шубин.— Можете не объяснять.

— Там... ужасно... Вы не представляете! Там люди!

— А вы думаете, куда должны были снести трупы отсюда?— спросил Шубин.— И надо сказать, что они это быстро сделали.

— Солдаты,— сказал медик.— Они сейчас на путях работают. Там платформы подали.

— А что же будет? Что с ними будет? Вы не представляете.

— Захоронение,— сказал медик, закуривая.— Коллективное захоронение. И как можно скорей. Указание уже есть.

— Почему?— не понял Николайчик.— Как же так?

— А потому, Федор Семенович,— ответил Шубин,— чтобы не портить вам настроение.

— Тонкое наблюдение,— сказал медик.— Но, в общем, они правы, я бы то же самое приказал. Мы не знаем, как будет действовать газ на окружающих,— тела могут стать источником опасности. Не говоря об эпидемиологии.

— Солдатам только сейчас противогазы привезли,— сказал второй медик.— Там у них на складе, оказывается, всех выбило...

— Но вы не понимаете!— сказал Николайчик медику.— Там они лежат горой, до самого потолка.

— Представляю. Я был в аэропорту,— сказал медик.— Придется привыкать.

— Туда тоже добралось?— спросил Шубин.— Я думал, что аэропорт выше...

— Как я понимаю, туда понесло эту дрянь, когда поднялся ветер.

— А что вы здесь делаете?— спросил Шубин.

— Черт его знает — дежури́м. Нужна машина при штабе. Вот и дежури́м. Считай, что нам повезло.

Медики пошли на второй этаж, а Николайчик все не мог успокоиться:

— Я туда спустился, понимаете, Юрий Сергеевич? Там же почти совсем темно. И запах... такой неприятный запах. Я чувствую, что не пройти — впереди преграда. Я стал руками искать проход — я не понял, что за преграда, может, вещи... совсем темно было. И вдруг загорелся свет. Я стою, а вокруг лежат мертвые люди — до самого потолка, вы понимаете? И такой страшный запах...

— Николайчик!— сверху перегнулся через перила незнакомый Шубину мужчина.— Срочно на ковер!

— Простите,— сказал Николайчик.— Вы идете?

— Иду,— сказал Шубин, но задержался, потому что вспомнил, что его удостоверение у старшины — надо забрать. Он пошел к выходу.

Шубин выглянул наружу — старшины не было видно. Здесь должна быть какая-нибудь комендатура.

Шубин поднялся на второй этаж вокзала.

Зал ожидания был прибран, пуст, скрепленные по шесть, жесткие вокзальные кресла отодвинуты к стенам. Но не сам зал был центром деятельности, а комната матери и ребенка, дверь в которую была распахнута, и вторая комната, над которой сияла неоновая, не к месту яркая вывеска «Видеосалон». Вокруг неоновых букв загорались поочередно лампочки, совсем как на новогодней елке.

Пока Шубин стоял в нерешительности, не зная, к какой двери направиться, из видеосалона выбежал шестерка Плотников. За ним спешил низенький потный железнодорожник.

— Ну как же я пропущу? Там же людям сходить надо,— говорил он.

— Пропустить без остановки. И все пропускать — неужели вам непонятно? Ведь чрезвычайное положение.

— Вы бы мне бумагу дали,— сказал низенький.

— Будет бумага, будет, вы же видите, что я занят!

Шестерка побежал от железнодорожника, который со вздохом развел короткими руками и пошел обратно в видеосалон. И тут Плотников увидел Шубина. Он пробежал мимо, не сразу узнав его, но затормозил где-то сбоку и сделал два шага задом наперед.

— Шубин?— спросил он.

— Он самый,— сказал Шубин.— И живой.

— Вижу,— сказал шестерка.— И очень рад. Очень рад, что у вас все в порядке. А что вы здесь делаете?

— Хочу встретиться с руководством штаба,— сказал Шубин.— Надеюсь, что могу пригодиться.

— Зачем,— сказал шестерка и, вместо того чтобы продолжить свой путь дальше, развернулся, кинулся к двери в комнату матери и ребенка.

Шубин пошел за ним. Пришлось посторониться — несколько солдат притащили тяжелый ящик и принялись втискивать его в двери комнаты матери и ребенка, застряв там и перекрыв движение людей.

Вокруг кипели голоса, ругательства и советы, отчего ящик еще больше заклинивало в дверях. Через головы солдат видны были люди, что стояли в зале. Их было много. Шубин увидел Гронского, к которому подбежал Плотников и что-то говорил ему, отчего тот повернул голову к двери, и они с Шубиным встретились взглядами.

Гронский тут же отвел глаза и стал что-то говорить незнакомому чиновнику.

Шубин протиснулся к Гронскому. Гронский выглядел усталым, глаза красные, под ними темные мешки, благородные брыли свисали до плеч.

Он протянул Шубину руку. Рука была холодной, влажной.

— Вижу, что вы уже пришли в себя,— сказал Гронский. Потом добавил, обращаясь к статному усатому чиновнику в финском пальто и шляпе, что стоял рядом:— Позна-

комьтесь, товарищ Шубин, журналист из Москвы. А это Николаев, директор биокомбината, заместитель начальника чрезвычайного штаба.

Рука Николаева была другой, твердой и широкой.

— Журналист?— недоверчиво спросил Николаев. Он был недоволен. Шубин словно услышал невысказанные слова: «Когда успел? Кто допустил?»

Гронский уловил недовольство. Он добавил, будто оправдываясь:

— Товарищ Шубин у нас здесь с лекциями по международному положению. Вот и попал в переделку. Мы с ним ночью в гостинице куковали.

— А, международник,— сказал Николаев облегченно и тут же закричал на солдат, которые распаковывали ящик, где таился какой-то прибор с экраном и множеством кнопок:

— Правее ставьте, правее, чтобы окно не загораживать!

Он потерял интерес к Шубину.

— Обзаводимся хозяйством, армия помогает,— сказал Гронский.— Ну как вы, отдохнули?

— А вы энергично взялись за дело.

— К сожалению,— сказал Гронский,— никто не будет нас хвалить за оперативную работу по спасению жизни и имущества граждан. У нас как бывает? Голову сносят за прошлые грехи, сегодняшние подвиги не в счет.

Гронский грустно улыбнулся. Он был искренен.

Шубин позавидовал: у него была возможность побриться.

— Как здоровье вашей жены?— спросил Шубин.

— Спасибо. Разумеется, ей придется отдохнуть — нервный шок. Вы знаете, какая трагедия произошла с вертолетом?

— Я видел.

— Мы буквально чудом остались живы.

— Я хотел быть чем-нибудь полезным,— сказал Шубин.

— Но чем, чем?— вдруг вспыхнул Гронский. Вроде бы оснований для вспышки Шубин ему не давал.— Вы пойдете в бригаду по уборке трупов? Или в пожарники — у нас пожарников не хватает! Или в госпитале кровь сдаете?

— Не волнуйтесь,— сказал Шубин.— Я понимаю, как вам трудно.

— А будет еще труднее. С каждым часом... Вам не понять.

— Я вас понимаю,— сказал Шубин, который более не испытывал неприязни к этому замученному человеку. Неприязнь осталась во вчерашней ночи. Какой он, к чертовой матери, убийца! Чинуша перепуганный. И о жене беспокоится, и надеется, что может быть каким-то чудом все обойдется, и понимает, что ничего уже не обойдется. По крайней мере, для него.

— И какого черта вы сюда именно вчера приехали,— сказал Гронский с горечью.— Приедете в Москву, начнете ахать — что я видел, что я видел!

— Ахать не буду,— сказал Шубин.— Но если вы в самом деле думаете, что мне здесь делать нечего, тогда помогите мне улететь в Москву. Я думаю, что смогу вам там чем-то помочь. Вам же нужно многое для города.

— Нам нужно все!— почти кричал Гронский.— У нас нет врачей, нет шоферов, ни черта нет — мы же не можем на одних солдатах спасать положение!

— Ну, не надо так нервничать,— слышался начальственный голос.

В зал, в сопровождении небольшой свиты военных и гражданских чинов, вошел Силантьев.

— От вас я не ожидал услышать капитулянтских высказываний.

Силантьев не заметил Шубина, не обратил на него внимания, а может, и не узнал — в отличие от Гронского, он видел корреспондента лишь в своем кабинете, в respectableм облики.

— Это не капитулянтские высказывания,— сказал Гронский,— а оценка ситуации.

— Ситуация критическая, но не трагическая,— сказал Силантьев.

Он обратился к стоявшему рядом генерал-майору, высокому brunetu с черными глазами и синими от щетины щеками:

— Правда?

— Не могу я больше дать солдат,— ответил генерал, видно, продолжая разговор, который они раньше вели.

— Ты мне больше не давай,— сказал Силантьев,— ты мне оставь, сколько есть.

— Люди который час на морозе таскают трупы,— сказал генерал.— Им надо отдохнуть, мы их даже не покормили.

— Что у тебя, детский сад, что ли?— обиделся Силантьев.— А если бы война?

— Сейчас не война,— сказал генерал. Он говорил с легким восточным акцентом.— Сейчас катавасия.

— Еще один капитулянт,— сказал Силантьев и развел руками, будто призывая всех в свидетели тому, как ему трудно с такими людьми.

— Вы, Василий Григорьевич, не представляете, видимо, масштабы,— сказал генерал.

— Никто не представляет. Но мы уточним. И твоим орлам выделим из неприкосновенных запасов. Не обидим.

— У меня солдаты,— сказал генерал,— специалисты, а не могильщики.

— Ссориться будем?— спросил Силантьев, мягко укладывая ладонь на зеленый защитный погон генеральской куртки.— Не надо со мной ссориться. Всем трудно. А мне труднее всех. Это мой город, это мой народ!

Шубин нечаянно встретил взгляд генерала. Во взгляде была тоска. Или отчаяние. То же самое, что во взгляде Гронского. И других людей — медиков, Николайчика, даже солдатики на площади. Не было тоски во взгляде Силантьева. Взгляд был ясен.

Подбежала женщина, в белых сапогах и распахнутой дубленке. Длинный шарф размотался, доставал до колен.

— Василий Григорьевич, есть телефонограмма,— сказала она.

Силантьев развернул листок, пробежал глазами.

— Так,— сказал он.— Будем готовиться.

— Что?— спросил Гронский.— Кто едет?

— Область,— сказал Силантьев.— Через сорок минут самолет будет здесь.

— У нас ничего не готово,— сказал Гронский.

— Где принимать будем?— спросил Силантьев у женщины в дубленке.

— В горкоме нельзя,— сказала она.— Там не готово.

— Знаю. С аэродрома везем сюда. Тебе, Мелконян, главная скрипка.— Это относилось к генералу.— Чтобы БТР спереди, танк сзади — психологическая атака по высшему разряду. Я буду встречать. Силина ко мне в машину. Ты, Гронский, тоже поедешь со мной, у тебя нервы расшатались. Николаев поедет во второй с Немченко. Слышал?

— Слышал,— сказал Николаев.

— Главная наша задача, чтобы они не очень глядели по сторонам. И если на пути следования будет хоть одно неживое тело,— Силантьев сжал руку в кулак,— убью.

Неизвестно, к кому это относилось, но ответил генерал.

— По Пушкинской и Советской мы все очистили,— сказал он.— Но на шоссе гарантии нет.

— Да там и не было никого,— сказал Николаев.— Главное, чтобы автостанцию проехать.

— Мелконян, пошли человека надежного, чтобы весь маршрут проверил. Немедленно. Весь. Если что — в кювет, в кусты — ты понял?

— Я пошлю,— сказал Мелконян, не глядя на Силантьева.

— Хорошо. Кто готовил цифры?— спросил Силантьев.

— У меня есть,— сказала женщина в дубленке. Она протянула Силантьеву смятый листок.— Здесь оценочное число жертв, зажиганий и так далее.

Силантьев смотрел на листок. Все ждали.

— До ста человек жертв?— спросил он женщину.— Да ты с ума сошла! Они же перепугаются. Это в Москву надо сразу рапортовать.

— Мы писали приблизительно,— сказала женщина.

— Они тоже не лыком шиты. Если доложу, что сто смертельных случаев, они полезут смотреть. Сделаем так: жертвы есть, подсчитываются... Ладно, сделаю. Иванов!

Иванов — расплывшийся человек в потертом костюме, с золотым перстнем на безымянном пальце — отделился от стены.

— Рви в резиденцию. Чтобы обед был готов через два часа. Возьмешь «рафик» и трех милиционеров. Проверь, чтобы вокруг было спокойно. А вы работайте, товарищи,— обратился он к солдатам.— Чтобы через час, когда мы вернемся, все сверкало и работало — пусть товарищи из области видят, как у нас все поставлено.

— А если они меня спросят, сколько жертв?— сказала женщина.

— Санитарный врач доложит. Доложишь?

Шубин видел его раньше, тот был в кабинете Силантьева, когда он случайно подслушал их разговор.

— Я предпочту воздержаться от оценки,— сказал врач.

— Надеюсь, все запомнили эти мудрые слова?

По толпе, окружавшей Силантьева, прошел согласный гул.

— А ты, Шубин?— Шубин так и не понял, когда Силантьев разглядел и узнал его. Но разглядел раньше, не сейчас, потому что, произнеся последние слова, он смотрел уже на дверь.

Шубину надо было молчать. Не только из-за опасения за себя — из интересов дела. От того, скажет ли он сейчас что-нибудь или нет, ничего в поведении Силантьева не изменится. А Шубин сможет тихо выбраться из города. Хотя, может быть, он недооценивал Силантьева, и тот уже решил не выпускать его из города.

Шубин сказал:

— Все первые этажи — мертвые.

— Что? Я не понял.

— Сейчас люди начнут открывать первые этажи, а там все мертвые.

— Шубин, не пугай людей,— сказал мирно Силантьев. Он взял Шубина под руку и повлек к двери.— Ты же не знаешь, а я знаю — эта дрянь через стекла не проникает. А ночь морозная, форточки были закрыты. Да и среди наших товарищей есть немало таких, кто живет на первых этажах. Есть такие, товарищи?

В зале была полная тишина, будто боялись пропустить каждое слово, сказанное Силантьевым.

Никто не ответил. Силантьев резко повернулся к толпе, которая медленно текла за ним.

— Надеюсь, среди вас есть люди, проживающие на нижних этажах?

И снова никто не признался.

Санитарный врач сказал:

— Мы не проверяли еще, Василий Григорьевич. У нас были первоочередные дела.

— Мне кажется,— сказал Шубин,— что вы здесь занимаетесь чепухой.

— Что?— Силантьев даже остановился.

— Вы думаете, как это все притушить, закрыть, спрятать... вы даже об обеде уже подумали.— И, говоря, Шубин как бы освобождал себя. Страх, который сковывал его, потому что он был маленьким человеком в этой отлаженной, хоть и давшей сбой машине и ничего не мог в ней изменить, пропал, как пропадает волнение у неопытного оратора после первых удачных фраз с трибуны.— Кого вы обманете? Областное начальство? А потом? Когда станут понятны размеры катастрофы?

— Неуместное слово,— сказал брезгливо санитарный врач.

— Вы же правите сейчас мертвым городом!— кричал Шубин.— Городом, дома которого наполнены мертвецами, вы это понимаете? Вы хотите навести марафет на одной улице? Для чего, чтобы завтра снова травить этот город? Чтобы завтра отравить всю страну? Весь мир?

— Нервы, нервы,— говорил Николайчик, оттаскивая Шубина в сторону.

— Погоди, пускай выговорится,— сказал Силантьев.

— Я выговорюсь не здесь,— сказал Шубин.— Я выговорюсь в Москве.

И в этот момент он уловил перемену в гуле, наполнявшем зал.

До этой секунды гул был сочувственным, потому что почти все, кто стоял там, были потрясены бедой, какими бы куцыми ни были обломки их моральных устоев. И Шубин пользовался их молчаливым сочувствием. Но в тот момент, когда он произнес слово «Москва»,— он стал чужим.

— Ну что ж,— сказал Силантьев.— В Москве ты выговоришься. Но посмотрим, кому из нас поверят.

— Поверят,— сказал Шубин.— Поверят.

— А я бы хорошо подумал, прежде чем делать выводы,— сказал Силантьев, все еще владея собой.— Что ты видел здесь? Где ты прятался, когда мы все, в одном порыве, ликвидировали последствия аварий?

— Я был там же, где ваш товарищ Гронский,— сказал Шубин.

— Все ясно,— сказал Силантьев и даже улыбнулся.— С крыши наблюдали, как туристы. Хорошо еще, что мы успели вертолет организовать. Это там Спиридонов погиб?

Но вопрос был обращен не к Шубину, а к Гронскому.

Гронский вдруг подтянулся, словно вспомнил роль, которую должен был донести до публики.

— Обстоятельства гибели товарища Спиридонова загадочны,— сказал он.— Пока я организовывал спасение женщин, товарищ Шубин с группой мужчин должен был вынести раненого Спиридонова на крышу. Шубин появился на крыше. Шубин появился на крыше один. Со своей любовницей.

— А, он и любовницей обзавелся! Ничего себе, моральный уровень.

Силантьев поглядел на часы.

— Разберитесь,— сказал он.— Слава богу, мы здесь не на пожаре. Таких вещей я никому не спускаю, Шубин. Ты мог вести себя трусливо, мог бежать в Москву и строчить доносы... Но смерть моего старого друга Спиридонова я тебе лично никогда не прощу.

— Все это ложь,— сказал Шубин.— И вы знаете, что это ложь.

— Я знаю то, что мне докладывают,— сказал Силантьев.

И он пошел к выходу из комнаты, на пороге наткнулся на забытую там куклу — наподдал ее начищенным ботинком.

— Все это полная чепуха!— Шубин пошел за Силантьевым, не в силах совладать с желанием оправдаться, объяснить.

Шубина никто не задерживал. Когда он проходил мимо генерала, тот сказал:

— Я бы на вашем месте здесь не оставался.

И прежде чем Шубин смог ответить, он быстро отошел от него и приблизился к офицерам, что стояли у двери в видеосалон.

Шубин шел вслед за Силантьевым в редющей толпе «штабистов», и с каждым шагом желание поговорить, убедить Силантьева испарялось. Силантьев не будет его слушать. Но что делать? Может, взобраться на товарный поезд — они проходят тут. И на платформе попытаться доехать до соседнего города. Нет, лучше попробовать аэродром. Туда прилетают самолеты, аэродром открыт. Надо будет пробиться к летчикам, уговорить их...

Рассуждая так, Шубин вышел на лестницу и увидел, что Силантьев с Гронским и приближенными уже сошли в нижний зал и направляются к двери.

Но как добраться до аэродрома? На какой-нибудь машине? Надо поговорить с генералом. Сейчас, когда Силантьева нет, генерал может помочь. Ему лично катастрофа вряд ли чем грозит. Наоборот, он сразу принял меры, и Шубин может это подтвердить...

Шубин хотел вернуться в видеосалон, но тут услышал внизу крики.

От дверей вокзала к Силантьеву и Гронскому кинулась девушка в развевающемся пальто. Неумело, в вытянутой руке она держала нож. Черные свалывшиеся волосы гривой окружали ее маленькое лицо. Свет люстры отразился в больших очках.

Гронский отпрыгнул назад, за Силантьева, а тот закрылся большим портфелем, который нес в руке. Нож несильно ударился в портфель, скользнул по нему и со звоном упал на каменный пол. И тут же на девушку со всех сторон накинулись несколько мужчин и повалили ее на пол. Мелькали руки, и непонятно было, чего они хотят — избить ее, связать или вытолкнуть.

Мешая друг другу, они подняли девушку с пола, заломили руки за спину. Она билась, кричала что-то. Шубин узнал в ней робкую Наташу из книжного магазина.

Он не слышал, что она кричала, потому что кричали все. Но слова Силантьева, выдержке которого можно было только позавидовать, донеслись до Шубина:

— Сумасшедшая. Бывает... Вы с ней осторожнее. Нервный стресс. Вызвать врачей!

И Силантьев продолжил движение к машине. Гронский отстал. Он, видно, совсем расклеился... Николаеву пришлось вернуться за ним. Он повел Гронского к выходу, поддерживая под локоть. Около девушки уже были медики, те, что курили внизу. Они повели ее куда-то в сторону. Зал опустел, только шестерка Плотников о чем-то разговаривал с милиционером.

Шубин был бессилен. По крайней мере, Наташиной жизни ничто не угрожало. Она жива, все обойдется...

Успокоив себя, Шубин пошел обратно. В видеосалон его не пустил солдат, что стоял за дверью.

— Мне нужно поговорить с генералом Мелконяном,— сказал Шубин.

— Нельзя.

Шубин пытался заглянуть в видеосалон через плечо солдата.

— Мелконян!— закричал он.— Мне надо с вами поговорить.

И в этот момент сильная рука рванула его от двери.

Он еле удержался на ногах. Перед ним стоял лейтенант милиции, такой же небритый, как сам Шубин. Рядом — еще один милиционер и шестерка Плотников.

— Этот?— спросил лейтенант у Плотникова.

— Этот.

— Пошли, гражданин, вы задержаны,— сказал лейтенант.

— Почему?— спросил Шубин.

— Пошли, разберемся.

Шубин обернулся, но Мелконян не вышел. Солдат, держа автомат у груди, равнодушно смотрел вслед Шубину. По его лицу бегали сполохи от веселой надписи «Видеосалон».

В станционной милиции лейтенант потратил на разговор с Шубиным минуты три. Его успели проинструктировать. Он потребовал у Шубина документы. Документов у Шубина не было, потому что их не вернул старшина. Об этом лейтенант, видно, уже знал. Затем лейтенант сказал, что товарищ, называющий себя Шубиным, задержан по подозрению в убийстве руководящего работника Спиридонова С.И. этой ночью в гостинице «Совет-

ская». Логика в этом тоже была. А идея, как решил Шубин, принадлежала самому Силантьеву. Можно спорить и даже отбрехаться, если тебя обвиняют в хулиганстве, скандале и даже оскорблении вышестоящих лиц. Но с убийцами, особенно в чрезвычайном положении, ведут себя строго.

Шубин пытался объясниться, но лейтенант слушал его равнодушно и устало. Будто только и ждал, когда Шубин замолчит, чтобы заснуть.

Он сказал:

— Я бы вас к стенке поставил.

И Шубин замолчал. Не исключено: кто-то мог посоветовать измученному лейтенанту поставить этого бродягу к стенке при попытке к бегству.

Лейтенант сам отвел Шубина в камеру, единственную камеру вокзального отделения милиции. Он шел сзади, вынув пистолет, и Шубину казалось, что лейтенант раздумывает, не прибавить ли Шубина к числу жертв катастрофы. Лейтенант никогда не поверит, что его арестант — заложник Силантьева, Гронского, всей этой благопристойной банды, что трясется не от чувства вины или боли, а от страха за свои шкуры.

Дверь в камеру громко захлопнулась. Под потолком горела тусклая лампочка, возле нар лежало на полу человеческое тело. И Шубин даже не стал возмущаться этим, понимая, что у лейтенанта и тех милиционеров, что остались в городе, достаточно дел и без выволакивания трупов из КПЗ.

Окна в камере не было. Только дверь с окошком, затянутым решеткой, лампочка, унитаз в углу под крышкой.

Шубин подошел к унитазу и попытался спустить воду. Вода еще не шла. Не пустили воду. А на даче наверняка есть горный родник. Там и будут отдыхать инспектирующие чины, которым приятнее глядеть на красоты природы, чем на вонючие трупы.

Тут Шубин вспомнил, что его давно уже ждет Борис. А вдруг с ним что-то случилось? Знает ли он, что Наташа бросалась с кухонным ножиком на городское начальство? Бориса вполне могли забрать. Ведь Силантьев — человек предусмотрительный, и они наверняка знают о письмах и бумагах Бруни. А если знают, то ищут. Если

вчера эти бумаги были лишь неприятным раздражителем, то сегодня они могут оказаться смертным приговором.

И как бы в ответ на мысли Шубина в коридоре послышались шаги, перед дверью остановились, и Шубин представил себе, что сейчас в камеру войдет лейтенант и равнодушно произнесет:

— Именем закона о чрезвычайном положении вы приговариваетесь к смертной казни, которая будет приведена в исполнение немедленно.

И когда дверь отворилась, Шубин невольно отпрянул к стене. Он сам уже поверил в эти слова лейтенанта.

Лейтенант вошел и остановился у порога. С ним был второй милиционер. Плотников остался в коридоре. Его оттопыренные уши просвечивали красным.

— У меня есть свидетели!— вдруг воскликнул Шубин. Он сам не знал за мгновение, что скажет это. Но сказал:— Ваш сотрудник, сержант Васильченко, он присутствовал, он все знает.

— Лицом к стене,— сказал лейтенант.

— Почему? Зачем? Я ничего не сделал!

— Встаньте на шаг от стены,— устало сказал лейтенант,— протяните руки к стене, обопритесь на них.

Он говорил докторским голосом, и Шубин вдруг понял, что его не будут расстреливать, зачем для этого упираться руками в стену. И он быстро, стараясь показаться послушным и неопасным, повернулся к стене и выставил вперед руки. Шестерка засмеялся. Жесткие твердые руки прощупали бока Шубина, брюки, аляску. Затем поднялись и задержались на секунду на карманах.

— Отойди назад!— сказал лейтенант.

Послышались поспешные шаги — милиционер и Плотников отпрянули. Что же испугало лейтенанта?

Лейтенант запустил руку в карман аляски.

— Это кофе,— сказал Шубин,— растворимый кофе.

— Помолчите,— сказал лейтенант.— Вижу, что не грата. Бойченко, посмотри, что там внутри.

— Я сам посмотрю,— раздался голос Плотникова.

Руки Шубина заныли от неудобной позы.

— Повернитесь лицом ко мне,— сказал лейтенант.

Шубин оттолкнулся от стены, выпрямился и обернулся. Лейтенант стоял перед ним, милиционер на шаг сзади. Плотников в дверях завинчивал банку с кофе.

Лейтенант закончил обыск. Он вытащил из кармана бумажник. Отходя, задел ногой лежавшего человека. Тот что-то забормотал.

— Дайте сюда,— велел Плотников лейтенанту. Тот отдал бумажник. Шестерка сунул бумажник себе в карман.

— Больше ничего?— спросил он.

— Больше ничего,— сказал лейтенант.

Лейтенант пошел к выходу. Шубин осмелел:

— А вещи когда отдадите?

— Когда нужно будет, тогда и отдадим.

— Он еще спорит,— с деланным возмущением воскликнул Плотников.

Лучше бы Эля оставила кофе дома, подумал Шубин. Ведь не отдаст, сволочь. Дефицит.

Когда дверь закрылась, Шубин присел на край нар.

Человек у его ног, который оказался не мертвым, а мертвецки пьяным, повернулся, уютнее устраиваясь на полу.

Ясно, что они искали бумаги Бруни. Плотников не сразу спохватился. Прибежал обратно и потребовал личного обыска.

Шубин сидел на краю нар. Спать совсем не хотелось. Ничего не хотелось, только вырваться из этой камеры. Но он понимал, что сейчас в этой суматохе никто его не разыщет. Эля? Эля спохватится, конечно, но кто она — шоферша? Случайная девочка? Борис? Бориса они постараются изолировать. Было бы окно — написал бы записку для генерала Мелконяна. Черта с два напишешь записку! Они отобрали бумажник и записную книжку, сейчас шестерка сидит у лейтенанта или в какой-нибудь спецкомнате — изучают его бумажки.

— Закурить не найдется?— трезвым голосом спросил сосед по камере.

— Сейчас,— сказал Шубин. Сигареты ему оставили.

Но пока он доставал сигареты и спички, сосед снова заснул.

Шубин закурил. За дверью простучали сапоги. Потом снова тишина. Шубин подошел к двери, приложив ухо к решетке, стал слушать. Далеко по коридору звучали голоса. Потом хлопнула дверь. И Шубин не столько услышал, сколько почувствовал тишину в отделении. А чего он ждал? Что они будут здесь сидеть, сторожить его?

Шубин постучал в дверь. Неизвестно зачем, но постучал. Потом сильнее. Ему хотелось стучать в дверь, ему хотелось колотить в нее, вкладывая в эти удары возмущение собственным бессилием.

— Не шуми,— сказал сосед.— Мешаешь.

Шубин спохватился. В самом деле глупо.

Не лучше ли продумать линию поведения? Может, изобразить полное раскаяние? Обещать, что будет молчать...

Далеко хлопнула дверь.

Кто-то вошел в отделение. Шаги замерли. Потом возобновились. Они приближались к двери. Шубин отступил в сторону. Шаги были медленные, осторожные, в них была угроза.

Звякнула щеколда. Дверь открылась. Шубин стоял, прислонившись к стене.

— Ты здесь?— услышал он голос Коли.

Коля вошел в камеру.

— Не бойся,— сказал он.— Это я.

Коля тоже был не брит, но у него светлые волосы, так что не очень заметно. На лбу ссадина.

— Коля!— Шубину захотелось броситься к нему, обнять как старого друга, но Коля был строг и сух.

— Выходи,— сказал он.

Затем протянул Шубину его бумажник. И Шубин подумал: кофе шестерка все-таки взял себе.

— Быстрее,— сказал Коля.— Я из-за тебя под суд идти не желаю.

— Сейчас,— Шубин почему-то принялся застегивать молнию аляски.

Коля выглянул в коридор.

— Там никого нет,— сказал Шубин.

— Без тебя знаю. Нет, не в эту сторону, в другую.

Он провел Шубина по коридору, открыл своим ключом белую дверь, и они оказались на перроне.

— Иди вперед и не оглядывайся,— сказал Коля.

Со стороны должно было казаться, что милиционер ведет задержанного. Перрон был пуст. По дальнему пути двигался маневровый паровоз. Из открытых дверей товарного вагона солдаты разгружали какие-то мешки. Встретившийся железнодорожник скользнул по Шубину равнодушным взглядом.

— Направо,— сказал Коля.

Они остановились в темном проходе между вокзалом и одноэтажным зданием.

— Ну вот так,— сказал Коля другим голосом.— Вот как получилось.

— Ты откуда узнал, что меня забрали?

— Услышал,— сказал он.— Говорили.

— И ты понял, почему?

— А чего тут не понять,— сказал Коля.— Они тебе хотели убийство Спиридонова пришить. Ты бы не отвертелся.

— Но ты же знаешь.

— У меня служба,— сказал Коля.— Ты сейчас сразу налево, не оглядывайся, выйдешь на площадь, иди за киосками. За третьим киоском остановись. Понял?

— Понял.

— А я пошел. Меня и так с тобой увидеть могли.

— Мы обязательно увидимся,— сказал Шубин.

— Может быть,— сказал Коля и скрылся за углом вокзала.

Шубин осмотрелся — никого. Он прошел темным проходом и оказался на вокзальной площади.

Шубин быстро прошел к киоскам, за третьим из них остановился и осторожно выглянул на площадь.

Ветер стих, снег падал редко. На площади было куда больше людей, чем час назад. Видно, в городе уже знали, что штаб расположен в вокзале. Кучками, поодиночке, люди стояли возле цепочки солдат, просились внутрь. Голоса почти не доносились, но общий шум с визгливыми выкриками был явственно слышен.

Шубин вышел из-за киоска, и тут на площадь въехала кавалькада — с аэродрома. Впереди, как и было огово-

рено, бегомотом двигался БТР, затем три «Волги» — две черные, а одна, можно сказать, обыкновенная. Затем еще один БТР. Лучше бы танк, подумал Шубин. Внушительнее.

Машины, объезжая заснеженный газон, проехали вереницей совсем близко от Шубина. В третьей, у самого окна, сидел Гронский. Он посмотрел на Шубина. Шубин не испугался. Он встретил его взгляд, и удивление Гронского его даже позабавило. Женщины у оцепления кинулись к машинам.

У него было странное чувство непричастности к этим событиям. Будто он был заколдован, заморожен, будто у него был иммунитет против этой болезни.

— Юрий Сергеевич! — окликнул его Борис.

Борис выглядывал из подъезда, рядом с комиссионным магазином.

— Сюда!

Шубин зашел в подъезд.

— Я думал, что мне вас не выцарапать, — сказал он. — Просто сказочное везение.

— В чем везение?

— Я сержанту деньги стал давать, он меня чуть не забрал. А когда узнал, что это вас замели, он велел ждать. Я понял, что он вас выручит. Откуда он вас знает?

— Мы с ним всю ночь в гостинице были, — сказал Шубин.

— Нет, все-таки бог есть, — сказал Борис.

— Письма с вами?

— Поверил?

— Я давно поверил. Только не знаю, как мы их отсюда вывезем. Они не все перекроют?

— Силенок не хватит. Завтра с помощью области точно перекроют. А сегодня еще не перекроют.

Сзади кто-то плакал.

— Что это?

— Ты забыл, что тут тоже есть первый этаж и второй этаж? Кто-то к своим пришел — и увидел. Не отвлекайся. Слушай. Я украл машину.

— Как украл?

— Проще простого. Как машины крадут? Сейчас в го-

роде, наверное, с тысячу машин без водителей. И ключи в зажигании, понимаешь?

— Понимаю.

— Машина за углом. Я тебя вывезу из города, я знаю, где нет заслонов. Довезу до Синевы, это станция такая. Там останавливается поезд на Москву. Через два часа ты в Перми. А дальше — сможешь? Деньги есть?

— Есть. Только паспорта нет и удостоверения.

Они пробежали за угол, там стоял «жигуленок».

— Без паспорта плохо, — сказал Борис. — Паспорт нужен. Возьмешь мой.

Он завел мотор и начал разворачивать машину.

— Мы с тобой непохожи.

— Когда я его получал, были похожи. У меня прическа была цивильная, и без бороды. Смотри.

Свободной рукой Борис вытащил из кармана паспорт и кинул его Шубину на колени.

— Слушай, — сказал Шубин. — Мы не успеем заехать в одно место?

— Нет, — ответил Борис. — Мы никуда не успеем. Они сейчас объявят на тебя охоту. Чрезвычайное положение, убежал убийца, маньяк. Ты себя погубишь и дело.

— Хорошо, — сказал Шубин. — Мне нужно обязательно передать записку одной девушке.

— Напиши ей письмо.

— Я не запомнил адреса.

— Глупо. Если хочешь писать записки, сначала запиши адрес.

— Обстановка не позволяла, — сказал Шубин, но Борис не уловил иронии.

Он пытался развернуться. Места было достаточно, но Борис оказался не очень умелым водителем.

— Давай я за руль сяду, — сказал Шубин.

— Тебе, может, придется прятаться — не хочу, чтобы твоя голова на виду торчала.

Шубин раскрыл паспорт. В самом деле, если особенно не присматриваться, сойдет. Борис Ашотович Мелконян.

— Я думал, что ты еврей. Генерал — твой родственник?

— Каждый дурак меня об этом спрашивает. Нет, нет, не родственник. Не нужен ему такой родственник!

Борис развернулся было, но тут над ухом взвыла «скорая». Пришлось затормозить.

— А ты Наташу видел? — вспомнил Шубин.

— Я же тебе сказал — не знаю!

— А я видел!

— Что? — Борис ударил по тормозу. Машина подпрыгнула, и ее повело по скользкому снегу.

— Не волнуйся, она жива и, может быть, здорова, — сказал Шубин. — Ты продолжай, разворачивайся, не до вечера же нам крутиться.

— Я буду, буду, ты только Расскажи, что видел.

Шубин стал рассказывать. Борис рычал, ругался, только непонятно было, кого он ругает — Наташу или Гронского.

Шубин посмотрел на площадь, словно прощался с ней. Слева обугленные останки гостиницы, справа — оживший вокзал. У одной из «Волг», что стояли у подъезда, сустились люди. Дверцы были распахнуты. С одной стороны туда залезал знакомый лейтенант. С другой шестерка Плотников.

— Ах черт! — сказал Шубин.

— Ты что? Ты что не рассказал? Куда ее увезли? В какую больницу?

— Это ты узнаешь. Меня другое волнует — по-моему, я сделал глупость.

— Ну, что еще?

— Когда они с аэродрома возвращались — меня, кажется, узнал Гронский.

— И что?

— Видишь «Волга» — она по нашу душу.

— С чего ты решил?

— Знакомые лица.

— Тогда я лучше обратно поеду, по переулкам.

— Пока ты будешь разворачиваться, они уже на нас сядут. Давай вперед!

Борис подчинился. Возможно, это было не лучшим решением. Машин на ходу в то утро в городе почти не было. Зеленый «жигуленок», так резво промчавшийся мимо вокзала, конечно же, обратил на себя внимание. Наверное, Шубину надо было спрятаться. Впрочем, тогда бы он

открыл не менее известный преследователям профиль Бориса.

— Ничего, мы тут свернем,— сказал Борис, глядя, как черная «Волга» отходит от вокзала.

Он свернул направо, потом, увидев, что преследователей еще не видно, повернул в ворота большого дома, но тут ему пришлось затормозить. Во дворе, блокировав въезд, лежали трупы.

— Черт, я же знал...— Шубин.— И забыл.

Борис хотел тут же выбираться из ворот задним ходом, но Шубин удержал его.

— Пригнись немного,— сказал он.— Дай им проехать.

Он смотрел назад, пригнувшись к сиденью. Он оказался прав. Через минуту мимо пронеслась черная «Волга». В ней был лейтенант милиции, еще кто-то в штатском и шестерка Плотников. Зеленую малолитражку, уткнувшуюся носом в ворота, они не заметили.

Борис подал назад, они вернулись к вокзальной площади и оттуда уже поехали по другой улице.

— Давай письма,— сказал Шубин.— Мало ли что, а вдруг придется срочно расставаться.

— Ты прав. Возьми в бардачке.

Шубин достал толстый конверт. Конверт был заклеен, но без надписи.

Борис затормозил на перекрестке. Работал автоматический светофор.

Шубин достал из кармана ручку и, пока машина стояла, написал на конверте крупными печатными буквами:

«ПЕРЕДАТЬ В ЦК КПСС. СРОЧНО».

Потом с трудом втиснул конверт во внутренний карман аляски.

— Правильно,— сказал Борис, который видел, как Шубин писал.— А я не догадался. Надо предусмотреть каждую случайность.

Зеленый свет не зажигался. Справа, на первом этаже, было открыто окно и оттуда двое мужчин вытаскивали тело женщины. Женщина была в одной рубашке, ноги были белые, полные, тот мужчина, который тянул за ноги, все старался оправить рубашку.

— Давай нарушим,— сказал Шубин.

— А?— Борис тоже смотрел на то, как вытаскивают тело женщины.— Конечно, конечно,— сказал он.

Он рванул через перекресток.

— А я домой только на минуту забежал,— сказал он.— Там моя мама. Она все знает. Мою жену оденут и все сделают, да?

— Конечно,— сказал Шубин.

Он обратил внимание, что по тротуарам, в ту же сторону, что ехали они, идут люди, быстро, деловито, словно на службу. Машина переехала железнодорожные пути, за ними было открытое место, спускавшееся к реке.

И тут Борис затормозил в изумлении.

Все поле до самой воды было усеяно телами. У края стояли три или четыре грузовика с откинутыми бортами, и солдаты уныло и методично выкидывали тела на землю.

Но между этих тел, многих тысяч тел, ходили люди. Другие спешили туда, стекались с разных сторон. Некоторые вглядывались в лица мертвых, другие не смели подойти близко, одна женщина стояла на коленях перед телом мужчины и била себя кулаками в грудь.

— Вот сюда бы привезти весь обком,— сказал Шубин.

— Как только ты будешь в безопасности,— сказал Борис,— я это сделаю. Клянусь памятью моей жены, я это сделаю...

Они поехали дальше. Они ехали мимо одноэтажных домиков, улица была совершенно пуста, и Шубин понимал, почему она пуста — ни в одном из домов не осталось ни души. На мостовой валялась раздавленная собака. Две курицы спокойно клевали что-то у забора. То ли пересидели беду на насесте, то ли у птиц иммунитет...

— А сейчас на всякий случай пригнись,— сказал Борис.— Будет пост ГАИ. Я думаю, здесь никого нет, но если есть, они могли предупредить об особо опасном преступнике.

Шубин пригнулся. На полу машины у его ног лежала женская заколка.

— Можно подниматься. Пронесло,— сказал Борис.

— А хозяин этой машины?— спросил Шубин.

— Хозяйка. Она в соседнем доме жила. Я потом машину поставлю на место, ты не думай.

— Я не думаю.

По сторонам дороги тянулись склады, потом они миновали коровник.

— И сюда добралось,— сказал Борис.

Ворота коровника были распахнуты, и труп коровы валялся в них.

Они миновали опустевшую пригородную деревню.

— Нелегко будет Силантьеву это прикрыть,— сказал Шубин.

— У него сильная поддержка в области,— сказал Борис.— Потому мы и не смогли его скovyрнуть. Он у нас всего второй год, как подающий надежды. А области тоже не нужны неприятности.

Они въехали в лес. Дорога начала подниматься. Она поднималась ровно, и ее было видно на несколько километров вперед. Объехали приткнувшийся к обочине автобус. Потом «Москвич», который стоял поперек шоссе.

— Это не главная дорога,— сказал Борис.— Только до Синевы. Поэтому я тебя и повез. Они думают, что мы на аэродром или по свердловской трассе рванем.

«Жигуленок» легко катил в гору.

— Не обольщайся,— сказал Шубин. Он смотрел в зеркало над ветровым стеклом. Далеко сзади шла черная машина.

— Может, другая?— Борис качнул головой, чтобы лучше увидеть преследователей.

— А я говорю — не обольщайся. Много ли шансов, что другая черная «Волга» идет именно по этой дороге и в этот час? Тут что впереди, их резиденция?

— Нет, резиденция по Свердловскому шоссе.

— Тогда жми,— сказал Шубин,— это за нами.

Борис честно жал, и «жигуленок» шел на пределе. Дорога была покрыта снегом и давно не чинена, так что порой машину подбрасывало так, что казалось — на асфальт она уже не вернется. Шубину жутко хотелось взять руль — он был куда лучшим водителем, чем Борис, но сейчас было некогда заниматься пересадками.

— Слушай, Борис,— сказал Шубин.— И все-таки ты выполни мою просьбу. Ты Николайчика из «Знания» знаешь?

— Знаю.

— У Николайчика работает шофером Эля.
— Знаю,— сказал Борис.— Она с парнем из моего класса жила.

— Когда?

— Ну, это давно было, года два назад.

— Вот моя карточка. Пускай она мне напишет. И еще мне нужен твой адрес. Ты же хочешь узнать, что мне удалось сделать?

Черная «Волга» постепенно приближалась. Водитель на ней был профессиональный.

— Пиши,— сказал Борис.— Гоголя, шестнадцать, двадцать три.

Шубин записал его адрес на одной из своих карточек. Положил ее себе в карман. Вторую — сунул в карман Борису.

«Волга» была уже угрожающе близко.

— Что-то надо делать,— сказал Шубин.— До станции еще далеко?

— Километров тридцать — тридцать пять.

— Догонят,— сказал Шубин.

— Я тоже так думаю. Как же они догадались?

— Они, наверное, думали, как и ты.

— Знаю!— крикнул Борис.— Через километр будет поворот, за ним дорожка, через лес, шесть верст, может, немного побольше. Выходит к разъезду Лихому. Там иногда товарняки останавливаются.

— Понял.

— На машине туда не проехать. Туда дорога с другой стороны путей, от Ловчей.

— Что предлагаешь?

— Я приторможу. Только на секунду — а ты беги, чтобы они не заметили, что ты ушел. Я их за собой поведу — как можно дальше. Тогда есть надежда, правда?

— Правда, есть надежда,— сказал Шубин.

Впереди был поворот. Шубин обернулся. До «Волги» метров четыреста. Они слышали скрип тормозов.

— Ты тормози не очень резко,— сказал Шубин,— чтобы они не слышали.

Он положил лыжную шапку с олимпийскими кольцами на спинку сиденья, чтобы сзади казалось, что пассажир в машине.

— Готовься!— крикнул Борис.

За поворотом он начал тормозить, сдвигаясь к обочине.

Шубин открыл дверь,— к дороге подступали деревья,— из «Волги» их не было видно. Когда машина, на его взгляд, затормозила достаточно, он оттолкнулся и полетел руками вперед в кювет.

Был удар. Он не чувствовал боли, потому что знал — нужно уйти. Он приподнялся — но в руке была такая боль, что он упал снова. Он пополз вниз, в кювет, и замер, потому что отчетливо услышал, как из-за поворота вылетела, взвизгнув тормозами, «Волга». Шубин вжался лицом в холодный, жесткий снег. Он даже не знал — лежит ли он на виду у края дороги, или кювет достаточно глубок, чтобы скрыть его.

«Волга» промчалась мимо, но это ничего не значило. Может, кто-то из них смотрел в окно и увидел его, но нужно время, чтобы развернуться.

Шубин приподнялся, стараясь не опираться на больную руку, и побежал к деревьям. Здесь уже было немало снега, по щиколотки, и он понял, что его легко найдут по следам. Добежав до подлеска, к счастью густого, он вторгся в него, не обращая внимания на то, как стегают по лицу ветви. Потом остановился. Дорогу было хорошо видно. Она была пуста.

Здоровой рукой он тронул больную и чуть не подскокил от острого удара боли. Хорошо, что не ногу сломал, сказал он себе. Мог и ногу.

Вокруг стояла удивительная, сказочная тишина. Вдалеке застучал дятел.

Несмотря на тупую боль, Шубин сломал густую еловую ветку и заставил себя вернуться к шоссе. Он тщательно заровнял истоптанный снег. Так, чтобы не заметили следов с проезжающей машины. Он отступал, размахивая своей метелкой, и думал о том, что еще не отыскал этой дорожки к разъезду, и не прошел потом по ней шести верст, и не дождался на неизвестном ему разъезде какого-нибудь товарняка. И все это впереди, все это надо вытерпеть.

А может быть, и вытерпеть те гневные и грозные письма, что, опережая его, рвануться из горкома и обкома. В

них его будут обвинять во всех грехах, включая, может быть, и убийство начальника главка товарища Спиридонова. Считай — пропала Швейцария.

Он бросил ветку в кусты. Ох и будет Борису, сказал он себе и кустами пошел обратно вдоль дороги, пока не отыскал полужанесенную снегом тропинку, которая через два часа вывела его, вернее его упрямую тень, к разъезду Лихому.

1987 г.

«СПАСИТЕ ГАЛЮ!»

Глава первая

ИЗ ОТЧЕТА

18 сентября в 16 часов 40 минут при переходе экскурсии из цеха № 3 в профилакторий с целью ознакомления экскурсантов с условиями отдыха работников Предприятия от группы отстала Галя Н., ученица 7-го «Б» класса подшефной школы. Несмотря на принятые меры охраны детей, выразившиеся в том, что, помимо Главного технолога Щукина Н.Р. и его заместителя Клопатога Р.Г., группу сопровождали преподаватель 7-го «Б» класса Калинина Р.Р. и стрелок специализированной охраны Варнавский Г.Л., Гале Н. удалось, как сообщили ее друзья по классу, присутствовавшие при инциденте, незаметно отойти в сторону. Ее действия были вызваны слухами, имевшими место среди детей, о том, что запретная Зона Предприятия таит в себе некие сокровища и пресловутое озеро Желаний. По сообщению преподавательницы Калининой Р.Р., вышеупомянутая Галя Н. отличается непостоянством характера, тяжелыми семейными обстоятельствами и слабой дисциплиной.

По обнаружении исчезновения Галины Н. были приняты следующие меры:

а) сделано объявление по внутренней сети Предприятия в надежде на то, что Галя Н. неглубоко углубилась в Зону и, услышав призыв, вернется обратно. Эта мера эффекта не дала;

б) группа школьников была временно задержана в профилактории, где им был выдан горячий ужин и включен видеофон для того, чтобы слухи об исчезновении

Гали Н. не распространялись по городу и не вызвали излишней паники населения;

в) был вызван из дома Васюнин Г.В., сборщик цеха № 2, который, как известно, самовольно бывал в Зоне, за что имеет выговор и предупрежден об увольнении в случае повторения.

Глава вторая

СТАЛКЕР ЖОРА

Меня подняли с койки. Я сменился в два и лег спать. Звонят от Главного технолога — пропал ребенок. Упустили в Зону. Немедленно приезжай.

Я, конечно, ответил, что когда получать выговоры, то Васюнин плохой. Когда же прошляпили, ребенка упустили — Васюнин, спасай!

Оделся, приехал на Предприятие.

Там, у третьего корпуса, директор, Главный технолог, заместители, спецхрана. Суетятся. Директор ко мне:

— Сталкер, надо помочь.

Сталкером меня после одного фильма зовут. Там был такой тип, что-то вроде меня. И Зона тоже была. Смотрел я тот фильм, впечатления не получил. Пугают, а не страшно. Им бы в нашу Зону.

— Нет,— говорю,— я не в форме.

— Премии дадим, улучшим жилищные условия,— говорит директор.

Еще бы, думаю,— что в городе поднимется, когда поймут, что ребенок пропал с концами! А выйти у нее шансов немного. Бывало, совались в Зону. Где они? Кто кормит их детей? Хотя, конечно, соблазнов немало. Но сокровищ нету. Другие только треплются. Далеко никто не пойдет. Может, Лукьяныч до третьего пункта ходил. Дальше его белая Козьява не пустила. Вернулся, шрам на руке всем показывает.

— Ты о ее матери подумай,— сказал технолог.

— А кто ее мать?

— Может, знаешь? Она раньше в «Ласточке» работала.

Это меня подкосило. Лариса! Душа моя, Лариса, сколько вздохов из-за нее, сколько слез пролито, а мо-

жет, и крови. И я мальчишкой глазел на ее золотые кудряшки и алый ротик! И был раз допущен. Нет, серьезно. Один поцелуй — и умереть! Значит, это ее Галка? Вся в мать?

— Пойду,— сказал я.— Только вы пенсию оформите моей Людмиле. Ей, если что, Пашку воспитывать.

— Какая пенсия!— директор кричит.— Ты же вернешься! Мы другого знать не хотим. Мы верим в тебя, Жора.

— Слушай, давай без демагогии,— сказал я.— Я жить хочу, но мне девчонку жалко. Если она вглубь пошла, там и я не бывал. Зона есть Зона. Она человека не признает. У нее свои законы.

Тогда директор дал слово — если что, оформят, как погибшему на производстве.

Директор сказал, что со мной пойдет Шукин.

— Слушай,— сказал я Шукину,— интеллигенция. Ты мне в обузу. Вместо того, чтобы ребенка вытаскивать, придется тебя на горбу тащить. Лучше я Лукьяныча возьму.

Лукьяныч сначала — ни в какую.

— Меня уже ломало,— говорит.

Но пошли все же мы втроем. Я сам на складе отобрал что нужно. На это ушел почти час. Кладовщик куда-то ушел, сам директор пломбы рвал. Взял хорошую веревку, нейлоновую. Пушку я Лукьянычу брать не велел. В Зоне пуля не спасет. Шукина я сгонял к спортсменам. У них, у альпинистов, оборудование взяли. Вломали дверь и взяли. Два ледоруба. Палатку. Кто-то из начальства стал говорить — на что палатка, не ночевать же собираетесь. Конечно, неплохо бы бронежилеты, но у нас их нет. Ватники взяли, свитера. Врачиха из медпункта бинты принесла, вату, я потребовал флягу со спиртом. Еще десять минут скандала. В конце концов директор флягу коньяком залил. Из своего фонда.

Я сказал Шукину:

— Оставайся, Коля.

А он поморгал, очки поправил. И говорит:

— Ничего, я в молодости в погранвойсках служил. Ты не беспокойся. Я не буду обузой. Я виноват, что не посмотрел — с меня спрос.

— Ладно,— говорю,— но учти, я иду спасать Ларискину Галку, а не тебя.

— Понятно,— говорит. А ватник ему мал — руки чуть не по локоть наружу, пальцы тонкие. Но упрямый.

В пять тридцать мы вышли.

Мне это не нравилось. Скоро сумерки. А ночь в Зоне еще никто не проводил. А если провел, уже не расскажет.

Глава третья

ТЕХНОЛОГ ЩУКИН

Я шел в середине. Первым Жора Васюнин, легкий, худой, злой. Замыкал Лукьяныч. Лукьяныч робел, поминутно оглядывался. Директор соблазнил его большой премией. Впрочем, на что Лукьянычу премия? Удивительно несоизмеримы наши дела и их последствия! Любопытно, а что, если бы и я потребовал премию? Я внутренне усмехнулся. Я понимал, что мы должны найти девочку до темноты. Директор взял с нас слово, что до темноты мы вернемся. Я могу его понять: гибель девочки — это потеря, горе, но не трагедия для Предприятия. Если погибнет группа — можно представить, какой будет суд. А директору два года до пенсии.

Я нес мегафон. Когда я брал его, Жора ничего не сказал. Но как только стены контейнеров скрыли нас от жалкой, потерянной группы провожающих, он оглянулся и коротко сказал:

— Брось.

Я положил мегафон на ящик.

— Лучше не шуметь,— сказал он коротко.— Зона не любит чужого шума.

В походке Жоры, в голосе что-то изменилось. Он стал первобытным. Именно первобытным — мягким, настороженным, готовым отпрыгнуть. Я старался подражать ему, ступать в след. Сзади топал и пыхтел Лукьяныч. Он никому не подражал.

Густая пыль покрывала выщербленный асфальт. Еще лет восемь — десять назад здесь был хозяйственный двор Предприятия. За эти годы Зона, наступая на нас, пожрала этот участок двора и приблизилась к третьему цеху.

Некоторые работницы второй смены уверяют, что в осенние глухие вечера слышат крики и стоны из Зоны. И ее страшное дыхание.

— Смотри,— сказал Жора тихо. Он показал под ноги. Я подошел к нему. Цепочка следов, девичьих, узких, легких, тянулась между обрушенными контейнерами. Сквозь щели в контейнерах проступали металлические узловатые части станков.

— Она,— сказал Лукьяныч.— Давай крикну.

— Тише,— ответил Жора.— Она час назад здесь прошла. Видишь, пыль уже снова села... Теперь не докричишься.

Мы остановились под двумя бетонными плитами, которые образовали как бы карточный домик.

— Я здесь был,— сказал Лукьяныч.

Жора поднял кверху руку.

Тихий стон донесся спереди.

Я хотел броситься туда, полагая, что стонет Галя.

Но Жора удержал меня.

— Это не то,— прошептал он.

Мы протиснулись по очереди сквозь переплетение арматуры. Под ногами хлюпала рыжая жижа. И тут я понял, откуда нам послышался стон: переплетение труб, висевшее на остатках колонн, покачивалось в полной неподвижности воздуха, словно невидимая сила раскачивала его. Трубы издавали странную смесь жалких ноющих звуков.

Я вздохнул облегченно и хотел идти дальше, но Жора знаками приказал взять правее. Мы шли, прижимаясь к зубьям кирпичной стены. Следов девочки больше не было видно. Я старался представить себе: какая она? Я же видел ее в группе этих веселых щебечущих школьников. Почему именно ее потянуло в известную всем смертельную опасность Зоны? Что за сила сидит в человеке, которая омрачает его разум? Я скорее могу понять Лукьяныча, которого вела туда корысть, или Жору, вообще склонного к авантюрам и, по слухам, выносившего из Зоны ценные и загадочные вещи. Но девочка?

Я задумался и налетел на спину замершего Жоры. Сзади дышал Лукьяныч. Может, у него астма?

— Проходим трубу,— прошептал Жора.— Проходим по

одному. Я бегу первый. Если благополучно, махну рукой. Бежишь ты. Не оглядываться, не останавливаться.

Я нагнулся, заглянул в трубу. Она казалась нестрашной. Впереди, недалеко, был виден свет.

— А обойти нельзя?— спросил я.

Жора не ответил. Мой вопрос был глуп. По обе стороны возвышались обрывы кирпича и ржавых конструкций, с которых свисали серые бороды лишайников.

Жора наклонился и побежал.

Я смотрел ему вслед и считал шаги. Его черная фигура заполнила всю трубу.

И вдруг исчезла. Исчезла раньше, чем кончилась труба. Я мог поклясться в этом.

— Сгинул,— сказал Лукьяныч.

— Ты что говоришь!— огрызнулся я.

— Тогда идите,— сказал Лукьяныч.— Мне туда не к спеху.

Я понимал, что надо идти. Я снял с плеча моток веревки и передал его Лукьянычу. Сам взялся за конец.

— Будете страховать,— сказал я.

Я нагнулся и пошел в трубу. В ней царил резкий неприятный запах, схожий с запахом аммиака. Дно трубы было скользким, идти было трудно, я шел осторожно — считал шаги. Жора исчез на десятом шагу. На девятом я остановился. Вокруг воцарилась неестественная, мертвая тишина.

К моему удивлению, оказалось, что дно трубы и далее кажется твердым, и от этого обмана зрения я чуть было не сделал следующий шаг, даже поднял ногу, но не успел перенести вес тела вперед, как понял, что в самом деле дно трубы — лишь отражение ее потолка в покрытой блестящей пленкой темноте глубокого колодца. Я присел на корточки и попытался разорвать пленку. Пленка с треском лопнула, и я увидел — совсем близко, на расстоянии метра — запрокинутую голову Жоры, которая медленно вползала в черную глянцевую трясику. Почему-то я совсем не испугался, наверное, был готов к чему-то подобному. Я бросил конец веревки Жоре, а сам упал на скользкий пол трубы и крикнул Лукьянычу, чтобы держал крепче — веревка рывком натянулась так, что я чуть было ее не отпустил. А Жора тем временем смог

выдернуть руку из жижи и схватиться за веревку, отчего на секунду его лицо скрылось в черноте, но, когда мы с Лукьянычем стали тянуть, с хлопанием и всхлипом трясина отпустила Жору, и через минуту отчаянного напряжения он оказался рядом со мной. От него несло отвратительной вонью.

— Живой,— прохрипел он,— живой...

— Ты знал?— спросил я.— Ты знал и пошел?

— Оно редко открывается. А с четырех закрыто.

— Весь в дерьме,— укоризненно произнес Лукьяныч.

— Пошли,— сказал Жора, поднимаясь на четвереньки.

И так, на четвереньках, он пополз вперед. Я, полагая, что он обезумел, пытался остановить его, но он лишь грубо огрызнулся и миновал благополучно место, где только что зияла трясина.

Я колебался последовать его примеру.

— Иди, не дрейфь,— прохрипел он, оборачивая ко мне черное лицо.— Они закрылись.

Я прополз за ним и, когда опасность осталась позади, позволил себе спросить:

— Что это было? Почему возникло? Почему исчезло?

— Потом скажу, сейчас молчи...

Мы поползли из трубы. Я обернулся. Из черной пасти трубы показался Лукьяныч. Над трубой криво висела эмалевая табличка «Туалет закрыт с 16.30». Словно какой-то шутник только что повесил эту табличку и под-сказал мне обернуться и разделить с ним непринужденное веселье по поводу его выдумки.

А сам ухмылялся из темноты.

В ответ на мои мысли из недр трубы донесся грохот спускаемой воды, словно прорвался водопад и в следующее мгновение он кинется наружу, чтобы утопить нас... Я рванулся вперед и налетел на спину обогнавшего меня Лукьяныча, который локоть к локтю с Жорой замер, закрывая от меня то, что заставило моих спутников остановиться.

Сначала мне показалось, что они стоят на краю зеленой лужайки, расцветшей синими васильками, но тут же стало ясно, что полянка живая, но покрыта она не травой и цветами, а тысячами круглых стеклянных разноцветных глаз, большей частью зеленых и бирюзовых.

Это были лишь глазные яблоки, лишенные ресниц и век, но тем не менее они жили, подмигивали, их зрачки сужались, приглядываясь к нам, и по лужайке глаз как бы прокатывалась волна, отчего глаза приближались к нам, стремясь достать до наших ног.

— Направо!— крикнул Жора, и мы побежали между россыпью глаз и остатками блочного дома, сложившегося подобно карточному домику в длинную грудку плит, рам, кусков кровли, ступенек...

Глаза были резвее нас, они лились, отрезая нам дорогу, и вот уже мы бежим по глазам, которые с треском лопаются, разлетаются в пыль под ногами, но все новые и новые глаза рвутся к нам, уже взбираются, вкатываются по штанинам, щекочут ноги...

Мы уже не бежали — мы брели, почти по пояс в глазах, и Жора, перекрывая треск и шорох, кричал нам:

— Вы только не бойтесь, они не кусаются, не кусаются...

Но у Лукьяныча нервы не выдержали. Он увидел рядом щель между плитами, начал протискиваться в нее, раздирая потертый китель. Он рычал и брыкался ногами, еще мгновение — и он исчез из виду, только слышно было, как трещат, скрипят панели, и тут же послышался шум обвала, и грудка панелей и лестниц начала оседать, вваливаться внутрь, погребая под собой Лукьяныча.

— Все, финиш,— сказал Жора, отряхивая с себя голубые глаза.

— Мы должны спасти его,— сказал я.

— Свежо предание.

— Но он, может быть, жив.

— Вот сам и иди,— сказал Жора зло.

— Пойду,— сказал я, глядя в растерянности на развалины дома и не видя щели или отверстия, в которое можно было бы проникнуть.

А Жора пошел вдоль развалин, не оборачиваясь, будто забыл о Лукьяныче.

— Так нельзя!— крикнул я, догоняя его.

Жора не отвечал.

Потом остановился, глядя вверх.

Я проследил за его взглядом и увидел, что на высоте трех метров завал пересекает трещина.

— Жди здесь,— сказал Жора.

— Нет,— сказал я.— Только вместе.

Жора выругался и начал карабкаться наверх. Я помог ему. Потом Жора протянул мне руку, и я взобрался наверх.

Трещина была узкой — внизу темнота. Жора кинул туда камешек. Камешек застучал по плитам — значит, провал был неглубоким.

Жора посмотрел в небо. Небо было бесцветным, вечерним.

— Черт знает что,— сказал он.— Из-за этого болвана Галку погубим.

Но, видно, доброе начало в этом грубом на вид парне победило.

Он протиснулся в трещину, прыгнул вниз, исчез из глаз. И тут же я услышал изнутри:

— Прыгай, тут недалеко.

Я послушал его. Каменная россыпь ударила по ногам, я ушибся, упав на бок.

Я зажмурился. Когда открыл глаза — вокруг была темнота. Еле-еле можно было угадать фигуру Жоры.

— Ты живой?— спросил он.

— Ничего,— сказал я.

— Тогда пошли. Нам надо вниз спуститься, его туда затащи.

Жора пошел вперед, я поднялся, последовал за ним.

— Ты за стену придержишься,— сказал Жора.— Здесь стена есть.

И в самом деле справа была стена.

— Лестница,— предупредил меня Жора, и я угадал по тому, как его черная тень начала уменьшаться ростом, что он спускается вниз.

Я спускался следом, нащупывая ногой ступеньки.

— Осторожнее!

Одной ступеньки не было.

А вот и лестничная площадка.

— Никогда не подумаешь, что внутри есть такие просторы,— сказал я.

— Помолчи. Неизвестно, кто нас слушает.

— Кто здесь может быть?— сказал я, внутренне улыбуясь: развалины не казались мне страшными. Дом как дом, старый...

Мы спускались по следующему маршу лестницы.

И в этот момент что-то горячее и быстрое ударило меня по шее. Я вскрикнул. И присел. Горячее давило, шевелилось — это было Живое.

— Ты что?

Мягкие, шерстяные пальцы ощупывали мои щеки...

Я пытался оторвать их от лица, а вторая рука непроизвольно шарилась по стене. Кончиками пальцев я нащупал выключатель и нажал на него.

Зажегся свет. Лампа под белым плафоном буднично освещала лестницу.

Горячие пальцы оторвались от моего лица — большая летучая мышь заметалась под потолком.

И исчезла...

Внизу стоял Жора, смотрел на потолок.

— Мутант, — сказал он.

Я почувствовал страшный упадок сил и опустился на ступеньку.

Жора подошел ко мне, нагнул мою голову, осмотрел шею. Провел по ней пальцами.

Потом показал мне пальцы. Они были в крови.

— Вампир, — сказал он. — Хорошо, что свет загорелся.

— Вампир? — Мой голос звучал глухо, я его сам не узнал. Словно говорил какой-то старик.

— Думаю, он много не успел отсосать. Пошли.

— Там могут быть другие?

— Могут. Зря я тебя взял с собой. Если боишься, вылезай.

— А Лукьяныч?

— Вот именно.

Мы вышли в низкий длинный коридор. Он был освещен такими же белыми круглыми плафонами. Двери были закрыты. На полу толстый слой пыли. У стены стоял открытый ящик с разноцветными погремушками. Из-за двери послышалась стрекотня пишущей машинки.

— Жора!

— Я слышу, — сказал он. — Иди.

— Но там кто-то есть.

— Иди, тебе говорят.

Но я все же приоткрыл дверь.

Там была полутемная комната. Свет в нее проникал из

коридора. В разбитое окно потоком, достигая пола, вливалась грудa кирпича. На столе стояла пишущая машинка. Возле нее недопитая бутылка молока и кусок колбасы. Никаких других дверей в комнате не было. И ни одного человека.

— Не заходи!— Жора протянул руку, оттащил меня и захлопнул дверь.— Тебе жить надоело?

Сзади послышался треск. Я вздрогнул и оглянулся. Погремушки выпрыгивали из открытого ящика и падали на пол — как блохи.

— Идем,— сказал Жора.

В конце коридора была еще одна лестница.

В подвал.

Подвал был длинным и низким. Из труб капала вода, вода была на полу, по воде плавали широкие светло-зеленые листья кувшинок, но вместо цветов в воде покачивались колбы, наполненные розовой жидкостью.

— Лукьяныч!— позвал Жора.

В ответ — тишина. Мертвенная, угрожающая.

— Погиб он,— сказал Жора.— Зря мы сюда сунулись — сами не выйдем.

Но пошел дальше по подвалу, отбрасывая башмаками колбы и листья кувшинок.

В трубе что-то запело, будто там была заточена птица.

И тут мы увидели Лукьяныча. Он медленно и неуверенно брел нам навстречу.

Трудно вообразить себе облегчение и радость, которые я испытал при виде старого вахтера.

— Лукьяныч!— и побежал к нему.

Тот услышал.

— Ну вот,— сказал он.— А я думал — кранты.

Труба, пересекавшая подвал под самым его потолком, вдруг изогнулась, разорвалась пополам, и на каждом торце образовалась зубастая безглазая морда. Морды повернулись к Лукьянычу.

— Ложись!— крикнул ему Жора.— Ложись, тебе говорю!

Но Лукьяныч растерялся или не услышал этого крика. Он остановился, поднял руки и стал отмахиваться от морд.

Из морд поползли белые волосатые языки, они схватили Лукьяныча за руки, обвили их и стали дергать, словно хотели втянуть в трубу.

Лукьяныч бился, пытался оторвать от себя эти белые языки и потом, прежде чем мы успели подбежать, как-то лениво и равнодушно опустил в воду — во все стороны поплыли, словно опасаясь коснуться его, листья кувшинок.

Языки втянулись обратно в морды, морды прикоснулись друг к дружке, и труба, словно так и положено, вытянулась под потолок.

Лукьяныч лежал в воде. Я приподнял его голову.

— Поздно,— сказал Жора.

Я поднял руки вахтера. Пульса не было.

— Пошли,— сказал Жора.— Кончился Лукьяныч.

— Нет,— сказал я,— мы не можем его оставить.

Я попытался поднять Лукьяныча, он был невероятно тяжелым, он выскользнул из моих рук и упал в воду.

— Жора, ну помогите же мне!— сказал я.

— Дурак,— сказал Жора.— Посмотри.

Лукьяныч быстро темнел, рот оскалился, показались неровные золотые зубы.

Сомнений не оставалось. Он был мертв.

Но оставить человека в подвале — это было выше моих сил. И Жоре пришлось буквально оттащить меня от тела вахтера.

Он вел меня прочь, к лестнице. И тут я услышал сзади голос Лукьяныча:

— Погоди... Шукин, погоди.

— Он живой!— крикнул я и вырвался из рук Жоры. Но, подбежав к Лукьянычу, я в ужасе замер.

Его широко открытые глаза были совершенно белыми, более того, они были покрыты короткими белыми светящимися волосками. Лукьяныч смеялся. Он хотел дотянуться до меня, и я стал отступать — его пальцы, пальцы скелета, почти дотянулись до меня — и вдруг Лукьяныч кучей тряпья упал в воду и стал растворяться в ней.

Я не помню, как Жора вытащил меня оттуда...

Глава четвертая

ТЕХНОЛОГ ЩУКИН

Я очень устал. И, наверное, потерял немало крови. Я хотел остановиться и отдохнуть, но остановиться было страшно.

Мы шли в лабиринте железных ящиков разного размера и формы. Ящики были ржавыми, они вздрагивали, и изнутри доносилось постукивание, словно кто-то просил выпустить его наружу... Стенка одного была выломана.

— Вырвались,— сказал Жора.— Теперь держись.

Я не знал, кто вырвался, и не было сил спрашивать.

Небо было синим, вечерним, и уже появились первые звезды. Где-то далеко летел самолет. Стены ящиков смыкались над головами, и мы шли по узкому извилистому ущелью.

Местность начала понижаться. Мы опускались в какую-то воронку.

Ящики кончились, но приходилось перебираться через завалы бревен, бревна были гнилые, между ними летали светлячки. Жора шел уверенно. Только один раз он остановился и замер, приложив палец к губам. Я тоже замер. Я уже понял, что единственное спасение — во всем слушаться сталкера. Я не могу сказать, что раскаивался в том, что отправился в этот несчастный поход. Я был за пределами страха и любопытства.

Мы стояли, ожидая, пока длинная вереница больших белых крыс перейдет нам дорогу. Крысы не обращали на нас внимания. Каждая из них тащила в зубах маленькую куколку. Последняя, совсем еще крысенок, видно, устала и уронила куколку на землю.

Когда крысы исчезли, Жора наклонился и поднял куколку.

— Посмотри,— сказал он, протягивая мне куколку.

Я, хоть было довольно темно, понял, что куколка изображала Лукьяныча, с мизинец размером, оловянного, раскрашенного, в кителе и фуражке.

— Быстро работают,— сказал Жора.

— Кто?

Но Жора не ответил. Он быстро побежал вперед, перед ним мелькнуло какое-то живое существо.

— Стой!— крикнул Жора, кидаясь вперед.

Раздался вой.

Я подошел. Жора лежал на земле, между бревен, навалившись телом на ободранную, худую собаку.

Собака повизгивала и вырывалась.

— Ты не видел здесь девочку?— спрашивал Жора у собаки.

Собака не отвечала. Только скулила.

— Ну и черт с тобой,— сказал Жора и отбросил собаку. Та кинулась в сторону.

Жора проследил, куда она побежала.

— За ней,— сказал он.

Нам пришлось перебраться через быстрый, пахнущий карболкой мутный ручей, пробраться сквозь завал картонных коробок, набитых тряпьем. Там была дверь. Из-за нее вырывался луч света.

Жора приоткрыл дверь, и странное зрелище предстало моим глазам.

Вокруг низкого длинного стола сидело множество собак, ободранных, худых, во всем схожих с той собакой, которую поймал Жора.

Собаки смотрели, не отрываясь, на стол. Там, освещенные толстыми горящими свечами, бегали автомобильчики и паровозики. На большом блюде посреди стола — грудой блестящие украшения. Некоторые из автомобильчиков вдруг начинали толкаться, слабые падали со стола.

— Эй,— сказал Жора.— Кто видел девочку?

Собаки как по команде повернулись к двери. Одна из них зарычала.

И тут мы услышали далекий детский плач.

— Это она!— сказал Жора.

Он побежал через комнату с собаками, и те отступали, рыча. Я бежал за ним. Собаки нас не тронули.

Мы выскочили из воронки, и пришлось долго перебираться через расползающиеся тюки с шерстью, потом по щиколотку в грязи шлепать в мертвом кустарнике, и неожиданно перед нами открылась грязная поляна, по

краям которой было вырыто множество выгребных ям, источающих мрачное зловоние.

Посреди поляны возвышалось странное сооружение, похожее на башню рыцарского замка. И я не сразу сообразил, что это нижняя часть громадной фабричной трубы. В трубе была сделана дверь. Из нее на землю падал тусклый квадрат света. Оттуда и доносился детский плач.

Глава пятая

СТАЛКЕР ЖОРА

Это был замок Сольвейга. Как его в самом деле зовут, даже он сам не помнит. Я — единственный живой человек, который его видел. В прошлом году я добрался до его башни. Это самая дальняя точка, до которой я забирался в Зону. Сольвейг тогда сказал мне, что озера Желания нету. И я ему поверил. Он знает.

Он его искал много лет.

Он сам себя называл Сольвейг. Я проверял. Есть такая опера, там Сольвейг прибегала к нему на лыжах. Но старик, наверно, спутал ее с соловьем. У него раньше был патефон. Но сломалась игла. Я обещал ему принести иглу, но не нашел — теперь их не делают.

Как же эта Галка добралась до старика? Здоровые мужики погибают, а она добралась.

У него в замке стоит золотой трон. Обшарпанный, правда, но золотой. Галку он привязал к трону. Она была чуть живая, рубаха в клочья, джинсы разодраны... Ох и напереживалась эта дура! А тут попасть в плен к маньяку!

Старик стоял перед ней. В одной руке банка со сгущенным молоком. В другой гнутая алюминиевая ложка. Глаза дикие, ополоумевшие.

Она ела это молоко, вся физиономия в молоке, по распашонке, по лифчику течет молоко, джинсы в молоке, даже волосы в молоке — видно, она сопротивлялась вначале, мотала головой. А теперь уже ничего не соображает, только кричит иногда, как воет.

— Кушай,— говорил-скрипел старик.— Кушай, моя королева. Мне для тебя ничего не жалко.

Он совал ей ложку в рот, она старалась отвернуться, он топал ногами, сердился.

— Оставь Галку!— сказал я.

Он не сразу сообразил, что мы пришли. Потом испугался, кинулся в угол, схватил лом. Халат распахнулся, он под ним в чем мать родила, но жилистый. Он поднял лом и пошел на нас.

Я нагнулся, уклонился от лома и врезал ему в левую скулу.

А Шукин тем временем стал распутывать Галку, она только всхлипывала. Вокруг на полу валялись пустые банки, и весь пол — сплошная липкая белесая лужа.

Шукин скользил по молоку, я помог ему освободить Галку, она не могла стоять, мы отнесли ее к старому дивану, на котором обычно спал старик. Пауки кинулись во все стороны. Пауки у него ручные, умеют танцевать, он мне сам показывал.

— Дядя Жора,— повторяла Галка,— дядя Жора...

Я открыл флягу с коньяком, заставил ее глотнуть. И тут же Галку начало рвать сгущенным молоком.

Я думал, что она помрет. Но ничего, через несколько минут отошла. Оказывается, старик ее кормил больше часа, банок пять как минимум в нее всадил. Он псих, он самое дорогое ей отдавал.

Пока мы откачивали Галку, старик очнулся, стал плакать, чтобы мы у него ее не отбирали.

Я поглядел наружу. Уже почти совсем стемнело.

— Будем ночевать здесь,— сказал я.

— Нельзя, нас ждут,— сказал мой технолог.— Ее мать сходит с ума.

— Моя мать с утра пьяная,— сказала Галка.

— Ты хочешь остаться здесь?

— Нет, уведи меня, дядя Жора.

— А что тебя в эту дыру потянуло?

— Мне нужно было... нужно было озеро Желаний.

— Из-за мамы?— спросил Шукин

— Из-за мамы? А зачем ей? Мне нужна любовь одного человека,— сказала Галка.

— Сколько лет этому человеку?— спросил я.

— Сорок. У него жена. Толстая, гадкая, я бы ее убила!
— Дура,— сказал я,— жалко, что пошел тебя вытаски-
вать.

Старик очнулся, стал просить, чтобы мы ему оставили Галку.

— Пошли,— сказал Шукин.— Уже поздно.

— И куда ты пойдешь?— спросил я.

— Обратно.

— Обратно мы не пройдем,— сказал я.— Даже днем мы чудом прорвались. Ночью погибнем. Хуже Лукьяныча.

— Отдайте мне королеву,— сказал старик с угрозой.— А то скоро Ночные придут. Они вас скушают.

— Это правда,— сказал я.— Пошли.

Мы вышли, старик бежал следом, просил, чтобы я отдал ему его лом. Но я оттолкнул его, а шагов через пятьдесят велел моим спутникам затаиться в остатках трансформаторной будки. И шепотом сказал им:

— Сейчас сидим тихо. Десять минут. Пускай он думает, что мы обратно пошли.

— А мы?— спросил Шукин.

— А мы пойдем дальше.

— А разве вы там были?

— Там никто не был. Но зато я знаю — на обратном пути нас точно убьют. А впереди — не знаю.

Они ничего мне не ответили. Они устали. Им было почти все равно. Я их понимал, мне самому было почти все равно. Только я упрямый. Я хотел, чтобы Галка все-таки вернулась домой.

— А кто этот старик?— шепотом спросила Галка. Видно, начала оживать. Они живучие, как кошки.

— Сумасшедший,— сказал Шукин.

— Он дезертир,— сказал я.— Так он мне сказал.

— Какой дезертир?

— В сорок первом здесь спрятался. А может, троцкист.

— А что же он ест?

— Сгущенное молоко,— сказала я.— В войну по ленд-лизу состав со сгущенкой шел, ветка недалеко, его в Зону затащило, потеряли. А может, врут.

На груди защекотало. Я испугался. Может, ядовитое. Запустил руку за пазуху. Оказалось — зеленый глаз. Я

выбросил его, он покатился к Галке. Она взвизгнула. Пришлось его раздавить.

Когда мне показалось, что все тихо, я повел их дальше. Но незаметно уйти не удалось.

Раздался такой грохот, какого я в жизни не слышал.

Особенный, страшный, гулкий, будто тысяча человек принялись молотить по пустым бочкам.

Меня отшвырнуло, понесло... Кинуло на землю, погребло...

И, наверное, сто лет прошло, прежде чем я сообразил, что случилось: Галка наткнулась на край Великой пирамиды. Той самой, которую мне старик показывал в прошлом году. Она из пустых банок. Пятьдесят лет он жрет это молоко. Две, три банки в день. Простая арифметика — сколько банок? И всю эту пирамиду мы развалили.

С нами-то ничего страшного, если не считать нервов. Но, конечно, мы переполошили весь этот скорпионник. А места дальше мне незнакомые, самые древние, самые загадочные...

Мы бежали по колючкам и мертвому лесу, мы пробились сквозь цветущие оранжевыми одуванчиками заросли медной проволоки. Сумерки еще не кончились, так что, к счастью, мы кое-что видели.

А может, не к счастью.

Галка и так была еле живая. И именно она натолкнулась на скелет. Весь разможенный, на черепе сохранились длинные волосы, обрывки джинсов и даже цепочка на вывернутой шее. И Галка начала вопить — она этого парня знала. Хипповый парень, весной пропал. Значит, идиот, полез в Зону.

Галка начала снова рыдать, ее рвало, а по нашим следам уже шли. Железные люди, заводные, без голов, раскрашенные. Хорошо еще, что у меня лом был, я отбивался, пока Шукин тащил Галку дальше.

Мы чуть было не погорели совсем, когда оказались перед ущельем. Я никогда и не слышал, что здесь есть ущелье. Без дна.

Как переползли на тот берег — до сих пор не представляю. Мы по паутине ползли. Двух пауков я убил. Третий

половину волос у меня вырвал... Но ушли. И Железные люди отстали.

Но пауки позвали других на помощь.

Это, может, и не пауки — они плюшевые, желтые, ноги у них из пружин. Не прыгают, но качаются.

Они были осторожные, как шакалы, ждали, когда мы ослабеем и помрем. И видно было, что ждать им недолго. Я все надеялся, что Зона кончится, — но точно не знал, когда. Да и шли мы по Луне, по звездам. И уверенности не было.

Пауки загнали нас к бетонной стене. Не знаю, кто и когда ее поставил. Метра три, поверх колючая проволока. Надо было эту стену одолеть, но сил одолеть не было.

Мы сидели в рядок, прижавшись к стене спинами.

Пауки дежурили полукругом, тоже ждали, раскачивались, как один футбольный тренер.

И тогда я услышал, что за стеной стук. Быстрый, частый стук. И я понял, что мы погибли — мы вышли к Бездне. Никто там не был, но некоторые слышали. Там работа вовсю идет, как будто ничего не было, а кто работает, неизвестно... А может, это Сборный червяк, что еще хуже...

Тут пауки пошли в наступление.

Я встал, я один смог встать. Я поднял лом и начал махать им.

Пауки, улыбаясь беззубыми ртами, отступили. Глаза светятся, как тарелки.

Я с отчаяния размахнулся и ударил ломом по стене. От нее отлетел кусок бетона. Я стал с отчаянием рубить по стене — пускай бездна, но умереть от этих пауков куда хуже.

Я вошел в раж. Я бил, бил и ничего не слышал. Но когда Галка завизжала, я обернулся.

И увидел, что моего Щукина увлакивают пауки.

Они рвут его, тянут, а он почти не сопротивляется. Сам как тряпичная кукла.

Я кинулся на пауков, я дробил их ломом, мне уже было на все наплевать.

Они оставили Щукина. Он был без сознания. Я поволок его к стене, и пауки пошли за мной следом.

И тогда я снова набросился на стену.

Наверное, никогда еще во мне не было такой силы. Как последние сто метров в марафоне — а потом человек умирает.

Кусок стены выломился, выпал в ту сторону.

Лом провалился в дыру, звякнул там.

Теперь, даже если там ждет немедленная смерть, все равно другого пути нет. Мое оружие там.

Нас спасла Нога. Ее пауки боятся. Она вышла из темноты, скрипя суставами, сапог с меня ростом, из него торчит каменный палец. Пауки — в стороны. А Нога медленно попрыгала к нам, чтобы растоптать.

Я буквально выкинул в дыру Галку, а потом вытащил Шукина.

Там был асфальт.

Я упал рядом с Шукиным. Галка лежала на мостовой.

За стеной скрипела Нога. Потом стало тихо. Я закрыл глаза.

Знакомое постукивание послышалось вдали. Все ближе и ближе...

Дребезжал, надвигаясь, Сборный червяк... Я начал шарить руками, хотел найти лом. Лома не было. Я поднялся на четвереньки и тут увидел, это не Сборный червяк, а к нам едет трамвай.

Обыкновенный трамвай, поздний, почти пустой. Я и не знал, что в Зоне есть такие места.

Пускай проедет. Это, наверное, трамвай-убийца.

Но трамвай не проехал. Он заскрипел тормозами, останавливаясь. Где лом? Где лом, черт побери! Я же не могу его голыми руками!

Из трамвая выскочила женщина в синем сарафане.

Она побежала к нам.

Это была Лариска, Галкина мать. Я ее всегда узнаю издали. Старая любовь. Хоть она теперь спилась, а у меня Людмила и Пашка, но от старой любви что-то всегда остается.

— Я прямо почувствовала! — закричала Лариска — и сразу к Галке.

А Галка начала плакать. Снова.

— Мама, я больше не буду! — Ну как маленькая.

И только тогда я понял, что над улицей горят фонари. Редкие фонари, обыкновенные фонари.

Я сел на тротуар.
Из трамвая вышел водитель. Колька Максаков, я его
знаю.

Они с Лариской повели к трамваю Галку.

Надвинулись фары.

Это была директорская «Волга».

Директор первым подошел к нам. Он зачем-то пытался
трясти мне руку. А мне было плевать... Я сказал, чтобы
Шукина отвезли в больницу, он много крови потерял.
Про Лукьяныча никто не спрашивал. Видно, и так поня-
ли.

Директор приказал вызвать бригаду, чтобы заделать
стену.

Глава шестая

ТЕХНОЛОГ ЩУКИН

Меня выпустили из больницы на третий день. За это
время я подготовил докладную о мерах по ликвидации
заводской свалки, которая в настоящем виде представ-
ляет опасность для завода и окрестного населения.

Я напомнил в докладной, что наш завод построен еще
до революции как фабрика механических игрушек не-
мецкого фабриканта фон Бюхнера. Свалка родилась,
когда завод разрушили в гражданскую войну.

К несчастью, вместо того, чтобы разобрать развалины
завода и складов, решено было строить новые корпуса
завода заводных игрушек имени Лассалья по соседству
от разрушенных. А когда завод в двадцать пятом сгорел,
то, восстанавливая, его подвинули вновь. С тех пор свал-
ка стала использоваться и некоторыми другими город-
скими предприятиями. Свалка приобрела самостоя-
тельное значение, и постепенно завод отступал под ее
напором, оставляя в ее владении подъездные пути и за-
брошенные склады. А свалка все росла и надвигалась.
Было много постановлений о ликвидации свалки, как-
то ее пробовали снести, но два бульдозера сгнули там,
одного бульдозериста так и не нашли, второй вышел, но
сошел с ума... В городе свалку начали называть Зоной и
даже появились сталкеры... Теперь же завод отодвинут

свалкой от Молодежной улицы на шесть километров, и никто толком не знает, что происходит внутри. Я писал, что свалка превратилась в замкнутую экосистему. В любой момент в ней может произойти качественный скачок, и она нападет на завод или на Молодежную улицу, с которой граничит, отделенная лишь бетонным забором. Потому я потребовал, чтобы свалку немедленно разбомбили военной авиацией.

По выходе из больницы я подал докладную директору.

Он прочел ее при мне. И предложил уйти в отпуск. Сказал, что я заслужил отдых.

— А как же свалка?— спросил я.

— Тут у вас некоторые преувеличения. Но источник их понятен,— сказал директор. Он прятал глаза.— Нервы.

— Вы там не были!— кричал я.— Вы не знаете! Это страшно! Вспомните о судьбе Лукьяныча.

— Мы обязательно примем меры,— сказал директор.— Но вот насчет авиации вы преувеличиваете. Так что лечитесь, отдыхайте.

Директору два года до пенсии...

Глава седьмая

ИЗ ПРИКАЗА № 176 ПО ЗАВОДУ ЗАВОДНЫХ ИГРУШЕК ИМЕНИ ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ

«...Исходя из вышеизложенного, принять следующие безотлагательные меры:

1. Возвести за счет сэкономленных средств соцбытсектора временное ограждение свалки со стороны цеха № 3.

2. Усилить охрану периферии свалки в ночное время, для чего изыскать возможности увеличения штатов специализированной охраны на два человека.

3. Временно, вплоть до особого разрешения, прекратить посещение завода экскурсиями, а также запретить проникновение на территорию Предприятия представителей прессы, которые безответственными выступлениями могут дезориентировать общественность.

4. Принять к сведению постановление Местной организации Предприятия об обращении к Главному управ-

лению заводных игрушек Министерства местной промышленности о выделении дополнительных ассигнований на приведение в порядок заводской территории.

5. Строго указать всему личному составу Предприятия о недопустимости распространения слухов касательно предположительного существования неопознанных явлений в районе заводской территории. С этой целью провести собрания в коллективах цехов и заводоуправления.

6. Ходатайствовать перед соответствующими организациями социального обеспечения об установлении повышенной пенсии вдове сотрудника специализированной охраны Варнавского Г.Л., как погибшего при исполнении служебных обязанностей.

7. Отметить сборщика Васюнина Г.В. премией в объеме двухнедельного оклада.

8. Предоставить заместителю главного технолога Щукину Н.Р. внеочередной отпуск для лечения.

Директор завода заводных игрушек имени Фердинанда Лассалья,

ПОКАЗАНИЯ ОЛИ Н.

Меня зовут Ольгой. Мне шестнадцать лет. Я проживаю в поселке Гроды, перешла в десятый класс. Отец оставил маму, когда мне было три года, мама работает медсестрой в больнице.

Эти показания я даю добровольно, по собственной инициативе.

Об Огоньках я узнала в первый раз два года назад, когда по телевизору показывали первый из Огоньков, который нашли в Кении. Может быть, о них говорили раньше, но я не помню.

Я как сейчас вижу изображение на экране телевизора — белая капля, которая касается земли и дрожит. Обозреватель сказал, что это удивительное и еще неразгаданное природное явление. Вернее всего — следствие вулканической активности. Ученые изучают температуру и характер явления. Тогда это не произвело впечатления, может, потому, что Огонек был маленький и разрушений не причинил.

В следующий раз об Огоньке говорили в передаче «Очевидное — невероятное». Оказалось, что этих Огоньков в той местности насчитывается несколько, а один из них стал причиной большого лесного пожара. Два ученых, которые обсуждали эту проблему, высказывали соображения, что раз температура Огоньков очень велика, такой на Земле раньше не наблюдали, значит, это плазма. В местах, где горит Огонек, всегда есть движение воздуха, который сгорает в его пламени. Один из ученых говорил, что Огонек — это шаровая молния, только стабильная, а другой уверял, что это природная ядерная реакция. Хотя радиации не отмечено.

Я не могу сказать, когда Огоньки стали обычным

делом. Сначала о них говорили только по телевизору и в газетах, на последней странице, где пишут о всяких курьезах. Потом стали говорить все чаще, потому что Огоньки оказались не такими уж безобидными. И главное — они стали появляться в разных концах Земли. Я помню, как меня поразили кадры Огонька в озере Чад. Из озера бил фонтан с паром, а изнутри его подсвечивало — это было похоже на фонтан на Сельскохозяйственной выставке в Москве.

В июле приехала тетя Вера. Она живет в Перми. Она рассказала, что у них там много разговоров об Огоньке, который нашли на колхозном поле. Там играли мальчишки, один из них подбежал слишком близко и обжегся. Этот огонек оцепили войсками и всех из деревни выселили. Но в газетах тогда еще о наших Огоньках не писали.

В первый раз я испугалась, когда показывали большой Огонек в Риме. От него начался пожар — выгорело несколько кварталов. Представляете — вокруг черные балки, пепел, а посреди на пустыре горит Огонек.

В августе я видела по телевизору, как в Соединенных Штатах бомбили Огонек в пустыне Невада. Над пустыней стояли пыльные столбы, вспыхивали красные взрывы. А потом показали Огонек. Он переместился на дно воронки от бомбы и горел даже ярче, чем прежде. Будто нажрался взрывчатки.

В сентябре прошлого года было опубликовано сообщение Организации Объединенных Наций. И тогда всем стало известно, что в мире уже горит несколько сот Огоньков и с каждым днем их число увеличивается.

Ким, он учился со мной в одном классе, принес тогда к нам домой памятку. Там было написано, как следует себя вести, если ты увидел неучтенный Огонек, и куда звонить: не приближаться, по возможности огородить это Явление и следить, чтобы не произошло возгорание.

Хотя уже наступала осень и Огоньки начали менять жизнь всей нашей Земли, для нас, в поселке, они оставались иллюзией. Мы продолжали ходить в школу, и Сесе, это прозвище Сергея Сергеевича, все так же кидал свою папку на стол и говорил: «Здравствуйте, громадяне». Мы ездили всем классом на картошку. Так как все время

шли дожди, работать в поле было трудно. Дожди шли везде, и говорили, что виноваты в этом тоже Огоньки. Те из них, что возникли на дне озер, рек и океанов, вызывали сильное испарение и нарушали баланс погоды. Осенью Огоньков было уже так много, что мы почти не видели солнца.

Тогда, в поле, это и случилось.

Был ветер, дождь перестал, и почему-то нам не хотелось уходить в сарай, где нас разместили. Ребята разожгли костер, мы пекли на нем картошку. Мы немного пели. Потом пришли Ким с Селивановым, они ходили в магазин за водкой, но водки не достали. Я была рада, потому что уже видела раз Кима пьяным, и это было отвратительное зрелище.

Даша Окунева начала спрашивать Сесе, что он думает об Огоньках, насколько это опасно. Сесе отвечал, что нельзя недооценивать эту опасность для человечества только потому, что естественно желание человечества спрятать голову в песок. Потом Сесе понял, что никто его не слушает, потому что не хотелось слушать о плохом. Я тогда подумала, что мы ведем себя, как будто говорим об ороре. Эта болезнь для других, не для нас, есть специальные люди, ученые, которые занимаются вакцинами и лекарствами. Они в конце концов обязательно догадываются и сделают, что надо. А раз мы не можем помочь, то лучше не думать. Ким тихо сказал мне, что нужно поговорить. Я знала, о чем он будет говорить. Все знали, что я ему нравлюсь. Он хотел, чтобы мы ушли в кусты на краю поля и он меня целовал, но у меня не было настроения, а Селиванов стал кричать от костра, что все видит. Я сказала: «Не надо, Ким, пожалуйста. Совсем не такой день».

— А какой день?— спросил он.— Дождика нет.

Чтобы переменить тему, я спросила, как его мать. Клавдию Васильевну еще на той неделе увезли в Москву, в больницу, у нее подозревали орор.

— Ты не бойся,— сказал он,— я не заразный.

— Я не боюсь.

Мне стало его жалко, потому что многие избегали их дом. Можно сколько хочешь говорить, что орор не заразный, но люди боятся, потому что ведь как-то заражаются.

Я поцеловала Кима в щеку, чтобы он не думал, что я такая же, как другие. Наверное, он понял. Он пошел обратно к костру, ничего больше не говоря.

Мы стали есть печеную картошку.

Даша Окунева сказала:

— Смотрите, к нам кто-то идет.

Она показала на деревню — там загорелся фонарик, будто кто-то шел по полю.

Фонарик не приближался. Он горел совсем низко, у самой земли. Сесе вдруг поднялся и пошел туда.

Он прошел шагов сто, не больше. Оказалось, что фонарик горит недалеко — просто в темноте не разберешь.

Сесе остановился и сказал:

— Вот и дождались.

Он сказал негромко, но мы в этот момент молчали и услышали. Я сразу поняла, что он имеет в виду.

Мы подошли к Огоньку. Огонек, словно живой шарик, лежал на земле. Он был ослепительно белый, и жар от него чувствовался в нескольких шагах, хотя размером Огонек был не больше детского кулака.

Он был такой легкий, словно воздушный шарик, который прилег на землю, уставши летать, но мы знали, что у этих огоньков очень глубокие корни — тонкие плазменные нити, пронзающие землю на метры. Уже были случаи, когда такой корешок доставал до подземной воды и получался взрыв. Может взорваться что угодно, но Огонек останется, несокрушимый, легкий и даже веселый.

Летучая мышь пролетела низко над Огоньком, не сообразив, что это такое. Она исчезла, ярко вспыхнув.

Мы вернулись к нашему костру и затушили его.

Картошку доедать не стали — никому не хотелось. Мы пошли к правлению, чтобы позвонить в Москву. Даша Окунева начала плакать. Холмик, лучший математик, хороший мальчик, он мне в прошлом классе нравился, пока я не начала ходить с Кимом, стал говорить Даше, что ничего страшного не случилось. Уже сообщали, как успешно идут опыты по нейтрализации.

Мы не оборачивались и шли быстро.

В правлении мы пришли к председателю в кабинет. Он был очень огорчен тем, что пропало несобранное поле.

Приедут из Москвы, обнесут колючей проволокой, будут делать опыты, топтать картошку. Теперь никого туда не загонишь убирать — кто пойдет?

Председатель нас отпустил, но автобуса или грузовика в колхозе для нас не нашлось, и мы пошли пешком, до станции было шесть километров. Моросил дождь. Мы сидели на влажных скамейках под навесом у кассы. Середина сентября, а казалось, что вот-вот пойдет снег. Холмик разговаривал с Сесе, а я слушала. Ким с Селивановым исчезли — им сказали, что какая-то тетка у станции продает самогон.

За лесом, по ту сторону путей, пылало багровое зарево. Что-то горело. Зарево отражалось в очках Сесе и Холмика. Они казались мне марсианами, которые живут совсем иначе, чем обыкновенные люди. И еще я тогда подумала — может, совсем не к месту: пройдет десять лет, и если мы будем живы, то Сесе и Холмик сравняются. Сейчас между ними большая разница в десять лет, а тогда будет небольшая разница в десять лет.

— Почему мы должны все и всегда понимать? — слышала я слова Сесе. — Обезьяна не знает, как работает двигатель, но знает, что ее везут в машине.

— Но мы же люди, — говорил Холмик. — Мы учимся. Всему можно научиться.

Они разговаривали совсем как равные.

— Научиться с какой целью?

— Чтобы решить задачу, чтобы побороть препятствие.

— Я далек от мысли одушевлять природу, — сказал Сесе, — но я вижу определенную закономерность между нашими усилиями и ее реакцией на них. Пока человек был частью природы и подчинялся ее законам, антагонизма не было. Но стоило ему выделиться из нее, как он себя ей противопоставил. И началась война.

— Вы нас так не учили, — сказал Холмик, и мне показалось, что он улыбнулся.

— До некоторых вещей лучше доходить собственным умом.

— И вы видите в этом систему? — спросил Холмик.

— Скорее логику. Действие — противодействие. Когда-то давно люди перебили мамонтов. Жрать стало нечего. Но они выпутались — научились пахать землю. Заодно

свели леса. Снова кризис. И снова люди выпутались. Последнее столетие мы называем техническим прогрессом. А для меня это — эскалация противостояния. Ты этого не помнишь, а мы учили всеобъемлющую формулу: «Нам нельзя ждать милостей от природы. Взять их — вот наша задача». Это лозунг грабителя.

— Я помню другой лозунг: «Если враг не сдается, его уничтожают», — сказал Холмик.

— В применении к природе он неплохо действовал.

Из темноты надвинулся ослепительный глаз товарного поезда, и мимо пошли стучать темные громады вагонов. Грохот поезда заглушил слова Сесе и Холмика. Я видела, как они сдвинули головы и кричат друг другу.

— Любая система должна иметь средства защиты, — услышала я голос Сесе, когда поезд наконец утих. — Мы двинулись в наступление, будто нашей целью было убить Землю. И наше наступление начало наталкиваться на проблемы, которые были рождены этим наступлением. Мы губим леса и реки, уничтожаем воздух, повышаем уровень радиации. Результат — вспышки новых болезней. Рак, СПИД, орор...

— Вы не правы, Сергей Сергеевич, — сказал Холмик. — Это не ответ природы, а наше действие. Мы воздух портим и сами им дышим.

Было очень тихо, и их слова были слышны всем. Все слушали, о чем они говорят.

— Возьмите орор, — сказал Холмик. — Сначала его вирус бил исподтишка, выборочно, а потом мутировал. Но вирус потому изменился, что его травили лекарствами, а он хотел выжить. Значит, это не природа, а только один вирус. И мы его сделали таким.

— А я убежден, — сказал Сесе. — Мы бьем по природе, и чем сильнее, тем сильнее отдача. Пока мы не угрожали самому существованию биосферы, а лишь вредили, то и ответные шаги системы были умеренными. Они не угрожали нам как виду. От рака умирают выборочно и чаще к старости. Но как только мы перешли критическую точку, то и меры стали кардинальными.

— Вы имеете в виду Огоньки? Тогда я тоже не согласен.

Кто-то в полутьме хихикнул. Холмик обожает спорить.

— Почему?

— Потому что Огоньки угрожают не людям, а всему живому.

— Не знаю,— сказал Сесе.— Когда система, лишенная разума, сопротивляется системе, претендующей на обладание разумом, действия ее непредсказуемы.

— А вот идут две системы, обладающие разумом,— сказал Карен.

По платформе шли Ким и Селиванов. Они шли, упершись плечами друг в друга, изображая пьяных. Я сразу поняла, что им ничего не удалось отыскать. И Сесе тоже обрадовался. Селиванов начал говорить нарочно пьяным голосом, кто-то из мальчиков спросил, чего же они не позаботились о друзьях, а Селиванов сказал, что на вынос не дают. Сесе вдруг озлился и потребовал, чтобы Селиванов перестал говорить глупости.

— Все равно сгорим,— сказал Ким.— Трезвые, пьяные — все равно. Все глупо.

— Перестань Ким,— сказала Даша Окунева.— Мне тебя слушать противно.

Тут пришла электричка. Она была почти пустая. Мы сели тесно, чтобы согреться,— в электричке было холодно и полутемно. В последние недели электричество экономили, некоторые электрички сняли, на улицах горели лишь редкие фонари, а днем в домах отключали свет.

Огонек возле нашего поселка появился в конце октября. Даже странно, что он не появился раньше. Как-то Холмик сказал в классе:

— Какая-то дискриминация.

Он предпочитал шутить об Огоньках. Это делали многие, у них защитная реакция. Потому что люди ко всему привыкают. Даже к Огонькам. Никто их уже не считал. Загорался новый, сообщали куда следует, потом приезжала команда, обносила место проволокой, ставила предупредительную надпись, хотя и без этого никто к Огоньку не подойдет. И уезжала. А мы продолжали жить. Потому что сами по себе Огоньки никому не вредили. Не Огонек ухудшал нашу жизнь, а то, что с ним было связано.

У Кима умерла мать, но ее не привозили хоронить — орогов хоронят в больнице. Ким с отцом ездили туда.

Раньше Ким сидел на парте с Селивановым, но, когда стало известно, что мать Кима умерла от орора, Селиванов отсел от него. Я подумала тогда, что мне надо было сесть рядом с Кимом. Но я не села. Потому что не хотела, чтобы кто-то подумал, что я навязываюсь.

В конце октября было объявлено, что в этом сезоне школу не будут топить и потому с морозами занятия прекращаются. Это было крушением. Наверное, в Москве или в Париже люди больше знают и говорят об Огоньках. А у нас это не так заметно. Конечно, свет на улицах совсем не горит, но у нас он всегда горел плохо. И в магазинах совсем плохо с продуктами, даже с хлебом перебой. Но нас никогда хорошо не снабжали. И дожди идут, и яблоки не созрели. Но картошку все-таки собрали. Люди скупали в магазинах соль и спички. Мать тогда сказала: «Как будто война». Я не поняла, а она пояснила: «В России, когда грозит война, всегда скупают соль и спички». Когда Сесе пришел в класс и сказал: «Ребята, занятия на неопределенное время отменяются», мы сначала обрадовались, потому что не поняли, что это означает. А когда поняли, почти все испугались. Даша спросила: «А как же я в институт попаду?» Но еще глупее была реакция Карена. Он как закричит: «Да что вы! Если мы в этом году десятый класс не кончим, я в армию загремлю!» Кто-то сказал: давайте будем рубить дрова. Но Холмик напомнил, что у нас в школе батареи центрального отопления. Сесе старался быть оптимистичным. Он объяснил, что перерыв будет только до весны. Как только потеплеет, уроки возобновятся.

Он сказал, что мы будем заниматься самостоятельно по программе, которую он даст, что можно будет ходить к нему домой на консультацию. Он так горячо говорил об этом, что мы поняли — школа для нас кончилась.

Ким пошел со мной из школы. По улице мело. Мы прошли мимо нашего Огонька. За последние дни он подрос, стал с футбольный мяч, жар чувствовался издали, воздух стремился к Огоньку, чтобы сгореть.

Ким дошел до моего подъезда. Наш дом двухэтажный, барачного типа, остался еще с первых пятилеток. Мне было холодно. Ким хотел сказать что-то важное. Поэтому он закурил. Потом сказал:

— Оля, выходи за меня замуж.

Это было совсем неумно. Бред какой-то.

— Ты что,— сказала я.— Я об этом не думала.

— Я серьезно говорю,— сказал Ким.— Если ты боишься орора, я тебе даю слово, нам всем — отцу, братьям и мне — в Москве делали анализ, мы не носители.

— Я не о том. Мне шестнадцать. Тебе тоже. Я понимаю, если бы тебе было двадцать, ну хотя бы восемнадцать. Люди не женятся в нашем возрасте.

Я, наверное, говорила очень серьезно, как учительница, и он рассмеялся.

— Ты дура,— сказал он.— Люди не женятся, а мы поженимся.

— Ты мне очень нравишься,— сказала я.— Честное слово. Но давай поговорим об этом через два года.

— Через два года мне будет не с кем говорить,— сказал Ким.— Потому что мы с тобой будем мертвые.

— Не говори глупостей.

— Ты это тоже знаешь. И трусишь. А я тебе говорю — пускай у нас будет счастье.

— Это не счастье,— сказала я.— Это не счастье — делать то, чего мы не хотим.

— Я хочу.

— Ты глупый мальчишка,— сказала я.— Ты трусил.

— Я не трусил. Я лучше тебя все понимаю. Мать умерла при мне.

— При чем тут это?

— Это все вместе,— сказал он.— Почему ты хочешь подохнуть просто так, даже не взяв, что успеешь?

— Ты думаешь, если плохо, то все можно?

— Завтра об этом догадаются все. И законов не будет.

— Пир во время чумы?— спросила я.

— Конечно. Ты подумай. Завтра я спрошу.

— Уходи,— сказала я.— Мне это неприятно.

Тогда Ким ушел.

Я смотрела ему вслед — такой обыкновенный мальчишка. Хорошенький, чернявый, на гитаре играет, в авиамodelном кружке занимался. И мне стало страшно.

Я не пошла домой. Был день, светло. Только холодно.

Я поднялась по узкой улице, мне захотелось посмотреть на наш поселок сверху. Дверь в церковь была откры-

та, и перед ней было много людей. Внутри пели. Я никогда не видела столько людей у церкви. А внутрь даже не войдешь. Я вдруг подумала — сейчас по всей Земле люди куда-то идут, чтобы только не сидеть дома. Одни в церковь, другие в мечеть, третьи в райком, потому что хочется найти защитника.

Я вышла на обрыв. Река рано замерзла, и по ней неслась снежная пыль. Ветер был ужасный. Я вдруг посмотрела вверх и подумала — почему все говорят про летающие тарелочки? Вроде бы их видели? Почему они не прилетают? Надо бы сказать маме про Кима — может, это и смешно? Но потом я поняла, что мама страшно испугается. Она каждый день приносит с работы разные истории — про самоубийства, про грабежи. На станции я сама видела военные патрули — никогда еще не было военных патрулей на тихой пригородной станции.

Я не знаю, почему стало так плохо с энергией, но это было во всем мире. Но вечерами телевизор еще работал. Через несколько дней после того, как закрылась школа, я увидела по телевизору съемку Земли со спутника — не помню, как называлась передача. Мама тоже была дома. Она была еле живая после дежурства. Она рассказывала, как в больнице делают железные печки. Им привезли дрова — некоторые предприятия закрыты, и все рабочие рубят лес, чтобы не замерзли города. Мы сидели дома и смотрели на Землю сверху. И тогда я поняла, как плохи наши дела. Огоньков на Земле было много тысяч. Они горели точками по всей суше, только не равномерно — в некоторых местах они пылали впритык друг к другу, в других местах, например в тундре, их было куда меньше. Всего их было столько, словно какой-то злодей истыкал иголкой полотно Земли.

Мы с мамой знали, что Огоньки не только плодятся, но и растут. Мама сказала:

— Еще немного, и они соединятся.

— И тогда будет новое Солнце,— сказала я.

А диктор говорил, какие исследования ведут ученые разных стран. Потом об энергетическом голоде и изменении климата на Земле из-за того, что происходит интенсивное испарение. Облачный слой почти непроницаем для солнечных лучей, и растения не получают света и

тепла. Произошло резкое похолодание, и надо ждать сильных бурь.

Я почти перестала спать. Я видела, что случилось, когда новый Огонек проснулся под домом у станции. Дым был до самых облаков — весь дом сгорел, даже не все успели убежать. И мне начало казаться, что если я засну, то под нашим домом тоже появится Огонек.

Потом налетела первая из больших бурь. Она началась ливнем. Ливень сожрал снег, на реке появились полыньи. С некоторых домов сорвало крыши. Мать оставалась в больнице — их перевели на казарменное положение. Бензин выдавали только «скорой помощи» и милиции.

Я как-то пробралась к маме — очень проголодалась. Дома все кончилось, я думала, что у мамы должна быть какая-то еда. Больные лежали в коридорах и в холле. Некоторые просто на полу. Мать вынесла мне тарелку супа, и я съела его, сидя у горячей печки. Мама была совсем худая, глаза красные, она сказала, что у них больше всего сердечников и астматиков — люди умирают от перепадов давления и недостатка кислорода. Еще там было много покалеченных и даже с огнестрельными ранами — мама шептала мне про то, как милиция сражалась с бандой грабителей и было много убитых и раненых. Она велела мне переехать в больницу — тут спокойнее, а дома опасно. К тому же в больнице не хватает санитарок, от меня будет польза. Потом она рассказала, что возле госпиталя был Огонек, но он погас — это было так странно, что приезжала комиссия из Москвы.

Когда буря немного улеглась, я пошла домой, чтобы собрать вещи, и встретила Холмика. Я его давно не видела. Холмик сказал, что он в дружине — они собирают в магазинах и на складах продукты и теплые вещи, свозят это в станционные склады, которые охраняют солдаты.

Он сказал:

— Каждый должен делать полезное.

Мы с ним стояли совсем близко от Огонька, что горит во дворе дома. Я к этому Огоньку привыкла. И каждый день смотрела, как он понемногу растет.

Холмик был возбужден, ему казалось, что он делает что-то нужное. А я, насмотревшись на больных, сказала ему со злостью:

— Ты хочешь, чтобы мы умерли на неделю позже?

— Я хочу, чтобы не умирали.

— У тебя есть надежда?

Я спросила это потому, что хотела, чтобы меня кто-нибудь успокоил.

— Да,— сказал Холмик.— Потому что Земля больна оспой. А каждая болезнь проходит.

Мы отошли под стену, где меньше дуло. Я спросила, кого из наших он видит, Холмик сказал, что с ним в дружине Селиванов. Я удивилась, потому что Селиванов тупой и бездельник.

— Люди меняются,— сказал Холмик. Потом подумали добавил:— У нас тоже не все ангелы. Некоторые берут для себя.

Но не стал объяснять, относилось это к Селиванову или нет. И еще сказал:

— Вчера расстреляли трех мародеров. Только я не пошел смотреть.

— А Кима не видел?

— Нет. Селиванов говорил, что он уехал в Москву.

— Спасибо.

— Ты за что благодаришь?

— Неважно. А как Сесе?

— Ничего,— сказал Холмик, но так сказал, что я сразу же стала настаивать: что случилось?

— Он болеет,— сказал Холмик.— У него орор.

— Не может быть?

— Почему?

— Ты сам видел, сам?

Я поняла, что все могут умереть или заболеть, а Сесе не может, не должен, потому что это несправедливо!

— Да,— сказал Холмик.— Я его видел.

— Он в Москве? В больнице?

— Нет. Он дома. В Москве больницы переполнены. Теперь, у кого орор, остаются дома.

— Я скажу маме — его возьмут к нам в больницу.

— Не возьмут. И он сам не согласится. Он же понимает.

— Что здесь можно понимать?

— То, что в больницах еле справляются с теми, кому можно помочь. Орорным помочь нельзя, ты же знаешь!

— Но ведь говорили про сыворотку!

— Оля, я пошел, ладно? Некому делать сыворотку.

Он убежал, а я пошла домой. Я думала, что надо навесить Сесе. Кто за ним ухаживает? Ведь он жил один.

Я вернулась к Огоньку. Он был такой же, как вчера. Я подумала, как я мало о нем знаю. Ведь он живой или почти живой. Он растет. Он хочет нас всех убить. Или он не знает, что убивает? Между мной и Огоньком был железный столбик — его поставили, когда огораживали Огонек. Если стоять, прижавшись щекой к углу дома, то край Огонька касается столбика. Коснулся, мигнул, отодвинулся. Снова коснулся... Уйди, говорила я ему, пожалуйста, уйди... Долго смотреть на Огонек нельзя — болят глаза. Оспа Земли, повторяла я про себя. Оспа, которая может покрыть всю кожу, и тогда больной сгорит. И это случится очень быстро. Если бы я знала, что я сейчас умру, но мама будет жить и Холмик будет жить, — это было бы плохо, но не так страшно, честное слово. Но если, что вместе со мной умрут все, даже самые маленькие ребятишки, и вместо всех домов и церквей, музеев и заводов будет только огонь — это страх непереносимый.

И у меня в сердце была такая боль, что я даже забыла о Сесе. Холодно-холодно и тошнит.

У самого дома меня вырвало. Может быть, потому, что я давно не ела, а тут целую тарелку супа съела в больнице. Может, от ужаса. И сколько жить в этом ужасе? Мама говорила в больнице, что у них много самоубийц, которые не сумели себя убить. Оказывается, больше половины самоубийц остаются живыми.

Я включила телевизор, но он не включился. Ливень стучал в окно, и я не сразу поняла, что там человек, который тоже стучит. Я не подумала, что это может быть Ким, и открыла. Мне было не страшно — мне было все равно.

Ким был в кожаной куртке и кожаных штанах. Совсем пижон. И кепка у него была черная, кожаная. Он отпустил черные усики.

— Привет, — сказал он. — Где мать?

— В больнице, — сказала я. — А мне сказали, что ты в Москве.

— Я в Москве, — сказал он. — Там все лучшие люди.

Я поняла, что он пьяный.

— Ты чего приехал?— спросила я.— Домой?
— Нет. Я к тебе приехал. Ты помнишь наш разговор?
— Кимуля,— сказала я.— Неужели ты об этом можешь думать? Я сегодня была в больнице. У мамы. Ты бы посмотрел. И Сесе болен.

— Пустые слова,— сказал он и глупо засмеялся. Он сел в кресло и вытащил из-за пазухи пистолет, настоящий, черный, блестящий, словно мокрый.

— Видишь?— сказал он.— Пир во время чумы. Предлагаю участие.

— Дурак ты, Ким,— сказала я.

— Я на тачке приехал,— сказал он.— Дружок ждет. Мы славно живем. Москва большая.

— Ну чего ты выступаешь?— сказала я.— Меня ты не удивишь.

— Ты не поверила? Смотри.

Ким засунул руку в верхний карман куртки и вытащил оттуда горсть каких-то ювелирных бранзулетов.

— Хочешь?— сказал он.— Все твое!

— А зачем? Кому это теперь нужно?

— Находятся чудаки. Даже не представляешь, сколько. Меня в организации уважают. Я двух милиционеров пришил. У нас знаешь сколько баб — а я к тебе.

— Ты еще маленький,— сказала я.

Он поднял пистолет и прицелился в меня.

— Олька,— сказал он, будто играя роль,— у тебя нет выбора. Ты моя.

— Уходи,— сказала я.— Мне собираться надо, я к маме в больницу переезжаю.

Он пошел ко мне, не выпуская пистолета, и я стала отступать, мне все еще не было страшно.

Вдруг он отбросил пистолет и схватил меня.

— Я докажу!— повторял он.— Я сейчас докажу.

Он стал валить меня на диван. Он разодрал мне на груди платье и поцарапал шею. Если бы я тогда испугалась, я бы, конечно, погибла — он бы сделал все, что хотел. Но я не боялась, и мне было скучно и противно, словно я смотрю со стороны. Я думала — как сделать ему больно? Простите, но я укусила его в нос. Это как-то неприлично звучит — а он закричал, и я поняла, что

правильно сделала. Я побежала к открытой двери на улицу, хотя знала, что там его дружок.

Я выскочила на улицу. Там в самом деле была «Волга», за рулем сидел парень, но он не смотрел в мою сторону. Я не могла звать на помощь — была такая буря! А услышат — кто посмеет выйти?

Я обернулась и увидела, как Ким прыгнул в машину. «Волга» рванулась с места.

Я забежала за угол и чуть не попала под «газик».

Это был зеленый «газик» с красной звездой на боку. Я отскочила к стене и увидела напряженное лицо солдата за рулем. И тут же «газик» затормозил — чуть не столкнулся с машиной. Ким открыл дверь и начал стрелять по «газику». Оттуда выскакивали люди. Они тоже стреляли. Один из солдат упал, головой в лужу. Был грохот и крики, а мне казалось, что это ко мне не относится. Потом все кончилось. Я видела, как солдаты заносили своего в «газик», а Кима и его дружка положили в «Волгу». Туда сел солдат, и «Волга» уехала. Офицер из «газика», в мокром плаще, подошел ко мне и спросил:

— Других не было?

— Нет, — сказала я.

— Ты иди домой, — сказал офицер. — Иди, тебе здесь нечего делать.

Лил дождь, а лужа, в которой раньше лежал солдат, была красной. Я пошла домой, но не дошла, а остановилась возле Огонька. Мне не было жалко, потому что это был чужой Ким.

— Вот видишь, к чему это приводит, — сказала я Огоньку. Я была совсем мокрой, в рваном платье. И тут я увидела, что за то время, как я не встречалась с Огоньком, у него появился младший братишка. Я смотрела на железный столбик. Мой старый Огонек еще больше подрос, край его залез за столбик, а малыш был совсем маленький, как мухоморенок рядом с мухомором.

Идти в таком виде к маме в больницу было нельзя, только пугать ее. Я вернулась домой и почти сразу заснула — такая у меня была реакция.

Ночью я просыпалась от страха. Я задним числом перетрусила. Мне казалось, что кто-то пробрался в дом, и

сейчас он со мной что-то сделает, а может, убьет, но я не могла встать, чтобы проверить, заперта ли дверь.

Я проснулась поздно. Было тихо. И я целую минуту лежала совсем спокойно в хорошем настроении и думала: почему не надо идти в школу? Потом минута прошла, и я все вспомнила. Было полутемно, хотя часы показывали девять часов. Я выглянула в окно — над улицей нависла черная туча, вот-вот выплеснется. Я стала быстро собираться. Кожаная кепка Кима лежала на полу. Я выкинула ее в мусорное ведро. Потом собрала свою сумку — только самые нужные вещи, словно собиралась на экскурсию.

Нов в больницу я не пошла. Я подумала, что, пока я буду ходить в больницу, Сесе может умереть. Я оделась потеплее, перерыла всю кухню, пока нашла полпачки сахара — даже странно, что не видела ее раньше. Больше мне ничего было отнести Сесе.

Я поспешила к Сесе, пока не началась новая буря. Воздух был тяжелый, и я сразу запыхалась, пришлось перейти на шаг.

У дома я встретила Шуру Окуневу, старшую сестру Даши. Она спросила меня, не видала ли я ее Петьку. Он убежал на улицу, а она волнуется. Я сказала, что не видела. И спросила: Сесе дома? Это был глупый вопрос.

— Ты что, не знаешь?— спросила Шура.— У него же орор, может, он помер.

— А ты к нему ходила?

— Ты что! У меня ребенок. Мне бы его сохранить.

— Я к нему пойду.

— Ольга,— сказала Шура убежденно.— Нельзя. Он все равно что умер. А это верное заражение, ты у любого спроси — сегодня орор хуже чумы.

— Я пойду.

— Тогда больше ко мне не подходи, и вообще к людям не подходи!— закричала Шура.

Я понимала, что она психует: в такие дни иметь ребенка — это вдвое хуже.

Шурка побежала дальше, крича своего Петьку, а я пошла к Сесе.

Дверь к нему была открыта. Я спросила, есть ли кто дома. Сесе не ответил, и я вошла. Он был совсем плохой.

Страшно худой — скелет, а на лице и на руках красные пятна. Руки покорно лежат на одеяле, и сам он покорный.

Он увидел меня — глаза расширились.

— Здравствуйте,— сказала я,— я пришла, может, помочь?

— Не подходи, Николаева,— сказал он.— Нельзя.

— Ничего,— сказала я, но осталась стоять у двери.

Я даже не подозревала, что человек может так измениться. Я понимала, что он скоро умрет.

На столике стоял пустой стакан.

— Вы пить хотите?— спросила я, чтобы не стоять просто так.

— Не надо.

Я прошла к кровати, взяла стакан и пошла на кухню. На кухне было запустение, но кто-то здесь недавно был. Значит, кто-то ходит. А я боялась.

У плиты стоял газовый баллон, и в нем еще оставался газ. Я включила его, поставила чайник, достала сахар. Вернулась к Сесе.

— Вот видишь,— тихо сказал Сесе.— Не повезло.

— Ничего,— сказала я,— вы еще поправитесь.

— Спасибо.

— А кто к вам приходит?

— Холмов.

— Холмик? А мне он ничего не сказал.

— Это опасно. Вы, ребята, не понимаете, как опасно.

— Все очень опасно,— сказала я серьезно.— Потому что меняются люди.

— А как там Огоньки?— спросил Сесе.

— Вчера новый родился за нашим домом,— сказала я.— Совсем маленький.

Он закрыл глаза, потому что ему было трудно говорить.

— Я буду у мамы в больнице, я возьму лекарств.

— Не надо,— еле слышно сказал Сесе.— Они нужны живым.

Чайник закипел, я сделала сладкий напиток. Потом напоила его.

Сесе не разрешал, но он был такой слабый, почти невесомый, и я его все равно напоила. Мне было бы стыдно этого не сделать. Он закрыл глаза, а я сказала ему, как

я его люблю, как я всегда его любила, потому что он самый красивый и умный. Еще с седьмого класса. Он вдруг начал плакать — только слезами, лицо было неподвижно. Он велел мне уйти.

На улице меня поймал такой ливень, какого я еще не знала.

Было темно, как глубокой ночью, и я даже заблудилась. Я шла и все время натыкалась на стены. Я плохо соображала. Но тут я увидела наш Огонек. Я добралась до угла дома, стояла там и смотрела на Огонек с ненавистью, как будто он был виноват в болезни Сесе.

Было все еще темно, но дождь вдруг ослаб. Я поглядела на железный столбик и увидела, что край Огонька не достаёт до него. А маленький Огонек не увеличился.

Я стояла и глядела на Огонек. Не знаю, сколько простояла. И тут услышала далекий крик. Почти сразу большой Огонек съезжился, а второй, малыш, мигнул и исчез. Значит, правда, что они могут исчезать.

Потом я забежала домой, взяла сумку и направилась в больницу.

По дороге встретила Шурку Окуневу.

Она поднималась от реки, еле живая, словно ее палками побили. Она тащила на руках Петьку — Петьке уже шесть лет, он тяжелый, она запыхалась. Она увидела меня и начала кричать, словно я была виновата.

— Я же звала! — кричала она. — Я же звала, и никого.

— Нашла? — спросила я. — Вот и хорошо.

— Ты не понимаешь! — кричала Шурка. — Холмик утонул. Ты понимаешь — Холмик утонул! Он моего Петьку вытащил, а его унесло! Я сама видела!

— Где? — Я бросила сумку. Я побежала к реке.

Вслед кричала Шурка, потом она бежала за мной, она не замечала, что Петька тяжелый и мокрый, она все время повторяла:

— Я же не могла... он за бревно держался, он Петьку вытолкнул, а река — ты же знаешь...

Река была вздувшейся, громадной, по ней неслись бревна, части домов, какие-то ящики... Ни на берегу, ни в воде не было ни одного человека.

— Может, его выбросило на берег? — Я просто умоляла Шурку подтвердить, а она не смогла.

— Я видела — его голова, там, на середине, появилась и все...

Я взяла у нее Петьку, он устало плакал. Мы по очереди несли его на косогор. Уже наверху я спросила ее:

— Ты кричала?

— Ой, как я кричала!— ответила Шурка.

Я отдала ей Петьку.

— Согрей его,— сказала я.

— Я кричала — и никого,— повторила Шурка и ушла.

И тогда я решила, что к маме пока не пойду. Мне нужно поговорить с кем-то, кто захочет поверить.

Я дошла до станции.

Солдаты и дружинники разгружали из вагона мешки. За путями, у стрелки, горел Огонек. Я увидела того лейтенанта, который говорил со мной вчера.

— Мне надо в Москву,— сказала я.— Обязательно. Может, я ошибаюсь. Но если я не ошибаюсь, тогда есть надежда.

— Поезда не ходят,— сказал он.— Ты же знаешь. И в Москве такие пожары...

— Тогда я вам скажу.

Его позвали, но он посмотрел мне в глаза и крикнул:

— Погоди, без меня!

А мне сказал:

— Говори, девочка.

И я ему сказала про совпадения. Про то, как увеличился Огонек, когда пришел Ким, про то, как он чуть-чуть уменьшился, когда я пришла от Сесе, как погас малыш, когда Холмик вытащил Петьку, а сам не смог выбраться из реки.

Мы с лейтенантом добрались до Москвы на его «газике». И я все это повторила здесь.

Я знаю, что есть надежда. Никто раньше об этом не догадался, потому что не искал связи между нами и Огоньками. А если нет надежды, ее надо искать там, где не искали.

Нет, я не смогу остаться здесь. Холмика нет, и некому даже напоить Сесе. Вы просто не представляете, какой он человек.

И мама, наверное, уже с ума сходит.

СТАРЕНЬКИЙ ИВАНОВ

Разумеется, он не всегда был стареньким. Это он только в последние годы стал стареньким. Его койка стоит в убежище рядом с моей, и он мне показывал свои детские фотографии.

Иван Иванович, серьезный, худенький, одетый почему-то в девичье платье, сидит на коленях у массивной женщины в большой шляпе и с выходящим из живота обширным бюстом.

— Похож?— спросил Иван Иванович.

— Похож,— сказал я.

— И всегда был похож,— сказал Иван Иванович.— А это моя мать. Она меня воспитывала в бедности, но строгости. Папа нас оставил в младенчестве.

С первого взгляда ясно, что иначе воспитывать она не умела.

Историю своей интересной жизни Иван Иванович рассказывал мне не по порядку. Теперь же, когда его нет среди нас, я разложил его воспоминания в хронологическом порядке. И мне открылись некоторые любопытные закономерности.

1917 год Иван Иванович встретил гимназистом последнего класса. Он был хорошим учеником, но не блестящим, и потому его любили учителя. В классе он ни с кем не дружил, потому что друзей ему подбирала мама, а ему хотелось дружить с другими. Самое яркое воспоминание того года — получение премии за перевод Овидия.

На демонстрации Иван не ходил, потому что мама велела ему получить достойный аттестат зрелости, полагая, что он пригодится при любой власти. К тому же Иван Иванович всегда боялся толпы. Он был невелик

ростом, худ и очкаст. Таких бьют при любом народном возмущении.

В 1918 году Иван Иванович поступил на службу. Аттестат ему не понадобился. Он был делопроизводителем в Москульттеапросвете, но ездить на работу было далеко. Они с мамой жили на Сретенке, а учреждение располагалось на Разгуляе. Так что когда Иван Иванович увидел объявление о том, что делопроизводители требуются в Госзерне, что помещалось напротив клиники Склифосовского, он перешел туда.

Впервые его исполнительские способности проявились именно там.

То есть способности были и ранее. Иван Иванович был аккуратен, вежлив и тих. Он никогда не выступал на собраниях и чурался общественной деятельности. У него была одна всем известная слабость. Смысл жизни для Ивана Ивановича заключался в получении премий. Обычно он работал от сих до сих. Правда, добросовестно. Но если он узнавал, что за такое-то задание положена премия, он мгновенно перевоплощался. Он готов был просиживать на службе ночами, он мог своротить Гималайские горы, совершенно независимо от размера этой премии. Само слово «премия» вызывало в нем внутренний ажиотаж, подобно тому как словом «щука» можно свести с ума заядлого рыболова, а запахом водки — алкоголика.

В период нехватки продовольствия произошел первый случай из длинной череды подобных, который обратил на исполнителя внимание руководства.

— Если кто-нибудь из вас, архаровцы, придумает, как отыскать эшелон с пшеницей, что затерялся на пути между Белгородом и Москвой, — сказал начальник подотдела Шириков, заходя в большую гулкую комнату, где сидели тридцать сотрудников подотдела, — он получит премию.

— Я найду, — сказал тихий Иванов, приподнимая хуленский зад над стулом. — Только мне надо выписать мандат.

В комнате засмеялись, а товарищ начальник подотдела Шириков, однорукий матрос с «Ретвизана», сказал:

— Зайди ко мне.

Иванов под хихиканье коллег прошел за перегородку, где проницательный Шириков сказал:

— Если не шутишь, бери мандат, и чтобы через два дня зерно было в Москве. Не доставишь, пойдешь под ревтрибунал. Охрану дать?

— Ни в коем случае, — испугался Иванов. Он не выносил вида винтовок.

Вечером второго дня осунувшийся Иванов, в пальто без правого рукава, с кровавой ссадиной через щеку, вошел в кабинетик товарища Ширикова, который, за неимением другого угла, там и ночевал.

— Состав на Брянском вокзале, — сказал он и упал в обморок.

Шириков отпоил Ивана Ивановича горячим чаем. Потом взял трубку и позвонил на Брянский вокзал. Иванов не врал. Состав стоял там. Может быть, Иванов и рассказал Ширикову, как он совершил такой революционный подвиг, но мне Иван Иванович о подробностях не рассказывал. Известно лишь, что Шириков предложил Иванову наградить его почетным оружием, но тот сказал, что хотел бы получить положенную премию. На следующее утро Иванов сложил в дерматиновую сумку два фунта воблы, фунт муки и полфунта леденцов. Остальные сотрудники подотдела готовы были растоптать его от ненависти.

С тех пор так и пошло. Если надо было сделать невыполнимую работу, Шириков приходил в комнату и говорил Ивану Ивановичу, что тот по выполнении ее получит премию. И тот выполнял любую работу. Одна недоброжелательница прозвала его даже Василисой Премудрой. Но прозвище не привилось, потому что было длинным.

Тем более, она сама его быстро забыла, потому что Иван Иванович, теперь уже замначальника подотдела, сделал ей предложение и она переехала к нему на Средтенку. Они прожили два года, но потом Соня, как звали жену Иванова, не выдержала притеснений его мамы, которые были тем более невыносимы, что приходилось жить в одной комнате в коммунальной квартире, и уехала от него, хотя развода не взяла.

В 1924 году Госзерно реорганизовали, Ширикова ки-

нули на укрепление коммунального треста, и тот, уходя, взял с собой Ивана Ивановича.

Так прошло несколько лет. Иван Иванович ничем особенным не отличался, хотя и совершил несколько небольших подвигов, оцененных премиями. Года через два умерла мама, полагавшая, что сына недооценивают. Жена Соня после этого вернулась к Ивану Ивановичу, и у них родилась дочь. Жизнь налаживалась.

Иван Иванович показывал мне фотографии того времени. Он, еще молодой, но строгий, стоит рядом с женой Соней, которая держит на коленях дочку, очень похожую на Ивана Ивановича в детстве.

Ивану Ивановичу запомнилась от тех лет премия в виде наручных часов в стальном корпусе и с секундной стрелкой, которую он получил за то, что разработал и провел в жизнь идею товарища Ширикова о создании цепи современных бань в подотчетном районе. Задача была сложная: достойных помещений не хватало, а народу надо было мыться. Шириков обратился к Ивану Ивановичу и сказал:

— Будет премия.

Иван Иванович думал три дня. Он ходил по Москве, рассматривал дома и строения. Наконец, удовлетворенный, вернулся за свой небольшой стол и написал, а затем подал по начальству докладную записку о размещении бань в некоторых церквях. Там толстые стены и даже встречаются подвалы, где можно разместить котлы.

Шириков несколько смутился, опасаясь, не слишком ли радикально решение Иванова. И премию выдать воздержался, пока не провентилирует вопрос в Моссовете.

Иванов был обижен. Он привык уже, что, если премию обещали, премию должны дать. Так и сказал жене. Жена Соня сказала, что лучше прожить без премии, чем принимать такое решение. Иванов ничего не ответил жене, но той же ночью написал письмо в ОГПУ, где разъяснил свои разногласия и честно поведал об обещанной премии. Шириков больше на работу не пришел, но Иванову его место не отдали, как беспартийному. Впрочем, Иванов на него и не претендовал, так как был идеальным исполнителем, а не организатором.

Новый начальник подтвердил, что премия Иванову

положена, однако после того, как тот лично проведет операцию по передаче церкви под бани. Иванов честно провел эту операцию и был премирован часами с секундной стрелкой, которые носил до старости.

Умение с выдумкой исполнять принесло Ивану Ивановичу еще одну премию в размере месячного оклада в середине тридцатых годов, когда в коммунальном тресте был обнаружен правотроцкистский заговор на немецкие деньги. Сверху спустили разнарядку, в которой было сказано, что в тресте есть восемнадцать участников заговора, во главе которых стоит Семенов. Но более ничего не уточнили.

Начальник был растерян и призвал Иванова.

Иванов прочел письмо из ОГПУ и спросил: а может ли он рассчитывать на премию, если удачно выполнит поручение? Когда он получил соответствующее обещание, он взял список сотрудников, в котором нашел семнадцать Семеновых и двадцать одну Семенову. Из них он и составил список участников правотроцкистского заговора на немецкие деньги. Начальник колебался, потому что от него требовалось лишь восемнадцать заговорщиков, а если отыскать тридцать восемь, то не останется кандидатов для следующих заговоров.

Тогда Иванов, почувствовав, что рискует остаться без премии, переслал второй экземпляр списка в ОГПУ. На следующий день начальник не пришел на работу, а Иванов получил премию в размере месячного оклада.

Его жена Соня выразила сомнение, правильно ли Иванов ведет себя. Тот даже не рассердился.

— Я же получил премию,— сказал он.— Зря премии не дают. Мама была бы рада.

Его жена Соня навсегда уехала от мужа, взяв с собой дочку. Она поселилась у родственников под Запорожьем.

Иванов посылал алименты на воспитание дочери, а когда получал премию, присылал больше. Если Соня получала денег больше, чем рассчитывала, она долго плакала.

Последний раз Иван Иванович прислал дополнительные тридцать рублей в 1947 году, в день восемнадцатилетия дочери.

В то время он уже работал в Академии наук, но не ученым, а исполнителем в Президиуме. Тогда случился казус: к нам в страну приехала высокопоставленная делегация из недружественной страны, чтобы ознакомиться со Сталинским планом преобразования природы. Для делегации был выделен специальный участок, где должны были колоситься поля, огражденные буйными лесными посадками. Однако за день до отъезда делегации стало известно, что посадки, созданные на принципах внутривидового сотрудничества и взаимопомощи, завяли, а поля, засеянные ржаной пшеницей, перерожденной из яровой, пусты. Ни остановить делегацию на правительственном уровне, ни пустить ее в сторону не удалось. Тогда тот академик, который придумал дружбу между деревьями, отыскал Ивана Ивановича и обещал ему премию.

Иван Иванович, как он мне признался, взял географическую карту того района и выяснил, что выше его находится большая плотина. По согласованию с академиком и другими лицами он предложил выход. Он сам отправился на ту плотину и в нужный момент открыл все ее створы. Река, разлившаяся по полям и лесным полосам, нечаянно утопила иностранную делегацию, а также несколько деревень. Были принесены соответствующие извинения за стихийное бедствие. Больше подобные делегации не ездили. Иван Иванович получил свою премию, но был строго наказан за самоуправство и три года провёл в лагерях строгого режима.

Денег оттуда он семье не посылал, потому что дочь уже достигла совершеннолетия, и никто не ждал от отца вестей. В то же время он четырежды получал в лагере премии. В первый раз за то, что исполнил просьбу начальника лагеря экономить ватники заключенных, которые за пятилетку изнашивали ценную одежду до дыр. Он предложил совместить борьбу за экономию ватников с экономией питания. Двойная экономия привела вскоре к тому, что ватники стали освобождаться от содержимого вдвое быстрее, а из сэкономленных продуктов удалось выделить премию Иванову в виде пирожка с повидлом.

Иванов был освобожден досрочно. Он не изменился,

лишь облысел. Обиды ни на кого не таил, так как все премии, которые ему были обещаны, как до ареста, так и во время жизни в лагере, он получил.

Я пропускаю здесь несколько лет плодотворной работы Ивана Ивановича. Но надо сказать, что за эти годы он получил более двадцати премий и репутация его настолько укрепилась, что его стали использовать в самых различных областях хозяйства.

Однажды судьба свела его с бывшей женой Соней.

Проблема, стоявшая перед проектировщиками большого комбината в Запорожской области, заключалась в том, что комбинату требовалось много воды, а воды было мало. Пригласили Иванова. Обещали премию.

Иван Иванович решил, что посетит во время этой командировки свою семью. Семья встретила его прохладно. Дочь была замужем и отца не узнала. А Соня узнала, но не обрадовалась. Чтобы не тратиться на гостиницу, в которой были номера лишь по три рубля, тогда как командировочные Ивана Ивановича предусматривали оплату в размере полутора рублей, Иванов решил переночевать в домике у Сони.

Ему постелили у окна на диване.

Утром Иван Иванович проснулся от звона цепи. Его жена набирала воду из колодца. Он встал, подошел к колодцу и увидел, что до воды метров десять.

Попрощавшись с Соней, Иван Иванович отправился в Запорожье и узнал у специалистов, что в том районе есть большая подводная линза, из которой и черпают воду местные жители. Иван Иванович обрадовался, вернулся в Москву и там сообщил, что воду для комбината можно найти, если выкопать возле него колодцы глубиной в пятьдесят метров и качать воду прямо из линзы.

Некоторые специалисты подняли шум, уверяя, что этим будет ликвидировано местное сельское хозяйство. Однако они не знали, как суров становится Иван Иванович, когда дело идет о заслуженной премии. Он смог пробиться к министру, и комбинат получил воду, а Иванов премию. Четыре близлежащих района области были выселены, так как невозможно возить воду в цистернах для ста пятидесяти тысяч семей. Когда в другом министерстве, которое прознало о способностях Ивана Ива-

новича, решено было повернуть на юг северные реки и таким образом насытить влагой поля юга, исполнителем пригласили Иванова. Иванов уже стал пожилым человеком. Он получил отдельную однокомнатную квартиру, где повесил фотографию мамы и почетные грамоты, но жениться снова не стал.

Ученые и любители старины сильно возражали и рвались в кабинет к министру, чтобы объяснить, почему нельзя губить север ради спасения юга. Иван Иванович добился в министерстве, чтобы другим ученым, которые будут доказывать обратное, тоже дали премии. Другие ученые, узнав о премиях, стали доказывать общественности, что опасения первых ученых напрасны. Тем временем, пока никто не мог разобраться в споре, Иванов дал сигнал бульдозерам и экскаваторам двинуться на север, где они срочно прокопали каналы. Эта борьба, закончившаяся победой Ивана Ивановича, заняла три года. Но для Иванова не прошла бесследно. Он получил премию в размере ста двадцати рублей. И смог купить красивый импортный торшер.

Еще пятьдесят рублей премии он получил за то, что ему удалось уничтожить озеро Байкал. А потом шестьдесят пять — за ликвидацию Аральского моря.

Газеты и журналы метали громы и молнии в министров и академиков, полагая, что это они уничтожают природу и культурные ценности. Что из-за их легкомысленных, корыстных и даже преступных действий нашим детям нечего будет есть и нечем дышать. Но никто не метал молний в Ивана Ивановича, потому что он был совершенно незаметен. И никто так и не догадался, что именно его страсть к получению небольших, честно заработанных премий и есть главная причина упадка нашей цивилизации.

На рубеже девяностых годов Иван Иванович, согбенный возрастом, собрался уйти на пенсию. Но тут его вызвал к себе сам Петрищев.

— Иван Иванович, — сказал Петрищев. — Как ты знаешь, народ у нас за последние годы очень разболтался. Все труднее строить новые заводы, так нужные нашему министерству для выполнения плана. Мы, конечно, не возражаем с тобой против охраны окружающей среды.

— Нет, не возражаем,— сказал Иванов.

Петрищев налил в стакан воды из графина, подошел к подоконнику и лично полил стоявшие в горшках цветы.

— Боюсь, что Златогорский комбинат нам не дадут пустить. И тогда мы не реализуем ассигнования.

— Плохо,— сказал Иванов.

— Мне хотелось бы дать тебе премию, Иванов,— сказал Петрищев.— И немалую. Рублей в сто. Как ты на это смотришь?

— А чем они мотивируют?

— Ах, не говори. Типичные демагоги. Говорят, что дым этого комбината уничтожит воздух над европейской частью территории нашей страны. А это — преувеличение.

— А премия когда будет?— спросил Иванов.

— Сразу, как только задымят трубы комбината.

Удивительная сила духа и упорство крылись в этом немощном на вид старичке. Не прошло и шести месяцев, как, несмотря на протесты общественности, на три специальных постановления правительства и даже резолюцию ООН, Златогорский комбинат дал первый дым. Вскоре половина человечества была вынуждена перейти в газоубежища.

Премия Иван Иванович получил вместе с противогазом.

Он отложил ее на черный день и переселился в газоубежище.

Там мы с ним и познакомились.

Длинными вечерами Иван Иванович дребезжащим голосом рассказывал мне о своей жизни, и постепенно я стал понимать, какую громадную, неоцененную роль он сыграл в жизни нашего государства. Я сказал ему об этом, и Иван Иванович удовлетворенно кивнул. А на следующей неделе, когда из-за кислотных дождей никто не мог выйти из газоубежища, мы с ним занялись подсчетами. Оказалось, что за свою жизнь Иван Иванович получил в общей сложности сто сорок две премии общей суммой в восемь тысяч тридцать два рубля. Это помимо зарплаты. Затем мы с ним стали подсчитывать, во сколько его деятельность обошлась стране. Без ложной скромности Иванов согласился на мои неполные выводы: восемнадцать триллионов с хвостиком. И каж-

дый новый день, сколько бы их ни осталось до конца света, стоил не меньше шестнадцати миллиардов.

— Что ж, внушительно,— сказал старенький Иванов. Впрочем, эти цифры на него не произвели большого впечатления, потому что были абстрактны. Я сужу об этом, потому что за последующие дни он ни разу не вспомнил о них, зато как-то утром растолкал меня, чуть не свалил с раскладушки.

— Послушайте,— шептал он.— Мы ошиблись. Я забыл о трех премиях. Общая сумма — восемь тысяч триста тридцать шесть рублей.

Вот так-то!

Вчера Иван Иванович покинул нас.

В полдень в газоубежище вошли три человека в галстуках и противогазах. Они долго шептались с Иваном Ивановичем. Наконец, один из них внятно произнес:

— Премию вам гарантирую.

Иван Иванович подмигнул мне и ушел вместе с ними, натягивая противогаз.

Уже третий день я жду конца све...

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Похищение чародея	9
Другая поляна	109
О страхе	122
Можно попросить Нину?	140
Утешение	153
Встреча тиранов под Ровно	167
Единая воля советского народа	176
Выбор	190
Смерть этажом ниже	203
"Спасите Галю"	379
Показания Оли Н.	402
Старенький Иванов	421

Литературно-художественное издание

Кир Булычев
Встреча тиранов

Ответственный за выпуск Г. Г. Ануфриев

**Издание осуществлено при содействии фирмы
„РУСИЧ“ (Смоленск)**

**Сдано в набор 20.08.92. Подписано в печать 25.09.92.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 13,5.
Тираж 300 000. Заказ № 605. «С»—1**

Издательство "Арт Дизайн"

**Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат
Министерства печати и информации России.
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5**

